

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЭКОНОМИКИ И ФИНАНСОВ

В ПОИСКАХ СМЫСЛА

Сборник научных трудов, посвященный

памяти профессора А.А. Худякова

Санкт-Петербург

2010

ББК 81.031

Редакционная коллегия:

д-р филол. наук, доцент Т.А. Клепикова (отв. ред.),
канд. филол. наук Е.М. Чухарев

Рецензенты:

д-р филол. наук, профессор Т.П. Третьякова (СПбГУ)
д-р филол. наук, профессор В.Я. Шабес (РГПУ им. А.И. Герцена)

В поисках смысла : Сборник научных трудов, посвященный памяти профессора А.А. Худякова. – СПб. : Изд-во СПбГУЭФ, 2010. – 290 с.
ISBN

В сборнике научных статей, посвященном памяти безвременно ушедшего из жизни доктора филологических наук, профессора А.А. Худякова, представлены работы его учителей, коллег и учеников, а также неопубликованные статьи самого Андрея Александровича. Тематика работ касается проблем семиозиса языковых знаков в синхронии и диахронии. Динамические аспекты семиозиса, механизмы смыслообразования, специфика процессов речевосприятия и речепорождения были в центре внимания профессора А.А. Худякова. Во многом развивая его идеи, авторы работ обращаются к различным аспектам семиозиса языковых знаков, рассматривая процессы смыслопорождения с различных точек зрения и на различных уровнях – от морфологии до уровня семиосферы, с различных методологических позиций – от традиционных до когнитивно-семиологических.

Сборник адресован тем, кто интересуется актуальными проблемами современной науки о языке и тематикой ее исследований.

81.031

© Авторы

Содержание

Слово об ученом 6

Раздел I. Смысл как семиотическая и лингвистическая категория: теория и методология исследования

Khudyakov A.A. Towards neurolinguistic aspect of speech production 9

Кобринна Н.А. Когнитивное направление как естественное следствие и закономерность в развитии лингвистики 13

Худяков А.А., Чухарев Е.М. О потенциале взаимодействия когнитивной и доказательно-экспериментальной парадигм в практике лингвистического исследования 23

Болдырев Н.Н. В поисках оценочного смысла 36

Гольдберг В.Б. Дискретные процессы сознания как когнитивная основа образного сравнения..... 51

Бронник Л.В. Принцип когнитивности в современном научном контексте 59

Раздел II. Грамматические механизмы порождения смысла

Клепикова Т.А., Худяков А.А. Фактивность и процессы смыслопорождения в сложноподчиненном предложении 64

Беседина Н.А. Формирование смысла в процессе морфологической репрезентации 81

Фурс Л.А. Когнитивная основа синтаксической репрезентации..... 89

Нетунаева И.М. Слабые прилагательные в готском языке 95

Ашмарина И.Л. Концептуальные связи и компонентный состав при уточнении 103

Коканова Е.С. Коммуникативный потенциал английских сентенциальных наречий 107

Генидзе Н.К. Аналитизм как эволюционная тенденция..... 109

Полякова С.Е. Специфика грамматического оформления высказывания в состоянии эмоциональной напряженности..... 112

Раздел III. Лексика и процессы смыслопорождения

Бабина Л.В. Когнитивные основания производной лексики.....	124
Киселева С.В. Процессы смыслопорождения при метафорическом переосмыслении глаголов с семантикой «ЧАСТЬ О ЦЕЛОЕ».....	131
Барташова О.А. Когнитивное моделирование терминологического глоссария информационного типа (на примере предметной области «Taxation»)	138
Степаненко С.Н. Глагол как средство концептуализации количества в современном английском языке	145
Бахмутова Е.А. Когнитивный аспект номинации эмоционального состояния	150
Персинина А.С. Метонимические модели концептуализации времени в английском языке (на примере цикла сонетов У. Шекспира)	159
Татарина Е.С. Экспрессивные модели в образовании единиц профессионального жаргона.....	174
Орлянская Е.Г. Принципы отбора ядерных единиц в составе функционально-семантического поля отчуждения	178
Груздева М.В. Вербализация иррационального понимания.....	182
Прохорова М.Е. Аналогия объектов в описании внешности человека посредством цветочных сравнений	187
Зернова А.Ю. О многогранности концепта	194

Раздел IV. Смыслопорождение на уровне текста, дискурса, семиосферы

Rubert I.B. Evolution of instructive texts	199
Кузнецова Т.Я. Вертикальный контекст как языковая универсалия?.....	213
Белоглазова Е.В. Контраст между супер- и макроструктурой как фактор дискурсной гетерогенности	223
Янушкевич И.Ф. Динамические процессы в семиосфере англосаксонской культуры.....	227
Хайрулина О.И. Лингвистическая репрезентация времени и мифологическое сознание (на материале эпической поэмы «Беовульф»).....	234

<i>Барташова О.А., Архипова К.А.</i> Особенности анализа звукоизобразительности на текстовом уровне	240
<i>Несмеянов А.В.</i> Особенности художественной антропонимической системы немецкой эпиграммы.....	245
<i>Соколова Т.В.</i> Концептосфера английских эпиграмм конца XVIII — начала XIX века.....	255
<i>Полякова С.Е.</i> Выбор слов при порождении высказывания в состоянии эмоциональной напряженности.....	261
<i>Вострикова И.Ю.</i> Политическая метафора в партийном дискурсе.....	265
<i>Моргун Е.А.</i> Композиционная структура инаугурационного обращения в когнитивно-прагматическом аспекте	272
<i>Людерс Т.В.</i> К вопросу об унификации терминологического аппарата в области регулятивных речевых актов	279
<i>Трошина А.В.</i> Причины варьирования частотности и состава модальных слов в художественных текстах.....	290
<i>Список трудов профессора А.А. Худякова.....</i>	295

СЛОВО ОБ УЧЕНОМ

Профессор Андрей Александрович Худяков, светлой памяти которого посвящен этот сборник, для многих из авторов был другом, коллегой, учеником или учителем. Отдавая дань уважения человеку, ум, мнение, дружба, доброжелательный авторитет которого стали частью жизни многих из нас, мы думаем сейчас о нашем долге перед его памятью, выполнение которого одно лишь способно облегчить боль утраты. Мы считаем своим долгом бережно хранить его интеллектуальное наследие, развивать идеи, которыми он щедро делился с коллегами и учениками, продолжать научный поиск, предъявляя к себе самые высокие профессиональные требования.

Доктор филологических наук, профессор А. А. Худяков был основателем кафедры английской филологии Поморского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Именно его усилиями на факультете иностранных языков ПГУ появилась аспирантура по английской филологии, первые аспиранты и первые защиты. В 1991—1995 гг. в качестве приглашенного профессора А. А. Худяков читал курсы истории английского языка, когнитивной лингвистики и общей когнитологии, а также лингвистических аспектов теории искусственного интеллекта в ряде американских университетов, в частности, в Университете штата Южный Мэн. Попутно прошёл двухгодичный курс в Портлендском государственном университете и получил степень магистра управления бизнесом. В течение нескольких лет в качестве профессора кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации А. А. Худяков вёл лекционные курсы для студентов и аспирантов отделения перевода и переводоведения Архангельского государственного технического университета, руководил диссертационными исследованиями. Междисциплинарные семинары, проводившиеся под его научным руководством, собирали специалистов в области лингвистики, математики, компьютерных наук, теории искусственного интеллекта. Последние годы жизни Андрей Александрович работал в должности профессора кафедры теории языка и переводоведения на факультете лингвистики Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов, являлся членом Диссертационного совета. С 2000 г. А. А. Худяков был членом Санкт-Петербургского лингвистического общества, а с 2004 г. — бессменным председателем Архангельского регионального отделения Российской ассоциации лингвистов-когнитологов (РАЛК).

Многочисленные научные труды А. А. Худякова в области функциональной грамматики, когнитивной лингвистики, семиотики, посвящённые проблемам семиозиса, когнитивным основаниям языковых категорий, семантике языковых знаков, искусственному интеллекту, его фун-

даментальный труд **«Семиозис простого предложения»** представляют собой значительный вклад в развитие современного языкознания и широко известны среди отечественных лингвистов. Работы А. А. Худякова выполнены в лучших традициях научной школы Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, в стенах которого А. А. Худяков сформировался как исследователь, защитил кандидатскую и докторскую диссертации под научным руководством профессора Н.А. Кобриной.

Многолетний опыт чтения теоретических курсов по английской филологии был обобщён А. А. Худяковым в учебнике **«Теоретическая грамматика английского языка»**, который с 2004 г. выдержал три издания и стал настольной книгой студентов, аспирантов и преподавателей на языковых факультетах российских вузов. Впоследствии в издательстве «Высшая школа» вышел совместный труд А. А. Худякова, Н. А. Кобриной и Н. Н. Болдырева **«Теоретическая грамматика современного английского языка»**.

Блестящий полемист, великолепный собеседник, энциклопедически образованный учёный, он умел объединить исследователей самых разных научных и методологических направлений, щедро делился своими идеями, показывая новые пути научного поиска и заражая своим энтузиазмом других. Его увлечённость наукой и преданность делу всегда были и остаются примером для тех, кто знал его. Как автора научных трудов профессора Худякова отличали тщательный подход к анализу материала, ясный и логичный стиль изложения. Того же Андрей Александрович требовал и от своих учеников — студентов, аспирантов, на занятия с которыми он не жалел ни времени, ни сил, всегда с уважением относился к проявлению самостоятельности мышления, терпеливо выслушивал самые неожиданные точки зрения, тактично помогал скорректировать аргументы. Для тех, кому посчастливилось быть его аспирантом, он стал тем Учителем, которого немногим суждено повстречать в своей жизни.

Андрей Александрович был исключительно порядочным, честным человеком. Обаятельный, внимательный и чуткий, он был готов прийти на помощь другим даже в самое трудное для него время. Он, как никто другой, любил и ценил жизнь — игнорируя запреты врачей, водил машину, ему довелось пилотировать самолёт, в США он закончил курс бизнес-администрирования и получил диплом МБА, его эрудиция и чувство юмора никого не оставляли равнодушным. В течение долгих лет А. А. Худяков мужественно боролся с тяжелым заболеванием, которое привело к потере зрения. Несмотря на это, он продолжал читать лекции, руководить семинарами, дипломными и диссертационными исследованиями, вести активную научную работу. Андрей Александрович во всём

стремился найти смысл и радость бытия, сумев распорядиться столь несправедливо коротким сроком, отпущенным ему судьбой, так, как дай Бог каждому.

Работы, которые представлены в настоящем сборнике, так или иначе касаются анализа той неуловимой субстанции, механизм формирования, передачи и интерпретации которой притягивает внимание лингвистов, философов, нейрофизиологов и представителей многих других наук, а именно — смысла. В статьях доктора филологических наук, профессора Н.А. Кобриной, заслуженного деятеля науки РФ, доктора филологических наук, профессора Н.Н. Болдырева, доктора филологических наук, профессора И.Б. Руберт, доктора филологических наук, профессора Т.Я. Кузнецовой, доктора филологических наук, профессора Н.А. Бесединой, доктора филологических наук, профессора Л.В. Бабиной, доктора филологических наук, профессора В.Б. Гольдберг, доктора филологических наук, профессора Л.А. Фурс, доктора филологических наук С.В. Киселевой, доктора филологических наук Т.А. Клепиковой и других авторов сборника представлены результаты самых разнообразных по методологии, объекту и предмету анализа лингвистических исследований, объединяет которые поиск языковых механизмов формирования, репрезентации и интерпретации смысла, что собственно, и составляет суть как общения, так и научного анализа языка, данного нам в качестве удивительного инструмента осмысления действительности и передачи смыслов.

Смысл как суть и сущность бытия, коммуникации и когниции, смысл как передаваемое, разделяемое, обретаемое и одновременно ускользающее, зовущее за собой, рассыпающееся при попытке воспроизвести его *нечто* до сих пор остается неразгаданной тайной. Семиозис как динамический процесс формирования наполненных смыслом знаков, его сокрытая от внешнего наблюдения механика, структуры знания, отразившиеся в языке, были предметом научного поиска профессора Худякова. В работах самого Андрея Александровича, его коллег, учеников, последователей — приближение к постижению смысла и обретение смысла через это приближение.

Н.А. Кобрина, Т.А. Клепикова, Е.М. Чухарев

РАЗДЕЛ I

СМЫСЛ КАК СЕМИОТИЧЕСКАЯ И ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ: ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Andrey A. Khudyakov

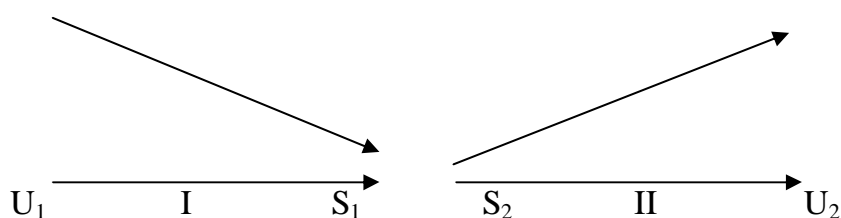
Arkhangelsk-S.-Petersburg

TOWARDS NEUROLINGUISTIC ASPECT OF SPEECH PRODUCTION¹

The neurolinguistic aspect of speech production is presented here as a set of mental operations resulting in the appearance of an utterance as a minimal unit of discourse. This process of sentence generation is discussed within the framework of the theory of *semiosis*. By semiosis we do not mean the referential aspect of an already created sentence (this latter view might be termed the “referential theory of semiosis”), but the dynamic process of its generation (the so-called “generative theory of semiosis”).

According to the generative theory of semiosis the construction of a sentence can be approached as consisting of two stages: the primary semiosis which results in constructing a sentence as a language unit and secondary semiosis which results in constructing a speech utterance in the form of a sentence. By utterance here we mean a minimal unit of discourse.

Modelling the semiotic process of sentence generation/production can be graphically represented with the help of the so-called vector scheme first introduced as specific linguistic method by the author of the theory of psychosystematics G. Guillaume and adapted for our purposes here with some significant changes. Guillaume’s basic idea of representing linguistically relevant mental process consists in representing it in the form of vector interaction:

Scheme 1

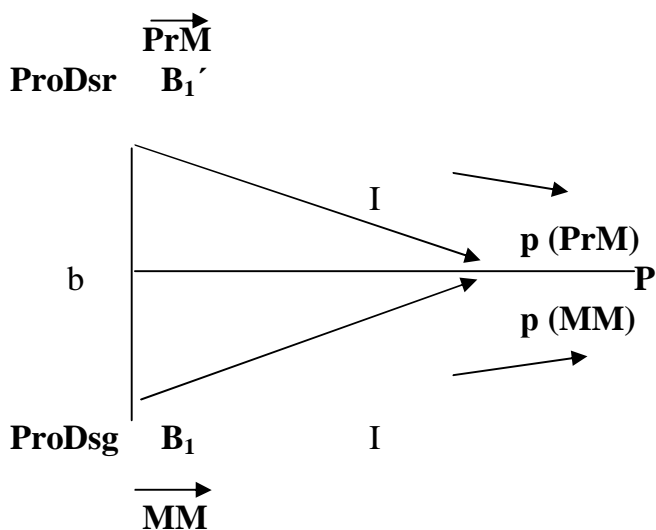
The first vector symbolizes the movement of thought towards a particular/singular item in the mental continuum. Hence the name of the process is particularization/singularization. In this way the human mind creates, for instance,

¹ Статья написана в 2007 г., публикуется впервые. — *ред.*

the indefinite article. The symbols U_1 and S_1 stand correspondingly for “the Universal 1” and “the Singular 1”.

The second vector symbolizes the movement of thought towards a universal/ general item in the mental continuum. In this way the human mind creates, for instance, the definite article. The symbols U_2 and S_2 stand correspondingly for “the Universal 2” and “the Singular 2”. Guillaume concentrated primarily on the morphological phenomena of the French language with an emphasis on diachrony.

Our approach differs from Guillaume’s in that we attempt at describing syntactic phenomena in synchrony (the so-called on-line discourse analysis). Hence the first (preverbal) stage of a speech production act can be graphically represented as follows:

Scheme 2

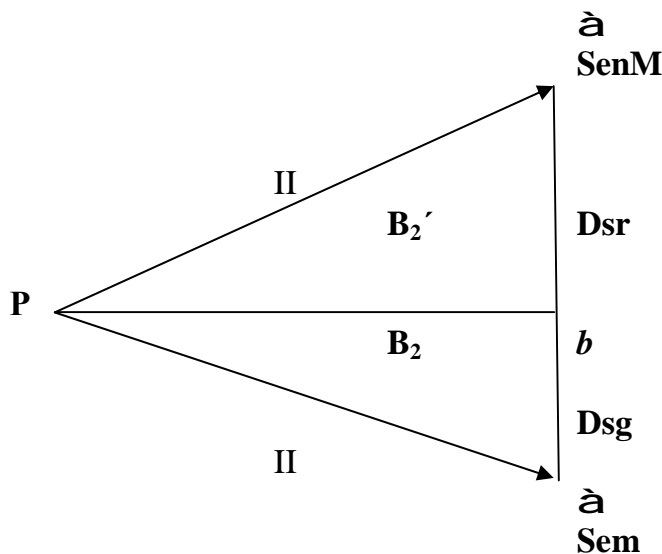
The symbols should be interpreted in the following way:

- PrM - propositional matrix
- MM - mental model
- Pro(Dsr) - protodesignator
- Pro(Dsg) - protodesignatum
- p (PrM) - the result of matrix transformation of propositional matrix
- p (MM) - the result of matrix transformation of mental model
- P - proposition
- B_1 - symbolizes the mental basis of the relevant operations taking place in the right hemisphere of the cortex
- B_1' - symbolizes the mental process of the relevant operations taking place in the left hemisphere of the cortex
- b - stands indiscriminately for both

The first stage is characterized as a mental process initiated by an intention to render information from one individual to another/others. At first the aforesaid intention leads to selecting a *mental model* as described by Ph. John-

son-Laird, T. Van Dijk et al (MM) that roughly corresponds to “the state of affairs” subject to communication in the form of an utterance. The selected mental model is then brought in correlation with a *propositional matrix* (PrM), which is a model of the would-be proposition and which reflects the language experience of an adult user of language. The combination of the mental model (p (MM)) and the corresponding propositional matrix (p(PrM)) results in the creation of a proposition (p), which is understood as a predicate-argument mental structure, reflecting an ontological state of affairs. The creation of a proposition is the end point of a purely mental process of creating a sentence/utterance, the next stage of semiosis being the verbalization of the proposition and thus the starting point of creating a language sentence.

Diagrammatically, the second (postpropositional) stage can be represented as follows:

Scheme 3

The symbols should be interpreted in the following way:

SenM - sentential matrix

MM - mental model

Sem - semantics

Dsr - designator

Dsg - designatum

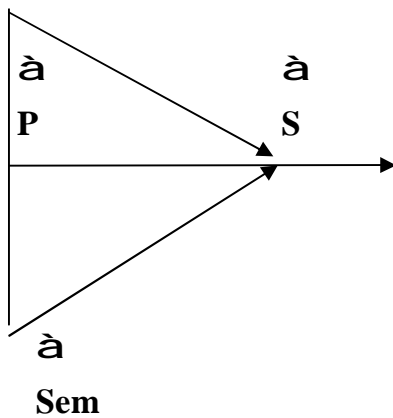
B2 - is understood as a basis of the semantics of the sentence and a reflex of B1

B2' - is understood as a basis of the syntactic aspect of the sentence and a reflex of B1'

The language sentence is considered created when both the designator (the string of signals — Dsr) and the designatum (the basic semantics of the sentence — Dsg) are constructed. At this point the primary semiosis stage is over and the secondary semiosis stage begins.

The communicative essence of this latter stage is endowing the language sentence in addition to the semantics it already has with what we call *sense*, since in our view it is the sense, and not the meaning that is at the core of the communication process. As mentioned before, secondary semiosis leads to the creation and production of a speech utterance which is characterized by the following properties: it is an integral part of the speech act environment, it draws upon the linguistic and extralinguistic contexts, it is dependent upon social, psychological, situational factors of an act of communication.

à
SenM

Scheme 4

The only symbol that wants explaining here is **S** which stands for ‘sense’. The sense of an utterance which is linguistically embodied in intonation, pausation, use of discourse markers/operators, etc, is subdivided into two types: usual and occasional. The usual (open) sense of an utterance is perceived as an interaction of basic sentence semantics with the devices tying a sentence to the situation of communication. This type of sense is to a great extent predictable and calculable. Thus the usual sense of the utterance *John has entered Harvard this year* reads like this: ‘John has been smart/intelligent enough to enter a university like Harvard’; ‘He has a quick head on his shoulders’. To produce and decipher these senses one needn’t possess a great deal of life and language experience. That’s why this kind of sense can not be used for purposes of manipulating a person’s epistemic state or behavior.

The occasional (hidden, covert) sense of an utterance is the unique sense the speaker might have in mind by pronouncing an utterance with the view of reaching a specific illocutionary effect and/or making the listener acquire a specific epistemological status. Thus, for instance, the occasional sense/senses of the same utterance *John has entered Harvard this year* can render the following information: ‘John’s parents are fabulously rich and belong to the selected few who can afford sending their kid to Harvard’; ‘Do your best to strike up a friendship with John since he’s going to be part of the old boys’ net in the fu-

ture'; 'You are so much more stupid than John since you haven't been able to enter Harvard — you should be ashamed of yourself', etc.

The occasional sense/senses are of a paramount importance when it comes to NLP as a manipulation strategy of human mind and behavior for one can never be 100% sure of what her/his interlocutor has in mind by uttering this or that speech segment.

In real communication we often come across numerous cases of the speaker's occasional sense departing from the semantics of the sentence and the usual sense of the utterance to the extent of contradiction, or communicative conflict. This happens when the utterance is ironic or sarcastic. This should always be taken into account when dealing with NLP in theory and practice.

Н.А. Кобрина
г. Санкт-Петербург

КОГНИТИВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ КАК ЕСТЕСТВЕННОЕ СЛЕДСТВИЕ И ЗАКОНОМЕРНОСТЬ В РАЗВИТИИ ЛИНГВИСТИКИ

Проблема кодирования и интерпретации смысла в процессе рече-производства и речевосприятия многие годы была предметом исследований профессора А.А. Худякова. В силу динамической сущности данного феномена, его вариабильности как результата зависимости от множества сопряженных факторов, смысл мог быть подвергнут подлинно научному лингвистическому анализу только с учетом речемыслительной деятельности говорящих. В своей кандидатской диссертации Андрей Александрович обращается к понятийным категориям, составляющим основу речемыслительной деятельности. В последующем, в докторской диссертации, он развивает динамическую концепцию порождения смысла в процессе семиозиса простого предложения, обращаясь к методологии когнитивной лингвистики как продуктивного метода анализа языковых явлений. Широко распространенное в современной лингвистике когнитивное направление имеет, тем не менее, глубокие корни и, как будет показано в настоящей статье, является закономерным этапом в развитии лингвистической мысли.

Сложность языка, его многоаспектность, ярусность с возможными уровневыми модификациями, вариабельность функций и значений, стилевых вариантов и других видов неоднозначности в лингвистике обычно объясняют подвижностью и разнообразием ментальной деятельности человека, которая заложена и в формировании системного устройства языка (т.е. в самой когнитивной его основе), и в реализации нормативно-оппортунистического (т.е. в варьировании функционального статуса эле-

ментов языка), и в подвижности и вариабельности единиц языка в комбинаторике в процессе индивидуальной речевой деятельности. В последнем случае реализуется индивидуальный конкретный выбор из запаса средств, который иногда может закрепиться в языке. Отсюда с неизбежностью следует, что если допустима возможность индивидуального выбора из языковых средств, то язык в целом с его многогранностью, есть объект когнитивной деятельности, осуществляемой в коммуникации [Кобринна 2005; Гумбольдт 1984; Winograd 1983].

Само создание системы (частей речи, их парадигм) — это уже когнитивный процесс, а следование этим нормам, понятным для всех участников коммуникации, есть тоже когнитивный акт или процесс, что получает отражение в устройстве и функционировании самого языка как основополагающей сущности для всякого процесса коммуникации. Другими словами, язык человека всегда основывается на когниции, т.е. ментальная деятельность и когнитивные процессы и механизмы должны отражаться в языке (и через него — в речи) на всех уровнях развития. Это очень хорошо видно при сравнении разных языков на разных стадиях их развития. С.Д. Кацнельсон говорит по этому поводу об интеракционально-интерпретизационной т.е. коммуникативной мотивации речи вообще и о многоуровневой (многоуровневой — *Н.К.*) интенции речи [Кацнельсон 2001]. Действительно, в речевой репрезентации могут использоваться разные уровни и порядок выражаемого (простое предложение, сложное предложение, предложение с комплексом, предложение с парентезой, в устной форме с разной интонацией и темпом, в смысловом плане в буквальном смысле и с использованием вторичного семиозиса, в серьезном изложении или в шуточном тоне, в форме монологической и диалогической и др.).

Остановимся на наиболее значимых проявлениях и тенденциях, в которых когнитивные взгляды в прошлом проявлялись наиболее чётко.

В 17 веке тенденция к объяснению фактов языка как ментально обусловленных была наиболее чётко изложена в «Грамматике общей и рациональной» авторов А. Арно и К. Лансло, двух монахов из монастыря Пор-Рояль. Авторы объясняли появление и осмысление грамматических категорий необходимостью выразить мысли, а суть грамматики — выразить это с позиции разума (отсюда и определение её как «рациональной»). Авторами подчёркивалось, что рациональность грамматик является общим в строении всех языков, тем самым признавалось сходство ментальных операций в основных своих проявлениях у людей разных национальностей. Установка на такую общность рассматривалась авторами в основном в морфологии, а слово рассматривалось как «предельная открытость логических извивов мысли», поскольку рационализм, рассудочность есть отражение бытия, отражение предметов мысли. В разряд слов, отражаю-

щих мысли, они включали существительные, местоимения, прилагательные, наречия, частицы и артикли, а также привычную комбинаторику, например неупотребление релятивных местоимений после существительных без артикля.

Остальные части речи — глаголы, союзы и междометия - авторы относили к разряду слов, выражающих способ мысли (*la maniere des pensees*) [Арно, Лансло 1990: 147], так как они предназначены для обозначения какой-либо сущности. В концепции авторов прескриптивность (или предназначение) определённых слов либо для обозначения, либо для утверждения мысли отражает основные компоненты, необходимые для реализации логического мышления. В языке прескриптивность имеет определённую закреплённость.

Большой вклад в развитие лингвистики внес немецкий лингвист В. фон Гумбольдт, который считается основоположником теоретического языкознания. Его первая работа «О мышлении и языке» (1795, 1796) посвящена роли языка в определении предмета познания. Он утверждал, что мышление всегда связано с языком, «иначе мысль не может достичь отчетливости, представление не может стать понятием» [Гумбольдт 1984: 8-9], и далее — «Язык есть орган, образующий мысль» [Гумбольдт 1984: 75].

Основной своей целью он считал выявление и показ изначального единства языка и мышления, а также единство феноменов культуры, заложив тем самым лингвистический фундамент для объединения наук о культуре. Для отражения единства языка и мышления он ввел термин «дух» как необходимый интеллектуальный аспект человечества. «Язык и духовная сила народа — писал Гумбольдт — коррелируются, составляют одно и то же действие интеллектуальной способности» [Гумбольдт 1984: 68]. Однако В. фон Гумбольдт считал, что ведущим в этой тесной связанности является язык, т.е. изучал значение языка для мышления. Эта концепция связана с его интересами к сравнительному языкознанию, где исходными данными служили языковые формы в родственных языках. Анализ этих форм, а также впоследствии языковых данных в целом, расценивался автором как фиксирование созидющего механизма при выявлении предмета познания.

Значительный вклад в изучении роли ментальной деятельности для языка внес также А.А. Потебня. Он отрицал точку зрения, что грамматические категории сводились к логике и порождались на её основе, поскольку их гораздо больше, чем логических категорий, и они не всегда строятся на противопоставлении двух членов, а, как правило, представляют развёрнутые системы (например, система глагольных категорий, падежей, типов предложений, местоимений и др.). «Языкознание и, в частно-

сти, грамматика, ни чуть не ближе к логике, чем какая-либо из прочих наук», — писал А.А. Потебня [Потебня 1888: 63].

А.А. Потебня трактовал мышление широко, не только как исключительно ментальную деятельность, используя также термины «дух», «духовность». Язык он определял как работу «духа», т.е. как процесс, объективизацию всякого движения, прогресса, отражения и формирования мысли, коммуникативности (т.е. процесса общения), «забегания вперед», субъективного толкования, фантазии, желания, волитивности, рефлексивности и др. Душевная деятельность, как убедились лингвисты, в том числе и В. фон Гумбольдт и А.А. Потебня, включает и **сенсорику**, т.е. **чувственное восприятие** как каналы, по которым поступает информация в душу человека - зрение, обоняние, слух, вкус, осязание - которые неотделимы от жизни человеческого организма, поэтому совокупность этих функций А.А. Потебня называет **общим чувством**.

Дума (или **дух**), таким образом, шире ментальности, она включает также психику и внутренние индивидуальные особенности индивида, его реакции на внешние раздражители, например смех как реакция на абсурд или остроумие, крик как реакция на опасность. Поэтому **душа** связана и с физическим состоянием как говорящего, так и слушающего. Кроме того, между ними возможно также и непонимание.

Задолго до появления и формирования принципов когнитивной лингвистики А.А. Потебня ввёл также понятие *апперцепции*, называя так участие накопленных знаний и представлений в сознании человека при формировании новых мыслей на основе новых поступлений (в этом смысле апперцепция трактовалась в философии Лейбницем и Кантом). Апперцепция актуализируется на разных уровнях, хотя А.А. Потебню интересовали, в основном, слова. Важно то, что он определил ментальную индивидуальную деятельность как первичный этап, как основание при становлении, расширении, углубления языкового потенциала человека. В трактовке А.А. Потебни апперцепция включала две «стихии» — *воспринимаемое* и *объясняемое*, с одной стороны, и *совокупность мыслей и чувств*, с другой [Потебня 2007: 99]. Сама возможность слияния двух актов мысли, имплицитность и допущение, неполное их выражение в последующих частях свидетельствует о том, что апперцепция в этой трактовке довольно близка к истине. С другой стороны, она может быть ошибочной, так как это простейшее чувственное восприятие, которое может быть и должно быть проверено путём других источников познания (через зрение, через болевые ощущения, через слух и др.). Принципиально значимым является тот факт, что А.А. Потебня подчёркивал роль человека уже в процессе речепорождения, признавая динамичность, неоднозначность, вариабельность и индивидуальность каждого акта речепорождения, т.е. он подчёркивал це-

ленаправленность как основу этого процесса, в частности, основу для порождения последовательного текста. При этом целенаправленность создаваемого может быть различной и гибкой по существу. Другими словами, А.А. Потебня допускал возможность прагматической направленности, семантического развития слова, появления новых слов и сочетаний. По существу, А.А. Потебня признавал «лингвистическую относительность», которая была сформулирована позже при становлении когнитивизма. Он писал, что «слово утверждает не одним присутствием своей формы, но и всем своим содержанием, отлично от понятия, и не может быть его эквивалентом уже потому, что мысль предшествует понятию» [там же].

А.А. Потебня дифференцирует **язык мысли** и **язык чувства**. Последний выражается целым рядом модусных средств — не только собственно языковыми (частицами, междометиями, фразовыми сочетаниями), но и мимикой, жестами, тоном. Эти средства А.А. Потебня называет общепонятными [Потебня 2007: 84].

Наиболее полный и логически обоснованный анализ языка пытался дать Ф. де Соссюр, который стремился создать философию языка - диалектику, отражающую единство и противоположность сущностей [Соссюр 1977]. Среди идей Ф. де Соссюра доминирующими и релевантными к вопросу об устройстве языка являются пять антиномий (называемых также дихотомиями), которые касаются основных сущностных характеристик языка и отражают специфику мыслительной деятельности человека. Ф. де Соссюр сформулировал основной тип связи в системе языка как наличие отношения *симметрии* и *тождества*.

Все пять дихотомий являются отражением контрастности и обобщённой дифференцированности языковых характеристик. В них не учитываются основные специфические черты языка, но содержится много установочных рассуждений, наводящих на необходимость изучения того или иного аспекта языка, с учётом причин, стимулирующих динамику и развитие языка, что является самым ценным в его концепции.

В первой дихотомии Ф. де Соссюр характеризует язык как науку о «знаках особого рода», предмет, специфический при сопоставлении с другими семиологическими системами. Действительно, особенность языка состоит в его нежесткости, уровневой и категориальной многомерности, иерархическом устройстве, наличии разных планов, не всегда совпадающих и динамически используемых — формы, значения, функции; неразграничение сложных форм и обычной синтагматической комбинаторики при формировании общего смысла и др. Всё это обеспечивает гибкость его использования.

Во второй дихотомии — **синхронического/диахронического изучения языка** — учитываются изменения общего объёма языка, пополне-

ние через заимствование и при смешивании населения, т.е. в результате этиологии при проявлении национального осмысления, в том числе, диалекты, географическое распространение и др.

Третья дихотомия касается языкового знака, т.е. дифференцированности/связанности ментальной единицы и языкового её выражения. Метод традиционного определения знака как соотношение конкретной сущности любого ранга и её представленности в системе языка с точки зрения Ф. де Соссюра не отражает реального положения дел. Он определяет знак как связанность **понятия** (ментального образа) и **акустического образа** (что создаёт единство означаемого/означающего). Поскольку ментальный образ субъективно изменчив, а акустический образ есть лишь психологический отпечаток знания, знаки языка многозначны и переменчивы. Отсюда выявление двусторонней сущности знака, его произвольность, безразличие знака к способу его реализации (в виде описания, устно), широта его функциональной адекватности, но вместе с тем количественная ограниченность знаков и линейная зависимость от окружения. **Значение** как соотносимое означаемого и означающего переменчива. Все эти характеристики знака послужили в дальнейшем основой для развития теории знака: осмысление концепта как индивидуального акта сознания; дифференцирование денотата и сигнификата, глубинных и поверхностных структур.

Четвёртая дихотомия касается внутреннего устройства системы языка — парадигматики и её функционирования, т.е. синтагматики. Основой парадигматики являются ассоциативные отношения (одномерные), основой синтагматики являются нормы реализации в линейной последовательности. Эти два вида отношений соответствуют двум формам умственной деятельности [Соссюр 1977: 155]. В синтагматике, поскольку отношения реализуются в линейной последовательности, образуются синтагмы, имеющие протяжённость, которые и реализуются в процессе общения; поэтому в результате синтагма получает свою значимость лишь в мере своего противопоставления предшествующей синтагме.

С другой стороны, вне процесса речи слова получают своё смысловое толкование при сопоставлении и ассоциировании с другими сходными по ряду признаков словами, т.е. при выявлении ассоциативных отношений в парадигматике. Оба элемента этой дихотомии закреплены в ментальной деятельности человека, составляя фонды его памяти, с **заложенностью единиц** и **норм** их употребления, т.е. тех двух видов мышления, которые обеспечивают речевую деятельность, в том числе и творческую деятельность поэтов и писателей, при заучивании докладов и выступлений и т.д.

Центральной и наиболее значимой для лингвистики стала пятая дихотомия, тесно связанная с предыдущей, — **язык/речь**. Эта дихотомия не касается влияния внешних факторов на развитие и функционирование

языка. Она касается лингвистики индивидуальных речевых актов. Как считал Ф. де Соссюр, здесь отбрасывается также связанность языка с другими науками — логикой, физиологией, психологией, общественным устройством, историей, социально-обусловленными факторами и др. В этой трактовке язык есть арсенал средств, сигналов, необходимых для коммуникации, безразличных к материализации. Языку противопоставляется речь — сугубо индивидуальная сущность. Между ними существует диалектическая связь: без речи нет языка, помимо языка не существует речи. Между ними имеется соотношение как между канонизированной системой и возможной реализацией. (Поэтому при их описании в генеративной грамматике впоследствии стали использоваться термины *competence and performance*).

Соотношение между канонизированной системой и реализацией может быть разным. Ф. де Соссюр отмечает следующие дифференцирующие признаки. Это, во-первых, объём. Язык образует систему с постоянным набором правил и ограничений в выборе форм, функций и значений; речь **практически необозрима** по всем этим параметрам. Во-вторых, различие проявляется по степени участия сознания при реализации: в языке большинство аспектов его использования основано на привычке, механистичности или автоматичности; в речи превалирует сознательный, свободный отбор с отрывом от логики, неограниченный количественно. В речи представляются и новые фазы отражения сознания, например, двуплановость, расширение моделей и их формы, сохранение малоупотребительных и совсем неприемлемых форм. Поэтому некоторые лингвисты (А. Гардинер, М.А.К. Хэллидей, А.И. Смирницкий) учитывают это творческое начало в речи, коммуникативное расширение моделей и их форм и считают предложение единицей речи, а не языка.

Важным дифференцирующим моментом между языком и речью является **индивидуальность в речи** и сам процесс речевой деятельности. Эту дифференцированность Ф. де Соссюр отразил в виде переходного элемента, который репрезентирует саму деятельность:

<i>Язык</i>	>	<i>речевая деятельность</i>	>	<i>речь</i>
<i>(langue)</i>	>	<i>(langage)</i>	>	<i>(parole)</i>

Речевая деятельность — это своего рода когнитивный мостик, реализующий активизацию, компетенцию или концептосферы говорящего или производящего текст, необходимый для окончательного формирования речевой единицы. Представление речепорождения с выделением мостика «речевая деятельность» — очень важный момент в общей концепции Ф. де Соссюра. Это по существу признание когнитивной деятельности человека при порождении речи. Первичными исходными данными являются всё же языковые данные (по существу — это то, что предполагается кол-

лективным договором, без знания которых индивид не может быть участником коммуникации). «Язык — всегда есть наследство», — говорил Ф. де Соссюр. Все это позволяет определить язык и речь как диалектически соотносимые сущности. Установив эту связанность, Ф. де Соссюр констатировал связь и между языком и мыслительной деятельностью, поскольку речь есть часто импульсивный, обусловленный ситуацией и восприятием действительности вид деятельности. Позже это признали многие психологи и лингвисты (Л.С. Выготский «Мышление и речь», С.Д. Кацнельсон «Типология языка и речевое мышление», В.А. Михайлов «Смысл и значение в системе речемышлительной деятельности» и другие). В частности В.А. Михайлов внес уточнение, понимая под «связью» единство языка и сознания, речевой деятельности и сознания, считая сознание высшей формой мышления, которое могло сложиться только при воздействии языка у существа с высшей ступенью мыслительной деятельности. На стадии возникновения первичного языка действовало более примитивное мышление, язык был на уровне сигналов, не образующих системы в той стадии сложности, которая сформировалась позже [Михайлов 1992].

Отход от этого принципа — намеренного игнорирования роли мыслительной деятельности в языковых процессах трансформации, принятое в трансформационной грамматике Н. Хомского на первом этапе её становления, в последующем доказал, что роль мыслительной деятельности необходима, и это оказалось полезным для дальнейшего развития когнитивного направления.

Трансформации — это давно известный и широко применяемый перевод лексемы (или слова во флективных языках) в другой функциональный и категориальный статус. Этот процесс есть результат работы человеческой мысли, не всегда осознаваемой человеком. Практически использование метода создания новых единиц и моделей построения отработано как созидательный процесс **синтезирования**, основанный на семантической связанности однокоренных слов. Однако при всей генерализованности синтеза выяснилось, что при этом выявляются законы избирательности в сочетаемости, которые могут различаться у исходного слова и у трансформируемого. Другими словами, выявилось не всегда реализуемое совмещение языковых единиц и потенциала их мыслительных оснований. Эта проблематика стимулировала развитие психолингвистики. По существу, это особая область изучения, относящаяся не столько к речевой деятельности, сколько к регулярности определенных признаков речи [Березин, Головин 1979: 330].

Трансформационная грамматика П. Хомского преследовала цель изучения только предложения, в основном простого, хотя трансформация возможна и на уровне словосочетания, для выявления самой возможности

трансформирования. Например, *обложка книги* можно трансформировать в *книжная обложка*, но *течение реки* не допускает трансформацию в **речное течение*; или *заморозить мясо* трансформируется в *замороженное мясо*, но словосочетание *заморозить зарплату* не дает **замороженной зарплаты*. Совершенно очевидно, что трансформация не приемлема для фигур речи, метафор, усложненных структур, так как всегда меняет характер отношений путем включения дополнительных элементов или изменения функционального статуса входящих слов.

Оказалось, что язык — не самонастраивающаяся система, которая отбрасывает всё неграмматичное, как считал А.Н. Хомский в начале своей деятельности. На самом деле, всё в языке контролируется и определяется носителями языка. Сама идея выбора подходящего варианта требует пересмотра смысловой нагрузки составляющих компонентов предложения. В языках флективного строя смысловая нагрузка тесно связана даже с простым изменением порядка слов в любой структуре. Например, предложение *Он не читает газет* имеет общий смысл констатации ситуации; в предложении *Не читает, он газет* акцентируется его упрямство и нежелание выполнять это действие; в предложении *Газет он не читает* акцентируется именно этот вид чтения, который не реализуется. Для флективных языков это обычный прием смещения акцентированности и рематизации. Для языков изолирующих порядок слов, и, следовательно, позиция слова является выражением функции, категории и значения слова. Так сочетание *a sound speech* значит «здравая (трезвая) речь», а *a speech sound* — «звук речи». В английском языке, правда, некоторые позиционные характеристики менее жесткие, например, препозиция прямого дополнения к переходному глаголу или предикативный член в начале предложения возможны и используются для выражения подчеркнутости, выделенности, но не меняют общего смысла структуры: *Literature and art he adored. Grammar he detested. Talented he is not A snake I am not* (примеры заимствованы из разных источников, но стали эталонами возможных модификаций).

Трансформационная грамматика Н. Хомского строилась с целью выявить механизмы порождения структур. По существу же выявился (точнее, подтвердился) **семантический прескриптивизм**, т.е. ограниченность при порождении структур, зависимость этой процедуры от факта совместимости/несовместимости значений в комбинаторике. Не учитывалось, что в языке всегда действуют две тенденции — тенденция к типизации структуры, формы вообще, и тенденция к выражению индивидуального смысла, путём выражения отношений между компонентами, т.е. конкретными лексическими единицами. Именно это диалектическое единство

противоречий лежит в основе многозначности языковых единиц и поступательного развития языка.

Литература

Арно А., Лансло К. Грамматика общая и рациональная. — М. : Прогресс, 1990.

Березин Ф.Н., Головин Б.Н. Общее языкознание. — М. : Просвещение, 1979.

Выготский Л.С. Мышление и язык. — М., 1961.

Гумбольдт В.фон Избранные труды по языкознанию. — М. : Прогресс, 1984.

Кацнельсон С.Д. Категории языка и мышления. — М. : Языки славянской культуры, 2001.

Кобрина Н.А. О соотносимости ментальной сферы и вербализации: взаимосвязанность и относительная автономность/неоднозначность векторной зависимости // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2005. — № 3. — С. 59-69.

Кубрякова Е.С. Язык и знание. — М. : Языки славянской культуры, 2004.

Михайлов В.А. Смысл и значение в системе речемыслительной деятельности. — СПб. : Изд-во СПбГУ, 1992.

Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. — М., 1888.

Потебня А.А. Мысль и язык. — М. : Лабиринт, 2007.

Смирницкий А.И. Синтаксис английского языка. — М. : Изд-во литературы на иностранных языках», 1957.

Соссюр Ф. де Труды по языкознанию. — М. : Прогресс, 1977.

Gardiner A. The theory of speech and language. — Oxford, 1951.

Halliday M.A.K. System and function in language. — London : Oxford University Press, 1976.

Winograd T. Language as a cognitive process. Vol. I. Syntax. — Merlo Park, C A. : Addison Wesley, 1983.

А. А. Худяков, Е. М. Чухарев
г. Санкт-Петербург, г. Архангельск

О ПОТЕНЦИАЛЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КОГНИТИВНОЙ И ДОКАЗАТЕЛЬНО-ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ ПАРАДИГМ В ПРАКТИКЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ²

Одной из обсуждаемых проблем когнитивной лингвистики является её методология, критикуемая — в целом ряде случаев, заметим, вполне обоснованно — за умозрительно-априорный характер теоретизирования, часто ведущий к выдвиганию бездоказательных гипотез и формулировке неверифицируемых теорий. Так, А. Г. Сонин в одной из своих работ указывает, что исследователь-когнитивист «сначала выводит с опорой на язык гипотетические ментальные структуры, а затем ими же и объясняет форму языка... на основе такого метода создаётся замкнутый круг, который при исключении возможности дополнительной, эмпирической, верификации становится порочным» [Сонин 2005: 32]. Справедливости ради надо отметить и противоположную точку зрения, подчёркивающую объективный характер результатов интроспекции, которая «при массовом опросе информантов становится столь же надёжным объективирующим показателем, каким является, например, изучение внешнего поведения» [Верещагин 1968: 26—27]. В целом разделяя эту мысль Е. М. Верещагина, мы вместе с тем не считаем конструктивным отмахиваться от критических замечаний в адрес когнитивной лингвистики, которые, как было сказано выше, подчас не лишены оснований. Действительно, «сегодня от когнитивистики... ожидают таких результатов, пусть самых скромных, степень достоверности которых можно проверить известными современному языкознанию информационно-статистическими и сопоставительными приёмами. Времена терминологических споров и не подтверждённых экспериментом гипотез ушли в прошлое» [Пиотровский и др. 2005: 3]. Поэтому целью данной статьи является выдвигание и развитие тезиса о принципиальной совместимости и взаимодополнительности когнитивной (когнитивно-дискурсивной) и доказательно-экспериментальной парадигм в языкознании, об их взаимопользности с конкретизацией того, в каком плане они могут представлять методологическую ценность друг для друга. Самым продуктивным способом достижения указанной цели мог бы стать анализ когнитивной в своей основе лингвистической теории, положения и выводы которой были верифицированы объективными методами — по-

² Статья написана 30 сентября 2008 г. Публикуется впервые. — *ред.*

становкой психолингвистического эксперимента и статистической обработкой полученных в ходе этого эксперимента данных.

В качестве такой теории рассмотрим разработанную в целом ряде наших публикаций (см., напр., [Худяков 1998; Худяков 2000а; Худяков 2000б; Худяков 2001а] и др.) теорию семиозиса простого предложения, суть которой вкратце сводится к следующему.

Семиозис предложения рассматривается в качестве протяжённого по времени процесса знакообразования, результатом которого является формирование на уровне языка простого предложения, а на уровне речи — высказывания в форме такого предложения. При этом инициальные этапы семиозиса носят латентный, сугубо мыслительный характер, и о формах протекания ненаблюдаемых семиотических процессов можно судить лишь по их результатам, «овеществлённым» в виде речевого продукта — высказывания.

Предъязыковой, собственно ментальный этап семиозиса мыслится как состоящий из двух последовательно развёртывающихся алгоритмов мыслительных операций: предпропозиционального и постпропозиционального. При этом, исходя из представления о принципиально билатеральном характере не только собственно языкового знака, но и предзнака — ментальной сущности, из которой формируется, «вырастает» языковой знак, — оба названных этапа семиозиса трактуются как последовательное соотнесение, коррелятивная адаптация двух пар мыслительных явлений. На предпропозициональном этапе семиозиса, или так называемом этапе предзнака, в качестве таких явлений выступают ментальные модели и пропозициональные матрицы, соединение которых знаменует собой образование пропозиции — фреймовой структуры, состоящей из некоторого количества актантов (число которых в частном случае может равняться нулю) и связывающего их реляционного предиката. Пропозиция интерпретируется как мыслительный аналог отражаемой человеком онтологической ситуации, в которой некоторое количество партиципантов (действующих лиц или предметов) связано некоторым отношением.

Процесс преобразования пропозиции в языковой знак в форме предложения также носит билатеральный характер, предполагающий конструирование десигнаторной (внешней, формальной) и десигнатной (внутренней, семантической) компонент предложения. На данном этапе семиозиса, который мы назвали первичным, завершается конструирование предложения как явления языка, как языкового знака. Предложение здесь уже имеет структурно завершённый, цельнооформленный характер, а с другой, содержательной, стороны обладает так называемой базовой семантикой, интегрирующей значения входящих в состав предложения слов,

правила их семантической комбинаторики, а также семантику его модельной организации.

Актуализация предложения в речи является актом вторичного семиозиса, основная цель которого — генерировать и транслировать в процессе коммуникации речевой смысл. Этот последний порождается как результат тесного взаимодействия пропозициональной основы предложения с так называемыми смыслопорождающими операторами, такими, как артиклевые (для артиклевых языков), лексические (так называемая дискурсивная лексика, в частности см. [Баранов и др. 1993]), морфологические (транспозитивное употребление грамматических форм, в частности, видовременных) и др. (на материале английского языка подробно об этом см. [Худяков 2000б]). При этом «техника» описания семиозиса опиралась на предложенную Г. Гийомом методику векторного анализа [Guillaume 1984], значительно нами переработанную и модифицированную с учётом решаемой нами задачи [Худяков 2001б: 14-25]. Учитывался при этом и опыт адаптации векторной методики Г. Гийома к анализу таких языковых явлений, как английский глагол [Hirtle 1975] и английское имя существительное [Hewson 1972].

Разработку когнитивной теории семиозиса было методологически удобно начинать именно с простого предложения как прототипического языкового коррелята элементарной онтологической ситуации. В дальнейшем, однако, мы пришли к закономерному выводу о применимости основных положений данной теории к другим способам номинации фактов: клаузам в составе сложных предложений, именам и именным группам пропозитивной семантики, конструкциям со вторичной предикативностью и др. Для обозначения различных путей языковой реализации пропозиции мы считаем рациональным использовать термин «предикатное выражение», заимствованный из семантического синтаксиса.

Из изложенного становится ясно, что обсуждаемая теория семиозиса носит достаточно выраженный логико-дедуктивный, умозрительный характер. Как было отмечено в самом начале данной статьи, было бы крайне интересно и полезно проверить валидность допущений когнитивной по сути теории методами и приёмами доказательно-экспериментальной парадигмы, попутно решая и проблему взаимодействия рассматриваемых парадигм в принципиальном плане. Вначале, однако, надлежит сказать несколько слов о методологических основаниях современного доказательно-языкознания в целом.

Как хорошо известно, сложные явления языка и речи невозможно прямо наблюдать из-за их нерасчленимости или отсутствия прямой выраженности, поэтому главным исследовательским приёмом, применяемым в рамках доказательно-экспериментальной лингвистики, становится обще-

научный метод моделирования. Суть метода состоит в том, что наблюдению и исследованию подвергается не сам натуральный объект (оригинал), а его функциональный или структурный аналог-заместитель — модель [Пиотровский 1999: 23]. Лингвистические теории — вкратце описанная выше теория семиозиса не является исключением — получают при этом статус гипотетических моделей. Верификация таких моделей должна проводиться в два этапа. Начальный шаг — эпистемологическая проверка — заключается в оценке состоятельности модели на основании следующих трёх критериев (перечисленных здесь в порядке убывания приоритета): внутренней непротиворечивости, исчерпывающего характера (полноты описания) и простоты. Второй шаг — эмпирическая проверка — представляет собой изучение пригодности модели исходя из того, насколько хорошо она объясняет или предсказывает вновь открытые объекты и явления внешнего мира [Пиотровский 1999: 28].

В качестве эмпирической доказательной базы для верификации лингвистических теорий (в том числе разрабатываемых в рамках когнитивной лингвистики) традиционно используется иллюстративный материал в виде извлечённых из каких-либо источников (как правило, литературных) образцов речевых сегментов. Такой материал называется корпусом примеров и, в зависимости от поставленных перед исследователем задач, может состоять из изолированных предложений, связанных текстов различной протяжённости и др. [Hunston 2002: 2]. Однако примеры, подобранные произвольным образом, являются не самой лучшей формой обоснования теории: исследователь неизбежно находится под влиянием собственных гипотез, воспринимает обрабатываемый материал сквозь их «призму» и вольно или невольно предпочитает те факты языка, которые служат их подтверждению (подробнее см. [Худяков 2000б: 194]). Существенным шагом вперёд на путях эмпирических проверок лингвистических гипотез является квантитативно-информационный подход (лингвистическая статистика) [Пиотровский 2006: 136]. Анализ репрезентативных массивов речевых продуктов позволяет получать объективные количественные данные об исследуемых языковых феноменах. Задача формирования и обработки такого рода массивов существенно упрощается при использовании новых информационных технологий. Так, большинство крупных средств массовой информации публикуют в Интернете электронные версии своих сообщений; существуют эффективные программно-аппаратные решения для сканирования и оптического распознавания печатных текстов; создаются электронные библиотеки книг, журналов и проч. Этот технологический рывок, однако, создал другие проблемы, связанные с тем, что чрезмерный объём изучаемых данных может и затруднить описание исследуемого явления. Актуальность разработки общих принципов построения лингвис-

тических корпусов с использованием современных компьютерных технологий обусловила формирование особого направления в прикладном языкознании — корпусной лингвистики [Баранов 2003: 112-113]. Сам термин «корпус» в настоящее время переосмыслен и, как правило, употребляется для обозначения наборов текстов или их частей, хранимых в электронном виде и обрабатываемых при помощи компьютерной техники [Hunston 2002: 2].

Помимо корпусной лингвистики, существенный вклад в обеспечение объективной верификации гипотетических моделей вносят экспериментальные методы. Как известно, основы теории лингвистического эксперимента были заложены ещё Л. В. Щербой, который обратил внимание на то, что при изучении живых языков (в отличие от мёртвых) недостаточно вывести языковую систему (словарь и грамматику) из зафиксированных текстов, необходимо также проверить эту абстрактную систему на новых фактах. Два различных пути такой проверки соответствуют двум типам лингвистического эксперимента: положительному и отрицательному. При положительном эксперименте, «сделав какое-либо предположение о смысле того или иного слова, той или иной формы, о том или ином правиле словообразования или формообразования и т. п., следует пробовать, можно ли сказать ряд разнообразных фраз (который можно бесконечно множить), применяя это правило. Утвердительный результат подтверждает правильность постулата» [Щерба 1974: 32]. Отрицательный эксперимент заключается в предъявлении информанту некоторого неправильного речевого сегмента, в котором предлагается найти и исправить ошибку. Таким образом, в лингвистическом эксперименте языковая интуиция информантов используется для верификации моделей языковой системы (языкового стандарта), при этом структура речемыслительной деятельности человека и динамика мыслительных процессов, лежащих в основе порождения и восприятия речи, не исследуется. Для решения последней задачи служит психолингвистический эксперимент, являющийся основным методом психолингвистики, «унаследованным» от психологии и состоящим в «организации целенаправленного наблюдения, когда по плану исследователя (экспериментатора) частично изменяется ситуация, в которой находятся участники эксперимента (испытуемые)» [Леонтьев 2005: 73].

В нашем исследовании мы предприняли попытку верифицировать теорию (гипотетическую модель) семиозиса простого предложения (и шире — предикатного выражения), задействовав для этого как лингвостатистические приёмы из арсенала корпусной лингвистики, так и методы собственно лингвистического и психолингвистического эксперимента.

Принципы эмпирической верификации модели. Очевидно, что семиозис как латентный речемыслительный процесс не подлежит непосред-

ственному наблюдению — именно это обстоятельство и определило актуальность моделирования семиозиса в рамках логико-дедуктивной теории. Тем не менее, о динамике его развёртывания можно судить на основании косвенных психолингвистических показателей. При спонтанном порождении речи к моменту начала объективации высказывания семиозис ещё не завершён: не все слоты пропозиционального фрейма могут быть заполнены соответствующими концептами, а для заполненных слотов может быть не подобрана подходящая вербализация. Наложение во времени процессов семиозиса и объективации приводит к их интерференции, проявляющейся элементами хезитации (колебания). Так, к явлениям, манифестирующим хезитацию при порождении устного высказывания, исследователями относятся вставные элементы, продление звуков слова, добавление лишних звуков, повторы слов, заикания, фрагментация слов, самоисправления, метатекстовые комментарии говорящего, а также невербальные средства [Гармаш 1999: 11-16].

Для эмпирической верификации модели семиозиса, однако, мы предпочли устной речи менее изученный на настоящий момент вид общения — компьютерно-опосредованную коммуникацию, в ходе которой сообщения, как правило, набираются на клавиатуре компьютера и считываются с экрана монитора. Среди видов компьютерно-опосредованной коммуникации, выделяемых на основании опосредующих общение информационных технологий, называют электронную почту, дискуссионные списки, веб-форумы, группы новостей, чат-комнаты, системы мгновенного обмена сообщениями (*Instant Messaging, IM*), многопользовательские ролевые игры, страницы Всемирной паутины и др. [Barnes 2003: 4-12].

Оптимальные условия для спонтанного общения создаются в чате, под которым мы понимаем квазисинхронную разновидность компьютерно-опосредованной коммуникации, реализуемую в различного рода веб-чатах и *IM*-системах. Аналогично синхронному, квазисинхронный режим общения характеризуется субъективно малой задержкой в канале связи: иными словами, реципиент получает сигналы почти мгновенно, то есть примерно в то же время, когда их объективирует отправитель сообщения. Отличие от полностью синхронной коммуникации состоит в том, что процесс объективации высказывания скрыт от адресата: сначала отправитель формирует сообщение в окне редактирования и только потом посылает его получателю в законченном виде [Hård af Segerstad 2002: 29].

Метод и материал исследования. В качестве испытуемых выступили пользователи специально разработанного нами веб-чата www.justchat.ru. Для участия в чате требовался персональный компьютер, подключённый к Интернету и снабжённый программным обеспечением для обзора веб-страниц. Регистрируясь на сайте www.justchat.ru, испытуе-

мые давали разрешение на использование любой собираемой информации для целей настоящего исследования. Испытуемые не получали никакой материальной компенсации за участие в эксперименте, их мотивация была обусловлена проведением в чате интересующих их мероприятий — интеллектуальных игр, аналогичных спортивному варианту «Что? Где? Когда?». Физически находясь в разных городах (Архангельске, Екатеринбурге, Санкт-Петербурге, Ставрополе, Челябинске и др.), испытуемые узнавали о проведении интеллектуальных игр в чате от знакомых и из объявлений, размещённых нами в Интернете.

«Что? Где? Когда?» представляет собой командную игру, в которой команды соревнуются в умении находить правильный ответ на поставленный перед ними вопрос в ограниченное время. Для поиска ответа, как правило, требуются не специальные знания, а умение выстраивать ассоциативные и логические цепочки с опорой на базовую эрудицию, причём наибольшая результативность игры достигается при активном внутрикомандном взаимодействии. Отличия интеллектуальных игр, проводимых в чате, от традиционного спортивного «Что? Где? Когда?» состояли в отсутствии личного контакта между игроками, увеличенном до четырёх минут времени обсуждения каждого вопроса, отсутствии ограничения на количество игроков в команде. Пакет вопросов на игру формировался методом случайной выборки из базы данных `db.chgk.info` в соответствии с условиями лицензии на использование указанной базы. Вопросы не были известны участникам заранее, что обеспечивало спонтанность общения. Помимо обсуждения вопросов, коммуниканты имели возможность свободной беседы на произвольные темы. Разработанное нами программное обеспечение фиксировало с разрешением 1 мс интервалы между последовательными нажатиями клавиш.

В исследовании приняло участие 36 человек (в том числе 14 женщин) — носителей русского языка в возрасте от 17 до 38 лет (средний возраст 23,8 года, стандартное отклонение $s = 3,9$ года), из них 10 специалистов в сфере информационных технологий, 12 студентов (в том числе 5 обучающихся по компьютерным специальностям), 14 пользователей домашних и/или рабочих компьютеров. Корпус речевых продукций испытуемых насчитывал 11 518 сообщений (реплик), в совокупности содержащих 50 027 русскоязычных словоупотреблений.

Обработка и обсуждение результатов. Статистический анализ интервалов между нажатиями клавиш (более подробно о процедуре анализа см. [Чухарев 2008]) позволил разделить их на моторные (психологические), определяемые «клавиатурным почерком» коммуниканта, и гезитационные (лингвистически обусловленные). Согласно модели Румельхарта — Нормана [Rumelhart, Norman 1982], моторные интервалы сокращаются

благодаря действию сложного механизма двигательных схем, координирующего одновременные движения нескольких пальцев. Очевидно, что возникновение хезитации перерывает работу этого механизма, и при возобновлении набора требуется дополнительное время на подготовку и начало реализации новой моторной программы. Это время вместе с собственной продолжительностью хезитационной паузы, в ходе которой продуцент речи принимает некоторое лингвистическое решение, и составляет наблюдаемый хезитационный интервал. Если распределение моторных интервалов приближённо описывается нормальным законом, то хезитационные интервалы существенно отклоняются от нормального распределения. Таким образом, оказалось возможным индивидуально для каждого испытуемого подобрать граничное значение, разделяющее интервалы двух указанных типов. Граничные значения, как и следовало ожидать, варьировали в зависимости от скорости набора на клавиатуре, и в среднем по испытуемым составили 329 мс ($s = 98$ мс).

Также было обнаружено, что хезитационные интервалы, не превышающие определённого порогового значения, индивидуального для каждого испытуемого (в среднем 907 мс, $s = 378$ мс), связаны с единицами типа орфографического слова (токенами). Такие элементы хезитации мы называли лексическими. Хезитацию, связанную с речевыми сегментами большей протяжённости, за неимением лучшего термина мы предложили называть сегментной.

Если наша модель семиозиса верна, то можно ожидать связь сегментной хезитации с предикатными выражениями. Для проверки гипотезы необходимо выполнить разметку предикатных выражений в корпусе речевых продукций испытуемых, причём на настоящий момент нам не представляется возможным формализовать и автоматизировать процедуру такой разметки. Например, с нашей точки зрения, предложение (1) *Инженеры выполняют работы по проведению эксплуатации системы*, обозначая одну ситуацию (инженеры эксплуатируют систему), реализует одну пропозицию и, несмотря на наличие глагола в личной форме и трёх отглагольных существительных пропозитивной семантики, представляет собой одно предикатное выражение. Аналогичным образом, в предложении (2) *И я стою на тебя смотрю* два финитных глагола обозначают одно событие, причём «один из этих глаголов частично делексикализуется, фактически превращаясь в маркер действия» [Кибрик, Подлесская 2006: 152]. Выделение вершины предикатного выражения — словоупотребления, вербализующего реляционный предикат соответствующей пропозиции, — также не может быть осуществлено формально, так как синтаксическая вершина (ядерный элемент словосочетания или сказуемое клаузы) может в общем случае отличаться от семантической. Так, в примере (1) синтакси-

ческая вершина — *выполняют*, а семантическая — *эксплуатации*. Вообще отмечено, что в славянских языках продуктивна модель устойчивой сочетаемости неполнозначных десемантизированных глаголов с именами пропозитивной семантики, например: *вносить поправки, находить приложение, впадать в отчаяние, выносить приговор* [Хайров 1985]. Легко видеть, что семантическая вершина в таких словосочетаниях регулярно не совпадает с синтаксической.

Таким образом, для разметки предикатных выражений в корпусе оказалось необходимым привлечение ручного труда экспертов, использующих собственную языковую интуицию как критерий истинности при принятии лингвистических решений. Для минимизации влияния субъективного фактора на результаты исследования разметка корпуса была выполнена независимо друг от друга авторами настоящей работы (Е. М. Чухарев разметил 100%, А. А. Худяков — 17,7% сообщений) и двумя лингвистами, незнакомыми с гипотезами исследования (кандидат филологических наук Е. А. Бахмутова разметила 22,4%, аспирант М. А. Мартынов — 19,1% сообщений). Численная оценка согласованности мнений экспертов осуществлялась при помощи коэффициента надёжности α , предложенного К. Криппендорфом [Krippendorff 2007]. Данный коэффициент задаётся на числовой шкале от нуля до единицы, причём значение $\alpha = 0$ соответствует ситуации, когда эксперты вовсе не анализируют материал и принимают решения совершенно случайным образом (вводится так называемая «поправка на случайность», учитывающая тот факт, что в соответствии с теорией вероятностей мнения экспертов даже в данной ситуации в определённом количестве случаев совпадают), а $\alpha = 1$ отражает абсолютное согласие между экспертами. К преимуществам коэффициента α перед другими коэффициентами надёжности следует отнести его применимость в ситуации, когда некоторыми (или всеми) экспертами обработана только часть материала. В литературе предлагается интерпретировать значения $\alpha > 0,74$ как соответствующие отличному согласию между экспертами и высокой надёжности полученных данных [Strijbos, Stahl 2007: 399]. В нашем случае при разметке границ предикатных выражений $\alpha = 0,79$, при разметке вершин $\alpha = 0,84$.

При проведении статистического анализа связи хезитации с предикатными выражениями были исключены как нерепрезентативные высказывания тех испытуемых, для которых в корпусе было зафиксировано менее чем по 30 случаев сегментной хезитации. Для каждого из оставшихся 24 человек (66% от общего числа испытуемых) было изучено распределение сегментной хезитации по отношению к границам и вершинам предикатных выражений. Было установлено, что для 19 из 24 человек (79%) интервалы сегментной хезитации в большинстве случаев приходятся на пер-

вое словоупотребление предикатного выражения или его семантическую вершину. Это согласуется с верифицируемой моделью: с одной стороны, хезитация при объективации начального словоупотребления объясняется незавершённостью планирования семантической и синтаксической структуры последнего; с другой стороны, вершина предикатного выражения, репрезентирующая реляционный предикат — семантический «центр» пропозиции — очевидно, требует существенных когнитивных усилий по выбору концепта и его адекватной вербализации.

Особый интерес представляют те речевые сегменты, которые при разметке корпуса не были включены в состав предикатных выражений. Такие сегменты, названные в работе Л. Поланьи внепропозициональными дискурсивными операторами (*extrapositional discourse operators*) [Polanyi 2001], могут функционировать в качестве лексических смыслопорождающих операторов в процессе вторичного семиозиса. В таблице приведено начало частотного списка внепропозициональных сегментов, зафиксированных в корпусе (без учёта пунктуации).

Таблица. Фрагмент частотного списка внепропозициональных сегментов

Ранг	Частота	Сегмент
1	701	а
2	421	и
3	241	но
4	216	ну
5	159	да
6	148	что
7	135	или
8	134	может
9—10	73	ага
9—10	73	не
11	66	же
12	55	это
13	53	так
14	52	если
15—16	51	то
15—16	51	вот
17	46	ж
18	43	просто
19	42	хотя
20	40	кстати
21	39	блин
22	38	нет

23	36	вроде
24	30	значит
25—26	28	типа
25—26	28	вообще
27—30	27	наверное
27—30	27	ну да
27—30	27	а то
27—30	27	ой

Легко видеть, что помимо междометий (*ага, ой, блин*) и союзов (*и, но*), здесь представлены частицы (*ну, ж*) и наречия (*вроде, вообще*). Интуитивно представляется ясным, что подобная лексика используется для генерации речевого смысла высказывания, однако обоснованный вывод о её функционировании в качестве смыслопорождающих операторов может быть сделан только на основании дополнительного лингвистического эксперимента, обсуждению результатов которого мы планируем посвятить отдельную публикацию (см. [Чухарев 2009: 17—19]. — *Е. Ч.*).

Выводы. Проведённое эмпирическое исследование позволило проверить теорию семиозиса простого предложения, разработанную в русле когнитивно-дискурсивной парадигмы и обобщённую для предикатных выражений разных типов, с использованием методов доказательно-экспериментального языкознания: лингвистической статистики, корпусной лингвистики, психолингвистики. Репрезентативный корпус спонтанной компьютерно-опосредованной коммуникации был сформирован в ходе психолингвистического эксперимента, при этом для дальнейшего изучения фиксировался параметр, косвенно характеризующий динамику речемыслительной деятельности, — продолжительность интервалов между последовательными нажатиями на клавиши. Процедуру разметки предикатных выражений в корпусе можно трактовать как вспомогательный лингвистический эксперимент, информантами в котором выступили четыре независимых эксперта. Высокие значения коэффициента надёжности α показывают, что границы и вершины предикатных выражений могут быть достоверно определены на основании простых эвристических правил, апеллирующих к языковой интуиции, что, в свою очередь, свидетельствует о реальности предикатных выражений как факта языка, а не просто продукта абстрактного теоретизирования. Достоверная связь сегментной хезитации с предикатными выражениями подтверждает гипотетическую модель семиозиса.

Таким образом, взаимодействие двух парадигм — когнитивно-дискурсивной и доказательно-экспериментальной — представляется весьма продуктивным: с одной стороны, без объективной эмпирической

верификации невозможно адекватно оценить состоятельность гипотетических моделей, создаваемых лингвистами-когнитологами, с другой — применение экспериментальных и статистических методов исследования языка и речемыслительной деятельности должно осуществляться только на основании хорошо разработанных теоретических установок, которые, в частности, может предложить когнитивно-дискурсивное направление в языкознании.

Литература

Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику : учеб. пособие. — Изд. 2-е, испр. — М. : Едиториал УРСС, 2003.

Баранов А. Н., Плунгян В. А., Рахилина Е. В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. — М. : Помовский и партнёры, 1993.

Верещагин Е. М. Порождение речи : латентный процесс : (предварительное сообщение). — М. : Изд-во Моск. ун-та, 1968.

Гармаш Н. Г. Влияние хезитации на организацию устного детского дискурса : (на материале устных пересказов и спонтанной речи детей 4—9 лет) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1999.

Кибрик А. А., Подлеская В. И. Проблема сегментации устного дискурса и когнитивная система говорящего // Когнитивные исследования : сб. науч. тр. Вып. 1. — М. : Ин-т психологии РАН, 2006.

Леонтьев А. А. Основы психолингвистики : учебник для студ. высш. учеб. заведений. — 4-е изд., испр. — М. : Смысл : Академия, 2005.

Пиотровский Р. Г. Доказательно-экспериментальные черты новой лингвистической парадигмы // Прикладная лингвистика в науке и образовании : материалы 3-й междунар. конф. — СПб., 2006.

Пиотровский Р. Г. Лингвистический автомат и его речемыслительное обоснование : учеб. пособие. — Мн.: МГЛУ, 1999.

Пиотровский Р. Г., Романов Ю. В., Спивак Д. Л., Гурко Ю. А., Ковалёва О. Н., Пиотровская К. Р. Патологии речемыслительной деятельности и их лексико-статистические и информационные корреляты // Актуальные проблемы теоретической и прикладной лингвистики и оптимизация преподавания иностранных языков : материалы Всероссийской науч. конф. с междунар. участием (11-13 окт. 2005 г.). — Тольятти : ТГУ, 2005.

Сонин А. Г. Поколению учёных, выросших на «Кратком словаре когнитивных терминов» // Человек в зеркале языка. Вопросы теории и практики : сб. ст., посвящ. памяти акад. И. И. Мещанинова. Кн. 2. — М. : Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, 2005.

Хайров Ш. В. Аналитические предикатные выражения в славянских языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Л., 1985.

Худяков А. А. В поисках семантики // *Studia Linguistica-9*. Когнитивно-прагматические и художественные функции языка : сб. ст. — СПб. : Тритон, 2000а.

Худяков А. А. Об онтологии предзнака // *Язык как функциональная система* : сб. ст. к юбилею проф. Н. А. Кобриной. — Тамбов, 2001а.

Худяков А. А. Пропозиции и пропозициональные модели: когнитивный аспект // *Семантика. Грамматика. Дискурс* : материалы Ломоносовских чтений. — Архангельск : ПГУ им. М. В. Ломоносова, 1998.

Худяков А. А. Семиозис простого предложения: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. СПб., 2001б.

Худяков А. А. Семиозис простого предложения: Монография. Архангельск: Поморский государственный университет, 2000б.

Чухарев Е. М. Статистический анализ пауз хезитации в чате // *Прикладная лингвистика в науке и образовании* : материалы IV междунар. научно-практ. конф., 27—28 марта 2008. — СПб. : ЛЕМА, 2008.

Чухарев Е. М. Лингвостатистические корреляты спонтанности в компьютерно-опосредованном дискурсе : (на материале русскоязычного чата) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — СПб., 2009.

Щерба Л. В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // *Языковая система и речевая деятельность*. — Л. : Наука, 1974.

Barnes S. B. *Computer-mediated Communication : Human-to-human Communication across the Internet*. — Boston : Allyn and Bacon, 2003.

Guillaume G. *Foundations for a Science of Language*. — Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 1984.

Hård af Segerstad Y. *Use and Adaptation of Written Language to the Conditions of Computer-mediated Communication* : Doctoral Dissertation. — Göteborg : Göteborg University, 2002.

Hewson J. *Article and Noun in English*. — The Hague ; Paris : Mouton, 1972.

Hirtle W. H. *Time, Aspect and the Verb*. — Quebec : Les Presses de l'Universite Laval, — 1975.

Hunston S. *Corpora in applied linguistics*. — Cambridge ; New York ; Melbourne : Cambridge University Press, 2002.

Krippendorff K. Computing Krippendorff's Alpha-reliability [Electronic resource]. — 2007. — Access mode: <http://www.asc.upenn.edu/usr/krippendorff/webreliability.doc>.

Polanyi L. *The Linguistic Structure of Discourse* // *The Handbook of Discourse Analysis*. — Malden (Mass.) ; Oxford : Blackwell, 2001.

Rumelhart D. E., Norman D. A. Simulating a Skilled Typist: A Study of Skilled Cognitive-motor Performance. — Cognitive Science. — 1982. — Vol. 6, № 1.

Strijbos J.-W., Stahl G. Methodological Issues in Developing a Multi-dimensional Coding Procedure for Small-group Chat Communication. — 2007. — Vol. 17, № 4.

*Н.Н. Болдырев
г. Тамбов*

В ПОИСКАХ ОЦЕНОЧНОГО СМЫСЛА

Проблемы смысла и семиозиса как процесса формирования значения знака волнуют умы ученых не одно десятилетие и даже не одно столетие. К ним обращались и продолжают обращаться именитые и начинающие исследователи как в мировой, так и в отечественной науке. Эти проблемы интересовали и А.А. Худякова (см. [Худяков 2000] и др.), чьей светлой памяти посвящен данный сборник. Продолжая названную тематику, мы хотели бы привлечь особое внимание к вопросам формирования оценочных смыслов в их взаимосвязи с основными познавательными процессами — концептуализацией и категоризацией.

Формирование значений языковых единиц представляет собой сложный процесс взаимодействия результатов концептуализации и категоризации окружающего мира и языковых форм, неязыковых и языковых знаний. Многочисленные исследования в этой области показали, что человек не использует готовые значения, а сам порождает их и самостоятельно производит отбор языковых средств для передачи необходимых смыслов. Как подчеркивает Е.С. Кубрякова со ссылкой на мнения многих других ученых, «готовых» мыслей до их вербализации вообще не существует: завершенность им придает именно их «постепенное языковое оформление в ходе порождения речи»; объективация мысли, ее озвучивание «не означает ‘одевания’ готовой мысли в языковые одежды» [Кубрякова 2004: 14]. Более того, следует специально подчеркнуть, что определенным знанием, влияющим на формирование смысла высказывания, всегда владеет конкретный человек, а не абстрактный индивид или социум, и именно он отражает в высказывании свое собственное восприятие тех или иных событий, а следовательно, большинство порождаемых смыслов индивидуальны по своей природе. Это влечет за собой потребность в интенсивной разработке многоуровневой теории значения, предполагающей выделение собственно семантического (языкового) и когнитивного уровней анализа, в изучении роли коллективного и индивидуального знания в их взаимодей-

ствии в процессе формирования значений отдельных языковых единиц и смысла целого высказывания.

Когнитивный уровень исследования семантики языковых единиц, в частности, требует изучения когнитивных контекстов, т.е. соответствующих концептуальных структур, моделей и категорий. По существу, формирование языкового значения напрямую связано и определяется тем, как, каким способом представлено в слове то или иное концептуальное содержание и с какой конкретной категорией оно соотнесено, т.е. процессами концептуализации и категоризации. В то же время многие современные исследования в этой области преимущественно ориентированы на коллективное, а не индивидуальное знание, и соответственно — на изучение общих процессов концептуализации и категоризации и, прежде всего, процессов естественной категоризации, т.е. категоризации естественных объектов. Индивидуальные способы концептуализации и категоризации остаются при этом малоизученными. Цель данной статьи — рассмотреть общие принципы и механизмы индивидуальной категоризации языковых и неязыковых объектов. В отличие от естественной категоризации объектов этот тип познавательного процесса назван нами оценочной категоризацией. Остановимся подробнее на некоторых его специфических особенностях.

Один из основных постулатов современной когнитивной лингвистики гласит, что мир вокруг нас не хаотичен, а определенным образом структурирован за счет тех черт сходства и различия, которые обнаруживают составляющие его предметы и события. Это позволяет нашему сознанию классифицировать знания о мире в виде системы категорий — категорий предметов и событий, а также категорий соответствующих слов, их обозначающих. Иначе говоря, естественная категоризация предметов и событий окружающего мира основывается на сходстве или различии их физических и функциональных характеристик, которые находят свое отражение и в семантике используемых для их обозначения слов. Между тем, человек не является пассивным созерцателем окружающих его вещей и явлений. Он постоянно взаимодействует с ними, вовлекает их в разнообразные физические и умственные операции, выступает активным участником описываемых в языке событий. Отсюда различные объекты, их многочисленные характеристики, как и происходящие в мире события, также могут различаться по их воздействию на человека. В результате создается индивидуальная, субъективная оценка каждого из них, и в зависимости от этой оценки человек также группирует предметы и события в определенные категории. В этом случае и возникает необходимость говорить об оценочной категоризации, которая часто носит индивидуальный характер и которая базируется на сходстве воздействия объектов и их ха-

рактистик на человека, на сходстве и подобии, приписываемом объектам посредством метафорического или метонимического сравнения. Исходя из этого, можно определить оценочную категоризацию как мысленное соотнесение объекта или явления с определенной оценочной категорией, или группировку объектов и явлений по характеру их оценки в соответствующие оценочные классы и категории. В статическом плане оценочная категоризация — это система оценочных категорий.

В данном контексте особенно важным представляется проблема формирования оценочных категорий, их структура и содержание, специфика которых, на наш взгляд, позволяет говорить об особом формате языкового знания, возникающем в пространстве языка и вне этого пространства не существующем. В этом заключается главная отличительная особенность оценки — ее внутриязыковая природа и, как следствие, связь с конкретным индивидом или языковым сообществом, т.е. ее антропоцентричность. В окружающем нас мире нет хороших или плохих вещей в абсолютном смысле, они выделяются как таковые только в сознании человека, с точки зрения человека и только с помощью и на основе языка. Это, в свою очередь, с необходимостью предполагает, что в сознании человека существует отдельная система оценочных концептов и категорий, обеспечивающих оценочную интерпретацию полученных знаний о естественных предметах и явлениях, а именно — система модусных (см. подробнее: [Болдырев 2006]) концептов и категорий.

Если исходить из определения когнитивной деятельности как активности, связанной с приобретением, организацией и использованием знания [Найссер 1981], то оценочную концептуализацию и оценочную категоризацию следует понимать как познавательную активность особого рода, в которой в полной мере проявляется то, что Е.С. Кубрякова назвала способностью человека «видеть мир и осмыслять его в различных ипостасях и проявлениях» [Кубрякова 2004: 17]. Специфика этих познавательных процессов оценочного характера заключается в том, что они направлены на поиск и выделение определенных (дополнительных, утилитарных, с точки зрения человека) характеристик в уже познанном объекте. Это — интерпретация полученных знаний, вторичная концептуализация и вторичная категоризация в рамках другой системы координат: системы мнений, оценок, ценностей, стереотипов, - которую осуществляет человек как отдельный индивидум (личная оценка) или как член конкретного сообщества (общепринятая, коллективная оценка), оперируя уже существующими, вербализованными концептами.

Данное утверждение порождает закономерный вопрос о принципах организации данных категорий: насколько они повторяют или отличаются по структуре от категорий естественных объектов. Свойственна ли им та

же прототипическая структура, которая обнаруживается у естественных категорий, и если да, то какова природа оценочных прототипов и какие элементы образуют периферию оценочных категорий. Действительно, с одной стороны, не вызывает никаких сомнений тот факт, что в нашем сознании существуют прототипы птиц, оружия, фруктов, автомобилей и т.п., но можно ли с тех же позиций с полной уверенностью говорить о прототипе красивой птицы, хорошего человека, плохого автомобиля, удобного кресла и т.д., и насколько этот прототип, если он существует, является общим для достаточного количества говорящих на том или ином языке или он строго индивидуален у каждого конкретного носителя языка.

Вероятно, природа и структура оценочных категорий в большей степени определяется системой коллективных и индивидуальных ценностей человека, его восприятием мира, что становится особенно очевидным в процессе использования языка в естественной коммуникации. Это дает основание говорить о двух типах категоризации — в системе языка и в речи. Первый тип — системная категоризация — отражает наши знания о мире так, как они зафиксированы в значениях языковых единиц. Второй тип — функциональная категоризация — предполагает различного рода шкалирование и оценку, необходимые для формирования суждений и высказываний в процессе обработки поступающей информации. Именно в этом случае и возникает необходимость говорить об оценочной категоризации, и категории, которые мы формируем или с которыми мы соотносим конкретные предметы и события в речи, равно как и их возможные прототипы, не могут не отличаться по своей структуре и содержанию от тех категорий, которые формируются в нашем сознании на основании принципов естественной категоризации мира.

Активная роль человека в познании проявляется в частности в том, что в основе динамического процесса категоризации как мысленного соотнесения объекта с конкретной категорией и присвоения этому объекту имени данной категории лежит сравнение объектов с определенным эталоном — наилучшим образцом категории или соответствующим концептом. При этом между объектами сравнения всегда стоит человек как отдельный индивид, социальная группа или целое языковое сообщество. Вхождение того или иного объекта или события в мир жизни человека и порождает их сравнение и оценку. Параметры сравнения могут быть связаны с физическими свойствами, присущими самим объектам, и потому иметь преимущественно объективный, логический характер или могут быть основаны на субъективном, личном опыте, знании, мнении или отношении человека. Во втором случае имеет место субъективная, личностная оценка качеств рассматриваемого объекта и соответственно — субъективно-оценочная, или оценочная, категоризация.

Из сказанного следует, что любая категория в определенном смысле может рассматриваться как **концептуальная структура, объединяющая знание самих объектов и знание принципов и механизмов их объединения**. С этим связана **отличительная особенность категориального формата знания**, которая заключается в том, что признаки и характеристики, формирующиеся в сознании человека в виде тех или иных концептов, не ограничиваются одним конкретным объектом, а распространяются на определенные классы объектов. Соответственно и в языке категории как классы языковых объектов с общими концептуальными характеристиками приобретают характер особых форматов знания, выполняющих специфическую роль в организации и оперативном использовании знаний о мире, о языке как части мира, о способах их обработки и интерпретации человеком.

Специфика оценочной категоризации и ее основные отличия от естественной категоризации заключаются в том, что в основе этих двух процессов лежат разные способы восприятия и осмысления окружающего мира: естественная и ценностная картины мира соответственно, физический мир и его идеализированная модель, а также дифференциация коллективного, универсального и личного, индивидуального опыта и знаний человека. Оценочная категоризация, по существу, представляет собой результат пересечения или наложения двух концептуальных систем, отражающих две стороны восприятия окружающего мира — буквальную, физическую и ценностную, идеальную, т.е. результат переосмысления окружающего мира с позиций ценностных концептов и категорий. Ее специфика заключается в том, что тот или иной объект не причисляется к какой-либо естественной категории в результате соответствующей номинации, его онтологический категориальный статус при этом не анализируется: назвав конкретного человека вольной птицей, мы не причисляем его к разряду птиц. Ему лишь приписывается соответствующее положительное или отрицательное качество или характеристика.

Это определяет внутреннюю структуру и специфику формирования оценочных категорий, в которые могут объединяться случайные по отношению друг к другу, но сходные по воздействию на человека элементы. В осуществлении естественной категоризации первичны сами объекты окружающего мира, и одни из них — лучшие образцы — выступают в качестве опорных точек, или прототипов. Они отличаются, прежде всего, психологической выделенностью, а их концепты (чаще — предметно-чувственные образы) определяют состав и содержание соответствующей категории естественных объектов. При оценочной категоризации точкой отсчета является человек и его шкала ценностей. Соответственно, в этом случае первичны сами оценочные концепты (хороший — плохой, далекий

— близкий, высокий — низкий, большой — маленький, нравится — не нравится и т.п.), которые и задают состав и структуру оценочной категории. Эти концепты относятся, скорее, к классификационному типу концептов, поскольку всегда связаны с мнением или оценкой конкретного человека или группы людей, выражаемых с помощью языка по отношению к тем или иным предметам или событиям. Они, вероятно, образуют базовый уровень оценочной категоризации, поскольку использование слов, репрезентирующих оценочные концепты, с названиями категорий естественных объектов небазового (вышестоящего или нижестоящего уровней) чаще всего приводит к сужению или конкретизации значения соответствующего слова, например: *хорошее животное* (о конкретном животном), *плохое издание* (о конкретной книге), *удобная мебель* (о конкретных столах, стульях и т.д.), — или к утрате смысла там, где сужения или конкретизации значения не происходит, сравните: **хорошее млекопитающее*, **удобный артефакт*, **?красивое транспортное средство* и т.п. Другие — вышестоящий и нижестоящий — уровни оценочной категоризации выделяются на несколько иных основаниях в сравнении с аналогичными уровнями естественной категоризации и связаны, главным образом, с направлением классификационной деятельности в сторону большего или меньшего обобщения качества, мнения или оценки. В языке это выражается с помощью форм множественного числа (вышестоящий уровень), например: *полезные растения*, *любимые книги*, *красивые предметы*, *важные события* и т.д. — или названий уникальных предметов или явлений (нижестоящий уровень), например: *яркое солнце*, *красивая луна*, *удивительная радуга* и т.п.

Интересно отметить, что формы множественного числа, вероятно, могут также служить средством дифференциации категорий базового и нижестоящего уровней на том основании, что элементы категорий нижестоящего уровня обычно не образуют соответствующих оценочных категорий, сравните: **красивые терьеры*, но: *красивые собаки*. Возможное использование форм множественного числа в подобных сочетаниях, которое вполне допустимо в речи в отдельных случаях, имеет исключительно конкретно-референтную отнесенность, например: *красивые голубые ели* (только о конкретных деревьях), в то время как: *красивые деревья* (и об определенной категории деревьев, и о конкретных деревьях).

Накладываясь особым образом на категории естественных объектов, система оценочной категоризации создает дополнительные переходные зоны между ними, обеспечивая тем самым континуальность категориального пространства. Создаваемые при этом классы и категории не отвечают требованиям однородности, поскольку, как отмечалось выше, они объединяют объекты не по их физическим свойствам, а по их воздействию на

человека, по степени их соответствия его собственной шкале ценностей и существующим стандартам, т.е., вероятнее всего, обнаруживают в своей организации принцип «семейного сходства». Соответственно прототипы данных категорий, если они существуют, обнаруживают когнитивную выделенность и представлены понятийно или описательно — в виде набора тех или иных характеристик, в виде стереотипов, норм и т.д., которые могут отличаться изменчивостью.

Данная норма или стереотип могут быть в речи сведены к одной единственной характеристике, которая объединяет разные по своему содержанию и форме объекты, или может предполагать целый набор таких характеристик, обусловленных внешним видом или функциональным назначением объекта. Например, *хороший арбуз* — это, разумеется, далеко не то же самое, что и *хороший автомобиль*. Хорошими обычно называют сладкие арбузы: *Арбуз мне попался не очень хороший* (= не очень сладкий); *Только выберите мне, пожалуйста, хороший арбуз* (= сладкий). При этом считается, однако, что хороший арбуз должен быть большим, правильной круглой формы, яркого зеленого цвета, с сухим хвостиком, красный внутри, должен хрустеть при сдавливании и т.д. (сравните с прототипом арбуза как категории естественных объектов). У каждого человека, в принципе, может быть свой набор отличительных признаков хорошего арбуза. На практике все эти характеристики редко встречаются в полном наборе. В результате, в речи общее категориальное название «хороший» может приобретать разное конкретное осмысление: *Мне кажется, ты взял не очень хороший арбуз — розовый и не хрустит; Дайте мне хороший арбуз, большой.*

С другой стороны, хорошим обычно называют автомобиль, который соответствующим образом (хорошо) выполняет свою основную функцию — служить средством передвижения или перевозки. При этом он может быть или не быть красивым, современным, престижной марки, скоростным, в той или иной мере комфортабельным, потребляющим мало или много бензина и т.д., и каждая из этих характеристик может лечь в основу определения прототипа хорошего автомобиля (к тому же, для водителя и пассажира все эти характеристики далеко не равнозначны), например: *У него хороший автомобиль, с кондиционером; Она купила не очень хороший автомобиль, старый* (хотя он может быть и комфортабельным, и красивым, и скоростным и т.д.). Список подобных примеров можно продолжить: *хороший дождь* — это процесс (= сильный), а *хороший снег* — это скорее результат (= глубокий или пушистый или хрустящий и т.д.), но и в том и в другом случае это, вероятно, означает 'много' по объему или количеству действия, как и *хорошее солнце, хороший ветер, хорошая луна, хороший свет, хорошее течение* и т.д., но далеко не то же самое, что хоро-

шая погода (зависит от времени года и личных пристрастий) или *хорошее лето, хорошая зима* (с точки зрения погоды, состояния дел, здоровья, результатов экзаменационной сессии и т.д.), или *хорошая река* (чистая, глубокая, широкая, какая именно?). Независимо от количества и характера примеров очевидным остается то, что оценочный прототип или название оценочной категории предполагает конкретную характеристику объекта, приобретающую определенное положительное или отрицательное значение для говорящего с точки зрения производимого этим объектом впечатления или выполняемой им функции.

Из всего вышесказанного следует, что оценочная категоризация в большей степени носит интерпретирующий, антропоцентрический характер. Она ориентирована на систему ценностей, общих и частных оценок, мнений, установок, стандартов, которые служат базой для формирования аксиологических категорий и соответствующей классификации объектов в языке. Например, прилагательные «*молодой*» и «*старый*», помимо собственно констатации возраста, в сочетании с другими словами, в семантике которых имеется указание на определенную функцию или качество, может приобретать ярко выраженный оценочный характер, сравните: *молодой парень* — *молодой врач* — *молодой учитель* (? *молодой студент*) — *молодой ученый* — *молодой спортсмен* — *молодой директор* — *молодое вино* — *молодой для чего-либо* и т.д., и, напротив: *старый врач* — *старый учитель* (? *старый студент*) — *старый спортсмен* — *еще не старый* — *старое вино* и т.д. Часто формирование особого, оценочного смысла базируется на концептуальной интеграции, что подтверждает факт существования в нашем сознании отдельно оценочных категорий. Появление этого особого смысла диагностируется невозможностью его сохранения в результате предикативных преобразований типа: *холодное вино* — *вино холодное*, но: *молодое вино* — **вино молодое*, т.е. невозможностью образования категорий пропозиционального типа (в соответствии с классификацией Дж. Лакоффа [Lakoff 1990]).

То, что эти категории обнаруживают собственную структуру, содержание и принципы организации, следует из тех ограничений, которые они устанавливают в отношении членства и, соответственно, в отношении использования категориальных названий, сравните: *старый дом, старые стены, старая книга*, но: ? *молодой дом, ? молодые стены, ? молодая книга* и т.д. Слово *молодой* (и репрезентируемая им оценочная категория), вероятно, предполагает наличие определенной перспективы развития, роста, отсюда: *молодая газета, молодой город, молодой завод, молодой лес, молодая луна* и т.п., но не: * *молодая дверь, * молодой забор, ? молодое солнце* и т.д.

Говоря об оценочных категориях, необходимо различать два существенно разных понятия и **два типа** категорий, репрезентирующих разные типы знания: оценочное знание о неязыковых объектах внешнего мира — **собственно оценочные категории**, и знание о единицах языка, выполняющих определенную оценочную функцию — **категории оценочных слов**. Собственно оценочные категории формируются в сознании человека на основе языка (задаются семантикой конкретного слова, которое служит названием данной категории) и объединяют любые объекты окружающего мира по типу и характеру их оценки. Категории оценочных слов объединяют языковые единицы по сходству их оценочной (интерпретирующей) функции, заложенной в их семантике и/или реализующейся в определенном контексте, т.е. задаются конкретной оценочно-языковой функцией. В первом случае мы, например, говорим о хороших или плохих вещах, о полезных или бесполезных предметах, о том, что нам нравится или не нравится в окружающем нас мире: *хорошие/плохие книги; умные/глупые люди; приятные/неприятные поступки* и т.п. Во втором — речь идет о всей совокупности языковых единиц, используемых для оценки предметов и явлений соответствующей тематической области, например, слова, характеризующие положительно или отрицательно внешний вид или поступки человека: *хороший/плохой, приятный/противный, красивый/безобразный, опрятный/неряшливый, привлекательный/отталкивающий* и т.д.

Формирование оценочных категорий происходит на основе соответствующей (задаваемой названием категории) интерпретации характеристик объекта. Категории оценочных слов формируются в результате интерпретации семантических и функциональных характеристик слов. В этом заключается **принципиальное отличие двух типов категорий**, которое проявляется в их структуре и содержании, а также в самих принципах их образования.

В основе данного отличия лежат **разные процессы категоризации**, разные по своей направленности и, соответственно, по объектам, целям и основаниям категоризации, а также по составу самих категорий. Объектами оценочной категоризации, направленной на окружающий мир, и членами собственно оценочных категорий становятся неязыковые объекты, которые могут объединяться по разным критериям и, как следствие, оказываться членами разных, в том числе противоположных, категорий, например: *красивое и удобное пальто; красивое, но неудобное пальто; привлекательный на вид плод, но неприятный на вкус или запах; хороший снаружи, но порченный внутри; хороший человек, но плохой актер; умный, но дурак* и т.п., — о чем свидетельствует и сам способ языкового представления разных характеристик одного и того же объекта — сочинитель-

ный или разделительный (противительный) союз соответственно. Именно в этом случае имеет место собственно оценочная категоризация как познавательный процесс (см., например, исследование оценочной категоризации интеллектуальных способностей человека на материале современного английского языка в диссертации: [Кравцова 2008]).

Категории и категоризация оценочных слов, имеющие внутриязыковую направленность, напротив, ничем практически не отличаются от категорий и процессов категоризации любых других лексических единиц и в строгом смысле оценочными не являются. Оценочные слова, как и другие лексические единицы (а оценка, как правило, выражается лексически), связаны преимущественно с определенной интерпретацией знаний о мире, его онтологии, а не языка. Поэтому одно и то же слово по своей исходной семантике и номинативной функции не может быть членом разных по характеру оценки категорий: категорий слов положительной (*хороший, красивый, удобный, привлекательный, умный*) или отрицательной (*плохой, неудобный, неприятный, порченный, глупый*) оценки, хотя и способно выполнять противоположную функцию в конкретном, строго заданном контексте, размывая границы категорий и создавая всевозможные переходные, периферийные зоны (*талантливый мошенник; неудобный своими взглядами человек; самодовольный красавец; милый лжец; приятная усталость; радость со слезами на глазах*).

По своей сути, **оценочные слова являются средством оценочной концептуализации и оценочной категоризации мира в языке**, поскольку в их семантике отражены дополнительные знания интерпретирующего характера, т.е. отражена вторичная, а не первичная реальность. В силу этого они могут объединяться в модусные по своему статусу языковые категории. Более того, каждое оценочное слово, передавая определенный оценочный концепт, может служить языковой основой (и обозначением) соответствующей оценочной категории (см. подробнее об именах категорий как прототипах в языковой репрезентации знаний в: [Болдырев 2007; 2007а]). При этом группировка самих этих слов к формированию оценочных категорий не приводит. Это означает, что оценочные категории и категории оценочных слов относятся к двум принципиально разным типам категорий внутри общей системы модусной категоризации.

Следует оговориться, что выполнять оценочную функцию и дискурсивно соотноситься с соответствующей категорией оценочных слов способны и языковые единицы исходно нейтральной семантики, которые по своим системным характеристикам не могут служить основой для формирования оценочных категорий. Например, это могут быть обозначения конкретно-чувственных ощущений: цвета (*красная угроза; зеленая зона; желтая пресса*), запаха, например, дорогих или, напротив, дешевых духов

или одеколона, сыра, природных объектов и др. (*французские духи, тройной одеколон, сыр «Рокфор»*), вкуса, в том числе различных фруктов, ягод, овощей или несъедобных растений и их плодов и др. (*лимонный, полынный, ананасовый, клубничный*), звука, издаваемого природными объектами и явлениями, а также различными механизмами (*птичье пение; комариный писк; шелест купюр/дождя/путь; металлический звук*), ощущений, получаемых от соприкосновения с теми или иными поверхностями (*бархатный, лакированный, зазубренный, твердый, мягкий*) и т.д.

Все сказанное подводит к логичному выводу о том, что оценочные категории и категории оценочных слов имеют **разные концептуальные** основания. Другими словами, в основе формирования данных категорий лежат разные по содержанию концепты. Концепты оценочных категорий включают определенные характеристики и свойства неязыковых объектов, в то время как концепты категорий оценочных слов, как и другие лексические категории, включают характеристики слов определенной оценочной семантики, выполняющих сходную номинативную и интерпретирующую функции. Это обуславливает главное **структурное отличие** между двумя типами категорий, которое проявляется в принципах их формирования и организации.

Категории оценочных единиц, как и лексические категории, как правило, имеют инвариантно-вариантный принцип организации, когда название категории (например, *положительная оценка человека*) служит главным критерием категориальной принадлежности и повторяется в качестве инварианта в семантике каждого элемента категории (варианта) (см. подробнее: [Болдырев 2006]). В структуре данных категорий с учетом дискурсивного фактора могут также выделяться прототипические (ядерные) и непрототипические (периферийные) средства выражения оценки в рамках определенных тематических областей. В роли прототипических средств выступают лексические единицы, которые выполняют данную функцию в своем первичном значении. В роли непрототипических — единицы, реализующие оценочную функцию в своих вторичных значениях (контекстуально), а также различные грамматические средства (аффиксы, сложные слова, синтаксические, например сравнительные, конструкции). При этом прототипические средства могут служить основой для формирования соответствующих оценочных категорий («красивые люди», «умные люди», «добрые люди» и т.д.). Непрототипические средства, как правило, таких категорий не образуют, ср.: *?«красивые как Апполон люди», *?«якобы умные люди», *?«как будто вредные вещества», что и подчеркивает их вторичный статус.

Оценочные категории обнаруживают сложную структуру, обусловленную комплексным участием различных принципов и факторов в про-

цессах их формирования. В основе данных категорий лежат всевозможные оценочные концепты разного уровня абстракции, которые определяют их структуру и содержание, например: «хороший», «плохой», «полезный», «ненужный», «умный», «сообразительный», «утонченный» и т.д. Специфика оценочных, как и всех модусных, концептов заключается в их содержательной неопределенности, обусловленной зависимостью от других, конкретных концептов и концептуальных структур, которые подвергаются оценке, т.е. в их **содержательной релятивности**. Не обладая собственной информацией о мире, они приобретают определенное содержание, только будучи соотнесены с другими концептами или концептуальными структурами. Подобно критике, не существующей без своего объекта, они имеют относительный характер и требуют наличия определенной структуры знания как области своего определения. Только в единстве с этими структурами они приобретают конкретную интерпретацию: *хорошая дорога — ровная, с прочным покрытием, удобная для поездок; хороший автомобиль может означать большой, дорогой, надежный, престижной марки, мощный, а хороший гараж — большой, вместительный, теплый, дорогой, расположенный в удобном месте* и т.д.

Зависимость от других концептуальных структур, их **релятивность** является общей характерной особенностью всех модусных концептов и категорий: не существует отрицания, плохой или хорошей оценки, эвиденциальности, экспрессивности, определенности или неопределенности и т.д. безотносительно к чему-либо, т.е. самих по себе. Они приобретают конкретную значимость только на фоне или в контексте того или иного концептуального содержания, и в этом проявляется их модусный, рамочный характер. Отражая способы интерпретации знаний человеком, **модусные концепты и категории закрепляют механизмы этой интерпретации в системе языка в виде определенного формата знания**.

Соответственно общие оценочные категории типа «хороший», «плохой» в плане их структурной организации подобны мозаике. Основным принципом их построения является «семейное сходство», при котором невозможно выделить инвариант или прототип всей категории, в которую попадают и *хороший (или плохой) автомобиль*, и *хороший/плохой чемодан*, и *хорошая/плохая погода*, и *хороший/плохой поступок* на основе общего инвариантного отношения к ним человека. Причем это отношение может быть конкретизировано в виде определенной качественной (*прочный/непрочный*), количественной (*маленький/большой*) или функциональной (*удобный/неудобный*) характеристики или в виде эмоциональной реакции человека (*приятный/неприятный*). В то же время каждая из субкатегорий, входящая в общие категории «хороший» или «плохой»: *хорошие или плохие вещи, хорошие или плохие люди, хорошие или плохие поступки,*

хорошие или плохие транспортные средства и т.д., — может строиться по инвариантно-вариантному, прототипическому или другому типу в зависимости от природы оцениваемой сущности. В этом проявляется **структурная релятивность оценочных категорий**, строение которых во многом повторяет принцип организации исходной, оцениваемой категории.

Если оценка направлена, например, на естественную категорию или базовые концепты, то и соответствующая оценочная категория, как и объект оценки, будет предположительно иметь прототипическую структуру. При этом прототипы естественной и положительной оценочной категорий могут частично или полностью совпадать по своим основным параметрам, особенно в тех случаях, когда в виде прототипа выступает некий стереотип или идеал: прототип чемодана — он же хороший (идеальный) чемодан. Напротив, прототип категории отрицательной оценки («плохой чемодан») в этом случае будет ассоциироваться с периферией соотносимой категории естественных объектов. Данное положение меняется относительно одушевленных объектов. Если в прототипическом представлении о человеке акцент делается на его внешних, анатомических характеристиках, то представления о прототипическом хорошем или плохом человеке, скорее, фокусируют его внутренние, душевные качества, идеализируемые в том или ином обществе или общественной группе, сравните сомнительность выделения категории *?хорошая птица*, — где само сочетание может быть использовано, скорее, в дискурсе для оценки конкретного элемента категории, как и *хороший соловей, воробей, пингвин*. При этом единичные объекты, не образующие естественных категорий, не образуют и оценочных категорий: **хороший Саша, *хорошая Таня* и т.д., но могут входить в категории более высокого порядка: *Ваня — хороший (человек)*, что также подтверждает релятивный характер оценочных категорий.

Ситуация еще более усложняется, когда речь заходит об абстрактных и событийных сущностях или природных явлениях, среди которых могут быть и инварианты, и прототипы, и объединения по принципу семейного сходства. Так, трудно говорить об инвариантах или прототипах категорий «поступок», «погода» или «наука», но можно выделить инвариантную характеристику, например, хорошего или плохого поступка — 'приносящий пользу или наносящий вред окружающим', установить центральные характеристики прототипа хорошей или плохой погоды в зависимости от времени года: 'наличие солнца, ветра, дождя или снега, высокая или низкая температура' и т.д. В то же время оценка науки по этому принципу представляется мало вероятной даже в специфическом контексте. Последнее подтверждается также переосмыслением самого слова *наука* в сочетании с прилагательными общей оценки: *Это будет для нее хорошей наукой*. В основе этого переосмысления лежит когнитивный меха-

низм концептуальной интеграции, который приводит к формированию нового смысла, не сводимого к простой сумме значений интегрируемых единиц.

Множество принципов организации оценочных категорий, их структурные различия связаны во многом с уровнями оценочной категоризации. В настоящий момент в лингвистике (вслед за психологами) принято различать три основных уровня категоризации (см. [Lakoff 1990; Rosch 1973]), которые, на наш взгляд, свойственны и процессам оценочной категоризации. Это: базовый, суперординатный (вышестоящий) и субординатный (нижестоящий) уровни. При этом ведущим и исходным уровнем считается базовый. При выборе названия для какой-либо вещи люди из целого ряда возможных имен выбирают то, которое помещает эту вещь в категорию именно базового уровня (см. [Кубрякова и др. 1996: 14]). Применительно к оценочной категоризации выделение категорий базового уровня связано с оценкой постоянных, конститутивных характеристик объектов. В отношении человека это, например, оценка его внешности, моральных качеств, умственных способностей: выделение категорий красивых, добрых, умных людей. Оценочные категории суперординатного уровня формируются на основе общей оценки объектов безотносительно конкретной оценки их постоянных или переменных характеристик: «хороший» — «плохой», «нравится — не нравится» и т.п. На субординатном уровне оцениваются переменные характеристики объекта и их конкретные проявления: категории, например, изысканных или щедрых или проницательных людей.

Прототипические эффекты, и это полностью соответствует ключевым положениям теории прототипов, обнаруживают, в основном, категории базового уровня. Категории других уровней могут преимущественно строиться по принципу «семейного сходства» (суперординатный уровень) или инвариантно-вариантному, прототипическому или другому принципу (субординатный уровень) в зависимости от природы оцениваемых объектов. Сами процессы категоризации носят разнонаправленный характер: от базового уровня постоянных, конститутивных характеристик в сторону обобщения, отвлечения от этих признаков (суперординатный уровень) или — в сторону их конкретизации посредством переменных характеристик (субординатный уровень).

Категории оценочных слов, как правило, обнаруживают инвариантно-вариантную, полевою (ядерно-периферийную) структуру на всех уровнях категоризации. При этом процессы категоризации имеют однонаправленный характер: от инварианта (суперординатный и базовый уровни) — к вариантам (базовый и субординатный уровни). Это проявляется в том, что в дефинициях слов каждого нижележащего уровня повторяются инва-

рианты вышестоящих уровней как обозначения категорий и соответствующих иерархических зависимостей между ними.

Таким образом, активная роль человека в познании окружающего мира находит свое отражение, в том числе, в существовании в нашем сознании и в языке наряду с объективной картиной мира его идеализированной модели, т.е. статической системы оценочных категорий, а также в осуществлении динамических процессов оценочной категоризации в речи, обеспечивающих формирование соответствующих оценочных значений и смыслов. Оценочные категории, передавая вторичные знания как результат определенного способа интерпретации человеком первичных знаний о мире, закрепляют механизмы этой интерпретации в системе языка в виде определенного формата знания. Как особый формат знания **оценочные категории характеризуются: 1) внеязыковой направленностью**, объединяя различные объекты окружающего мира по характеру их оценки, **2) структурной и содержательной релятивностью**, т.е. проявляют зависимость от области своего определения (оцениваемых концептуальных структур), **3) концептуальной интегративностью формирования** (концептуально-языковая природа, взаимодействие интерпретируемого концептуального содержания с содержанием оценочных языковых единиц по принципу концептуальной интеграции), **4) многообразием принципов организации**, которое связано с **5) определенной уровневой принадлежностью**. Данная специфика отличает оценочные категории от категорий оценочных слов, характеризующихся внутриязыковой направленностью и объединяющих языковые средства выражения оценки по инвариантно-вариантному принципу.

Литература

Болдырев Н.Н. Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2006. — № 2.

Болдырев Н.Н. Прототипы в языковой репрезентации знаний // Проблемы представления (репрезентации) в языке: Типы и форматы знаний: Сб. науч. трудов. — М.: Изд-во ИЯ РАН/ТГУ им. Г.Р.Державина, 2007.

Болдырев Н.Н. Репрезентация знаний в системе языка // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2007а. — № 4.

Кравцова Н.М. Оценочная категоризация интеллектуальных способностей человека в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Тамбов, 2008.

Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. — М.: Языки славянской культуры, 2004.

Кубрякова Е.С. Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. — М.: Изд-во МГУ, 1996.

Найссер У. Познание и реальность: Смысл и принципы когнитивной психологии. — М. : Прогресс, 1981.

Худяков А.А. Семиозис простого предложения. — Архангельск: Поморский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 2000.

Lakoff G. Women, Fire, and Dangerous Things: What categories reveal about the mind. — Chicago: The University of Chicago Press, 1990.

Rosch E.H. Natural Categories // Cognitive Psychology. — 1973. — Vol. 4. — № 3.

*В. Б. Гольдберг
г. Тамбов*

ДИСКРЕТНЫЕ ПРОЦЕССЫ СОЗНАНИЯ КАК КОГНИТИВНАЯ ОСНОВА ОБРАЗНОГО СРАВНЕНИЯ

В области философии лингвистики значительное внимание уделяется вопросам классифицирующей деятельности человеческого рассудка, которая заключается в дискретизации и структурировании логико-психологических явлений на основе наиболее важных для человека признаков [Худяков 2005: 49]. С развитием когнитивной лингвистики заметно активизировалось обращение ученых к принципу дискретности. Дихотомия дискретности языка и континуальности реального мира привлекла внимание к исследованию дискретных элементов сознания, посредством которых осмысливается континуум окружающей действительности. Таким образом, объектом когнитивной лингвистики стали дискретные элементы сознания — концепты [там же: 38].

Принцип дискретности лежит в основе построения модели активации концептуальной сети, в которой получают отражение процессы и этапы познания мира, выявляемые через данные языковой деятельности человека. Для обозначения активируемого в каждом конкретном случае фрагмента концептуальной сети удобно использовать термин «поток», введенный Г. П. Мельниковым. Данное явление Г. П. Мельников объяснял на базе принципа дискретности. Он определял связь как «обменный поток» элементов связываемых объектов [Мельников 1978: 38]. Исходя из этого, определим активируемый фрагмент концептуальной сети, который представляет собой цепочку взаимосвязанных концептов, несущую определенную информацию, как «информационный поток». Анализ шагов в формировании и расширении информационных потоков мы трактуем как «информационный анализ» (подробнее об информационном анализе см. [Гольдберг 2009]).

Моделирование концептуальной сети как цепи взаимодействующих концептов, концептуальных характеристик, а также моделирование про-

цесса активации отдельных фрагментов, вычленяемых в ее составе (информационных потоков), стало возможным в результате применения принципа дискретности. Реализация принципа дискретности применительно к проведению информационного анализа в настоящей работе потребовалась при реконструкции информационного потока, направленного на актуализацию «опорного знания».

Введение понятия «опорное знание» продиктовано необходимостью дальнейшего уточнения существующей типологии знаний и средств их языковой репрезентации. Известно, что систематизация знаний возможна по разным основаниям. По объекту познания различают знание о языке и знание о мире, по способам представления — ослслвленное и неослслвленное знание, по носителю знания — коллективное (национальное, групповое и так далее) и индивидуальное, по источнику получения знания — онтологическое и выводное (инферентное), по цели познания — научное и обыденное, по степени освоенности — новое и старое и так далее [Кубрякова 2004: 10; Залевская 2007; Болдырев 2007:26 и др.]. Думается, что в качестве основания для классификации знаний следует также назвать функцию.

Одной из функций, которую знание выполняет, является роль «опоры» в процессах осмысления новой действительности или нового осмысления известных фактов. Общеизвестно, что воспринимаемая новая информация интегрируется с ранее известными фактами. Для осмысления и передачи впечатления от окружающего мира, то есть нового знания, человеку необходимо мысленно связать его с чем-то уже освоенным, психологически значимым, то есть опереться на освоенный квант знания. Такое знание мы называем «опорным».

Благодаря интерпретирующей деятельности сознания становится возможной связь между квантами знания об объектах даже в том случае, если эти объекты в физическом пространстве между собой не связаны. В качестве примера рассмотрим связь, основанную на логическом отношении уподобления и получающую выражение посредством компаративных сочетаний типа *speak like Americans, weep like a child* и так далее, участвующих в построении образных сравнений. Такую связь мы называем «компаративная связь».

Образные сравнения включают три полнозначных компонента: объект сравнения, основание сравнения и опорный элемент, который следует за служебным компонентом — компаративной связкой *like*. Опорный элемент репрезентирует актуализируемое опорное знание (когнитивную опору), то есть опорный концепт, в котором отражено знание о реальном — опорном — объекте.

Исследуя ранее компаративные словосочетания, мы усматривали когнитивный механизм образного сравнения в проецировании отдельных признаков эталона на объект сравнения [Гольдберг 2007: 75—78]. Дальнейшее исследование вскрыло значительно бóльшую сложность этого процесса. Анализ показал, что между объектом сравнения и когнитивной опорой устанавливается концептуальная компаративная связь, получающая выражение на языковом уровне в компаративной связи между их номинантами. К установлению связи ведет процесс формирования информационного потока. Описание дискретных шагов этого процесса фактически представляет собой модель установления компаративной связи, что, в свою очередь, открывает возможность нового подхода к моделированию процессов обработки информации, поступающей в виде образного сравнения.

Рассмотрим формирование информационного потока, лежащего в основе обработки информации, передаваемой посредством образного сравнения *speaking English like Americans* (здесь и далее фактический материал заимствован из [BNC]):

Everything gets dirty and they live in a different way to what we do at home, they speaking English more like Americans (even Uncle Steve) than us (The Collector / Fowles J. — London : Picador, 1989).

В данном случае в качестве объекта сравнения и опорного объекта выступают не предметы или явления, а ситуации: *they speaking English* (объект сравнения) и *Americans speaking English* (опорный объект). Компаративная связь устанавливается между двумя ситуациями. В указанных ситуациях реализуются, соответственно, концепты: АНГЛОЯЗЫЧНАЯ РЕЧЬ УЧАСТНИКОВ СИТУАЦИИ (уточняемый концепт) и АНГЛОЯЗЫЧНАЯ РЕЧЬ АМЕРИКАНЦЕВ (опорный концепт, то есть когнитивная опора). Эти концепты составляют концептуальную оппозицию. Цель приведенного высказывания — раскрыть содержание первого концепта, представляющего квант индивидуального знания, путем привлечения в качестве опоры второго концепта, представляющего квант коллективного знания и выступающего в нашем случае как опорное знание.

Исходя из динамического понимания связи как «обменного потока» элементов связываемых объектов, мы видим дальнейшую задачу в выявлении конкретных элементов, обмен которыми осуществляется при установлении компаративной связи. Поскольку связь устанавливается между концептами, необходимо выявить составляющие их содержание характеристики, то есть дискретизировать и структурировать содержание уточняемого и опорного концептов, моделируя их в виде фреймов как дискретных образований. Информационные потоки, создающие когнитивную основу образного сравнения, могут быть реконструированы с примени-

ем метода информационного анализа. Этим удастся показать, как дискретность языкового образования обеспечивает передачу дискретного когнитивного содержания.

Соотнесение элементов сравнения с передаваемыми квантами информации затруднено тем, что смысл, передаваемый образным сравнением, напрямую не выводим из значений его компонентов (ср. [Худяков, Чухарев 2004: 99]). Понятия, выражаемые элементами сравнения, имеют нечеткий характер, а стоящие за ними объекты действительности составляют нечеткое множество. Формирование и расширение информационного потока представляет собой процесс постепенного снятия нечеткости понятий, передаваемых элементами образного сравнения и всем сравнением в целом.

Обработка информации заключается в конкретизации, сужении нечеткого множества, осуществляемом в ходе многоэтапного процесса расширения информационного потока. В основе этого процесса лежит цепь «ожиданий» [Шенк, Лебовиц, Бирнбаум 1983]. Далее в ходе моделирования информационного потока мы будем представлять ожидания и удовлетворение ожиданий в виде серии вопросно-ответных единств как метаязыка описания, что предполагает введение понятий «метавопрос» и «метаответ».

Первый компонент сравнения (*speak English*) отличается максимальной абстрактностью, поскольку стоящие за ним аспекты англоязычной речи составляют исключительно широкое множество, образующее фрейм АНГЛОЯЗЫЧНАЯ РЕЧЬ. Это проявляется в дискурсе, где сочетание *speak English* «управляет» широким кругом ожиданий. Массив подобных ожиданий, передаваемых ниже посредством метавопросов, был выявлен в результате корпусного анализа на базе оригинальных контекстов. Перечислим некоторые из возможных ожиданий: *speak English — how?* (*speak English poorly, well, better, with an accent*), *speak English — at what level?* (*speak English at an equivalent level*), *speak English — when?* (*speak English most of the time*), *speak English — to whom?* (*speak English to people*), *speak English — where?* (*speak English at home*), *speak English — for whose sake?* (*speak English for Ronni's sake*) и так далее с их дальнейшей разнообразной конкретизацией. Поэтому на первом этапе процесса обработки информации ожидания, управляемые сочетанием *speak English*, формируют абсолютно нечеткое множество.

На втором этапе к управлению ожиданием подключается компаративная связка *like*, формирующая метавопрос: *speak English like — who/what?* Это сужает круг ожиданий; формируемое множество становится более четким.

Корпусный анализ выявил, что при описании речи посредством глагола *speak* в позиции после *like* преобладают обозначения лица, ср.: ... *they speak English more like Americans; If I could speak French like François Mitterrand...; ...not being able to «speak like a native» after several weeks of study; Why not speak like a grown-up?; Will she be able to speak like other boys and girls when she is older?; You speak like an educated woman; You speak like a lady.* Из этого следует вывод о предпочтительности первого варианта метавопроса: *speak English like — who?*

Таким образом, запрос *speak English like — who?* управляет новыми семантическими ожиданиями, имплицитно управляя поиском метаответов в области субфрейма «Характеристики англоязычной речи, выявляемые через уподобление чьей-либо речи». Исходя из рассмотренных дискурсивных фрагментов, можно построить модель этого фрейма. Модель включает элементы, которые отражают результат уподобления качества и содержания речи людей по ряду оснований: по соотношению с выбранным эталоном; по признаку возраста, получающему отражение в речи; по уровню образованности, получающему отражение в речи; по социальному статусу, получающему отражение в речи.

Это свидетельствует о том, что смыслы, которые подводятся под фрагмент сравнения *speak English like* , также составляют довольно нечеткое множество, поскольку они имеют большой разброс, например: характеристика англоязычной речи по качеству или по содержанию; характеристика речи по языковой компетенции говорящего, обусловленной его этнической принадлежностью, возрастом, уровнем образованности или социальным статусом.

На третьем этапе к управлению ожиданием подключается опорный элемент *Americans: speak English like Americans* , что имплицитно управляет метаответом на актуализированный ранее метавопрос: *speak English like — who? — speak English like Americans.* В результате понятие, передаваемое образным сравнением, делается более конкретным.

Однако вторая часть сравнения *like Americans* все же недостаточно информативна. На это указывает значительное варьирование метаответов на метавопрос *How do Americans speak English? — well, with an accent, fluently, using wrong words, grammar, sounds* и так далее. Таким образом, смыслы, стоящие за языковым выражением *speak English like Americans* , составляют нечеткое множество.

Поэтому четвертый этап требует поиска ответа на указанный метавопрос. Ответ на данный запрос информации даст только анализ стереотипного знания о речи американцев, то есть когнитивной опоры, в качестве которой выступает субфрейм АНГЛОЯЗЫЧНАЯ РЕЧЬ АМЕРИКАНЦЕВ. Применяя принцип дискретности, выполним квантова-

ние этого знания. Элементы фрейма эффективно выявляются на базе дискурсивных данных:

Differences between British and American English, spelling and measurements are noted; ...would be unacceptable to speakers of, who not only pronounce the a in that word but put the stress on it; American English may use the same words as English, but with a different meaning; ...it is true to say that the bare infinitive is more frequent in American English.

Кроме того, судя по источнику приведенного выше примера (London: Picador), можно заключить, что это высказывание принадлежит жителю Великобритании; известно, что коренные британцы критически относятся к особенностям американского варианта английского языка, ср.: *Two countries divided by a common language* (G. B. Shaw); *I find the continuous jokes and criticism of American English to be immature and pointless. Making fun of American accents or particularities of their language is dumb and plain ignorant* [Crabtree].

На основании этих дискурсивных фрагментов по правилам инференции выводятся основные элементы субфрейма АНГЛОЯЗЫЧНАЯ РЕЧЬ АМЕРИКАНЦЕВ: искажение классической английской речи на графическом уровне; искажение классической английской речи на фонетическом уровне; искажение классической английской речи на лексико-семантическом уровне; искажение классической английской речи на грамматическом уровне; вызывает иронию со стороны носителей стандартного английского языка.

Таким образом, названные элементы нечеткого множества представляют собой смыслы, являющиеся наиболее яркими среди особенностей американского варианта с точки зрения носителя стандартного английского языка: искажение классической английской речи на графическом, фонетическом, лексико-семантическом и грамматическом уровнях, англоязычная речь американцев вызывает иронию со стороны носителей стандартного английского языка. Именно эти смыслы выделяются носителем стандартного английского языка как стереотипные, обязательные элементы фрейма АНГЛОЯЗЫЧНАЯ РЕЧЬ АМЕРИКАНЦЕВ. Данные смыслы отражают опорные признаки эталона — англоязычной речи американцев.

Элементы подчиненного субфрейма АНГЛОЯЗЫЧНАЯ РЕЧЬ АМЕРИКАНЦЕВ сравниваются с элементами вышестоящего фрейма АНГЛОЯЗЫЧНАЯ РЕЧЬ. Подчиненный субфрейм конкретизирует вышестоящий общий фрейм названными элементами, то есть элементы субфрейма проецируются на соответствующие элементы фрейма АНГЛОЯЗЫЧНАЯ РЕЧЬ. Таким образом, когнитивная операция проецирования завершает динамический процесс установления компаративной связи.

Информационный поток, обеспечивающий установление компаративной связи, включает множественные когнитивные шаги — процессы актуализации определенных типов концептуальной связи. В рамках формирования компаративной связи, на которой базируется рассматриваемое сравнение, актуализируются следующие типы концептуальной связи:

1) меронимическая концептуальная связь₁: (*целое*) англоязычная речь — (*части*) форма (лексика, грамматика, фонетика), содержание;

2) видо-видовая концептуальная связь: англоязычная речь участников ситуации — англоязычная речь американцев;

3) меронимическая концептуальная связь₂: (*целое*) искаженная англоязычная речь американцев — (*части*) искаженное употребление графических, фонетических, лексико-семантических и грамматических средств.

Таким образом, путем инференции выводится индивидуальное видение говорящим объекта сравнения — англоязычной речи участников ситуации: представление об особенностях их речи и ее оценка уподобляются представлению о речи американцев и ее иронической оценке. Полученное выводное знание восстанавливает основание сравнения: *неправильно и смешно*, информативно насыщая компаративную конструкцию и превращая ее в образное сравнение. Содержание образного сравнения *Speak English like Americans* можно суммировать следующим образом: говорить неправильно и смешно, как американцы.

Выбранная когнитивная опора (англоязычная речь американцев) дает оценочную информацию (говорить неправильно) и одновременно понижает оценку: говорить по-английски очень плохо — так, как говорят американцы. Приведенные дискурсивные фрагменты позволяют заключить, что для обыденного сознания некоторых жителей Великобритании речь американцев представляет эталон некорректной речи. В рассматриваемом дискурсивном фрагменте отрицательная оценка англоязычной речи, похожей на речь американцев (*Speak English more like Americans than us*), поддерживается отрицательной оценкой других факторов: везде — грязь (*Everything gets dirty*), и живут не так, как мы (*live in a different way to what we do at home*).

Примененный для исследования образного сравнения метод информационного анализа предполагает суммирование результатов в виде достаточно компактной информационной формулы. Информационная формула позволяет эксплицировать реконструкцию дискретных «когнитивных шагов», из которых складывается информационный поток. В формуле получают отражение модели, то есть правила, по которым совершаются когнитивные шаги. Переход от одного когнитивного шага к другому в представленной ниже формуле указан стрелками. Реконструкцию информационного потока в рассмотренном случае можно представить следую-

шей информационной формулой, включающей два метавопроса и два метаответа:

1) **speak English** — like who? → [Americans, a native, a grown-up, an educated woman, a lady и так далее] → **like Americans** → 2) How do Americans speak English? → [искажение классической английской речи] → **говорят по-английски плохо + понижение отрицательной оценки.**

Проведенный анализ позволил сделать вывод, что основой осмысления дискурсивного построения является формирование в сознании человека информационного потока. Спецификой осмысления такого дискурсивного фрагмента, как образное сравнение, является формирование компаративной концептуальной связи в результате пошаговой активации информационного потока, актуализации дискретных структур знания, стоящих за объектом сравнения и опорным объектом, а также восстановления основания сравнения в случае его отсутствия.

Образное сравнение как дискретная языковая единица отражает дискретность познавательного процесса. Активация информационного потока выполняет функцию пошагового снятия нечеткости понятий, стоящих за компонентами образного сравнения и сравнения в целом. Обращение к принципу дискретности в изучении процессов познания позволяет реконструировать поведение концептуальной сети в процессах обработки человеком поступающего нового знания.

Литература

Болдырев Н. Н. Репрезентация знаний в системе языка // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2007. — № 4. — С. 17-27.

Гольдберг В. Б. Компаративные словосочетания и компаративная категоризация как отражение познания // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2007. — № 4. — С. 71-80.

Гольдберг В. Б. Способы концептуализации в лексике // Когнитивные исследования языка. Вып. 4. Концептуализация мира в языке: коллектив. моногр. / гл. ред. сер. Е.С. Кубрякова. — М. : Ин-т языкознания Рос. акад. наук ; Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г. Р.Державина, 2009. — С. 97-127.

Залевская А. А. Введение в психолингвистику : учебник. — М. : РГГУ, 2007.

Кубрякова Е. С. Язык и знание : На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. — М. : Языки славянской культуры, 2004.

Мельников Г. П. Системология и языковые аспекты кибернетики. — М.: Совет. радио, 1978.

Худяков А. А. Теоретическая грамматика английского языка : учеб. пособие для студ. филол. фак. и фак. ин. яз. высш. учеб. заведений. — М. : Академия, 2005.

Худяков А. А., Чухарев Е. М. Когнитивная лингвистика и искусственный интеллект: результаты и тенденции взаимодействия // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2004. — № 2-3. — С. 93-105.

Шенк Р., Лебовиц М., Бирнбаум Л. Интегральная понимающая системы // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 12. — М., 1983. — С. 401-449.

BNC — British National Corpus [Electronic resource]. — Access mode: <http://sara.natcorp.ox.ac.uk/lookup.html>.

Crabtree V. A Summary of Anti-Americanism [Electronic Resource]. — 2001. — Access mode: <http://www.vexen.co.uk/USA/hateamerica.html#Language>.

*Л. В. Бронник
г. Краснодар*

ПРИНЦИП КОГНИТИВНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ НАУЧНОМ КОНТЕКСТЕ

Лингвосинергетика является, на наш взгляд, одним из наиболее ярких и динамично развивающихся направлений отечественной науки начала XXI века (В. А. Пищальникова, Р. Г. Пиотровский, Н. Л. Мышкина, Е. В. Пономаренко, И. А. Герман, Г. Г. Москальчук, К. И. Белоусов, Е. В. Бондаренко, И. Ю. Моисеева и другие). Ее появление — вполне закономерный результат поиска выхода из методологического кризиса, охватившего языкознание. Обращение к вопросам языковой сложности и динамичности потребовало принципиально новых концептуальных и методологических инструментов научно-исследовательской деятельности лингвиста.

Есть основания считать, что с эволюционно-синергетической методологией совместимы не только системно-структурный, психолингвистический, функциональный, коммуникативный подходы к языку, но и его изучение с лингвокогнитивных позиций. Когнитивная лингвистика и язык как ее часть являются сложными системами, эволюция и многомерность которых не поддается описанию и объяснению средствами существующих теорий преимущественно ортодоксально когнитивистского толка. Поэтому для всего цикла дисциплин, накрытых «зонтиком» когнитивного подхода, участие в трансдисциплинарном проекте на основе синергетической методологии может открыть новые горизонты в познании когнитивных способностей человека. Применительно к языку речь идет о том, что исследо-

ватель видит его более объемным и сложным. Система научных координат становится еще более многомерной и стереоскопичной. Язык с точки зрения *когнитивной лингвосинергетики* (синоним — *когнитивно-синергетический подход*) — так мы предлагаем назвать новое направление — не только когнитивен по своей природе, высвечиваются также его системность, нестабильность, способность к саморегуляции и самоорганизации [Бронник 2008].

Во многом перевод отношений между лингвокогнитивной и синергетической перспективами языка в режим «соизмеримости» связан с устранением идейных противоречий. Можно ожидать, что последние не окажутся непреодолимым препятствием на пути интеграции, так как современная когнитивная наука плюралистична — описание когниции в ней не сводится к одной модели. В разнообразии подходов представлены и те, в которых развиваются положения об эволюционно-адаптивном характере познания, его динамичности, контекстуальности, интерактивности, самоорганизации и другие. Тем не менее, несмотря на множество точек пересечения, некоторые устоявшиеся положения лингвокогнитивной науки однозначно требуют пересмотра. И в первую очередь это касается принципа когнитивности, привычные рамки которого становятся слишком узкими для универсального характера эволюционно-синергетической парадигмы.

Так уже сложилось, что когнитивное зачастую ассоциируется с индивидуальной психикой. Это нашло отражение в том, как понимают задачи когнитивной науки: постижение человеческого разума [Thagard 2005: 3], изучение интеллектуальной активности живых организмов или машин [Lanzone 2001: 111], исследование типичной нормальной (без патологий) когниции взрослого человека [Von Eckardt 1995: 6]. Когнитивная лингвистика также привычно ориентируется на психическое понимание языка как особой когнитивной способности человека, позволяющей воспринимать и производить в режиме реального времени последовательности дискретных, структурированных символических единиц [Croft, Cruse 2004: 2].

По мере прогресса когнитивной науки все чаще стали задаваться вопросом о том, как возможно взаимопонимание в пределах языкового сообщества. Бесспорно, язык как культурное знание локализован в сознании отдельных людей, но вместе с тем вряд ли кто-то будет отрицать факт общего языкового знания (*shared knowledge*), которое объединяет людей в социальные группы, национальные и даже транснациональные сообщества (вопросы лингвистической глобализации сегодня становятся актуальными как никогда). Способность к символическому общению — одно из главных эволюционных приспособлений для социальной кооперации, необходимого условия выживания в социуме. Язык следует рассматривать

скорее как продукт взаимодействия разумов, нежели как внутренний код, обслуживающий мыслительные потребности отдельного человека. Подобные рассуждения органично вписываются в *концепцию расширенного разума (extended mind)*, подводящую философское обоснование под идею включения в когницию факторов окружающей среды. Поскольку последние сопряжены (*coupled*) с организмом человека, постольку они оказывают на его поведение прямое воздействие, участвуя в образовании петель, или контуров обратной когнитивной связи [Clark, Chalmers 2008: 222-223]. Нетривиальный вопрос «Где проходит граница человеческого разума?» предполагает в данных философских рамках возможность следующего ответа: когнитивными могут быть не только процессы сознания, но и внешние по отношению к нему факторы. Яркий пример тому — язык. Во многом благодаря речевому взаимодействию индивидуальные когнитивные ресурсы становятся достоянием других, а когнитивные процессы простираются за телесные «пределы» отдельного человека.

Гипотеза расширенного разума очень близка *теории распространенной когниции (distributed cognition)*, пытающейся объяснить, как удаются компонентам дистрибутивной системы — людям, техническим устройствам, книгам, картам и тому подобным — взаимодействовать четко и слаженно, делая систему эффективной для решения различных задач [Kirsh 2006: 258]. Разумное поведение отдельного человека предстает как результат взаимодействий с другими людьми и внешними когнитивными артефактами. И тогда, к примеру, становится очевидным, что дискурс в любой форме своего проявления (межличностной, групповой, межкультурной, межкультурной и тому подобных) — суть социально дистрибутивная когниция, в основе которой заложен процесс совместного означивания. Значения-знания, продукты лингвокогнитивной деятельности, не берутся участниками дискурса в готовом виде из некоего «хранилища», подобия музея, будь то индивидуальная или коллективная память. Они каждый раз конструируются в опоре на предшествующий жизненный и речевой опыт в уникальных ситуациях контекстуализированного общения. Общее знание, или общий социально-исторический контекст, является залогом успешной коммуникации. Единицей дискурсивного взаимодействия выступает не отдельный человек, а группа, соответственно, когнитивная целостность дискурса не достигается простым суммированием индивидуальных когнитивных процессов. Предположительно, задействуются синергетические механизмы интеграции интраментальных образований в интерментальные структуры.

Толчком к новому витку развития когнитивных представлений стало широкое внедрение *коннекционистских моделей* в исследования когниции. Первоначально глубокой ревизии подверглись принципы нейробиологи-

ческой природы сознания. По сравнению с машиноподобными моделями мозга, последовательными, локальными и алгоритмизированными, нейронные сети, будучи, напротив, параллельными, распределенными и самоорганизующимися, привлекают своей гибкостью, способностью к обучению как проявлению познавательной адаптации к информационным изменениям среды. Перенос сетевой идеи на более глобальные образования позволил увидеть их принципиальную схожесть с организацией нервной материи. Существенным отличием от языка как символической обработки информации согласно правилам синтаксического вывода явилось сетевое представление языкового процесса, укорененного, прежде всего, в биологической основе мозга [Rumelhart, McClelland 1986].

Таким образом, есть все основания считать, что *когнитивное измерение языка простирается намного дальше психической сферы отдельного человека*. Информация, закодированная, сжатая в формах языковых символов, является одним из главных атрибутов функционирования социальных групп, от малых (самый распространенный вариант — временная кооперация двух человек для ведения диалога) до сколь угодно больших. Различными аспектами языкового оформления культурно нагруженных смыслов уже традиционно занимаются социолингвистика, этнолингвистика, в последние десять-пятнадцать лет — лингвокультурология. Но у когнитивной лингвосинергетики в этой области своя «ниша» и свое предназначение, ясное представление специфики которых позволит избежать ненужного дублирования исследовательских усилий.

Главное отличие заключается в смещении стратегического вектора развития научной мысли. Для междисциплинарно организованной теории характерно движение от предметной области на стыке к поиску точек соприкосновения, попыткам соединить разрозненные части (как здесь — социальное и языковое, этническое и языковое, культурное и языковое) в единое целое, что неизбежно сопряжено с трудностями научного «перевода». Трансдисциплинарность эволюционно-синергетической методологии позволяет пойти дальше и достичь подлинной интеграции. Деление науки на отрасли по дисциплинарной принадлежности утрачивает в этом случае свою наукообразующую значимость, поскольку приоритетным становится конструктивный и равноправный диалог / полилог идей, выраженных на едином научном языке. От постановки проблемных задач в области информационного измерения языка к выработке общего подхода к их решению всеми «заинтересованными сторонами» — так бы мы обозначили курс когнитивной лингвосинергетики. Изменения в принципах научно-исследовательской деятельности, синтез эволюционно-синергетической и специальной методологий (здесь — когнитивной), постоянный «мониторинг» идей в смежных областях знания — все эти факторы в своей сово-

купности работают на повышение компетенции ученого-лингвиста в решении давно искомым вопросов языковой реальности, живой, развивающейся, сложной, отсюда столь трудно предсказуемой и объяснимой. На сегодняшний момент наибольший интерес, несомненно, представляют аспекты динамики лингвокогнитивных процессов, протекающих в гуманитарной сфере на разных уровнях ее организации: психическом, социальном и культурном.

Принцип когнитивности, таким образом, предлагается понимать гораздо шире, чем обычно подразумевается в когнитивной лингвистике. В нем отражается направленность на познавательную активность не только отдельного индивидуума, но и общественных структур различного ранга (включая гибридные образования типа «человек — компьютер»), реализуемую через коммуникацию на естественном языке / языках.

Литература

Бронник Л. В. Когнитивная лингвосинергетика — новый этап в науке о языке и мышлении // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филол. и искусств. — Майкоп : Изд-во АГУ, 2008. — Вып. 10. — С. 34-36.

Clark A., Chalmers D. Appendix : The Extended Mind // Supersizing the Mind : Embodiment, Action, and Cognitive Extension. — New York : Oxford University Press US, 2008. — P. 220-232.

Croft W., Cruse D. A. Cognitive Linguistics. — Cambridge : Cambridge University Press, 2004.

Iannone A. P. Dictionary of World Philosophy. — London ; New York : Routledge, 2001.

Kirsh D. Distributed Cognition : A Methodological Note // Pragmatics & Cognition. — 2006. — Vol. 14, No. 2. — P. 249-262.

Rumelhart D. E., McClelland J. L. Parallel Distributed Processing: Explorations in the Microstructure of Cognition: Vol. 1. Foundations. — Cambridge : MIT Press, 1986.

Thagard P. Mind : Introduction to Cognitive Science. — Cambridge : MIT Press, 2005.

Von Eckardt B. What is Cognitive Science? — Cambridge : MIT Press, 1995.

РАЗДЕЛ II

ГРАММАТИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ПОРОЖДЕНИЯ СМЫСЛА

Т.А. Клепикова, А.А. Худяков

г. Санкт-Петербург

ФАКТИВНОСТЬ И ПРОЦЕССЫ СМЫСЛОПОРОЖДЕНИЯ В СЛОЖНОПОДЧИНЕННОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ³

Настоящая статья посвящена анализу особенностей порождения смысла в синтаксических структурах с фактивными предикатами на материале английского языка. Формирование смысла в сложноподчиненном предложении с фактивами в функции предиката главного предложения трактуется как результат модусной категоризации зависимой пропозиции, в процессе которой в высказывании наблюдается реализация различных эгоцентрических проекций.

Известно, что некоторые предикаты (например, *know*, *regret*) пресуппонируют истинность вводимой пропозиции. В предложениях *John knows that Peter came here/ John regrets that Peter came here* содержание придаточного предложения (сентенционального компонента) представляется как имеющее место быть в действительности — ‘*Питер приехал, и это факт*’. При отрицании пресуппозиция истинности зависимой пропозиции не снимается. Изучение феномена фактивности, начатое Г. Фреге с точки зрения дистинкции смысла и значения, референции сентенционального компонента [Frege 1994: 149-150], было продолжено подробным описанием семантики и особенностей синтаксического поведения фактивов [Kiparsky, Kiparsky 1971; Karttunen 1971]. Фактивность семантики лексем непосредственно связана с такими синтаксическими характеристиками, как:

- 1) возможность заменять компонентайзер *that* на сочетание *the fact that*⁴;
- 2) резистентность по отношению к трансформациям и возможности расширения структуры за счет дополнительных элементов.

³ Статья написана в октябре 2008 г., публикуется впервые. – *ред.*

⁴ Исключением являются прототипический фактивный глагол *know*, а также глагол *realize*, чье синтаксическое поведение совпадает с характеристиками нефактивных предикатов [Kiparsky, Kiparsky, 1971: 348]. Проблема может быть решена, в принципе, если допустить, что глагол *know* лексически инкорпорировал именную фразу *the fact* как часть своего объектного аргумента — ‘*be aware of the fact that*’ [Seuren, 1999: 145-146].

Способность к видоизменению структуры зависимой пропозиции рассматривается в лингвистике в рамках «явлений главного предложения» (Main Clause Phenomena — MCP) или корневых (матричных) трансформаций (Root Transformations — RT), к которым относятся, в частности, топикализация и введение сентенциональных наречий [Hooper, Thompson 1973]. Данные синтаксические модели допустимы только для независимых предложений, главных предложений в структуре сложноподчиненного, в финитных компонентах, вводимых компонентайзером *that*. Топикализация и сентенциональные наречия не допускаются в герундиальных, инфинитивных компонентах и в компонентах с глаголом в форме Subjunctive (в связи с чем они именуются редуцированными клаузами — reduced clauses) [Hooper, Thompson 1973: 484-485]. Несмотря на то, что компоненты фактивных глаголов имеют финитную, сентенциональную природу, они также считаются редуцированными, структурно неполноценными (structurally impoverished) [Haegeman 2006: 1665], поскольку для них недопустимы целый ряд синтаксических трансформаций.

Например, для фактивов невозможен подъем подлежащего зависимого предложения:

(1) *It really matters that he has left already. à *He matters to have left already.*

В структуре компонента фактивных предикатов не являются нормой топикализации аргумента:

**I resent the fact that each part he had to examine carefully* [Hooper and Thompson 1973: 479].

Фактивы также не допускают введения сентенциональных наречий в структуру компонента (speaker-oriented adverbials)

**John regrets that Mary probably/obviously/unfortunately did not attend the meeting.*

Фактивные компоненты не допускают трансформации подъема вопроса, что приемлемо для компонента нефактивного глагола (например, *think*):

**How long did Samson regret that his hair had to be?*

How long did Samson think that his hair had to be?

В отличие от нефактивов для них невозможен подъем отрицания:

*He regretted that he hadn't told her a single thing à *He didn't regret that he'd told her a single thing.*

He thought that he hadn't told her a single thing à He didn't think that he'd told her a single thing.

Фактивы не могут быть использованы как вводные компоненты предложения:

**Я не смогу, сожалею, сегодня с вами встретиться* [Зализняк Анна, Падучева 1987].

Несмотря на обширную литературу по фактивности, фактообразующее значение предикатов в основном только постулируется, в то время как единой концепции механизма взаимодействия семантики лексемы и синтаксиса конструкции на сегодняшний день пока нет.

Современная лингвистическая методология, прежде всего когнитивная лингвистика, обращаясь к ментальным основам формирования языковых структур, позволяет по-иному взглянуть на сущность фактивности и прояснить актуализационную природу данного феномена. В этой связи в дальнейшем изложении мы обращаемся к таким понятиям, как дейксис говорящего, антропоцентрические проекции, модусность, концептуальная взаимосвязь когнитивных событий, реификация, сопряженность концептов, динамический характер семиозиса предложения.

Понятие ‘дейксиса говорящего’ как привязка высказывания к эгоцентрической позиции субъекта речи, его целевым установкам, аксиологическим, эпистемическим и другим видам оценки появилось в лингвистике в рамках антропоцентрического подхода к анализу явлений языка и речи [Степанов 1998: 373-377]. В когнитивной лингвистике данная позиция заключается в учете *когнитивной личности*, или *концептуализатора (концептора)* как безусловного фактора формирования языковых структур и речевых высказываний при определении параметров конструирования (construal), «привязки» (grounding), установки (vantage point), якорения (speaker anchoring) компонентов ситуации в процессе языковой концептуализации [Langacker 1987, 1991; Grounding ... 2002; Vandelanotte 2004].

Антропоцентрические проекции в высказывании могут быть представлены как содержание коммуникативной категории модусности [Кобрина 2006], включающей такие параметры, как *эвиденциальность* (отражение источника сообщаемой информации), *оценочность* (аксиологическая, эпистемическая, истинностная), *логофоричность* (отражение в высказывании точки зрения некоторого лица, отличного от говорящего), *топикальность* (маркирование известности/неизвестности информации как учет позиции слушающего) и другие. Таким образом, средства реализации категории модусности организуются относительно трех эго-центров — говорящего, слушающего и лица, чья точка зрения представлена в высказывании. Соответственно, ‘дейксис говорящего’ оказывается недостаточным для учета всех возможных эгоцентрических проекций в высказывании, в связи с чем мы используем понятие эго-сферы высказывания, отражающей когнитивно-коммуникативную личность (человек говорящий, слушающий, оценивающий).

Как известно, независимое высказывание (с грамматической точки зрения — самостоятельное предложение) характеризуется предикативностью (в иной терминологии — финитностью), модальностью, определенной темпоральной привязкой и дейксисом. Для компонентов сложноподчиненного предложения данные параметры и их соотношение видоизменяются.

В рамках когнитивно-функционального подхода формирование сложноподчиненного предложения (в частном случае — комплементация) рассматривается как определенная когнитивная ситуация, способ кодирования концептуальной взаимосвязи между двумя событиями — таким образом, что одно из них теряет автономное профилирование и представляется в перспективе другого события, получая языковое выражение в виде придаточного предложения [Langacker 1991]. При этом подчеркивается, что для анализа сущности языковой концептуализации подчинения важна когнитивная связь между событиями (положениями дел), а не конкретный способ соединения придаточного и главного предложений.

Когнитивная связь между событиями анализируется также в терминах *семантической связи, семантической интеграции* (semantic bond, semantic integration) событий. Смысловая «спаянность» двух событий в рамках единой ситуации (событийного или эвентуального фрейма) отражается в пространственно-временном отношении, в кореференции участников ситуации, эпистемическом согласовании и других параметрах. Между семантическими и синтаксическими параметрами интеграции обнаруживается изоморфизм, определяемый Т. Гивоном следующим образом: чем сильнее семантическая связь между двумя событиями, тем более экстенсивной будет синтаксическая интеграция двух пропозиций в одну сентенциальную структуру [Givón 1993: 2]. Соответственно, наименьшая интеграция будет характерна для тех комплементов, которые в максимальной степени сохраняют актуализационные характеристики базовой предикативной единицы, а именно — модальность, темпоральность, дейксис [Emonds 2004].

Характер когнитивной связи между событиями (положениями дел) и, соответственно, различный уровень семантической интеграции комплементов предопределяется предикатом главного предложения. В связи с этим в лингвистике появилось понятие *градуальности семантической интеграции* комплемента в зависимости от типа вводящего предиката (clause binding hierarchy) [Givón 1980]. Иерархия глаголов, присоединяющих комплемент, в этом отношении выглядит следующим образом (начиная от глаголов, допускающих наивысшую степень семантической интеграции): фазовые > модальные > манипулятивные₁ (*make*) > манипулятивные₂ (*order*) > дезидеративные, перцептивные [Givón 1993: 14; Cristofaro 2003:

117-118]. Что касается глаголов знания, пропозиционального отношения и речи, то, по мнению С. Кристофаро, семантическая интеграция здесь отсутствует, поскольку отношение между главным и придаточным в данном случае не является отношением между двумя предикациями: его следует квалифицировать как отношение между предикацией и пропозициональным содержанием [Cristofaro 2003: 122]. Отметим, что фактивные предикаты не фигурируют ни в классификации Т. Гивона, ни в классификации С. Кристофаро.

Принимая во внимание репрезентационный характер языка, сложноподчиненные предложения с сентенциональным компонентом можно представить как *лингвистические метарепрезентации* [Wilson 2000; Клепикова 2008]. При метарепрезентировании одна из когнитивных ситуаций представляется сквозь призму другой — то есть метарепрезентируется. В настоящей работе такого рода метарепрезентационная проекция характеризуется как *модусная категоризация зависимой пропозиции*, поскольку модификации именно модусных параметров влияют на специфику формирования структуры и особенности порождения смысла.

Интеграция предикативных единиц в структурах с фактивами предопределяется особенностями языковой реализации концепта ФАКТ, его соотношением с ФАКТИВНОСТЬЮ, характером имплицативных связей данного концепта, их взаимодействием с основными актуализационными параметрами предложения. В целом интеграционный профиль высказываний с фактивами определяется как концептор-ориентированная проекция концепта ФАКТ в сферу компонента.

Уровень интеграции компонентов в данных структурах предварительно следует оценить как достаточно высокий (по сравнению с конструкциями с предикатами речи, мнения). Об интегративных процессах свидетельствуют следующие наблюдаемые характеристики анализируемых структур:

- 1) принципиальная «недостаточность» семантики фактивных предикатов как лексем, требующих семантического «восполнения» в виде сентенционального компонента;
- 2) формирование 'фактивности' содержания сентенционального компонента только в процессе образования сложноподчиненного предложения;
- 3) недопустимость «явлений главного предложения» в компоненте (топикализации, введение сентенциональных наречий, подъем вопроса, отрицания и т.д.);
- 4) невозможность вводного употребления фактивного глагола;
- 5) проницаемость границы между предикативными единицами для пресуппозиций, кумулятивность пресуппозиций, «наследование»

сложноподчиненным предложением пресуппозиций комплемента [Karttunen 1973].

При рассмотрении структурно-семантической интеграции комплемента фактивов в модусном ключе обнаруживается отсутствие в зависимой пропозиции индикаторов дейксиса говорящего. Как отмечает Л. Хейгеман, если у структуры есть «увязка» с дейксисом говорящего, в зависимой пропозиции допускаются топиализация, независимые темпоральные явления, появление операторов эпистемической модальности, синтаксических наречий (*speaker-related adverbials*) [Haegeman 2006].

В редуцированных клаузах, к которым относят и комплементы фактивов, синтаксический комплемент не имеет дейксиса говорящего и ассоциируемых с ним проекций, в результате чего явления главного предложения редуцируются, а комплемент оказывается структурно «недостаточным». Фактивная интерпретация таких комплементов является «умолчанием» — их содержание не утверждается (*is not asserted*) [Hooper, Thompson 1973: 484-485], не соотносено с говорящим, а, так сказать «принимается как само собой разумеющееся» (*taken for granted*) [Haegeman 2006: 1664-1665].

Отмечая важность такого фактора, как дейксис говорящего, в отношении структурно-семантических характеристик предикатов фактивных глаголов, Л. Хейгеман в то же время оставляет вне поля рассмотрения собственно причины «блокирования» комплементов фактивных глаголов для дейксиса говорящего.

Как представляется, ответ на этот вопрос лежит в сфере семантики фактивности, структуры концепта ФАКТ, его имплицативного потенциала, наличия концептуального «поля тяготения» (по образному выражению М.В. Никитина [Никитин 2004]).

Прежде всего, фактивность является концептуально сопряженной с определенным (и только с одним!) видом оценки — истинностной оценкой. Таким образом, в основании формирования структуры с фактивами лежит логофорическая проекция в высказывание эго-центра субъекта истинностной оценки, утверждающего истинность содержания зависимой пропозиции. Н.Д. Арутюнова отмечает, что факт представляет не любую пропозицию, а только верифицированную и получившую оценку «истинно». «Верификации препятствуют идущие от говорящего субъекта субъективные оценки и эмотивные коннотации. «Факт» требует, чтобы вещи были названы своими именами. Он стремится избавиться от *res sentiens* «чувствующего субъекта». Соответствующее факту суждение порождено *res cogitans*, человеком, освободившимся от того человеческого, что не чуждо всякому человеку. Рамка «тот факт, что...» требует нейтральной лексики, отвечающей условию прозрачности» [Арутюнова 1998: 494-495].

Идея «свободы факта» от какой бы то ни было субъективизации, выдвинутая Н.Д. Арутюновой, и гипотеза ограниченности сферы действия «дейксиса говорящего» в отношении комплементов фактивных предикатов Л. Хейгеман означают потерю актуализационной значимости зависимой пропозиции, понижение коммуникативного статуса сентенциального комплемента, его концептуальное дефокусирование. С синтаксической точки зрения это квалифицирует интеграцию пропозиции в качестве сентенциального комплемента как достаточно жесткую: блокируется внедрение в структуру комплемента маркеров субъективной оценки, прототипическими представителями которых являются сентенциальные наречия, не допускается топикализация.

Помимо истинностной оценки фактивность, являясь сложным смыслом, включает такой компонент, как 'известность'. Содержание зависимой пропозиции при фактивном глаголе представляется как часть «общего знания» (common ground, shared knowledge), то есть информация, которой владеют либо говорящий и слушающий, либо говорящий и некоторые другие лица, остающиеся «за кадром». С точки зрения коммуникативной перспективы предложения (тема-рематического членения высказывания) такой параметр, как известность/неизвестность (тематичность/рематичность, фон/фокус) информации, вводимой зависимой пропозицией, связан с актуализацией эго-центра слушающего. Данный аспект семантики зависимой пропозиции анализируется в литературе и как ингерентная анафоричность сентенциального комплемента [van der Sandt 1992; Spenader 2003].

Известность-неизвестность (в терминах фон, основание, background, ground, common ground) вводимой в высказывании информации может быть маркирована посредством синтаксиса. Например, вводные конструкции характеризуют представляемую в рамках поля вводности информацию как новую, неизвестную. Именно сопряженность факта и известности является основанием синтаксического ограничения на вводное употребление фактивов. Как считают Анна А. Зализняк и Е.В. Падучева, неприемлемость высказывания **Я не смогу, сожалею, сегодня с вами встретиться* обусловлена не фактивностью глагола *сожалеть*, а входящей в его смысл презумпцией известности факта, описываемого подчиненной предикацией [Зализняк Анна, Падучева 1987].

Логику приводимых рассуждений нарушают следующие контрпримеры.

Фактивные предикаты могут вводить пропозиции, описывающие ситуации будущего (возможного или невозможного), что противоречит тезису о тематичности (анафоричности) содержания вводимой пропозиции: *Я знаю — город будет, / Я знаю — саду цветет.*

*I know that it is **impossible** for me to win four Grand Slam tournaments* (BNC/A0V).

Возможность вводного употребления иллюстрируется предложением *He is, **I regret**, unwell* — к сожалению, он не вполне здоров (пример из [Urmson 1963]).

В отобранном для исследования корпусе примеров обнаруживаются топикализации некоторых компонентов структуры:

*But I regret that **nowhere** has any formal green belt as yet been proposed* (BNC/ J16).

В структуре комплемента могут появиться модальные операторы:

*John regrets that Mary **may** not attend the meeting*

В некоторых случаях приемлемым является введение сентенциального наречия:

*As a con man he knew that **paradoxically** part of his appeal was his unsavouriness, so unlike the smooth Washington types with silver spoons in their mouths* (BNC/ACS).

В литературе широко известны и случаи «снятия» (нейтрализации) фактивной пресуппозиции:

(1) в сравнительных конструкциях:

My schedule today is messier than I realized.

John is taller than Bill realizes.

John is taller than Bill knows.

В этом случае они интерпретируются так же, как и нефактивы:

John is taller than Bill thinks [Carden, 1977: 586-588].

(2) при употреблении в antecedенте условного предложения:

If I realize/discover later that I was wrong, I'll tell you at once [Karttunen 1971].

(3) в вопросе:

*Why is Henry in such a bad mood? **Did he discover that Louise is in NY?***

(4) при введении эпистемического маркера:

*Henry is in a terrible mood. **Perhaps** he's discovered that Louise is in NY.*

В последних двух примерах предложения могут быть произнесены как говорящим, который считает (знает, убежден), что Луиза в Нью-Йорке, так и говорящим, который не знает, где в данный момент находится Луиза. Соответственно, в таком синтаксическом окружении комплемент глагола *discover* теряет фактивную пресуппозицию [Chierchia, McConnel-Ginet, 2000; Simons, 2006].

Вопрос о пресуппозированности тематичности содержания зависимой пропозиции также не является однозначным, например, для таких глаголов, как *discover, find, learn, realize, etc.* Рассмотрим следующий пример микро-диалога:

How will Louise get to the picnic?

(a) Henry **realized** that she can take a bus.

(b) Henry **figured** out that she can take a bus.

В ответах на вопрос о том, как Луиза доберется до пикника, прагматический фокус высказывания содержится в зависимой пропозиции, что означает снятие пресуппозиции известности, тематичности синтаксического компонента. При этом фактивное следствие (*factive entailment*) сохраняется [Simons 2007: 1045].

Предлагаемое теоретическое «оправдание» подобного поведения фактивов, «порочающего», на первый взгляд, статус данной группы глаголов, проводится с точки зрения динамики процессов смыслопорождения в высказываниях с фактивами, действия смыслопорождающих операторов различного уровня.

Динамическая модель семиозиса предложения [Худяков 2000] предполагает сопряженность и динамическое взаимодействие различных смыслопорождающих параметров высказывания. В этой связи обратим внимание на динамику функциональной категоризации глагола.

Введенное в лингвистический обиход понятие *динамической категоризации* обнаружило высокий экспланаторный потенциал при теоретическом описании глагольной лексики [Болдырев 1994; Кобрин 1995]. Релятивная природа глаголов, ономаσιологической функцией которых является соединение онтологических сущностей, становится источником динамического характера категоризации предикатной лексики, нежесткой закрепленности языковой концептуализации. Именно в зависимости от характера соединяемых сущностей и под влиянием таких факторов, как позиция концептуализатора, профилирование, изменяется системный субкатегоризационный статус глагола (*перекатегоризация*) либо актуализируются несколько статусов сразу (*поликатегоризация*). В результате видоизменяются синтаксическое поведение и семантика предиката.

Основанием *перекатегоризации* является феномен *концептуальной дивергенции*, характеризующий актуализационную смысловую дифференциацию глаголов, сопряженную с различием в их синтаксическом поведении. Так, в следующих примерах глагол чувственного восприятия *hear* вводит структурно различные виды компонента — сложное дополнение и синтаксический компонент:

I heard Susan sing.

I heard that Susan passed her exam.

Несмотря на то, что данные предложения семантически схожи, что позволяет говорить о них как о перифрастических высказываниях по отношению друг к другу, между интерпретациями данных высказываний существует значительная разница. Компонент перцептивного глагола в

виде сложного дополнения передает ситуацию непосредственного восприятия, в то время как структура с сентенциональным компонентом предполагает косвенное сообщение, или дедуктивно выводимое знание о ситуации. Поэтому предложение *?I heard Susan pass her exam* неприемлемо [Kirsner, Thompson 1976: 205].

Основанием *поликатегоризации* является феномен *концептуальной конвергенции* — явления актуализационного совмещения смыслов в рамках одного употребления лексемы.

Для фактивных глаголов характерны следующие варианты совмещения смыслов:

- (а) фактивность и речь;
- (б) фактивность и эвиденциальность.

Способность выражать речеактные значения свойственно фактивным эмотивам (аффективам). Соответственно, допускается сочетаемость с глаголом речи (в том числе при номинализации): *regret to say, or express one's regret that..., express resentment that...*, как в следующих примерах:

(...) *a Jewish lady had **expressed to him her regret** that the earlier character had helped to feed anti-Jewish prejudices (BNC/BOY).*

*Ms. Martin (...) **expressed resentment** that dead contractors were treated differently from soldiers who fall in battle (NYTimes 2007/05/19).*

Актуализация речеактного смысла возможна и при употреблении глагола вне сочетаемости с лексемами речеактной семантики, что означает допустимость реализации синтаксических явлений, проецирующих в компонент эго-центр говорящего. Отметим среди них следующие трансформации:

- (1) топиализация:

*I regret that **those details**, I cannot reveal to non members;*

(2) возможность двойного употребления комплементаризера *that*, характерного для разговорной речи:

*We regret **that** because our fundings have been halved over the last year **that** there will no longer be any drinks available at the bar for non members* (примеры из работы [Haegeman 2006]);

- (3) парентетическое употребление:

*"Contemporary design", the magazine's editor **regretted**, "because it has no roots in the vernacular idiom ... will not appear immediately familiar" (NBC/A0B).*

Совмещение фактивности и эвиденциальности (сообщение об источнике полученной информации) предопределено следующими импликациями: сообщение о факте предполагает знание факта, а знание предполагает наличие некоторого источника знаний (сведений).

Эвиденциальная каузация отличает знание от мнения: знание обладает источником, а для мнения свойственно обладание не источниками, а основаниями [Апресян 1995: 410]. Данная дистрикция традиционно иллюстрируется различием в вопросах: *How do you know* (откуда ты знаешь?) vs. *Why do you think so/ believe?* (почему ты так думаешь?) [Hintikka 1970: 881].

Эвиденциальность как источник получения информации является существенным компонентом формирования смысла с фактивными предикатами — прежде всего это свойственно предикатам знания и обнаружения информации. Например, возможные ответы на вопрос *Where did Louise go last week?* сигнализируют о наличии некоторого источника информации, при этом эвиденциальные значения имплицируются семантикой глагола ('обнаружить', 'узнать'):

Henry discovered that she had a job interview at Princeton.

Henry learned that she had a job interview at Princeton.

Henry found out that she had a job interview at Princeton.

Развитие эвиденциальных значений непосредственно связано с эпистемическими значениями и является результатом естественного для языка процесса усиления кодирования информированности говорящего о собственном отношении к содержанию вводимой пропозиции.

В некоторых случаях актуализация эвиденциальных смыслов может нивелировать фактивность. Рассмотрим следующий пример микродиалога.

Where was Louise yesterday?

(a) *?I know /Henry knows that she was in Princeton.*

(б) *I know from Henry that she was in Princeton* [Simons 2007: 1049].

Первый вариант ответа на вопрос о том, где была Луиза, с коммуникативной точки зрения является не совсем удачным: идеальным ответом было бы простое предложение, утверждающее некоторую пропозицию, поскольку при ответе на вопрос важно не ЗНАНИЕ говорящим того, где была Луиза вчера, а именно ГДЕ она была. Прагматическим фокусом данного высказывания (в контексте микродиалога) является содержание зависимой пропозиции. Соответственно, глагол *know* может выполнять только эвиденциальную функцию, то есть маркировать источник информации, в связи с чем второй вариант ответа — при введении указания на источник информации (*from Henry*) является более удачным.

В то же время структура *I know that she was in Princeton* может быть приемлемой, если реинтерпретировать её как *As far as I know, she was in Princeton*, что подавляет фактивность вводимой пропозиции, так как автор высказывания, имплицируя ненадежность источника информации, факти-

чески утверждает, что не уверен, так ли это на самом деле. Это можно проиллюстрировать вероятным продолжением высказывания в плане дискредитации источника информации: *But it may not be the case*. Таким образом, эвиденциальный смысл (ненадежность источника информации) снимает фактивность.

Как мы можем убедиться, эвиденциальность непосредственно связана с динамикой прагматического фокуса высказывания, тематическим статусом содержания комплемента. При актуализации эвиденциального смысла фактивного предиката содержание зависимой пропозиции автоматически квалифицируется как рематическое, новое, наблюдается шифтирование прагматического фокуса высказывания.

Дальнейшее усиление эвиденциального значения фактивных предикатов приводит к появлению дискурсивных маркеров сентенциональной природы — *You know (Y'know)*, *You see* и под. Прагматический фокус высказывания центрируется относительно слушающего, представляя информацию как новую/данную, что поддерживается и формой субъекта — это второе лицо (*you*).

Однако эвиденциальность может быть актуализована не только фактивным предикатом. Так, в следующем примере маркером эвиденциальности является кватативная форма комплемента.

On arriving he missed that female intimacy which had been so important a part of his life for many years. He knew that "it was not good for man to dwell alone"; and he sharply felt his loneliness (BNC/ A0P).

Анализ взаимодействия эвиденциальных и фактивных значений и отражение данного взаимодействия в формировании смысла всего высказывания позволяет утверждать, что в лингвистическом представлении фактивность оказывается градуируемой сущностью. Действительно, поскольку фактивные предикаты вводят не надежные ситуации (*reliable situations*), а надежные сообщения о ситуациях (*reliable reports*) [Speas 2004: 262], высказывания с ними представляют собой своего рода «двойное дистанцирование» говорящего, через логофорический эго-центр субъекта истинностной оценки. Непосредственно наблюдать содержание чье-либо знания или чье-либо опыта нельзя, что блокирует возможность «проникновения» дейксиса говорящего в структуру зависимой фактивной пропозиции. В том случае, когда актуализация эвиденциального смысла глагола становится прагматически оправданной (в чем проявляется дейксис говорящего, его установка), фактивность может быть градуирована. Эвиденциальность, таким образом, оказывается мотивированной как логофорическим центром (эго-центром субъекта истинностной оценки), так и эго-центром говорящего: наличие некоторого источника информации является импликацией фактивного предиката, однако в некоторых контек-

стах прагматически оправданное усиление эвиденциального смысла мотивируется установкой говорящего.

Попытаемся далее обосновать способность фактивов вводить так называемые «контрфактивные» контексты, описывающие проспективное, желательное, возможное или невозможное положение дел, что противоречит, на первый взгляд, семантике ФАКТА.

Как известно, специфика фактов как абстрактных объектов состоит в том, что они не индивидуализируются тем же самым способом, что и имена конкретной индивидуальной семантики. Их значение является, по словам Н. Ашера, «вопросом конвенции внутри нашей концептуальной схемы» ('a matter of convention within our conceptual scheme') [Asher 1993: 258]. Это означает, что наше восприятие фактов в бóльшей степени зависит от того, каким образом они вводятся и описываются в дискурсе, чем это происходит при восприятии конкретных индивидуальных объектов. Соответственно, «абстрактные объекты» возникают в процессе реификации (reification) как одного из возможных видов языковой референции — они не воспринимаются как единое целое до тех пор, пока они не будут референциально отграничены, реифицированы (reified) [Spencer 2003]. Реифицировано в виде абстрактного объекта и представлено в виде факта может быть любое положение дел, любая пропозиция. В этом случае мы говорим о своего рода «субъективности» знания, то есть формирования фактивности относительно эго-центра субъекта истинностной оценки. Проиллюстрировать данное положение можно следующим примером:

Zulus take little stock in the white man's nonsense that flies can kill cattle; they know that witches are responsible (Time 1946/08/05).

В данном примере твердая убежденность зулусов в том, что не мухи цеце убивают скот, а ведьмы, составляет часть их мировоззрения, картины мира, что маркируется введением пропозиции через фактивный глагол *know* (*they know that witches are responsible*). В то же время в высказывании обнаруживается и эго-центр говорящего, дистанцирующегося от картины мира зулусов, что реализуется посредством иронического косвенного «цитирования»: *white man's nonsense that flies can kill cattle*. Согласно картине мире говорящего, дело обстоит как раз наоборот. В этом случае логофорический центр высказывания, репрезентирующий субъект истинностной оценки, является одновременно и миропорождающим оператором, утверждая существование некоторого ментального мира, «который принимает на себя обязательство соответствовать действительному миру, быть его мыслительным коррелятом. Это базисный мир сознания, и строится он — при всех его заблуждениях и неполно-достаточной адекватности — на принципах истинности и верифицируемости» [Никитин 2004: 53-54].

«Миропорождающая» функция эго-центра субъекта истинностной оценки допускает появление в качестве зависимой пропозиции «перспективного» положения дел:

I know that I will continue to get great pleasure from simply looking at you (BNC/A4A).

Логофорический центр высказывания с фактивами допускает своего рода переключение «миров сознания», в рамках которых производится истинностная оценка зависимой пропозиции. Синтаксически это отражено в сравнительных структурах и в условных предложениях. Таким образом можно объяснить феномен «снятия» фактивности (и одновременного её утверждения в «ином» мире) в данных языковых выражениях.

Интересно, что при реификации пропозиции, относящейся к будущему, употребление глагола знания в форме прошедшего времени не снимает фактивность компонента:

Little did we know that it would result in one of the most amazing periods of our life (BNC/ AB5).

Приведенные наблюдения позволяют разграничить концепт ФАКТ и понятие ФАКТИВНОСТИ как языковой репрезентации факта. Если ФАКТ свободен от субъективизации, то ФАКТИВНОСТЬ — нет, она является языковой репрезентацией «эпистемического речательства» субъекта истинностной оценки о некотором положении дел, сопрягается с эвиденциальностью, логофоричностью, индексируется относительно эго-центра субъекта истинностной оценки и источника информации. С этой точки зрения фактивность представляется модусно-ориентированной проекцией «сообщений о ситуации/опыте», что характеризует конструкции с фактивными предикатами как отдельный вид лингвистических метарепрезентаций.

Проекция эго-центра говорящего в структуру фактивного компонента возможна при реализации в рамках одного высказывания модусных проекций двух эго-центров: говорящего и субъекта истинностной оценки.

В предложении *Terry knows that Mary, surprisingly, was kidnapped*, включающему сентенциональное наречие, обнаруживаем, что пропозиция ‘Мэри была похищена’ оценивается дважды — с точки зрения истинности (глагол *know*) и с точки зрения необычности (лексема *surprisingly*), но субъекты оценки в обоих случаях разные: в первом случае — это субъект глагола *know* (Терри), а во втором — это говорящий.

В русском языке, по мнению Е.Р. Иоанесян, вообще нельзя выразить одновременно (т.е. в пределах одного высказывания) две разные, даже непротиворечивые оценки одной и той же ситуации, например:

Я знаю, что Петя, как ни странно, уехал (оценка истинности ситуации посредством глагола **знать (Петя уехал) и оценка неординарности этого события (как ни странно)) [Иоанесян 1989: 126].*

Примеры с введением сентенциональных наречий в структуру компонента обнаруживаем в текстах самых разных жанров:

*(...) the trouble with these beastly GIANTS is that they seem to spend most of their lives telling the child WHAT TO DO and WHAT NOT TO DO. What the child does not understand is that **unfortunately** the GIANTS have to do this (BNC/EED).*

*Will the Minister confirm that the office in Newcastle upon Tyne is in the habit of pricing its community care grants in two well-known catalogue shops and that **unfortunately** it failed to spot in April 1991 that the Government had increased value added tax? (BNC/HHV).*

*In case any of your readers were left with the impression that most of the Chadwick Collection had disappeared into an anonymous private collector's hands, we would like to reassure them that **fortunately** this was not the case (BNC/CLU).*

Подводя итоги рассмотрению вопроса о механизмах интеграции предикативных единиц в рамках сложноподчиненного предложения с фактивным глаголом в качестве предиката главного предложения, отметим следующие.

Формирование структуры с сентенциональным компонентом при фактивных глаголах и процессы смыслопорождения обнаруживают действие определенных интеграционных закономерностей, что отражается в структуре и семантике всего сложноподчиненного предложения. Фактором, «запускающим» механизм интеграции, является структура сложного концепта *ФАКТ*, проявляющего свойственную всем концептам как сущностям ментального плана имплицативность [Никитин 2004], или концептуальную сопряженность. Диалектика сознания позволяет говорить о возможности так называемой отрицательной имплицативности, то есть о неконгруентности определенных концептуальных пространств (например, *ФАКТ* и *МНЕНИЕ*). Семантика *ФАКТА* является сопряженной с такими смыслами, как истинностная оценка, известность/неизвестность, эвиденциальность, речь (речеактивный смысл). Одновременная актуализация сопрягаемых смыслов приводит к поликатегоризации фактивных предикатов и модификации структуры.

Анализ фактивных предикатов и их синтаксического поведения с точки зрения проекции антропоцентрического дейксиса в сферу высказывания позволяет выделить эго-центр говорящего, эго-центр субъекта истинностной оценки, эго-центр слушающего, что позволяет говорить об использовании фактивов в качестве индексальных символов в речи [Field

1997]. Эпистемические, эвиденциальные и тема-рематические параметры сентенционального компонента тесно связаны, и их взаимодействие является смыслопорождающей операцией, допускающей трансформации и модификации в структуре сентенционального компонента.

Развиваемая нами метареферентная модель концептуализации структур с сентенциональным компонентом (в том числе и вводимых фактивными предикатами) предполагает динамическую концепцию говорящего. Динамика проекции говорящего принимает во внимание множество оснований, или перспектив, которые говорящие конструируют в процессе дискурса, вне зависимости от состояния логического знания говорящего.

Литература

Апресян Ю.Д. Избранные труды. Том II. Интегральное описание языка и системная лексикография. — М. : Школа «Языки русской культуры», 1995.

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. — М. : Языки русской культуры, 1998.

Болдырев Н.Н. Категориальное значение глагола: Системный и функциональный аспекты: Монография. — СПб. : РГПУ, 1994.

Зализняк Анна А., Падучева Е.В. О семантике вводного употребления глаголов // Вопросы кибернетики. Прикладные аспекты лингвистической теории / Под ред. А.П. Ершова. — М., 1987. — С. 80-96.

Гончарова Н.Ю. Формирование фактообразующего значения английского глагольного предиката в системе языка и речи : автореф. дис. ... канд. филол. н. — Тамбов, 2000.

Иоанесян Е.Р. Проблемы эпистемического согласования // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. — М. : Наука, 1989. — С. 116-133.

Клепикова Т.А. Лингвистические метареферентации : Монография. — СПб. : Астерион, 2008.

Кобрина Н.А. Лексическая и категориальная семантика глагола как фактор категоризации его актантов // *Studia Linguistica*: Сб. науч. тр. Вып. I / Науч. ред. В.В. Кабакчи, В.М. Аринштейн. — СПб. : Образование, 1995. — С. 40-47.

Кобрина Н.А. // Единство системного и функционального анализа языковых единиц: материалы Междунар. науч. конф. (г. Белгород, 11-13 апр. 2006 г.): в 2-х ч. / Под ред. О.Н. Прохоровой, С.А. Моисеевой. — Белгород: Изд-во БелГУ, 2006. — Вып. 9. — Ч. I. — С. 200-204.

Никитин М.В. Развернутые тезисы о концептах // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2004. — № 1. — С. 53-64.

Степанов Ю.С. Язык и Метод. К современной философии языка. — М. : «Языки русской культуры», 1998.

Худяков А.А. Семиозис простого предложения. — Архангельск : ПГУ им. М.В. Ломоносова, 2000.

Asher N. Reference to Abstract Objects. — Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1993.

Carden G. Comparatives and Factives // *Linguistic Inquiry*. — 1977. — Vol. 8. — No. 3. — P. 586-590.

Chirchia G., McConnell-Ginet S. Meaning and Grammar. — Cambridge, MA : MIT Press, 2000.

Cristofaro S. Subordination. — Oxford: Oxford University Press, 2003.

Emonds J. Unspecified categories as key to root constructions // Adger D., de Cat C., Tsoulas G. (Eds.) *Peripheries*. — Dordrecht : Kluwer, 2004. — P. 76-120.

Field M. The Role of Factive Predicates in the Indexicalization of Stance: A Discourse Perspective // *Journal of Pragmatics*. — 1997. — Vol. 27. — No. 6. — P. 799-814.

Frege G. On Sense and Reference // *Basic Topics in the Philosophy of Language* / Ed. by R.M. Harnish. — Englewood Cliffs, New Jersey : Prentice Hall, 1994. — Pp. 142-160.

Givón T. English grammar: a function-based introduction. In 2 vols. — Amsterdam/Philadelphia : John Benjamins Publishing Co., 1993.

Givón, T. The binding hierarchy and the typology of complements // *Studies in Language*. — 1980. — Vol. 4. — No. 3. — P. 333-377.

Grounding: The Epistemic Footing of Deixis and Reference / Ed. by F. Brisard. — Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2002.

Haegeman L. Conditionals, factives and the left periphery // *Lingua*. — 2006. — Vol. 116. — P. 1651-1669.

Hintikka J. Objects of Knowledge and Belief // *The Journal of Philosophy*. — 1970. — Vol. 67. — No. 21. — P. 869-883.

Hooper J.B., Thompson S.A. On the applicability of root transformations // *Linguistic Inquiry*. — 1973. — Vol. 4. — P. 465-497.

Karttunen L. Implicative Verbs // *Language*. — 1971. — Vol. 47. — No. 2. — P. 340-358.

Karttunen L. Presuppositions of compound sentences // *Linguistic Inquiry*. — 1973. — Vol. 4. — No. 2. — P. 169-193.

Kirsner R., Thompson S. The role of pragmatic inference in semantics: a study of sensory verb complements in English // *Glossa*. — 1976. — Vol. 10. — No. 2. — P. 200-241.

Kiparsky P., Kiparsky C. Fact // Semantics: An interdisciplinary reader / Ed. by D.D. Steinberg, L.A. Jacobovitz. — Cambridge: Cambridge University Press, 1971. — P. 345-369.

Langacker R.W. Foundations of Cognitive Grammar. Vol. 1: Theoretical Prerequisites. — Stanford: Stanford University Press, 1987.

Langacker R.W. Foundations of Cognitive Grammar. Vol. II. Descriptive Application. — Stanford: Stanford University Press, 1991.

Seuren P.A.M. Factivity // Brown K., Miller J. (Eds.) Concise encyclopaedia of grammatical categories. — Amsterdam et al: Elsevier, 1999. — P. 145-146.

Simons M. Observations on embedding verbs, evidentiality, and presupposition // Lingua. — 2007. — Vol. 117. — P. 1034-1056.

Speas M. Evidentiality, logophoricity and the syntactic representation of pragmatic features // Lingua. — 2004. — Vol. 114. — P. 255-277.

Spenader J. Factive Presuppositions, Accommodation and Information Structure // Journal of Logic, Language and Information. — 2003. — Vol. 12. — P. 351-368.

Urmson J. Parenthetical verbs // Philosophy of Ordinary Language / Ed. by C. Caton. — Indiana: University of Illinois Press, 1963. — P. 220-240.

van der Sandt R. Presupposition projection as anaphora resolution // Journal of Semantics. — 1992. — Vol. 9. — No. 4. — P. 333-377.

Vandelanotte L. Deixis and Grounding in Speech and Thought Representation // Journal of Pragmatics. — 2004. — Vol. 36. — No. 3. — P. 489-520.

Wilson D. Metarepresentation in Linguistic Communication // Metarepresentations: A Multidisciplinary Perspective / Ed. by D. Sperber. — Oxford, N.-Y. et al: Oxford University Press, 2000. — P. 389-410.

Список источников иллюстративного материала

BNC British National Corpus [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://corpus.byu.edu/bnc/>

NYTimes New York Times Magazine

Time Time Magazine

*Н.А. Беседина
г. Белгород*

ФОРМИРОВАНИЕ СМЫСЛА В ПРОЦЕССЕ МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

Проблема формирования смысла в ходе речемыслительной деятельности составляет один из наиболее интересных аспектов в исследованиях лингвистов, работающих в разных научных парадигмах (см., например:

[Павиленис 1983; Серебренников 1988, Михайлов 1992; Бондарко 2002; Болдырев 1995; Худяков 2000] и др.). Современные когнитивные исследования языка создают основу для того, чтобы заново осмыслить эту проблему в контексте познавательных процессов и способов репрезентации структур знания в языке (см., например: [Кубрякова 2004; Болдырев 2000, 2008; Магировская 2009]). Такое осмысление предполагает рассмотрение роли каждого из уровней языковой репрезентации в процессе смыслоформирования.

Исследование проблемы формирования смысла в процессе морфологической репрезентации основывается на ряде важных положений теории морфологической репрезентации. В соответствии с ними, морфология не только и не столько передает собственные (морфологические) смыслы, но служит базой для формирования широкого спектра грамматических и лексико-грамматических смыслов в рамках предложения-высказывания. Соответственно формирование смысла в процессе морфологической репрезентации оказывается интегративным и полифакторным процессом (подр. см. [Беседина 2006]).

Принципы интегративности и полифакторности выступают как общие и универсальные принципы, на которых базируется процесс формирования смысла, передаваемого любой языковой единицей в высказывании (подр. об этом см. [Болдырев 1995 и др.]).

Принцип интегративности проявляется в том, что смысл, передаваемый языковой единицей в высказывании, формируется в результате взаимодействия значений различных элементов высказывания. Применительно к морфологической репрезентации этот принцип предполагает взаимодействие разных уровней языковой системы, обеспечивающее формирование конкретных грамматических и лексико-грамматических смыслов. Реализация последних осуществляется под влиянием семантического, синтаксического и контекстуального факторов, которые в той или иной степени конкретизируют обобщенные собственно морфологические смыслы и обнаруживают определенную взаимодополняемость. Последнее позволяет рассматривать данный процесс и как полифакторный. К числу факторов, взаимодействующих с морфологическими формами и влияющих на формирование лексико-грамматических смыслов, относятся: лексическая семантика соответствующих языковых единиц (семантический фактор), структура предложения-высказывания (синтаксический фактор), ближайший лингвистический контекст, т.е. контекст предложения-высказывания, объединяющий значения и формы единиц, входящих в него (контекстуальный фактор).

Когнитивным основанием формирования смысла в процессе морфологической репрезентации выступает морфологически передаваемый кон-

цепт. Как и любой концепт он существует в двух ипостасях: как единица знания, репрезентируемая с помощью морфологических категорий и форм, и как концепт, лежащий в основе формирования морфологических категорий и реализующийся в виде конкретных грамматических смыслов (например, грамматическое время, число, аспект, наклонение и др.).

Как следствие, морфологически передаваемый концепт может быть определен как выраженная морфологической формой единица знания о представлении мира в языке, т.е. единица языкового знания, передающая способ языковой репрезентации знания энциклопедического. Морфологически передаваемые концепты, будучи основой формирования соответствующих морфологических категорий, позволяют подводить существующее многообразие морфологических форм под соответствующие категории и определяют семантику последних.

Содержание морфологически передаваемых концептов составляют основополагающие стабильные значения (элементы смысла), которые кодируются с помощью морфологических показателей. Оно включает максимально обобщенные и абстрактные характеристики, которые в процессе активизации требуют дальнейшего уточнения и конкретизации при участии дополнительных лингвистических факторов. Эти характеристики обладают статусом особых категориальных смыслов и имеют принципиальную важность для выражения связей семантики и синтаксиса. Сущность морфологически передаваемого концепта состоит в том, что его содержание, передаваясь морфологически, раскрывается полностью только через взаимодействие с другими факторами в процессе морфологической репрезентации.

Формирование смысла в процессе морфологической репрезентации обусловлено общими закономерностями передачи смысла в речемыслительной деятельности и представления в языке концептуального содержания (см. подр. [Кубрякова, Демьянков, 2007; Болдырев, Беседина 2007]).

Концепт, репрезентируемый с помощью тех или иных средств на уровне морфологии, формируется нашим сознанием на базе характеристик основного концепта и оказывается как бы «встроенным» в его структуру. Тем самым реализуется непрерывность концептуальной системы, подразумевающая образование с помощью языка новых смысловых структур на основе содержащихся в системе концептов [Павиленис 1983].

Специфика формирования смысла в процессе морфологической репрезентации связана с действием когнитивных механизмов абстрагирования, профилирования и конфигурирования (подр. о сущности данных механизмов см. [Беседина 2006; Болдырев, Беседина 2007]). Первоначально в содержании основного концепта («ВРЕМЯ», «КОЛИЧЕСТВО», «ОТНОШЕНИЕ» и др.) происходит процесс абстрагирования от конкрет-

ных характеристик. В результате действия когнитивного механизма абстрагирования кодируются наиболее важные для языка характеристики, которые и ложатся в основу при формировании морфологически передаваемых концептов («ВРЕМЯ», «ЧИСЛО», «ПАДЕЖ» и др.). Вследствие этого, последние представляют собой те языковые смыслы, с помощью которых кодируются энциклопедические знания. Иными словами, морфологически передаваемые концепты обобщают знания с целью их языкового представления и «отвечают» за передачу языковых знаний в конкретном языке.

Поскольку содержание концепта обладает динамикой, то в речи он приобретает определенную конфигурацию, т.е. смысл. Основные смыслы, составляющие содержание морфологически передаваемого концепта, актуализируются через морфологические формы. Именно в результате их активизации и формируются собственно морфологические смыслы, которые имеют обобщенный характер и требуют дальнейшего уточнения и конкретизации под влиянием упомянутых выше факторов.

Один из концептов, получающих морфологическую репрезентацию — это концепт «МОДАЛЬНОСТЬ». Основным языковым механизмом его морфологической репрезентации является морфологическая категория наклонения. В ее основе лежит морфологически передаваемый концепт «НАКЛОНЕНИЕ», который формируется в результате действия когнитивного механизма абстрагирования на базе концепта «МОДАЛЬНОСТЬ». Содержание последнего включает такие характеристики, как реальность, ирреальность, волеизъявление, сомнение, уверенность, желательность, предвосхищение, отрицание, утверждение, вопрос, побуждение. В результате действия когнитивного механизма абстрагирования в содержании концепта «МОДАЛЬНОСТЬ» выделяются характеристики «реальность» и «ирреальность». Именно эти характеристики служат основой при формировании морфологически передаваемого концепта «НАКЛОНЕНИЕ» и реализуются в таких характеристиках, составляющих его содержание, как «соответствие действительности» и «несоответствие действительности». На основе этого концепта в составе морфологической категории наклонения объединяются формы изъявительного, повелительного и сослагательного наклонения. Эти формы активизируют соответствующие характеристики морфологически передаваемого концепта «НАКЛОНЕНИЕ», что приводит к формированию собственно морфологических смыслов «соответствие действия фактам реальной действительности» и «несоответствие действия фактам реальной действительности». Активизация морфологически передаваемого концепта под влиянием морфологических форм приводит, в свою очередь, к активизации основного концепта «МОДАЛЬНОСТЬ», в содержании которого в результате действия син-

таксического, контекстуального и семантического факторов дополнительно профилируются характеристики, которые в разных сочетаниях с характеристиками морфологически передаваемого концепта служат основой для формирования широкого спектра лексико-грамматических смыслов.

Так, например, формы сослагательного наклонения активизируют в содержании морфологически передаваемого концепта «НАКЛОНЕНИЕ» характеристику «несоответствие действительности», что приводит к формированию собственно морфологического смысла «несоответствие действия фактам реальной действительности». Данный смысл является максимально обобщенным и не указывает непосредственно на характер и степень этого несоответствия. Уточнение и конкретизация этого смысла происходит под влиянием контекстуального и синтаксического факторов. При этом ведущая роль принадлежит синтаксическому фактору, так как передача того или иного смысла сопряжена с использованием той или иной формы сослагательного наклонения в определенных типах сложно-подчиненного предложения. Под влиянием названных факторов в содержании основного концепта «МОДАЛЬНОСТЬ», активизирующегося через морфологически передаваемый концепт «НАКЛОНЕНИЕ», дополнительно профилируются характеристики. На основе различного сочетания характеристик основного концепта и характеристики «несоответствие действительности» морфологически передаваемого концепта формируется широкий спектр грамматических смыслов: действие необходимое, желаемое и возможное (Charles suggested that they **have** lunch before doing anything further (Howatch)); действие необходимое или желаемое, но противоречащее действительности (We do so wish that Charles **had married** Anne instead (Austen)); действие предвосхищаемое со страхом или опасением (He feared lest they **should search** for him (Voynich)); действие, представляемое как сравниваемое с другим действием (What's up? She looks as if she had been a ghost (Baldwin)); воображаемое условие или мотив для другого действия I assure you I **should know** if it were (James)); воображаемое действие для реализации которого нет необходимых условий (But if you had never appeared I **should not have been surprised** (James)); действие представляемое как сомнительное (We had doubts if it **were** possible to cross the river at this time of the year (BNC)).

Проиллюстрируем действие основных когнитивных и языковых механизмов, а также дополнительных лингвистических факторов при формировании смысла в процессе морфологической репрезентации на примере некоторых из перечисленных смыслов. Грамматический смысл «*действие необходимое, желаемое или возможное*» формируется на основе форм сослагательного наклонения типа I/he should go; I/he should be present, которые активизируют в содержании морфологически передаваемого кон-

цепта «НАКЛОНЕНИЕ» характеристику «несоответствие действительности», что приводит к формированию собственно морфологического смысла «несоответствие действия фактам действительности». Уточнение и конкретизация этого смысла осуществляются при участии синтаксического и контекстуального факторов.

Роль синтаксического фактора сопряжена с тем, что формы сослагательного наклонения используются в определенных типах придаточных предложений, а именно: в придаточных подлежащих, сказуемых, дополнительных, определительных и условных. Например: I crouched against the wall of the gallery **so that I should not be seen**. Контекстуальный фактор связан с использованием в некоторых случаях в главном предложении безличного оборота типа It's necessary, it's impossible. Например: It's impossible that Emma **should not miss** such a companion (Austen). Кроме того, сказуемое в главном предложении может быть выражено глаголами, в семантике которых заложены значения необходимости, предложения и т.д. что-либо сделать (demand, urge, insist, suggest, recommend, propose, advise и т.д.). Под влиянием названных факторов в основном концепте «МОДАЛЬНОСТЬ», активизирующемся через морфологически передаваемый концепт «НАКЛОНЕНИЕ», дополнительно профилируются такие характеристики основного концепта, как «необходимость», «желательность», «возможность». Их сочетания с характеристикой морфологически передаваемого концепта «несоответствие действительности» обеспечивают соответствующее конфигурирование концептуального содержания и формирование рассматриваемого смысла.

Основой для передачи грамматического смысла «*действие, предвосхищаемое со страхом или опасением*» служат формы сослагательного наклонения типа: I should/would go; I should/would be present; he would go; he would be present. Данные формы активизируют в содержании морфологически передаваемого концепта «НАКЛОНЕНИЕ» характеристику «несоответствие действительности», на основе которой и формируется собственно морфологический смысл «несоответствие действия действительности». Данный обобщенный смысл в дальнейшем подвергается конкретизации при участии контекстуального и синтаксического фактора. Синтаксический фактор связан с употреблением форм сослагательного наклонения в придаточных дополнительных. Контекстуальный фактор предполагает, что сказуемое главного предложения выражено глаголами или сочетаниями соответствующей семантики (передающими страх, опасение и т.д.), например: fear, worry, to be terrified, to be troubled, to be in terror и т.д. Например: For herself, she feared to move, lest she **should be seen** (Austen).

Под влиянием отмеченных факторов в содержании основного концепта «МОДАЛЬНОСТЬ», активизируемого через морфологически пере-

даваемый концепт «НАКЛОНЕНИЕ», дополнительно профилируется характеристика «предвосхищение». Именно ее сочетание с характеристикой «несоответствие действительности» морфологически передаваемого концепта ложится в основу анализируемого смысла.

Смысл «*действие необходимое или желаемое, но противоречащее реальности*» формируется на базе форм сослагательного наклонения типа I/he went; I/he were present. Они активизируют морфологически передаваемый концепт «НАКЛОНЕНИЕ» и актуализируют в его содержании характеристику «несоответствие действительности», на базе которой формируется собственно морфологический смысл «несоответствие действия действительности». Конкретизация этого обобщенного смысла происходит под влиянием, прежде всего, синтаксического фактора. Он предполагает использование данных форм сослагательного наклонения в определенных моделях предложения, а именно, в придаточных предложениях подлежащих и дополнительных или в восклицательных предложениях, построенных по модели: If only it **were** true! If only I **knew** what to do! Например: We do so wish that Charles **had married** Anne instead (Austen). I hate telephones. I wish I **had never had** one put in (Maugham).

В формировании рассматриваемого смысла участвует также контекстуальный фактор, который проявляется в том, что сказуемое главного предложения выражено глаголом wish или глагольными сочетаниями, передающими идею желательности had better, would rather и т.д. Например: But one feels the account is left open, and one would rather it were closed (Lawrence). I wish she **had accepted** him (Austen). He sat there for a couple of hours smoking cigarette after cigarette, and he wished he **were** dead (Maugham).

Под влиянием синтаксического и контекстуального факторов в содержании основного концепта профилируются характеристики «необходимость», «желательность», «ирреальность», которые в сочетании с характеристикой «несоответствие действительности» морфологически передаваемого концепта «НАКЛОНЕНИЕ» обеспечивают конфигурирование концептуального содержания и создают основу для формирования рассматриваемого смысла.

Грамматический смысл «*действие, представляемое как сомнительное*» передается на основе формы Past Subjunctive. Эта форма активизирует морфологически передаваемый концепт «НАКЛОНЕНИЕ» и характеристику «несоответствие действительности» в его содержании, что приводит к формированию собственно морфологического смысла «несоответствие действия действительности». Его конкретизация в процессе морфологической репрезентации происходит под влиянием синтаксического и контекстуального факторов. Синтаксический фактор предполагает ис-

пользование форм сослагательного наклонения в придаточных дополнительных предложениях, вводимых союзами *if, whether*. Контекстуальный фактор связан с использованием в качестве сказуемого главного предложения глаголов и глагольных сочетаний, в семантике которых заложена идея сомнения (*to doubt, to disbelieve, to have doubts, to greet with skepticism* и т.д.). Например: *We had doubts if it were possible to cross the river at this time of the year (BNC)*.

Под влиянием этих факторов в содержании основного концепта «МОДАЛЬНОСТЬ» в процессе морфологической репрезентации дополнительно профилируется характеристика «сомнение». Ее сочетание с характеристикой «несоответствие действительности» морфологически передаваемого концепта «НАКЛОНЕНИЕ» обеспечивает конфигурирование концептуального содержания, что приводит к формированию грамматического смысла «действие, представляемое как сомнительное».

Таким образом, все вышеизложенное приводит к выводу о том, что в основе формирования смысла в процессе морфологической репрезентации лежит системное взаимодействие ментальных и языковых структур, предполагающее обязательную интеграцию лингвистических факторов в рамках предложения-высказывания. При этом каждая морфологическая форма является носителем специфического, свойственного только ей способа языковой репрезентации той или иной части концептуального содержания.

Литература

Беседина Н.А. Морфологически передаваемые концепты: дисс. ... доктора филол. наук. — Тамбов, 2006.

Болдырев Н.Н. Функциональная категоризация английского глагола: дисс. ... д-ра филол. наук. — СПб., 1995.

Болдырев Н.Н. Значение и смысл с когнитивной точки зрения и проблема многозначности // Когнитивная семантика: мат-лы второй Междунар. школы-семинара по когнитивной лингвистике 11-14 сентября 2000. — Тамбов, 2000. — С. 11-17.

Болдырев Н.Н. Принципы и методы когнитивных исследований языка // Принципы и методы когнитивных исследований языка: Сб. науч. тр. — Тамбов, 2008. — С. 11-29.

Болдырев Н.Н., Беседина Н.А. Когнитивные механизмы морфологической репрезентации в языке // Известия РАН. Серия лит-ры и языка. — 2007. — Т. 66. № 1. — С. 3-10.

Бондарко А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка. — М. : Языки славянской культуры, 2002.

Кубрякова Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. — М. : Языки славянской культуры, 2004.

Кубрякова Е.С., Демьянков В.З. К проблеме ментальных репрезентаций // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2007. — № 4. — С. 8-16.

Магировская О.В. Репрезентация субъекта познания в языке : Автореф. дисс. ... доктора филол. наук. — Тамбов, 2009.

Михайлов В.А. Смысл и значение в системе речемыслительной деятельности. — СПб. : Изд-во СПбГУ, 1992.

Павиленис Р.И. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка. — М. : Мысль, 1983.

Серебренников Б.А. Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление. — М. : Наука, 1988.

Худяков А.А. Семиозис простого предложения. — Архангельск, 2000.

*Л.А. Фурс
г. Тамбов*

КОГНИТИВНАЯ ОСНОВА СИНТАКСИЧЕСКОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

С когнитивным подходом к анализу языковых явлений актуальной стала проблема репрезентации знаний. Как указывают в этой связи Е.С. Кубрякова и В.З. Демьянков, понятие репрезентации и сама ее роль в процессах мышления являются ключевыми как для когнитивной психологии, так и для когнитивной лингвистики, и обусловлено такое положение дел исследовательским интересом к природе знания как такового и к сущности разнообразных мыслительных процессов, относящихся к его возникновению и его использованию, а также к когнитивным способностям человека, участвующего в этих процессах [Кубрякова, Демьянков 2007: 8]. Прежде всего, отметим, что понятие репрезентации относится «как к процессу представления (репрезентации) мира в голове человека, так и к единице подобного представления, стоящей вместо чего-то в реальном или вымышленном мире и потому замещающей это что-то в мыслительных процессах» [Краткий... 1996: 157]. Таким образом, правомерно разграничение языковых и ментальных репрезентаций. При условии, что синтаксис сообщает о том, как различные элементы картины мира между собой связаны, процесс синтаксической репрезентации включает несколько уровней структурирования знаний.

Принципиально важным, прежде всего, является установление базовых отношений, существующих в предметном мире. Свойство челове-

ского сознания классифицировать типизированные связи и отношения реального мира выступает основой для когнитивной обработки знаний, которые получают языковую репрезентацию. В этой связи взгляд на конструкции как «маркеры когнитивных блоков информации» (см. подробнее: [Болдырев, Фурс 2004: 68]) позволяет утверждать, что тип синтаксической конструкции отражает способ структурирования языковых и неязыковых знаний.

Как утверждает М.А.К. Хэллидей, системное описание грамматики как раз и предполагает выявление наборов «сеток» отношений. Каждая такая «сетка» представляет возможности выбора, связанные с задачами говорящего [Halliday 1967]. Сетки отношений реального мира проецируются на систему языка. Основную роль в этой процедуре проецирования играют концепты, которые не только представляют собой результат когнитивной деятельности человеческого сознания, но и выступают тем связующим звеном в процессах взаимодействия языкового и неязыкового знаний. Попытаемся наметить в самых общих чертах когнитивную основу этой взаимосвязи.

Когнитивная обработка знания, получаемого человеком из реального мира, будучи отраженной в знаках языка, свидетельствует о возможности представления знания целостно или в расчлененном виде. Глубокий смысл в этом отношении имеет высказывание Н.Н. Болдырева о том, что денотативная ситуация может быть репрезентирована как нерасчлененно, так и расчлененно. В нерасчлененном виде ситуацию репрезентирует глагол, являясь носителем обобщенных грамматических и семантических смыслов в проекции на пропозицию предложения, в расчлененном виде - структура предложения, актуализирующая категориальные значения глагола и пропозицию. Языковая репрезентация денотативной ситуации в расчлененном виде предполагает наличие общего семантического компонента, обуславливающего синтагматическое связывание слов в рамках структуры предложения. Данный компонент характерен для всего предложения как результат действия интегративного принципа и закреплен за конструктивной схемой предложения. В конкретном типе предложения этот интегрированный признак представляет его общий категориальный смысл, соотнося категориальное значение конструкции и смысл предложения-высказывания [Болдырев 1995].

Закрепление за глаголом функции формирования прообраза пропозиции представляется важным с точки зрения определения разных уровней категоризации в преломлении к синтаксису. В теории категоризации двумя центральными понятиями являются прототип и объект базового уровня. Поскольку каждый объект может быть охарактеризован по-разному, в зависимости от точки зрения на него, а также может получить

несколько названий, эту особенность классификации можно трактовать как видение объекта то с позиций более «высокой» (абстрактной) категории, в которую он входит, то, напротив, с позиций той более «низкой» (конкретной) категории, члены которой ему подчинены. Выделение разных уровней категоризации представляется в виде базового, вышестоящего и нижестоящего уровня [Rosch 1975; Болдырев 2000; Кубрякова 2004; Лакофф 2004].

Следует отметить, что на лексическом уровне выделение таких осей категоризации является вполне устоявшимся процессом и, как правило, сводится к определению родо-видовых отношений. В сфере синтаксиса отсутствует четкий подход к выделению объектов вышестоящего, базового и нижестоящего уровней. На наш взгляд, на основании того, что глагол своей семантикой и валентностной рамкой фиксирует в нерасчленном виде пропозицию как мыслительный образ денотативной ситуации, он является носителем модели пропозиции, которая, в свою очередь, служит единицей вышестоящего уровня (абстрактной категории). Единицей нижестоящего уровня (конкретной категории) является конкретный тип предложения, актуализованная в речи конструкция. Объектом базового уровня в синтаксисе является конструкция, представляющая своей структурой пропозицию в виде позиций именных актантов и типа отношений между ними в абстрагированном виде. В поддержку этого положения приведем мнение сторонников пропозициональной формы репрезентации знаний. Будучи своеобразными ментальными структурами, отражающими типовую ситуацию и характер отношений ее участников, пропозиции организуют всю информацию, поступающую в память человека [Арутюнова 1976]. Подход к пропозиции как особой оперативной структуре сознания или особой единице хранения знаний характерен для когнитивной лингвистики. В рамках этого подхода отмечается, что «слова могут взаимоассоциироваться лишь при условии, что соответствующие им понятия входят в закодированные в памяти пропозиции. С когнитивной точки зрения долговременная память человека представляет собой огромную сеть взаимопересекающихся пропозициональных деревьев, каждое из которых включает некоторый набор узлов памяти с многочисленными связями» [Панкрац 1992: 88-89; Краткий... 1996: 134, 137].

Категоризация и концептуализация действительности человеком и последующая языковая репрезентация результатов этих процессов связаны с вычленением структур языкового и неязыкового знания. Процесс вычленения структур знания включает различные уровни. На уровне первичного восприятия действительности имеет место категоризация участников события по принципу «активное» и «пассивное» следующим образом:

ЧЕЛОВЕК существует в пространстве и времени, в природе и в обществе (живёт, рождается, растёт, изменяется), обладает свойствами; испытывает состояния, физические и психические; движется в пространстве; действует: конкретно-физические действия, ментальная деятельность (мыслительно-речевая, восприятие); фактитивные действия (каузирует действия, состояния, признаки, бытие других субъектов и предметов); вступает в отношения с другими людьми (социальные, психологические);

ПРЕДМЕТЫ существуют, наличествуют, обладают свойствами; могут переносить изменения физического состояния, на переходе от бытия к небытию; служат ориентирами движения; служат объектами, орудиями действия; служат объектами речи-мысли или восприятия; служат каузированными объектами-субъектами (подробнее см.: [Золотова 2001: 36]).

Конструирование события с целью его языковой репрезентации требует не только классификации участников события, но и их характеристики. Характеризация физических объектов средствами глагольного класса дифференцируется в самых общих чертах по критериям акциональности и неакциональности. При этом акциональные глаголы призваны обозначать события, предполагающие определённую динамику, развитие и требующие активности субъекта: физические и интеллектуальные действия, творческая или созидательная деятельность, целенаправленное движение, перемещение предметов, их видоизменение и т.п. Неакциональные глаголы выражают явления, характерные для внутреннего мира человека: его ощущения, эмоции, желания, умозаключения, связанные с выделением и характеристикой отдельных элементов динамических событий и типов их взаимоотношений (см. подробнее о глагольной категоризации: [Болдырев 1995: 176 - 177]).

Приведённые выше структуры знания о мире свидетельствуют, что логико-денотативные аспекты, вычлняемые человеческим мышлением, организованы в виде определённых отношений, разорванность которых приводит к утрате смысла. Языковая система располагает средствами для объективации этих отношений. Как уже отмечалось, именно существование концептуального уровня обеспечивает единство структурирования языковых и неязыковых знаний. На концептуальном уровне представлены различные ментальные репрезентации, которые могут быть вербализованы средствами разных языковых уровней (лексическими, фразеологическими, грамматическими, в том числе и синтаксическими, и т.п.). Синтаксически репрезентируемые концепты представляют собой сложные концептуальные структуры. Средством их языкового представления являются конструкции, для которых характерна интегрирующая функция. Как утверждает Л. Талми, «грамматическая конструкция - это грамматический комплекс, который состоит из определенных комбинаций простых форм.

Он представляет абстрактную схему со структурирующей функцией». Эта функция образно может быть сравнима со «скелетом или строительными лесами для концептуального материала, выражаемого лексически» [Талми 1999: 91, 94]. Мысль о структурирующей функции, выполняемой синтаксической конструкцией в отношении концептов, репрезентируемых лексически, является, на наш взгляд, веским аргументом в пользу специфики концептуальных процессов на уровне синтаксиса. Специфика эта заключается как в механизмах концептуального связывания, так и в механизмах «настраивания» композиционных элементов друг на друга в процессе их интегрирования в одно, более сложное, целое.

Позиция Б.Уорфа относительно грамматических конструкций свидетельствует об убежденности автора в одновременной обращенности конструкции к онтологии языка и онтологии мира. В первом случае говорящий имеет дело с правилами построения предложений, а во втором - с определенной системой анализа окружающего мира. Благодаря наличию такой жесткой сетки правил мы становимся участниками определенного «соглашения» и способны понимать друг друга [Уорф 1960]. Таким образом, конструкция призвана репрезентировать знание о денотативной ситуации и знание о схеме развертывания мысли с указанием на правила линейного сочленения слов в одно целое. Конструирование ситуации разворачивается по следующей схеме. Одушевлённый объект воспринимается как активное начало, он способен инициировать действие и контролировать его исполнение до получения конечного результата. За ним закрепляется роль агенса, а существительное, кодирующее эту роль в языке, ставится в позицию субъекта предложения. Характеризация этого объекта возможна в нескольких направлениях: 1) реализация действия, и тогда актуализируется концепт акциональности; 2) воздействие на другой объект и, соответственно, объективируется концепт каузативности; 3) состояние объекта, в этом случае вербализуется концепт неакциональности. В каждом из этих случаев избирается тот или иной глагол в зависимости от его семантических признаков. Инактивность всегда коррелирует со статичностью, в результате чего объективируется концепт неакциональности.

Вычленение в структуре синтаксически репрезентируемых концептов таких базовых характеристик, как: ориентированность на деятеля, ориентированность на действие, ориентированность на объект воздействия, ориентированность на результат воздействия, ориентированность на инструмент воздействия, ориентированность на свойство объекта, ориентированность на состояние объекта, свидетельствует о возможности интерпретировать разнообразные ситуации реального мира. Это обеспечивается высокой степенью абстрагирования данных характеристик от конкретной семантики языковых единиц.

Разнообразие отношений реального мира репрезентируется относительно ограниченным числом конструктивных схем. На основании выявления конструктивных схем, допускающих связывание лексически репрезентируемых концептов, существует возможность выделения ограниченного числа синтаксически репрезентируемых концептов. К ним относятся концепты «акциональность», «каузативность», «процессуальность», «статальность», «квалитативность», «релятивность». Включение в анализ субъективно-оценочных смыслов позволяет установить, что под влиянием дискурсивной доминанты репрезентируются и такие концепты, как «верификатив», «инверсив», «экспрессив». В совокупности данные концепты и представляют когнитивную основу синтаксической репрезентации.

Литература

Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. — М. : Наука, 1976.

Болдырев Н.Н. Функциональная категоризация английского глагола: Монография. — СПб.-Тамбов : РГПУ/ТГУ, 1995.

Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии. — Тамбов : Изд-во Тамб. ун-та, 2000.

Болдырев Н.Н., Фурс Л.А. Репрезентация языковых и неязыковых знаний синтаксическими средствами // Филологические науки. — 2004. — № 3. — С. 67-74.

Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. Изд. 2-е, стереотипное. — М. : Эдиториал УРСС, 2001.

Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. — М. : Языки славянской культуры, 2004.

Кубрякова Е.С., Демьянков В.З. К проблеме ментальных репрезентаций // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2007. — № 4. — С. 8-16.

Краткий словарь когнитивных терминов / Под общ. ред. Е.С. Кубряковой. — М.: Изд-во МГУ, 1996.

Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении / Пер.с англ. И.Б. Шатуновского. — М. : Языки славянской культуры, 2004.

Панкрац Ю.Г. Пропозициональная форма представления знаний // Язык и структуры представления знаний. — М., 1992. — С. 78-97.

Талми Л. Отношение грамматики к познанию // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. — 1999. — № 4. — С. 76-104.

Уорф Б.Л. Лингвистика и логика // Новое в лингвистике. Вып.1. — М. : Изд-во иностр. лит-ры, 1960. — С. 183-198.

Halliday M.A.K. Notes on Transitivity and Theme in English. Part 1. // Journal of Linguistics. — 1967. — V.3, № 1. — P. 37-81.

Rosch E.H. Cognitive Representation of Semantic Categories // Journal of Experimental Psychology: General. — 1975. — Vol.104. — № 3. — P. 192-233.

И. М. Нетунаева
г. Архангельск

СЛАБЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ В ГОТСКОМ ЯЗЫКЕ

Представление о том, что функционирование сильных и слабых форм прилагательных было во всех древнегерманских языках приблизительно одинаковым [Кубрякова 1977: 299], опровергнуто исследованиями древнеисландских и древнеанглийских памятников (см. работы С. Д. Кацнельсона, Н. Ю. Гвоздецкой, О. А. Смирницкой, Н. Л. Огуречниковой). Готские же прилагательные не становились предметом специальных исследований, и в грамматиках готского языка продолжают писать о том, что появление прилагательного в слабой или сильной форме, как и в других германских языках, свидетельствовало об осмыслении этого признака как определенного или неопределенного и что еще одним «принципом дифференциации является наличие или отсутствие местоименного артикля» и синтаксическая функция прилагательного [Гухман 1998: 101] (ср. также [Кубрякова 1977: 298-299; Wright 1997: 104]).

Цель данной статьи — показать своеобразие употреблений форм прилагательного в готской Библии и определить грамматический характер этого противопоставления — отличный, как показал материал, от привычной схемы-реконструкции.

Одной из особенностей готского языка является то, что здесь структурно и семантически противопоставленными друг другу оказываются не только слабые и сильные прилагательные, но и слабые прилагательные в постпозиции и препозиции к определяемому слову. В отличие от древнеанглийского языка изменение позиции слабого прилагательного влияло на характер отношений между признаком и предметом (ср. [Гвоздецкая 1976: 5]). Это противопоставление было последовательнее, чем, скажем, в древнеисландском языке, где при помощи порядка слов отделяются индивидуальные сочетания от родовых в бесчленных атрибутивных конструкциях [Кацнельсон 1949: 183]. Следующие факты указывают на значимость порядка слов в атрибутивном сочетании со слабым прилагательным.

Во-первых, постпозитивные слабые прилагательные в Евангелиях встречаются вдвое чаще, чем препозитивные. Другая картина представлена в Посланиях, где слабые прилагательные в постпозиции к существительному встречаются очень редко и, наоборот, слабое препозитивное прилагательное распространено широко.

Во-вторых, конструкции со слабыми атрибутами в постпозиции имеют единообразную структуру и одинаковые лексические возможности. Выделяются два типа конструкций. Первый — со слабым постпозитивным прилагательным, которому предшествует один детерминатив (указательное местоимение, близкое по своим функциям в готском языке к артиклю [Гухман 1998: 109], далее оно также называется артиклеобразным словом или показателем [Гухман 1998; Кубрякова 1977]). Подобные конструкции представляют собой устойчивые атрибутивные словосочетания, обозначающие ключевые понятия христианского учения или метафоры, раскрывающие его сущность (*fon þata aiweino* ‘огонь вечный’, *hlaif unsarana þana sinteinan* (вин. ед.) ‘хлеб наш насущный’, *ahma sa weiha* ‘Дух Святой’, *hairdeis sa goda* ‘пастырь добрый’, *gudis þis hauhistins* (род. ед.) ‘Бог Всевышний’, *so laiseino so niujo* ‘новое учение’, *weinatriu þata sunjeino* ‘лоза истинная’, *wein þata niujo* ‘новое вино’); также обозначения устойчивых бытовых реалий, на которые неоднократно ссылается евангелист (*stiur þana alidan* (вин. ед.) ‘упитанный телец’, *hlaibam þaim barizeinam* (дат. мн.) ‘ячменный хлеб’). Небольшая часть конструкций представляет собой словосочетания, в которых определяемое слово является лицом, а прилагательное обозначает закрепленный в христианской традиции признак этого лица, неразрывно связанный с представлением о нем (например, *Lazarus sa dauþa* ‘Лазарь умерший’ (‘четверодневный’ в русском синодальном переводе).

При этом именно *сочетание* слабого прилагательного с существительным (а им может быть *любое* существительное с денотатом, не имеющим самостоятельной значимости в христианской традиции) и обозначает понятие, играющее важную роль в Библии. Таким образом можно говорить о тесном лексическом единстве адъективно-субстантивного словосочетания, которое отражается и в его синтаксической структуре: слабому постпозитивному прилагательному обязательно предшествует артиклеобразный показатель, «скрепляющий» атрибутивный комплекс в неделимое синтаксическое целое. Грамматическим значением такого слабого прилагательного является значение постоянного, устойчивого, традиционного эпитета, неразрывно связанного в Библии с представлением о понятии, предмете или лице.

Во втором типе постпозитивных конструкций слабому прилагательному кроме указательного местоимения предшествует также второй детерминатив — притяжательное местоимение (или личное местоимение 3 л. в форме родительного падежа), которое требует употребления именно слабого прилагательного, выполняющего совместно с притяжательным и указательным местоимениями функцию конкретизации, индивидуализации лица или предмета. Ср. следующие примеры.

jah stibna warþ us þamma milhmin qibandei: sa ist sunus meins sa liuba, þamma hausjaif. L 9,35 ‘И был из облака глас, глаголющий: Сей есть Сын Мой Возлюбленный; Его слушайте’⁵;

...afletanda frawaurhteis izos þos managons, unte frijoda filu... L 7, 47 ‘...прощаются грехи ее многие за то, что она возлюбила много...’;

wasuþ-þan sunus is sa alpiza ana akra... L 15,25 ‘Старший же сын его был на поле...’.

Порядок слов во втором типе конструкций обусловлен, вероятно, также регулярной постпозицией притяжательных местоимений, которые в готской Библии, как правило, стоят после определяемого слова (результат нормализации, синтагматического выравнивания: притяжательные местоимения занимают то же положение в атрибутивном словосочетании, что и личные местоимения 3 л. в род. п. и составляют в готской Библии одну систему местоимений с possessивным значением). Из постпозиции указательного местоимения к существительному вытекает его соотнесенность в данных случаях именно со слабым прилагательным, а не с существительным. И указательное местоимение, и слабое прилагательное являются элементами «функционально-семантического поля детерминации» [Огуречникова 2008: 335—336] существительного.

В-третьих, атрибутивные комплексы с препозитивными слабыми атрибутами, которые особенно широко представлены в Посланиях, также обнаруживают структурное и семантическое единство. И в этих конструкциях слабым прилагательным обязательно предшествует указательное местоимение.

Препозитивные слабые прилагательные в готском языке являются разными по лексическим значениям. В сочетании с детерминативом они могут обозначать как эминентные признаки, выявляющие исключительность денотата (например, *jah usgaggandans us hlaiwasnom afar urrist is innatgaggandans in þo weihon baurg jah ataugidedun sik managai* М 27, 53 ‘И, вышедши из гробов по воскресении Его, вошли во святой град и явились многим’), так и устойчивые (*so niujo triggwa* К 11, 25 ‘Новый Завет’, *þizos fairnjons triggwos* (род. ед.) к 3,14 ‘Ветхий Завет’). В других контекстах слабые прилагательные соотносятся с определенными существительными и выполняют функцию конкретизации (*sa airþeina unsar gards* к 5,1 В ‘наш земной дом’) или индивидуализации (*...þamma liubin jah triggwin broþr...* С 4,9 ‘любимому и истинному брату’). Частым для слабого атрибута является генерализующее значение (*jag-gahamof þamma niujin mann* Е 4,22 ‘...и облекитесь в нового человека’), а также анафорическое (*jah*

⁵ Здесь и далее в примерах цитируется русский синодальный перевод Библии (Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. — М.: Изд-во Моск. Патриархии, 1999).

gawandjandans sik þai insandidans du garda bigetun þana siukan skalk hailan L 7,10 ‘Посланные, возвратившись в дом, нашли больного слугу выздоровевшим’).

Артиклеобразный показатель в атрибутивном словосочетании со слабым атрибутом в препозиции имеет присубстантивный характер (на это указывает факт широкого употребления в готской Библии детерминатива с существительным без определения) и в то же время маркирует слабое прилагательное как особую адъективную форму (о чем свидетельствует постпозиция артикля по отношению к существительному в комплексах со слабым постпозитивным атрибутом и *обязательность* артикля при слабом прилагательном). Возможность двойкой отнесенности артикля поддерживает его потенциально рамочный характер, то есть способность оформлять атрибутивный комплекс с тесной атрибутивной связью [Смирницкая, Гвоздецкая 1984: 7].

Препозитивные слабые атрибуты, имеющие широкое значение детерминации, противопоставлены постпозитивным как имеющим более узкое грамматическое значение традиционного эпитета, являющегося частью важного христианского понятия, или индивидуализации. С другой стороны, обе конструкции со слабыми прилагательными противопоставлены атрибутивным комплексам с сильными прилагательными.

В готской Библии функциональное противопоставление сильных и слабых прилагательных является заметным и последовательным. Об этом свидетельствуют очень простые факты. Так, в готских текстах бóльшая часть прилагательных встречается только в сильных формах, которые всегда употребляются предикативно. Круг прилагательных, имеющих атрибутивные сильные формы, очень узок (их чуть больше 20 и это, в основном, производные, часто односложные имена, например: *manags, gops, ubils, hails, mikils, dumbis, sliuts, gamains, swikns, þiups, juggs, bleips, liufs, triggws, bauþs, hrains, lats, froþs, niujis*).

У прилагательных, имеющих как слабые, так и сильные формы в готском языке, их функции, как правило, противопоставлены: сильные формы прилагательных употребляются предикативно, а слабые — атрибутивно. Эту упорядоченную картину дополняет факт неупотребительности слабых форм прилагательных в предикативной функции (исключение составляют формы прилагательных, прошедших иной путь регламентации, например, так называемых «дефективных» слабых прилагательных, не имеющих сильных форм).

В атрибутивной функции сильное и слабое прилагательные также обнаруживают противоположные формально-структурные признаки. Во-первых, слабое прилагательное всегда (за исключением случаев, подчиняющихся иным закономерностям, например, слабых прилагательных в

обращениях) употребляется с артиклеобразным словом. Во-вторых, морфологические различия двух форм прилагательных поддерживаются также порядком слов в атрибутивном словосочетании: сильное прилагательное проявляет ярко выраженную тенденцию к постпозитивному употреблению, а слабое прилагательное очень часто в Евангелиях и, как правило, в Посланиях находится в препозиции к определяемому слову.

Контраст формально-структурных признаков адъективно-субстантивных сочетаний с разными формами прилагательных не отражает различий в их лексических значениях и соотносённости с существительными. Так, сильное прилагательное может иметь те же значения, что и слабое (например, значение индивидуализации или анафорическое). Есть большое число тождественных контекстов, в которых употребляется в одних случаях слабое, в других — сильное прилагательное. Ср. прилагательное *ubils* в двух разных грамматических формах, имеющих генерализующее значение.

swa all bagme godaize akrana goda gataujip, ip sa ubila bagms akrana ubila gataujip. М 7,17 ‘Так всякое дерево доброе приносит и плоды добрые, а худое дерево приносит и плоды худые’;

ni mag bagms piupeigs akrana ubila gataujan, nih bagms ubils akrana piupeiga gataujan. М 7,18 ‘Не может дерево доброе приносить плоды худые. ни дерево худое приносить плоды добрые’.

Можно предположить тогда, что за различием синтаксических схем и морфологических форм стоит различие синтаксических отношений. С большой долей вероятности можно утверждать, что именно в готском языке благодаря систематизации, произведенной автором перевода, сформировалась «категория атрибута» [Гвоздецкая 1976: 2-3] и атрибутивный комплекс с однозначной атрибутивной связью. В состав такого атрибутивного комплекса входит слабое прилагательное в качестве (в первую очередь) препозитивного и во вторую — постпозитивного определения. Атрибутивный комплекс со слабым прилагательным оформляется еще и указательным местоимением, которое функционирует как артикль. В случае препозитивного атрибута *рамочная конструкция* маркирует атрибутивный тип связи. В случае постпозитивных атрибутов семантическая цельность атрибутивного сочетания приближается к связи лексического характера. Внешним структурным признаком, маркирующим эту «силу сцепления» [Смирницкий 1957: 176] является наличие артикля у прилагательного

Атрибутивное сильное прилагательное в готском языке, как правило, находится в постпозиции к определяемому слову, приобретая оттенок обособления. Связь между определением и определяемым словом при этом оживляется и представляется не как готовая, а лишь как возникающая в

данный момент. Атрибутивная связь здесь так ослабляется, что почти переходит в связь предикативную [Смирницкий 1957: 174—178]. Встречается также большое число промежуточных случаев, когда из структуры предложения не ясно, является ли сильное прилагательное постпозитивным атрибутом или именной частью сказуемого. Ср.:

wegs mikils warþ in marein М 8,24 ‘...волнение великое сделалось на море’;

jah warþ wis mikil М 8, 26 ‘и сделалась тишина великая’;

raihtos waurkeiþ staigos gudis unsaris Мс 1,3 ‘...прямыми сделайте стези Господа нашего’.

Такие объединения слов с сильным прилагательным являются менее тесными, более свободными, чем объединения слов со слабым прилагательным.

Особое положение в языке готской Библии занимают прилагательные, имеющие только слабые формы. Именно эти прилагательные могут употребляться в качестве бесчленных атрибутов. Их принято квалифицировать как «дефективные прилагательные, застывшие в одном склонении» [Кацнельсон 1949: 142], образующие в древнейших литературных памятниках «тонкий и незначительный слой, в дальнейшем развитии исчезнувший почти бесследно» [Кацнельсон 1949: 142]. Однако в готском языке эта группа не только достаточно многочисленна (в словарях и грамматиках называется от 30 до 40 лексических единиц), но и продуктивна. Среди этих имен можно выделить, с одной стороны, прилагательные общегерманского происхождения с детерминативом *-m-*, индоевропейским суффиксом сравнительной степени, и, с другой, готские новообразования (*alewja*, *unfairina*, *unlveila*, *ungrudja* и др.). Общегерманские прилагательные представляют собой лексически замкнутую систему антонимических пар, например, *aftuma* ‘последний’ и *fruma* ‘первый’. В круг прилагательных этого структурно-семантического типа в качестве членов антонимической пары втягиваются прилагательные с иными суффиксами, имеющие в других германских языках и даже в готском (например, *ibns*), сильные формы. Так, объединенными в пары антонимов оказываются *auhuma* ‘высший’ и *ibna* ‘равный’, *innuma* ‘внутренний’ и *utana* ‘внешний’, *hleiduma* ‘левый’ и *taihswa* ‘правый’. Большинство готских производных прилагательных этого разряда образованы по конверсии от существительных, прежде всего \bar{o} -основ женского рода, часто — с использованием приставки, и обозначают, как правило, состояния лица (ср., например, *fairina* ‘вина’ ~ *unfairina* ‘невинный’, *lveila* ‘час’ ~ *unlveila* ‘беспрестанный’, *kara* ‘забота’ ~ *unkarja* ‘беззаботный’). Особенностью таких слабых прилагательных в готском языке является их преимущественное употребление в предикативной функции. Например,

jah wisands at izwis jah ushaista ni annohun kaurida к 11,8 ‘и хотя терпел недостаток, никому не докучал’;

jah leilvaid ni waihtais uswenans L 6,35 ‘и займы давайте, не ожидая ничего’;

ni sijais unkarja bizos in þus anstais T 4,14 ‘не неради о пребывающем в тебе даровании’.

Списки «дефективных» слабых прилагательных различны у разных авторов. Так, в учебнике готского языка М. М. Гухман прилагательными называются *allawaurstwa* ‘совершенный’, *inkilþo* ‘беременная’, *unwita* ‘незнающий’ [Гухман 1998: 98], которые в глоссарии В. Штрайтберга рассматриваются как существительные [Streitberg 2000] (в готском этимологическом словаре У. Лемана *allawaurstwa* помечено как прилагательное, а *inkilþo* и *unwita* — как существительные [Lehmann 1986: 396, 218, 379]). Рассмотренные прилагательные составляют одну систему с п-основными деноминативными существительными со значением действующего лица (ср. гот. *waurstwa* ‘работник’ от *waurstw* ‘дело’, *spilla* ‘проповедник’ от *spill* ‘речь’, *ga-daila* ‘соучастник’ от *dails* ‘часть’ [Кубрякова 1963: 80]) и представляют собой имена с неопределенными или недифференцированными морфологическими, синтаксическими и лексическими признаками. Наличие такой промежуточной группы имен — следствие морфологического тождества слабых прилагательных и п-основных существительных в готском языке.

Итак, готский материал еще раз подтверждает, что для истории прилагательных оказывается существенной их нерасторжимая связь с формированием атрибутивной группы, с одной стороны, и именного сказуемого, с другой [Кубрякова 1977: 294]. В готском языке слабые прилагательные сигнализируют тесную атрибутивную связь в отличие от сильных прилагательных, которые и в атрибутивном употреблении тяготеют к передаче менее тесной, более свободной синтаксической связи, переходящей в многочисленных примерах в предикативную. С другой стороны, в системе слабых имен прилагательных в готском языке, вероятно, еще не произошел полный переход из системы словообразовательных в систему словоизменительных связей [Смирницкая, Гвоздецкая 1984: 4], поскольку значительное число п-основных имен обладает недифференцированными синтаксическими и лексическими признаками, а парадигмы слабого склонения прилагательных и существительных тождественны.

Литература

Гвоздецкая Н. Ю. Синтаксическая структура древнеисландских адъективно-субъективных словосочетаний : автореф. дис. ... канд. фил. наук. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 1976.

Гухман М. М. Готский язык. — М. : Филол. фак. Моск. гос. ун-та им. М. В. Ломоносова, 1998.

Кацнельсон С. Д. Историко-грамматические исследования. Т. 1. Из истории атрибутивных отношений. — М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1949.

Кубрякова Е. С. Именное словообразование в германских языках // Сравнительная грамматика германских языков. Т. 3. Морфология / отв. ред. М. М. Гухман. — М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1963. — С. 39-73.

Кубрякова Е. С. Имя прилагательное // Историко-типологическая морфология германских языков. Фономорфология. Парадигматика. Категория имени / под. ред. М. М. Гухман. — М. : Наука, 1977. — С. 286-343.

Огуречникова Н. Л. Слабые прилагательные в героических песнях «Старшей Эдды» // Германистика. Скандинавистика. Историческая поэтика : (К дню рождения О. А. Смирницкой) : сб. науч. статей. — М. : МАКС Пресс, 2008. — С. 314-328.

Смирницкая О. А., Гвоздецкая Н. Ю. «Поэтическая грамматика» слабого прилагательного в «Эдде» и «Беовульфе» // Вопросы германского языкознания. — М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 1984. — С. 3-16.

Смирницкий А. И. Синтаксис английского языка. — М. : Изд-во лит. на ин. яз., 1957.

Lehmann W. A Gothic Etymological Dictionary / W. Lehmann ; [based on the third edition of Vergleichendes Wörterbuch der gotischen Sprache by Sigmund Feist]. — Leiden : E. J. Brill, 1986.

Streitberg W. Die Gotische Bibel. B. II. Gotisch-Griechisch-Deutsches Wörterbuch. — 6. Aufl. — Heidelberg : Carl Winter Universitätsverl., 2000.

Wright J. Grammar of the Gothic Language. — Oxford ; New York : Oxford University Press, 1997.

Сокращения

С	= Послание к Колоссянам
Е	= Послание к Ефессянам
Ј	= Евангелие от Иоанна
К	= Первое послание к Коринфянам
к	= Второе послание к Коринфянам
Л	= Евангелие от Луки
М	= Евангелие от Матфея
Мс	= Евангелие от Марка
Т	= Первое послание к Тимофею

И.Л. Ашмарина
г. Москва

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ СВЯЗИ И КОМПОНЕНТНЫЙ СОСТАВ ПРИ УТОЧНЕНИИ

Уточнение — это просодически и пунктуационно выделенный член предложения, который, согласно традиционной точке зрения, конкретизирует предшествующее звено в основной части высказывания (чаще всего отдельный член предложения). Поскольку уточнение мыслится говорящим как одинаковая с уточняемым концептуальная сущность, то уточнение имеет сходное с последним морфологическое выражение, дублирует его синтаксическую функцию. Помимо дублирования грамматических признаков уточняемого, уточнение выполняет и свою собственную функцию — уточнительную, и связано с уточняемым пояснительной связью.

Как известно, синтаксические свойства языковых явлений базируются на семантике, и в случае с уточнением это реляционная семантика (внутрирядные отношения) обоих звеньев уточнительной конструкции. Внутрирядные отношения между уточнением и уточняемым обусловлены двумя видами концептуальных связей между понятиями — *классификационной* и *импликационной*. Подобные концептуальные связи характерны не только для понятий, выражаемых уточнением и уточняемым — они пронизывают все наше знание о мире, организуют язык и словарь [Никитин 1997: 224-209, 404, 443]. Классификационные связи отражают мыслительный аналог распределения признаков в вещах, при классификационной связи сущности объективного мира обнаруживают некоторую общность признаков в виде таксономии, родо-видового соотношения. Импликационные связи — это мыслительный (когнитивный) аналог взаимодействий и взаимозависимостей сущностей объективного мира [цит. выше], это связи типа материал-изделие, причина-следствие, действие-цель и т.п. Классификационная родо-видовая связь и такой вид импликационной связи как партитивная, иначе связь целого и части, имеют глобальное значение для организации знаний о мире в определенные когнитивные структуры [Lucariello 1986: 190, Tversky 1986: 983]. Поэтому естественно, что какое-либо звено речевой цепи, непонятное для получателя информации, поясняется говорящим на основе именно этих устойчивых, отложившихся в человеческом сознании связей сущностей — через классификационную связь и импликацию.

При родо-видовой связи концептов уточняемое (или опорное слово в уточняемом звене конструкции) представлено именем естественного рода или класса, а уточнение — именем вида или индивида, например:

A curious garden sound filled the café: the regular drip of a fountain.
(уточняемое и уточнение подчеркнуты)

Иногда уточняемое представляет собой непрямую, метафорическую номинацию денотата. В этом случае говорят о нарушении границ естественных родов и классов [Арутюнова 1983: 5], однако уточняемое и уточнения *мыслятся* говорящим как родовое и видовое:

Tarantino's greatest kiss of life was given not to any one actor, but to a cinema staple itself: violence.

Концептуальная общность или близость понятий, выражаемых звеньями уточнительной конструкции, находит соответствие в общности семного состава слов, составляющих именные группы уточнения и уточняемого, то есть опорных слов со всеми зависимыми словами (далее ИГ). Утверждаемое в уточнительной конструкции тождество уточняемого и уточнения поддерживается за счет, прежде всего, общности их семантического содержания, и только потом уже с помощью просодических маркеров и грамматических средств: общее семантическое содержание ИГ уточняемого и уточнения «отыскивается», улавливается сознанием слушающего в процессе речевого общения с говорящим. Общность семного состава может быть выявлена с помощью компонентного анализа.

Анализ значений ИГ уточнения и уточняемого представляется удобным проводить в русле стохастической теории значения слова, разработанной М.В. Никитиным. Согласно этой теории, значение слова представляется как совокупность семантических признаков, входящих в структуру значения с разной долей вероятности, как единство интенционала и импликационала значения. Интенционал определяется как набор обязательных семантических признаков, устойчивое ядро значения, импликационал значения слова — как совокупность сем, индуцируемых интенционалом значения в силу импликационных связей признаков. Импликационал образует периферию значения слова и может быть сильно- и маловероятностным [Никитин 1983, 1997].

При типичной родо-видовой связи интенционал значения опорного слова ИГ уточняемого входит в качестве гиперсемы в интенционал опорного слова ИГ уточнения (или в суммарный интенционал ИГ уточнения), в качестве примера:

The headmaster of one of Britain's best-known independent schools, Dulwich College, has been suspended. — В толковом словаре значение опорного слова *college* в ИГ уточнения определяется как *a school of higher learning, granting a bachelor's degree*. Как можно заметить, значение опорного слова уточняемого звена входит в гиперсему, т.е. родовую часть интенционала значения опорного слова ИГ уточнения.

Иным оказывается взаимодействие между ИГ уточняемого и уточнения в тех случаях, когда первое представляет собой непрямую номинацию денотата. В подобных случаях значения опорных слов или ИГ в целом связываются по линии импликационалов значений. Приведем пример:

He was critical about women. A single defect — a thick ankle, a hoarse voice, a glass eye — was enough to make him utterly indifferent.— В данном случае семантические признаки, составляющие значение уточняемого *a single defect*, весьма немногочисленные, неструктурированные (*fault, imperfection* согласно дефинициям толковых словарей), обнаруживаются в импликационале ИГ уточнений. То есть, *a thick ankle, a hoarse voice, a glass eye* могут лишь потенциально, с разной долей вероятности, содержать в своем совокупном значении признак «(физическое) несовершенство», который эксплицируется в особых контекстных условиях. Иными словами, значение ИГ уточняемого входит в импликационал значения каждого из уточнений.

Как можно судить по приведенным примерам, способы взаимодействия лексических значений имен или ИГ уточняемого и уточнения при концептуальной родо-видовой связи весьма разнообразны. В любом случае в совокупном семантическом содержании звеньев уточнительной конструкции имеется общий компонент, удельный вес которого может быть различным. Общность семантических признаков в уточняемом и уточнении обеспечивается концептуальной близостью понятий, выражаемых ИГ уточняемого и уточнения, и, в свою очередь, поддерживает «мысль о тождестве» звеньев конструкции, делает эту мысль эксплицитной для адресата высказывания.

Уточнениям, обнаруживающим импликационную концептуальную связь с уточняемым, свойственны важнейшие признаки категории уточнения — идентичность обозначаемого уточнения и уточняемого и наличие внутрирядных отношений (реляционной семантики, маркированной просодически и грамматически). Специфика внутрирядных отношений определяется видами импликационной связи, которая может быть представлена как связь целого и части, связь по смежности, между формой и содержанием, вместилищем и содержимым, причинно-следственная связь, связь между результатом и условием, условием и следствием и т.д. В качестве примера:

There was a crunch on the gravel, a car turning into the drive. — Здесь находим связь между следствием (звуком) и причиной (источником звука). ИГ уточняемого и уточнения взаимодействуют по линии импликационалов своих совокупных лексических значений.

Следует отметить, что целый ряд примеров допускает неоднозначную интерпретацию видов импликационной связи, в частности, иногда

трудно отграничить импликационные зависимости от родо-видовых, так как имеются такие целые, членение которых на части совпадает с членением на виды [Никитин 1997: 444].

Тождество обозначаемого звеньями уточнительной конструкции, в отличие от классификационной связи, не является логически обусловленным — понятия о вещах, которые мыслятся относительно друг друга как целое и часть, действие и результат и т.п. не могут быть логически тождественными друг другу. Тождество в случае импликационной связи в уточнительной конструкции носит коммуникативно-обусловленный характер. Это то, что утверждается Говорящим в силу определенных коммуникативных посылов и прагматических установок. При импликации имеет место пропуск смыслового звена, которое в примере выше может быть восстановлено таким образом: *There was a crunch on the gravel, [it was caused by] a car turning into the drive.* Слушающий при получении сообщения именно в таком виде, в каком его создал автор, т.е. с уточнением, делает усилие для того, чтобы восстановить цепочку смысла. При опущении уточняемого с целью анализа характера связей уточнения с основным составом предложения срабатывают логико-семантические запреты на замену одного из звеньев уточнительной конструкции другим. Таким образом, в том случае, когда звенья уточнительной конструкции связаны на основе импликационной связи понятий, можно констатировать неполное дублирование уточнением синтаксических характеристик уточняемого. Недифференцированность (комплексность) содержательных зависимостей между уточняемым и уточнением в случаях импликационной связи обуславливает то обстоятельство, что синтаксические характеристики уточнений, связанных с уточняемым на основе импликации, несколько отличаются от конструкций с классификационной родо-видовой связью. И при импликационных, и при классификационных содержательных зависимостях понятия и значения слов «обнаруживают некоторую общность содержания» [Никитин 1983: 45, 1997: 223], однако роль общего компонента различна. Этот общий компонент представляет собой смысловой повтор. Как известно, любой повтор избыточен, однако избыточное не значит лишнее [Арнольд 1990: 65], таким образом, уточнение можно рассматривать как средство выдвижения некоторого коммуникативного смысла еще при проведении компонентного анализа значений слов, входящих в уточнительную конструкцию и анализа концептуальных связей между понятиями, этими словами выражаемыми, даже не затрагивая прагматические установки, которыми руководствуется говорящий при использовании уточнения в процессе создания высказывания.

Литература

Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка: (Стилистика декодирования). — 3-е изд. — М. : Просвещение, 1990.

Арутюнова Н.Д. Тождество или подобие? // Проблемы структурной лингвистики. 1981: Сб.ст. / Отв. ред.В.П. Григорьев. — М. : Наука, 1983. — С. 3-22.

Никитин М.В. Курс лингвистической семантики. — СПб, Научный центр проблем диалога, 1997.

Никитин М.В. Лексическое значение слова: (Структура и комбинаторика). — М. : Высшая школа, 1983.

Lucariello J., Rifkin A. Event Representations as the basis for Categorical Knowledge // Event Knowledge: Structure and Function in Development / Ed. by K. Nelson. — Hillsdale, New Jersey. — London: Lawrence Erlbaum Associates, publishers, 1986. — P. 189-203.

Tversky B. Parts, Partonomies and Taxonomies // Developmental Psychology. — 1989. — № 6. — v. 25. — P. 983-995.

Е. С. Коканова
г. Архангельск

КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ АНГЛИЙСКИХ СЕНТЕНЦИОНАЛЬНЫХ НАРЕЧИЙ

В статье рассматриваются такие английские сентенциальные наречия, как *geopolitically, greenly, domestically*. Они реализуют как концепты-операторы, ориентированные на осмысление подоператорного им сентенциального концепта [Коканова 2005]. В качестве ведущей они выполняют функцию построения ментальных пространств, поэтому их принято называть билдерами ментальных пространств: *Ecologically, this idea is brilliant; economically, it is a disaster*.

Билдеры рассматриваются нами как своего рода триггеры, то есть элементы, выступающие как некий «пусковой механизм» для глубоких когнитивных процессов, предопределяющих понимание создаваемого ими ментального пространства. Как отмечает Ж. Фоконье, «язык не несет в себе значения, а направляет его» [Fauconnier 1994: xxii]. Единицы языка сами по себе являются носителями минимального количества информации. Их функция состоит в запуске когнитивных процессов, которые наполняют языковые элементы значением в конкретных контекстах. Поясним это на следующем примере: *Worldwide, prostate cancer is the third most common cancer and the case of 6% of cancer deaths in men*. Сентенциальное наречие *worldwide*, выступая как триггер в одной области познания (доме-

не) (в данном случае ПО ВСЕМУ МИРУ), используется для получения доступа к другому домену (цели): РАЗВИТИЕ РАКА ПРЕДСТАТЕЛЬНОЙ ЖЕЛЕЗЫ У МУЖЧИН; при этом понимание данного домена достигается при помощи триггера. Билдер *worldwide* является своего рода «пусковым механизмом», который говорящий использует для того, чтобы побудить слушающего построить новое ментальное пространство. Помимо того, что это сентенциональное наречие отправляет мысль адресата в пределы всей нашей планеты, оно также передает модус озабоченности сложившейся ситуации: любой мужчина может пострадать от рака, где бы он ни жил. Сказанное выше подтверждает мысль о том, что концепт должен быть приведен в коммуникативно пригодную форму, стать частью языкового знака, для того чтобы быть переданным адресату [Худяков 2005: 144]. Следующий пример демонстрирует использование двух билдеров одновременно: *Politically and economically, the next three months are critical for Barack Obama's presidency.*

Сентенциональные наречия *politically* и *economically* вводят ментальное пространство, выступая как триггеры в двух доменах — ПОЛИТИЧЕСКАЯ АРЕНА и ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В СТРАНЕ. Говорящий использует их для адекватной ориентации слушающего в соответствующем ментальном пространстве. Они представляют собой очень компактный способ передачи коммуникативно-релевантной информации. Данные наречия не могут быть опущены без радикального искажения смысла высказывания. Но, что еще более существенно, их возможные синонимические корреляты показывают, что они являются, по сути, пропозициональными свертками, несущими информацию о ситуации в предельно сжатом виде: *As one would see from the political and economical standpoint, from the political and economical point of view, according to the political and economical development, as concerns political and economical relationships, etc., the next three months are critical for Barack Obama's presidency.*

В этой связи хотелось бы отметить тот факт, что хотя в языке и существуют альтернативные средства для выражения сходных или близких понятий, каждое из них оттеняет или высвечивает разное. Выбор того или иного средства всякий раз не случаен. Информация должна быть «упакована» таким образом, чтобы слушающий воспринимал ее в соответствии с замыслом говорящего, в соответствии с его речевыми интенциями, руководствуясь тем, что говорящий выделил при оформлении сообщения [Худяков 2007: 194]. Билдеры представляют собой компактный способ упаковки информации, так как они легко воспринимаются и перерабатываются адресатом: *Musically, it's just her strumming an acoustic guitar. thematically, she's equally alone.*

Это связано с тем, что процесс восприятия и переработки воспринимаемой информации строится на информации, которая уже имеется в сознании человека, и которая представлена в закодированной, упорядоченной форме, что обеспечивает быстрый поиск нужных сведений, произвольное обращение к нужному материалу.

Одновременно могут использоваться до трех сентенциональных наречий: *And there are plenty of other ways that we augment nature, medically, technologically and financially*. Видимо, использование большего количества билдеров одновременно не имеет коммуникативной целесообразности.

Сентенциональные наречия, являясь выделенными интонационно и графически, направляют адресата в определенное русло: в его сознании мгновенно происходит «высвечивание» тех знаний, которые необходимы для адекватного понимания реципиентом нового ментального пространства.

Литература

Худяков А. А. Коммуникативно-когнитивный аспект предложения // Кобрин Н. А., Болдырев Н. Н., Худяков А. А. Теоретическая грамматика современного английского языка : учеб. пособие. — М. : Высшая школа, 2007. — С. 194-209.

Коканова Е. С. Английские сентенциональные наречия в когнитивно-дискурсивном аспекте : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — СПб., 2005.

Худяков А. А. Теоретическая грамматика английского языка : учеб. пособие. — М. : Академия, 2005.

Fauconnier G. Mental Spaces : Aspects of Meaning Construction in Natural Language. — New York : Cambridge University Press, 1994.

*Н. К. Генидзе
г. Санкт-Петербург*

АНАЛИТИЗМ КАК ЭВОЛЮЦИОННАЯ ТЕНДЕНЦИЯ

Традиционно особое внимание в плане исследования аналитизма привлекает состав грамматических категорий, а также способы их выражения в различных языках. Аналитизм часто рассматривается с точки зрения использования аналитических образований, преимущественно аналитических глагольных конструкций. При этом в лингвистической литературе термины аналитические образования, *аналитические конструкции, аналитические формы* не всегда четко определены. Мы считаем, что аналитизм в грамматической системе языка стоит понимать

шире и рассматривать не только аналитические формы глагола (аналитические глагольные конструкции), но и другие аналитические образования (особенно используемые для выражения грамматических значений имени существительного).

Введем понятие *комплекса*, обозначающее некоторое образование для выражения грамматического и лексического значений. Принимая во внимание различие в способах выражения грамматического значения, разделим комплексы на *синтетические* и *аналитические*. *Синтетический комплекс* состоит из одного компонента, ограниченного пробелами (то есть, по сути, одного слова), в то время как *аналитический* — как минимум из двух, при этом выражение лексического и грамматического значения не закреплено полностью только за одним из компонентов. Один из компонентов аналитического комплекса либо входит в закрытую систему (артикл, местоимение, вспомогательный глагол), либо имеет определенные характерные признаки (предлоги, модальные глаголы, существительные, определенные прилагательные). Как пишет М. А. Бородина об аналитической морфологии французского языка, существует ряд элементов, «которые с точки зрения традиционной грамматики называются отдельными самостоятельными словами, но с точки зрения аналитической морфологии могут считаться частью аналитической формы французского слова, то есть лишены „самостоятельности“» [Бородина 1963: 198]. При этом автор аналитическую форму понимает достаточно широко и рассматривает и предложные сочетания, и конструкции полувспомогательных глаголов с инфинитивом, и сочетания глаголов с частицами и так далее. По-видимому, приведенное утверждение справедливо и по отношению к другим языкам.

Аналитические формы выступают как частный случай аналитических комплексов. Для того, чтобы аналитический комплекс можно было считать аналитической формой, необходимо более строгое соблюдение следующих условий: 1) более явное разграничение грамматического и лексического компонентов; 2) вхождение этих форм в какую-либо грамматическую категорию, что возможно только при включении их в общую парадигму с синтетическими формами; 3) ограниченное число форм этой грамматической категории.

В синтетическом комплексе, а также в большинстве случаев в изменяемом компоненте аналитического комплекса, выделяются составляющие его морфемы, поэтому возможно дальнейшее деление комплексов на флективные, агглютинативные, инкорпорирующие и изоляционные. Значение некоторых категорий, считающихся утраченными или вообще не присущими данному языку, находят свое выражение с помощью аналитических комплексов. Так, например, для выражения пространственных и

временных отношений могут использоваться аналитические комплексы, состоящие из сочетания существительного и предлога или послелога, например ('карта Дании'): англ. *a map of Denmark* ~ дат. *et kort over Danmark* ~ шв. *en karta över Danmark*. Использование синтетических и аналитических комплексов можно рассмотреть на примере нескольких категорий имени существительного и глагола, характерных для многих индоевропейских и неиндоевропейских языков. Приведем примеры синтетических и аналитических комплексов, используемых для выражения грамматических значений имени существительного.⁶

Из **синтетических** комплексов во многих языках широко представлены агглютинативные и флективные комплексы. Во **флективно-синтетическом комплексе** (табл. 1) морфема, выражающая грамматические категории, является флексией (внешней или внутренней). При этом несколько грамматических категорий (чаще всего число и падеж) могут выражаться одновременно, с помощью одной внешней флексии. Достаточно часты случаи грамматической омонимии. Использование таких комплексов характерно для выражения грамматических категорий во флективных языках.

Таблица 1. Флективно-синтетические комплексы

язык	форма		компоненты		категории
			лексический	грамматический	
			основа	флекси	
Г	gibai	sunau	gib- giba (f) — дар sun- sunus (m) — сын	-ai, -au (D sg)	падеж
	gibom	sunum		-om, -um (D pl)	число, падеж
Д А	fisce	scipe	fisc- fisc (m) — рыба scip- scip (n) — корабль fōt (m) — нога	-e (D sg)	падеж
	fiscum	scipum		-um (D pl)	число, падеж
	fōt - fēt			-ō- (sg) - -ē- (pl)	число
Д И	arms	lands	arm- armr (m) — рука land- land (n) — земля fōt (m) — нога tonn (f) — зуб	-s (G sg)	падеж
	arma	landa		-a (G pl)	число, падеж
	fótr - fótr			-ó- (sg) - -ó- (pl)	число
	tonn - tenn			-o- (sg) - -e- (pl)	число
Н	Garten - Gärten		Garten (m) — сад Mutter (f) — мать	-a- (sg) - -ä- (pl)	число
	Mutter - Mütter			-u- (sg) - -ü- (pl)	число
А	foot [u] — feet [i:]		foot — нога	-oo- (sg)- -ee- (pl)	число
Р	стеной	полем	стен- стена (f) пол- поле (n)	-ой, -ем (Ins sg)	падеж
	стенами	полями		-ами, -ями (Ins pl)	число, падеж

⁶ Обозначения: Г — готский, ДА — древнеанглийский, ДИ — древнеисландский, Н — немецкий, А — английский, Р — русский, Ф — финский.

В агглютинативно-синтетическом комплексе морфемы, выражающие грамматические категории, являются агглютинативными аффиксами (табл. 2). При этом несколько грамматических категорий выражаются раздельно — с помощью разных аффиксов, но в составе одного комплекса. Использование таких комплексов характерно для выражения грамматических категорий в агглютинативных языках. Надо отметить, что в датском суффиксированный артикль одновременно выражает и категорию числа и рода, а, например, в финском показатели множественного числа в номинативе и косвенных падежах различаются (-*t*- и -*i*-).

Таблица 2. Агглютинативно-синтетические комплексы

ЯЗ Ы К	ФОРМА		КОМПОНЕНТЫ			КАТЕГОРИИ
			лексический	грамматический		
			основа	аффиксы		
Д	stole	borde	stol (с) - стул bord (n) - стол	-e (pl)		число
	stols	bords		-s (Ps)		падеж
	stolen	bordet		-en, -et (d sg)		определенность
	stolene	bordene		-e (pl), -ne (d pl)		число, определен.
	stoles	bordes		-e (pl), -s (Ps)		число, падеж
	stolens	bordets		-en, -et (d sg), -s (Ps)		определен., падеж
	stolenes	bordenes		-e (pl), -ne (d pl), -s (Ps)		число, опред., падеж
Н	Tage	Jahre	Tag (m) - день	-e (pl)		число
	Tagen	Jahren	Jahr (n) - год	-e (pl) -n (D pl)		число, падеж
Ф Н	koulut	keittiöt	koulu — школа	-t (pl)		число
	koulussa	keittiössä	keittiö — кухня	-ssa, -ssä (In)		падеж
	kouluissa	keittiöissä		-i (pl), -ssa, -ssä (In)		число, падеж

Как показывает анализ фактического материала, по-видимому, возможны случаи смешанных, агглютинативно-флективных синтетических комплексов (табл. 3). В таких случаях в пределах одной словоформы различаются и флексия, в частности внутренняя, и агглютинативные аффиксы. Так, в немецком языке достаточно часты случаи образования форм множественного числа с помощью аффикса (-e, -er) и умлаута (a~ä, o~ö, u~ü). Далее при образовании дательного падежа к этой форме добавляется падежный аффикс -n.

Таблица 3. Агглютинативно-флективные синтетические комплексы

Я З Ы К	ФОРМА		КОМПОНЕНТЫ			КАТЕГОРИИ
			лексический	грамматический		
			основа	аффикс	флексия	
Н	Söhne	Bücher	Sohn (m) - сын	-e, -er (pl)	-ö- -ü-	число

	Söhnen	Büchern	Buch (n) - книга	-e, -er (pl); -n (D pl)	(pl)	число, падеж
--	--------	---------	---------------------	----------------------------	------	--------------

По-видимому, также возможны и случаи перехода из одного комплекса в другой. В случае, когда с помощью одной флексии выражаются две категории (в частности, число и падеж), то с «утратой» одной из категорий (падежа), флексия постепенно переходит в агглютинативный аффикс. Так, например, в английском: *book ~ books* ‘книга’, *dress ~ dresses* ‘платье’. Но полностью агглютинативным аффикс *-s (-es)* [-s, -z, -iz] признать, видимо, еще нельзя, поскольку он характерен также и для формы глагола (3 sg Present Indefinite): *book ~ books* ‘бронировать’, *dress ~ dresses* ‘одеваться’. При этом возможна полная омонимия форм существительного и глагола: *Yesterday I bought four books* (noun pl). *Usually he books* (verb 3 sg) *a ticket for me*.

Аналогичная ситуация наблюдается в немецком языке: суффиксы, используемые при образовании форм множественного числа, практически являются агглютинативными аффиксами (все существительные независимо от рода, во множественном числе склоняются одинаково: единственное падежное окончание *-n* имеет дательный падеж, кроме существительных, имеющих во множественном числе *-(e)n* или *-s*). Тем не менее, окончания *-e, -(e)n* характерны и для глагольного спряжения (*ich mache* ‘я делаю’, *wir machen* ‘мы делаем’, *wir / sie machen* ‘мы / они делали’), но на письме существительное маркировано — оно пишется с большой буквы.

Надо отметить, что и в агглютинативном финском языке также возможно использование одного аффикса (*-i-*) для образования форм и существительного (множественное число в косвенных падежах) и глагола (прошедшее время), но следующие после него аффиксы четко указывают на часть речи, основы существительного и глагола также чаще всего не совпадают, таким образом, омонимии форм не происходит: *keskustelin* (1 sg impf) ‘я разговаривал(а)’, *keskusteluissa* (In pl) ‘в разговоре’.

Из **аналитических** комплексов широко представлены флективные и изоляционные. Во **флективно-аналитическом** комплексе (табл. 4) морфемы в составе изменяемого компонента, выражающие грамматические категории, являются флексиями. В этом случае несколько грамматических категорий могут выражаться одновременно, так, например, в немецком артикль выражает не только категорию определенности / неопределенности, но и категории рода, числа и падежа. При этом можно заметить, что одна из категорий (в данном случае определенность / неопределенность) является основной и четко выраженной, в отличие от остальных: все немецкие артикли (кроме *einen*) не однозначны в обозначении рода, числа и падежа имени существительного.

Таблица 4. Флективно-аналитические комплексы

ФОРМА			КОМПОНЕНТЫ		КАТЕГОРИИ
			грамматический	лексический	
			артикль	самостоятельное слово	
der	Sohn	N sg m	der (N sg m; G D sg f; G pl) das (N A sg n) die (N A sg f; N A pl) dem (D sg m n) den (A sg m; D pl)	Sohn (m) - сын	определенность, число, падеж, род
dem		D sg m			
den		A sg m			
das	Fenster	N A sg n		Fenster (n) - окно	
dem		D sg n			
die	Tür	N A sg f		Tür (f) - дверь	
der		G D sg f			

Примером использования описываемого комплекса могут также служить сочетания существительного с прилагательными, указательными и притяжательными местоимениями и др., например: нем. *mein / dieser Tisch ~ meinem / diesem Tisch* (N ~ D sg m) ‘мой / этот стол’; *meine / diese Tasche ~ meiner / dieser Tasche* (N ~ D sg f) ‘моя / эта сумка’.

Строение **агглютинативно-аналитического** комплекса в целом сходно с описываемым, за исключением того, что морфемы в составе изменяемого компонента, выражающие грамматические категории, являются агглютинативными аффиксами. Примером таких комплексов, по-видимому, можно назвать использование артиклей в агглютинативных языках.

В **изоляционном** комплексе и лексический и грамматический компоненты не изменяются при выражении данной категории (в частности, при выражении падежных значений). Использование таких комплексов характерно для языков, в которых категория падежа практически утрачена и соответствующие значения передаются с помощью предлогов, например в датском и английском (табл. 5).

Таблица 5. Изоляционные комплексы

ЯЗЫК	ФОРМА		КОМПОНЕНТЫ		
			грамматический	лексический	
			предлог	самостоятельное слово	
Д	med en blyant	карандашом	med (Ins)	blyant (c)	карандаш
А	with a pencil		with (Ins)	pencil	
Д	på bordet	на стол, на столе	på (A Pr)	bord (n)	стол
А	on the table		on (A Pr)	table	
Д	far til drengen	отец мальчика	til (G)	dreng (c)	мальчик
А	the father of the boy		of (G)	boy	

Примером изоляционного комплекса может служить использование неизменяемого артикля при выражении категории определенности / неопределенности, как, например, в английском: *a table* (i) ~ *the table* (d).

Использование порядка слов и контекста для выражения различных категорий также можно отнести к изоляционным комплексам. Например, выражение падежных значений:

англ. *I have written him a letter* (A). *The letter* (N) *was sent yesterday*.

дат. *Jeg har skrevet ham et brev* (A). *Brevet* (N) *blev skrevet igår*.

фр. *J'ai lui écrit une lettre* (A). *La lettre* (N) *a été écrite hier*.

рус. *Я написал ему письмо* (A). *Письмо* (N) *было написано вчера*.

Анализ грамматических систем, а также отрывков письменных текстов на нескольких германских языках показал, что в доступном наблюдению историческом периоде (с IV—VI вв. по настоящее время) прослеживается общая тенденция развития в направлении от флективно-синтетического к аналитическому или агглютинативному (агглютинативно-аналитическому): сокращается число грамматических категорий или грамем (содержательное упрощение морфологического строя), а также число показателей какой-либо грамемы (формальное упрощение морфологического строя), что, по сути и является проявлением аналитических тенденций на грамматическом уровне. Примером может служить категория падежа имени существительного в германских языках: здесь упрощение морфологического строя проявилось, во-первых, в том, что ни в одном из германских языков не сохранилась древняя трехморфемная структура слова: реликты основообразующих суффиксов слились либо с корневой морфемой, либо с окончанием, а во-вторых, в сокращении количества синтетически выраженных падежей (8 — в общеиндоевропейском, 6 — в общегерманском, 4 — в немецком и исландском, 2 — в датском, шведском и английском) вплоть до ее полного исчезновения (африкаанс).

Во флективных комплексах часты случаи омонимии, что связано с постепенной редукцией окончаний. Омонимичность обычно снимается аналитическими средствами (согласуемыми прилагательными и местоимениями, служебными словами, порядком слов). Большое количество омонимичных форм постепенно приводит либо к полному исчезновению флексии и в дальнейшем к утрате грамматической категории; либо к переходу ее в разряд агглютинативных аффиксов. Агглютинативные аффиксы более устойчивы, чем флексии. В случае исчезновения флексии используются изоляционные комплексы (с помощью порядка слов, форм существительных и личных местоимений, предлогов). Наличие в немецком языке большого количества омонимичных падежных форм также свидетельствует об упрощении морфологического строя и проявлении аналитических тенденций.

Аналитичность может проявляться по-разному в различных частях речи. Для существительного характерно уменьшение количества категориальных форм, что в конечном итоге приводит к снятию противопоставления и исчезновению самой категории (например, категории падежа). Для глагола характерна несколько иная картина: с одной стороны, также наблюдается уменьшение числа категориальных форм и исчезновение категорий (например, категорий лица и числа), с другой стороны, характерно и развитие категории с увеличением категориальных форм (например, развитие категории времени). Это объясняется разнообразием способов выражения этих категорий. Традиционно категории падежа и лица выражаются синтетически, с помощью флексий или агглютинативных аффиксов, что постепенно уступает место аналитическим способам: падежные значения передаются с помощью порядка слов и предлогов, а для обозначения лица и числа глагола используются личные местоимения и существительные. Глагольная категория времени (а также категории вида и временной соотнесенности) эволюционирует, и к старым синтетическим формам настоящего и прошедшего времени добавляются новые видовременные категориальные формы, которые обычно являются аналитическими.

Степень устойчивости грамматических категорий свидетельствует об их коммуникативной значимости. Так, именная категория числа является одной из самых четко выраженных и стабильных (это отмечается, в частности, А.А. Худяковым [Худяков 1989: 120]). По-видимому, это связано с важностью различения одного и нескольких предметов или явлений окружающего мира и объясняется особенностями человеческого мышления. Категории рода и падежа менее устойчивы. Отнесение существительного к определенному роду в большинстве случаев достаточно формально и носит исторический характер. Падежные значения также очень важны для характеристики предметов и явлений внешнего мира, но постепенно синтетически выраженный падеж (в частности, с помощью флексии) может уступить место аналитическому, часто не выделяемому (в этом случае констатируется утрата падежа как грамматической категории). Таким образом, во-первых, сокращается количество одновременно используемых способов выражения падежных значений (аффикс, предлог, согласуемые формы местоимений, прилагательных), а во-вторых, исчезает необходимость сведения всех значений к определенному количеству падежей.

Из глагольных категорий менее устойчивы категории лица, числа и рода, что, по-видимому, также можно объяснить одновременным выражением этих категорий как в самом глаголе, так и вне его (с помощью личных местоимений и существительных). Категория времени, вида и таксиса

тесно связаны, и здесь часто наблюдается увеличение количества форм от древнего состояния языка к современному (надо отметить, что в русском произошло сокращение категориальных форм: в частности, в древнерусском различалось не одно прошедшее время, а четыре: аорист, имперфект, перфект, плюсквамперфект). В целом, это также связано с особенностями человеческого мышления: сначала осознавались действия только в прошлом и настоящем, потом возникла необходимость более четкого определения действия по отношению к другим действиям в прошлом или будущем.

Чтобы показать тенденцию к увеличению количества аналитических форм глагола, мы сравнили соотношение аналитических и синтетических форм в исследуемых германских языках, с учетом всех глагольных категорий (табл. 6):

Таблица 6. Аналитические и синтетические формы глагола.

<i>Язык</i>		<i>Аналитические формы</i>		<i>Синтетические формы</i>	
германские	готский	0	0%	46	100%
	древнеангл.	0	0%	14	100%
	древнеисландский	18	40%	27	60%
	немецкий	172	84%	32	16%
	английский	59	87%	9	13%
	датский	18	75%	6	25%

С точки зрения современного когнитивно ориентированного подхода к проблеме аналитизма следует подойти с учетом выявления зависимостей между аналитическими и синтетическими тенденциями в языке и когнитивными процессами. Аналитизм может не только быть характеристикой языка на синхронном срезе, но и выступать в качестве эволюционной тенденции. В доступном наблюдению историческом периоде (с IV—VI вв. по настоящее время) в германских языках развитие идет в направлении от флективно-синтетического к аналитическому или агглютинативному (агглютинативно-аналитическому). Мы предполагаем, что развитие когнитивных процессов в фило- и онтогенезе отражается на своеобразии речепорождения и текстообразования и проявляется на всех языковых уровнях — от фонологического состава до текстового уровня.

В современном мире идет бурное развитие визуальной, образной информации, что не может не затрагивать работу и развитие правого полушария. Основные тенденции в развитии способности человека познавать мир состоят в возрастании абстрактности и логической связности мышления. Усиление абстрактности человеческого мышления ведет к абстрактности грамматических категорий. Таким образом, можно сделать вывод о том, что в процессе становления аналитического строя когнитив-

ное развитие шло в сторону усиления аналитической способности.

Использование аналитических комплексов, по-видимому, содействуют более сильному развитию правого полушария, а синтетических — левого, так как использование аналитических комплексов предполагает оперирование отдельными образами (анализ при этом упрощен), а синтетических предполагает более сложный (детальный) анализ. Этим можно объяснить то, что с развитием языка синтетические комплексы (особенно во флективных языках) могут заменяться аналитическими, на основе которых в свою очередь могут развиваться новые синтетические.

Литература

Бородина М. А. К вопросу об аналитической морфологии французского языка // Морфологическая структура слова в языках различных типов. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1963. — С. 192-199.

Худяков А. А. К вопросу о понятийной основе категории числа имени существительного // Понятийные категории и их языковая реализация. — Л. : Изд-во Ленингр. гос. пед. ин-та, 1989. — С. 119-125.

С.Е. Полякова
г. Санкт-Петербург

СПЕЦИФИКА ГРАММАТИЧЕСКОГО ОФОРМЛЕНИЯ ВЫСКАЗЫВАНИЯ В СОСТОЯНИИ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ

В настоящей статье рассматриваются ряд особенностей грамматического оформления высказывания, порождаемого говорящим в состоянии эмоциональной напряженности. Значимым в коммуникативном плане результатом такого оформления высказывания является коммуникативная неудача. К наиболее часто проявляющимся свойствам эмоционально насыщенной речи мы относим следующие характеристики.

1. Грамматически, синтаксически и логически незавершенные фразы. Значительное количество грамматически, синтаксически и логически незавершенных фраз является одним из тех свойств речи в состоянии эмоциональной напряженности, которые ведут к возникновению коммуникативной неудачи. Практически всегда, когда в речи имеет место грамматически, синтаксически или логически незавершенная фраза, можно говорить о возникновении коммуникативной неудачи, так как незавершенная фраза не передает смысла, который был заложен в нее говорящим. Он становится недоступным слушающему, предложение не выполняет своей коммуникативной функции — имеет место коммуникативная неудача.

Данные примеры иллюстрируют такую особенность речи в состоянии эмоциональной напряженности, как возрастающее количество грамматически, синтаксически и логически незавершенных фраз:

(1) *It is not a threat because we happened to be peace-loving people. It's a threat because in the heart (pause) of (pause) the radical Islamic face... Not all Islam. And that what's very important. This isn't an Islamic problem, this is a Jihads problem, an Islamic fascism problem* (URL: <http://www.youtube.com/watch?v=R-eetQ9Nydg>).

(2) *For any chain of action that might involve us in a third World War (pause) and and something that might involve the entire world in holocaust in the circumstances... well, I know you don't believe it...* (URL: <http://www.youtube.com/watch?v=VYIMEVTa-PI>).

(3) *So, for most of Marx' lifetime... The claim was made that Marx isn't scientific socialism* (URL: <http://www.youtube.com/watch?v=-CIOSkrfRC4>).

(4) *Because the other side of ideology is always liberation, that is... One of the ways which you can define the ideology is that it is a theory of the practice of liberation* (URL: <http://www.youtube.com/watch?v=-CIOSkrfRC4>).

(5) *But if you look at American agriculture. Currently it's overproducing, the common market is overproducing and common market* (URL: <http://www.youtube.com/watch?v=-CIOSkrfRC4>).

Чаще всего незавершенность фразы является комплексной: фраза не завершена и грамматически и синтаксически. Об этом свидетельствуют примеры 1, 2, 3. В примерах 4 и 5 предложение является логически законченным, но в примере 4 имеется конструкция, предполагающая развитие мысли. Однако автор обрывает фразу и начинает новое предложение, вероятно намереваясь облачить мысль в иную синтаксическую форму.

Однако такое происходит лишь в случаях, когда говорящий произносится логически не самую важную часть сообщения. Когда же говорящий прерывает предложение, произнося лишь незначительную информацию (как в примере 4), коммуникативная неудача не происходит — говорящий как бы еще не начал сообщать слушающему логически оправданную, наполненную смыслом информацию. Данный отрезок речи не несет смысловой нагрузки, и его незавершенность не ведет к коммуникативной неудаче.

2. Грамматическая «нецельность» речи. Грамматическая «нецельность» речи в состоянии эмоциональной напряженности проявляется в том, что фразы, которые могли бы быть представлены как синтаксически непрерывные цепочки, членятся на отдельные синтагмы, смысловые связи между которыми выражаются преимущественно способом соположения, а не с помощью формально-грамматических средств. Об этом свидетельствуют следующие примеры:

(1) *Again you see the ehh... the English who from at least the early of 18th century were regarded by Europeans as having a special vacation for liberty. (pause) Never struggled for it or acquired it by struggle. That is they... they... Anglo-Saxons and Normans came together in England. They developed institutions like jury..., parliament* (URL: <http://www.youtube.com/watch?v=5WRbtk43hIg&feature=related>).

(2) *You see, Marxism and all other doctrines, I think, ahh... Essentially forms of revolutionary praxis. They... they want to che... they they they respond among other things to passion for change* (URL: <http://www.youtube.com/watch?v=5WRbtk43hIg&feature=related>).

(3) *Even if we all agree that what we did in Dresden was an excusable (pause) ahh... ahh... as a moral question has got to be understood in the context... what was it that brought us to Dresden in the first instance and what brought us to the South Vietnam in the first instance as my judgment was clearly an uninterested or I should say disinterested a concerned for ah... ah... stability and possibilities of a region of the world* (URL: <http://www.youtube.com/watch?v=VYIMEVTa-PI>).

(4) *Because American... ahh... America... well... if you look American agricultural interests were very much opposed... back in the mid-30s they were very strongly opposed to the ahh... free trade relationships which allowed Philip-pines crowds compete with them* (URL: <http://www.youtube.com/watch?v=VYIMEVTa-PI>).

Эта особенность речи в состоянии эмоциональной напряженности не является причиной коммуникативной неудачи в тех случаях, когда нарушение формально-грамматических средств не ведет к двусмысленности или к потере смысла. Как уже говорилось ранее, любая особенность речи в состоянии эмоциональной напряженности имеющаяся в речи в избытке ведет к коммуникативной неудаче.

Однако незначительное количество опущенных формально - грамматических связей к ней не ведет, так как семантически нагруженные члены предложения сохраняются говорящим. Он как бы оставляет ключевые смысловые моменты речи и пренебрегает «второстепенными». Возникновение коммуникативной неудачи в данном случае в большой мере обусловлено особенностями слушающего. Если он хорошо владеет языком, то осознание смысла для него будет посильной задачей, коммуникативная неудача не возникнет. В противном случае предложения не будут выполнять своих коммуникативных функций, коммуникативное намерение говорящего не осуществится, возникнет коммуникативная неудача.

3. Нарушение структуры сложного синтаксического целого.

Нарушение структуры сложного синтаксического целого (сверхфразового единства) является одним из тех свойств речи в состоянии эмоцио-

нальной напряженности, которые в наибольшей степени ведут к возникновению коммуникативной неудачи. Говорящий неоднократно отвлекается от изложения основной мысли сложного синтаксического целого, сообщая побочные сведения, что существенно затрудняет восприятие речи, слушающему сложнее следить за темой. Зачастую сообщая побочные сведения, говорящий совсем отвлекается от основной мысли, что приводит к глобальной коммуникативной неудаче. Но в этом случае мы говорим о таком свойстве речи в состоянии коммуникативной неудачи, как логическая и грамматическая незаконченность предложения:

1. *Because what you what you would not have realized is that the state itself is, as Marx said, in a manifest to the executive committee of the bourgeoisie... Therefore the way which the state... The state in the current condition is responding o the needs of different producing interests within it. And that is it is intertwining, and that is... That's... The state itself is a part of rationalative capitalism* (URL: <http://www.youtube.com/watch?v=5WRbtk43hIg&feature=related>).

2. *So anybody who feels in any way discontented with life in the modern world, and you might will say the human condition is full of discontence, may in principle be mobilized by a thi... by whatever purports to theorize your discontence* (URL: <http://www.youtube.com/watch?v=5WRbtk43 hIg&feature=related>).

3. *But the history of colonialism shows that those two can k.. ahh.. coincide. That practically every... and and there are exceptions, you know, probably the Belgians and the Congo are exception, but by and large major imperialist ventures have been in the economic... ahh... in the material interest or in the perceived material interest* (URL: <http://www.youtube.com/watch?v=VYIMEV>).

4. *The exceptions, I mentioned for example the Belgians and the Congo, there they didn't try... they didn't pretend to have a civilizing mission, there was pure imperial self-interest.* (URL: <http://www.youtube.com/watch?v=VYIMEVTa-PI>).

5. *Now in that case our invasion in France, whether we like it or not was in reaction on occupying external force* (URL: <http://www.youtube.com/watch?v=R9Samvw6Z08&feature=related>).

Что же касается нарушения структуры сверхфразового единства, то сила влияния этого свойства на возникновение коммуникативной неудачи напрямую зависит от количества и временной протяженности сообщаемых побочных сведений. Чем их больше, тем больше возможность возникновения коммуникативной неудачи. Также можно говорить о зависимости этой возможности от личных качеств и состояния слушающего. Чем выше его внимание и умение воспринимать большое количество информации, тем меньше возможность возникновения коммуникативной неудачи.

4. Замена подразумеваемых говорящим существительных местоимениями.

В случае замены подразумеваемых говорящим существительных (которые, однако, не были им названы) местоимениями можно говорить о частом возникновении коммуникативных неудач, так как в силу этого свойства речи в состоянии эмоциональной напряженности, смысл становится слушающему не ясен. Об этом ясно свидетельствуют приведенные выше примеры. В обоих примерах указания местоимений «**us**» и «**them**» оказываются непонятными слушающему, в связи с чем и происходит последующее уточнение «**who's us?**» и «**who are they?**». Налицо возникновение коммуникативной неудачи:

1. — *You make **us** all famous by making a protest.*

— *That's not. Who's us?* (URL: <http://www.youtube.com/watch?v=FCrXpKEiEbY&feature=related>)

2. — *The point is that 40 years old Greeks have fought three times. In certain ventures in one of which they the acknowledged "We bail **them** out".*

— *Who is they? Who is they? The rulers of the new technology?* (URL: <http://www.youtube.com/watch?v=VYIMEVTa-PI>).

Однако коммуникативная неудача возникает только в том случае, когда есть место двусмысленности: в том случае, если местоимения некорреферентны, либо antecedent не был представлен в контексте вообще. В таком случае можно однозначно говорить о коммуникативной неудаче.

Стоит заметить, что в случае, когда говорящий использует в речи длительное время местоимение для обозначения предмета разговора вместо его имени, возможность возникновения коммуникативной неудачи также зависит от личных качеств и состояния слушающего, от уровня его внимания. Чем он больше слушает, тем меньше возможность возникновения коммуникативной неудачи. Однако в ходе исследования не было выявлено избыточного проявления этого свойства речи в состоянии эмоциональной напряженностью. Частотность возникновения его такая же, как и в речи говорящего в спокойном состоянии.

5. Появление ошибок согласования.

Как было замечено, в речи в состоянии эмоциональной напряженности возникает большее, нежели в речи в обычном состоянии, число ошибок согласования языковых единиц, как корректируемых, так и некорректируемых. Следующие примеры демонстрируют возникновение в речи в состоянии эмоциональной напряженности повышенного количества ошибок согласования, корректируемых (примеры 4-11) и некорректируемых (примеры 1-3):

1. *Indeed, the thoughts that run thought their head is... ahh... ahh... frequently innocent or (pause) justificatory* (URL: <http://www.youtube.com/watch?v=-CIOSkrfRC4>).

2. *Well, is it... is it required every ideology that it... it (will) be redemptive, that it it have an unmasked logical purpose?* (URL: <http://www.youtube.com/watch?v=5WRbtk43hIg&feature=related>).

3. *And these are beliefs that the world we're living (in) is the most commonly discussed form of oppression and domination the world has ever seen* (URL: <http://www.youtube.com/watch?v=5WRbtk43hIg&feature=related>).

4. *Because free peoples never liberated themselves* (URL: <http://www.youtube.com/watch?v=5WRbtk43hIg&feature=related>).

5. *I'm presenting with you to you a theory* (URL: <http://www.youtube.com/watch?v=FCrXpKEiEbY&feature=related>)

6. *Therefore I have I had the problem with ideology trying to work out...* (URL: <http://www.youtube.com/watch?v=-CIOSkrfRC4>).

7. *So that wealthy individuals are paying a little bit more into the system right now somebody like Warren Buffett plays pays a fraction of 1% on this income tax, whereas the majority of audience here pays pay tax on 100% of their income* (URL: <http://www.youtube.com/watch?v=o9yRuw3TQqo&feature=related>).

8. *I would agree with that. There is... there are two intellectual tasks* (URL: <http://www.youtube.com/watch?v=hbUYsQR3Mes&feature=related>).

9. *There's no such distinction in Greek in Greece* (URL: <http://www.youtube.com/watch?v=R-eetQ9Nydg>).

10. *W-Well, let me get begin by referring something that we've already discussed...* (URL: <http://www.youtube.com/watch?v=hbUYsQR3Mes&feature=related>).

11. *And it is more most persuasive if it appears to be scientific* (URL: <http://www.youtube.com/watch?v=-CIOSkrfRC4>).

Когда ошибка корректируется (как в примерах 4-11), коммуникативной неудачи не происходит, так как сообщение выполняет свою коммуникативную функцию. В случае, когда ошибка согласования не корректируется (как в примерах 1-3), коммуникативная неудача может возникнуть в том случае, если она препятствует передаче смысла сообщения или ведет к двусмысленности.

Также можно говорить о коммуникативной неудаче в силу того, что речь говорящего, пестрящая некорректируемыми ошибками согласования, может восприниматься слушающими как неграмотная речь, создавать определенное впечатление о говорящем. Если создание положительного впечатления является его коммуникативной задачей (что особенно актуально, например, в политической сфере), то такое свойство речи в состоянии эмоциональной напряженности, может привести к коммуникативной неудаче.

РАЗДЕЛ III

ЛЕКСИКА И ПРОЦЕССЫ СМЫСЛОПОРОЖДЕНИЯ

Л. В. Бабина
г. Тамбов

КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ ПРОИЗВОДНОЙ ЛЕКСИКИ

Когнитивно-дискурсивный подход, получивший развитие с конца прошлого столетия, характеризуется тем, что связан не только с изучением проблем осмысления опыта человека как результата его взаимодействия с окружающим миром, но и с исследованием коммуникативной деятельности. В рамках этого подхода особое внимание уделяется изучению производной лексики, поскольку производная лексика — одно из средств, позволяющих закрепить и вербализовать типы и форматы / структуры знания, появившиеся в актах познания и оценки мира и являющиеся результатом развития концептуальной системы человека [Кубрякова 2004].

Концептуальная система человека развивается, модифицируется в процессе его взаимодействия с окружающим миром. При этом внутреннее развитие концептуальной системы осуществляется за счет непрерывного порождения новых структур знания на основе уже существующих. Этот процесс, который получает название концептуальной деривации, предполагает, что после того, как концепты, составляющие концептуальную систему человека, уже были каким-либо образом поименованы, в языке появилась необходимость их дальнейшего объединения в новые концептуальные структуры, которые обладают новыми языковыми значениями.

Получив языковую репрезентацию, новые концепты становятся неотъемлемой частью концептуальной системы, создавая, в свою очередь, основу для ее дальнейшего развития и сохраняя деривационные связи с исходными структурами. Непрерывность этого процесса обуславливает необходимость его адекватного отображения в языке, подчеркивая в то же время его важность для развития языка и выполнения им своей основной функции — передачи разнообразных смыслов при относительно ограниченном наборе материальных средств.

Именно через языковую форму, объективирующую тем или иным способом конфигурированное концептуальное содержание, становится возможным вернуться к исходным концептуальным структурам с тем, чтобы познать, каким образом новая структура знания была создана. Как отмечает А. А. Худяков, «замечательное свойство языка состоит в том, что он способен в своих формах эксплицировать ту часть мыслительной деятельности человека, которая скрыта от непосредственного наблюдения

и о природе которой мы можем судить лишь косвенно, опираясь на анализ одного из важнейших продуктов этой деятельности, каковым является язык» [Худяков 2000: 215]. Сопоставление исходных и производных языковых единиц позволяет показать, как осуществляется «порождение бесконечного множества конечных возможных объектов (смыслов и соотносимых с ними выражений языка) из конечного множества ‘семантических атомов’ путем конечного числа применений определенных правил» [Павиленис 1983: 46], то есть судить о тех процессах, которые определили появление концепта, репрезентируемого вторичной единицей.

Важным этапом изучения производных единиц является выявление когнитивных моделей. Когнитивные модели лежат в основе семантики производных слов и имеют вид пропозиции. Пропозиция, существующая на уровне концептуальной организации человеческого сознания, строится как конструкт, связывающий концепты, и рассматривается как аналог словообразовательной модели в смысле репрезентации знаний. При актуализации пропозиции или пропозициональной структуры производным словом языковую реализацию получают не все ее элементы. Выявление пропозиции, следовательно, предполагает восстановление предиката пропозиции, в качестве которого может выступать атомарный предикат или операциональный концепт. Атомарный предикат либо указывает на наличие типа связи, либо на самый обобщенный и абстрактный тип связи, который не нуждается в конкретизации. К числу атомарных предикатов могут быть отнесены *to use, to make, to live, to be* и другие. Операциональный концепт (OPER / BE OPER) представляет собой обобщенный предикат, который либо указывает на само действие, либо является средством связи концептов в концептуальную структуру, стоящую за определенной группой производных слов.

Изучение производных слов, образованных от имен собственных (ИС), позволило выявить ряд когнитивных моделей, лежащих в основе их семантики. Следует отметить, что производные слова, образованные от имен собственных, составляют особую группу, что определяется семантикой ИС. Существует множество различных точек зрения относительно наличия у имен собственных лексического значения и его природы. Наиболее убедительными представляются мнения исследователей о его специфичности, выражающейся в неоднородности денотативного, коннотативного и сигнификативного компонентов, ассоциативности и бóльшей информационной насыщенности по сравнению с семантикой имен нарицательных (И. А. Воробьева, Е. Ф. Данилина, Ю. А. Карпенко, Т. Н. Кондратьева, Е. Курилович, В. А. Никонов, Л. П. Ступин, Ф. Травничек, Л. В. Щерба, Л. М. Щетинин и др.). Специфичность семантики ИС, несмотря на то, что она определяет способность ИС в лаконичной форме пе-

редавать большое смысловое и эмоциональное содержание, ограничивает использование ИС в качестве производящей основы в процессе вторичной номинации. Требуется усвоение концептуальной структуры ИС лингвокультурным сообществом, чтобы произошел переход ИС в другие части речи. То есть необходимы определенные предпосылки как лингвистического, так и экстралингвистического характера. По мнению Н. А. Шехтмана и М. А. Захаровой, лингвистические предпосылки заключаются в том, что «часть ИС ... получает четкое и относительно ограниченное понятийное наполнение, позволяющее противопоставить их другим ИС из ряда подобных в силу наличия у них ярко выраженных дифференциальных признаков», а экстралингвистические предпосылки определяются соответствием ИС «сложившейся системе понятий и представлений данной лингвокультурной общности, его включенностью в парадигму аксиологических ценностей, в соответствии с которой члены данного сообщества выстраивают свои жизненные приоритеты» [Захарова 2004: 104].

Число производных слов от ИС, в сравнении с производными от имен нарицательных, относительно невелико. Наиболее многочисленны производные, образованные путем суффиксации, выявляются производные по конверсии и наиболее малочисленную группу составляют производные, появившиеся префиксальным путем.

Исследование позволило выявить некоторые когнитивные модели, определяющие семантику группы производных слов, образующихся от имен собственных-антропонимов с помощью таких суффиксов, как: *-ist*, *-ism*, *-ean*, *-(i)an*.

1) *Darwinist, Thomist, Leninist, Machiavellian, Epicurean, Pavlovian*, etc. Словообразовательным значением данной группы производных слов будет: 'one who supports something' (*Darwin's doctrine, Machiavelli's politics*, etc.). Исходя из словообразовательного значения, словарных толкований производных слов, можно выявить пропозициональную структуру, определяющую семантику вышеупомянутых производных слов: ACTOR — SUPPORT — CONTENT. При этом ACTOR понимается как действующее лицо/деятель, элемент CONTENT рассматривается как ментальная информация, которая аккумулируется, передается или воспринимается субъектом.

2) *Blairism, Thatcherism, Marxism, Leninism, Pyrrhonism*, etc. Словообразовательным значением данной группы производных слов является: 'something (political, economic, and social principles) developed by someone (Blair, Thatcher, Marx, Lenin)'. Пропозициональная модель может быть представлена в следующем виде: CONTENT — BE OPER — ACTOR.

3) *Catonian, Sadistic, Antaeon, Lilliputian, Gargantuan, Circean*, etc. Словообразовательное значение следующее: 'a quality (severity, violence,

strength, size, enticement) belong to (is associated with) someone (Caton, Marquis de Sade, Antaeus, Lilliput, Gargantua, Circe)'. На основе данного словообразовательного значения можно восстановить следующую пропозициональную структуру: QUALITY — OPER — ACTOR.

В ходе анализа производных слов, образованных от антропонимов, путем конверсии были выявлены две пропозициональные структуры, определяющие их семантику:

1) пропозициональная структура DO AS / LIKE ACTOR, которая определяет семантику таких глаголов, как *to lynch, to grimthorpe, to vandyke, to bogart, etc.*

2) пропозициональная структура OPER PATIENT, лежащая в основе очень небольшого количества деноминативных глаголов, образованных от антропонимов: *to boycott, to bork, etc.* При этом элемент PATIENT представляет собой одушевленного участника события, который подвергается воздействию.

Среди производных, образованных от имен собственных путем префиксации, были рассмотрены глаголы, созданные по словообразовательной модели out + Onom. Как отмечают исследователи, в частности А. В. Кунин, производные по модели out + Onom впервые были зафиксированы в произведении У. Шекспира «Гамлет».

Рассмотрим контекст произведения «Гамлет», в котором используется отсубстантивный дериват:

(1) *Enter Hamlet and three of the Players.*

Hamlet. Speak the speech, I pray you, as I pronounc'd it to you, trippingly on the tongue. But if you mouth it, as many of our players do, I had as live the town crier spoke my lines. Nor do not saw the air too much with your hand, thus, but use all gently... O, it offends me to the soul to hear a robustious periwig-pated fellow tear a passion to tatters, to very rags, to split the cars of the groundlings, who (for the most part) are capable of nothing but inexplicable dumb shows and noise. I would have such a fellow whipp'd for o'erdoing Termagant. It out-herods Herod. Pray you avoid it.

Как видно из контекста, Гамлет называет «переиродованием Ирода» слишком подчеркнутую декламацию и жестикуляцию актеров на сцене, намекая на персонаж мистерии — царя Ирода, который славился неистовыми монологами и столь же неистовой игрой. Отсубстантивный глагол в составе вышеупомянутого сочетания (*to out-herod Herod*) вошел в язык со значением 'переусердствовать'. Интересно отметить, что впоследствии в составе данного сочетания производный глагол приобрел значение 'превзойти самого Ирода в жестокости'. Модель out + Onom оказалась довольно продуктивной, практически любое имя собственное, при условии усвоения его концептуальной структуры лингвокультурным сообществом, может выступать производящей основой при образовании производных данного типа. Активное использование дериватов, созданных по словооб-

разовательной модели out + Onom, способствовало формированию когнитивной модели, лежащей в основе их семантики. Когнитивная модель может быть представлена в виде пропозиции: ACTOR1 (субъект-агенса) — OPER — ACTOR2 (сопутствующий субъект) — VALUE — MANNER. Элемент VALUE предполагает осуществление оценки совершаемого действия, элемент MANNER подразумевает способ или образ осуществления действия.

Выявленные когнитивные модели, соответствующие словообразовательным на когнитивном уровне, могут быть рассмотрены не только как модели порождения, воспроизводящие процесс формирования производных слов, но и как модели выбора. Поскольку в процессе коммуникации человек выбирает из множества языковых единиц единицу, образованную по определенной порождающей модели, не случайно. Его выбор определяется тем, что именно эта единица в большей мере соответствует его коммуникативному замыслу. То есть, как пишет Е. Г. Беляевская, модель позволяет ответить не только на вопрос «как?» (как была образована данная единица/данное высказывание?), но и на вопрос «почему?» (почему данная единица была выбрана для формирования именно этого контекста?) [Беляевская, 2008: 102]. Вышесказанное проиллюстрируем на примере префиксальных глаголов, образованных по словообразовательной модели out + Onom. Рассмотрим функционирование окказиональных префиксальных глаголов в следующих контекстах.

(2) *The party (N.Z. Labour party) converted to the free market with a zeal that out-Thatchered Thatcher and out-Reaganed Reagan. If it moved, Labour and its Finance minister, Roger Douglas, privatized it. Taxes were slashed, workers' protection abandoned. New Zealand became the citadel of the New Right (<http://nonprofits.accesscomm.ca>).*

Производные слова *out-Thatcher* и *out-Reagan*, образованные по вышеупомянутой когнитивной модели, выбраны автором статьи не случайно. Они позволяют автору воздействовать на читателя, который не только определенным образом оценивает деятельность лейбористской партии Новой Зеландии, о которой идет речь в статье Дж. Фриланда, но и делает ряд предположений о возможных последствиях проводимой политики: увеличении государственного долга, бюджетного дефицита, усилении социальной дифференциации населения и других. Этому способствует то, что производные слова образованы от имен собственных, способных накапливать экстралингвистическую информацию о своем денотате. Для того, чтобы понять, почему, стараясь перейти к свободному рынку, лейбористская партия Новой Зеландии превзошла М. Тэтчер и Р. Рейгана, необходимо обратиться к концептуальным структурам, стоящим за вышеупомянутыми именами собственными, и активизировать участок «политическая (профессиональная) деятельность», то есть восстановить фоновую инфор-

мацию. Как известно, М. Тэтчер и Р. Рейган были приверженцами наименьшего вмешательства правительства в регуляцию экономики. Их экономическая политика была направлена на стимулирование производства в сочетании с уменьшением налогов для богатого населения, сокращение расходов федерального правительства, прежде всего, за счет расходов на социальные программы в таких областях, как здравоохранение, образование и тому подобных. Составляющей политики М. Тэтчер также было проведение приватизации, снижение влияния профсоюзов. Упоминание М. Тэтчер и Р. Рейгана в одном контексте не случайно, поскольку, будучи политическими лидерами, они поддерживали дружеские отношения и координировали свои действия. О том, что при формировании смысла отсубстантивного деривата учитывается именно эта информация, свидетельствует контекст, в котором используются отыменные дериваты, в частности единицы: *taxes were slashed, workers' protection, abandoned*. С одной стороны, контекст помогает «нащупать» нужное направление интерпретации, с другой стороны, выбор языковой единицы, образованной по рассматриваемой порождающей модели, формирует этот контекст в процессе коммуникации. Иначе говоря, модель, по которой формируются производные слова, выступает и как модель порождения, и как модель выбора.

(3) When it comes to listing body blows inflicted on the environmental movement by the Bush administration in recent days, it's hard to know where to start. Pick up the paper any day of the week and you'll likely find a fresh slap in the face of U.S. EPA "Administrator" Christie Todd Whitman. A backtrack on arsenic standards here, a promise to drill in Alaska there... So environmentalists in Washington have stuffed the green garb back in the closet. Everyone's draped in black these days and there is no end to the pain in sight. As finely documented in the Washington Post, the sunny talk of compassionate conservatism and a kinder, gentler GOP has swirled down the drain. This administration has out-Reaganed Reagan. From top to bottom, in every appointment, in every place that matters, including an OMB with new regulations czar John D. Graham, Dubya has installed conservative ideologues and friends of industry who appear to relish nothing more than laying the righteous smackdown on anyone rumored to harbor liberal leanings (<http://www.grist.org>).

В следующем примере также необходимо обратиться к фоновому знанию, стоящему за производящим именем собственным. Политика по охране окружающей среды в США проводится федеральным правительством. Р. Рейган, став президентом США, открыто выразил свое враждебное отношение к стратегии, направленной на увеличение роли государства в охране окружающей среды. Он выбрал стратегию, предложенную конгрессменом-консерватором Д. Стокманом, согласно которой постепенно был сокращен бюджет Управления по охране окружающей среды, а также число служащих этого ведомства. Данная политика была проведена благодаря тому, что на ключевые позиции в Управлении были назначены люди, открыто выступающие против усиления мер, направленных на охрану окружающей среды. Административные изменения позволили издавать

новые законы и интерпретировать существующие в пользу промышленников. Все это, безусловно, привело к ухудшению состояния окружающей среды: большому загрязнению воды и воздуха. Формируемые префиксальным глаголом *to out-Reagan* смыслы позволяют передать отрицательное отношение автора статьи к политике, проводимой администрацией Дж. Буша, способствуют тому, чтобы читатель мог сделать предположения о возможных негативных последствиях, проводимой политики. Следует отметить, что передаче авторской негативной оценки политики, проводимой администрацией Дж. Буша, также способствуют метафоры, используемые в контексте: *environmentalists in Washington have stuffed the green garb back in the closet, everyone's draped in black these days*. Префиксальный глагол, таким образом, выступает одним из стержневых элементов, порождаемого в процессе коммуникации сообщения — текста.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что изучение производных слов с когнитивно-дискурсивных позиций предполагает выявление когнитивных моделей, которые могут выступать и как модели порождения, и как модели выбора. Модель, порождающая производное слово, способна дополняться моделью выбора языковых средств, составляющих контекст, который активизирует стоящую за производным словом фоновую информацию. Это позволяет адекватно интерпретировать текст, передавать отношение автора к описываемой ситуации. То есть «модель порождения нового слова дополняется моделью ее выбора для контекстуальной реализации и программой построения развернутого контекста» [Беляевская 2008: 105], в котором эта единица (производное слово) играет немаловажную роль.

Литература

Беляевская Е. Г. Модель и моделирование в лингвистических исследованиях (традиционный подход vs когнитивный подход) // Принципы и методы когнитивных исследований языка : сб. науч. тр. / отв. ред. Н. Н. Болдырев. — Тамбов : Изд-во Тамб. гос. ун-та им. Г. Р. Державина, 2008. — С. 98-110.

Захарова М. А. Семантика и функционирование аллюзивных имен собственных : (на материале англоязычных художественных и публицистических текстов) : дис. ... канд. филол. наук. — Самара, 2004.

Кубрякова Е. С. Язык и знание : На пути получения знаний о языке : Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. — М.: Языки славянской культуры, 2004.

Павиленис Р. И. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка. — М. : Мысль, 1983.

Худяков А. А. Семиозис простого предложения : монография. — Архангельск : Помор. гос. ун-т, 2000.

С.В. Киселёва
г. Санкт-Петербург

ПРОЦЕССЫ СМЫСЛОПОРОЖДЕНИЯ ПРИ МЕТАФОРИЧЕСКОМ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИИ ГЛАГОЛОВ С СЕМАНТИКОЙ «ЧАСТЬ Ó ЦЕЛОЕ»

Когнитивная наука (когнитология, или когнитивистика) оформилась как самостоятельное междисциплинарное научное направление в последние десятилетия прошлого, XX столетия в связи с необходимостью заполнить пробел в исследовании структур и закономерностей реального человеческого мышления. Становление когнитивной лингвистики было стимулировано открытиями и достижениями в смежных науках, для этой цели потребовался мощный информационный всплеск научной мысли в различных областях. Существовали определённые предпосылки, фоновые знания в виде отдельных мыслей, установок, идей, проблем, поднимавшихся в трудах отечественных и зарубежных лингвистов, философов, психологов. В этой связи следует отметить, что когнитивный подход к исследованию языка в его современном понимании в отечественном языкознании стал результатом естественного развития психолингвистических концепций речевой деятельности, ономаσιологической теории, семасиологического подхода, теории логического анализа языка, семиологической грамматики, речемыслительной деятельности, функционально-семантических полей и т.д.

Когнитивная семантика стала новой научной парадигмой благодаря успехам психологии и понимания того, что мерой всего является не объективный мир, а человек с его видением объективного мира. В современной лингвистике это связывается с развитием и закреплением позиций человеческого фактора в языке.

Когнитивная концепция языка предполагает, прежде всего, вскрытие тех его особенностей, которые свидетельствуют о творческой деятельности человека и в создании языка и в его использовании [Кобрина 2000: 23].

Поскольку целью данной статьи является установление основных когнитивных механизмов, лежащих в основе образования глаголов партиципальной семантики, формы функционирования лексико-семантических вариантов на уровне языковой системы и речи представляют особый интерес.

Как известно, значительная часть значений многозначного слова — переносные. Семантический перенос есть универсальное фундаментальное явление, охватывающее всю систему языка. В качестве предисловия, может быть, следует напомнить, «что, во-первых, переносные значения не

являются результатом объективного отражения реального мира. Метафоры, точнее, их по большей части неизвестные творцы, не отражают объективные связи, а создают связи, носящие субъективный характер. Во вторых, переносные значения и метафоры, в частности, являются средством «активизации ассоциаций» [Блэк 1990: 162-164] — в отличие от сравнений они используются для максимально быстрого установления связей признаков двух предметов или понятий. Именно поэтому они не точны, неопределённы и противоречивы и, как правило, указывают на ложные связи. «Переносные значения — средство игры ума. В свою очередь, игра воображения часто используется и в целях экономии энергии» [Архипов 2001: 28]. Метафоры помогают понять мир и обозначить его сущности, когда что-то постигается интуитивно, человек прибегает к помощи метафор для уяснения сложного понятия. «Интуиция достаточно чётко очерчивает ему границы и содержание абстрактного концепта и обеспечивает должный отбор аналогических средств описания» [Никитин 2003: 16].

Анализ переносных значений в данной работе проводится на принципах когнитивного подхода. Исходя из предположения, выдвинутого Д. Дэвидсоном и далее развиваемого И.К. Архиповым, формы слов неизменно сохраняют свои системные значения в различных речевых контекстах. При актуализации слов системные значения их форм приходят во взаимодействие с системными значениями форм других слов и речевым контекстом. В результате возникает «третий смысл», то есть, речевой, как часть смысла соответствующего высказывания [Davidson 1990: 340-341]. Таким образом, буквальное значение является ключом к осмыслению метафор. Степень их понимания и интерпретации зависит, прежде всего, от того, как мы осмысливаем прямое значение и его взаимодействие с контекстом (речевым и языковым).

Актуализацией номинативно-непроизводного значения глагола «*to ruin*» на уровне речи служит следующая метафора: «*Serena was so certain that to marry him would ruin his life*» [Steel 2003: 111]. Образ, возникающий при осмыслении данного выражения, связан с отношением девушки к своему возлюбленному, которого она любит, но, выйдя за него замуж, может испортить, погубить его планы на будущее, карьеру, разрушить его жизнь. Этот образ ассоциируется с неким отклонением от конвенционального значения этого глагола. Ср.: *to ruin* — *to spoil or destroy something completely* [LDCE 1995: 1240] — *One bomb ruined the whole building*. В данной ситуации на буквальное значение глагола «*to ruin*» будут наложения речевого контекста, не совпадающего с конвенциональным, что стимулирует читателя к генерированию «третьего смысла». В этой метафоре значение «*to ruin his life*» переосмыслено, но его семантика включает все ядерные компоненты номинативно-непроизводного значения: метафорический

смысл высказывания, индуцируемый системным значением глагола *to destroy or spoil* вызывает возникновение «третьего смысла» – *to destroy, spoil himself = to upset his life's routine*.

Теперь приведём пример анализа метафорических значений, когда номинативные процессы продолжаются в сфере сравнений, и в метафорах отражается уподобление внешнему миру: «*I could never keep your child from you the way you did mine from me*». «*What else could I do, Mike?*» *She asked*. «*We were worlds apart then*» [Robbins 1977: 403]. В метафоре предикат *to be apart* выражает собственно партитивные отношение между двумя людьми, которые не жили вместе как муж и жена, как супружеская пара (единое целое). Хотя, имея совместного ребёнка, любя друг друга в течение многих лет, они жили каждый своими интересами, своими мирами, разным отношением к жизни, работали абсолютно в противоположных сферах деятельности (прокурор и профессиональная высокооплачиваемая путана, имеющая своё агентство). Все это и вынудило её не информировать его о рождении дочери и не допускать ребёнка к отцу, более того, скрывать имя отца от общественности. Они были далеки друг от друга не только территориально, но и мысленно. Таким образом, партитивный предикат выражает отношение между неидентичными мирами двух людей, здесь сравниваются два разных мира.

В задачу этой части статьи входит показать, что выступает в качестве исходной базы при формировании и декодировании метафорических значений. Анализ проводится на принципах когнитивного подхода, исходящего из опоры когниции и номинации на соответствующие образы восприятия наблюдателя («observer») — основного «игрока» когниции. Предстоит доказать, сохраняются ли когнитивные образы, лежащие в основе номинативно-непроизводных значений при осмыслении метафоры: «*We were worlds apart*». В основе метафоры лежит уподобление разным мирам (социальный слой, интересы) — сравнение на основе функции. Толковать это различие можно на базе номинативно-непроизводного значения, которое сохраняется в процессе актуализации этого лексико-семантического варианта. Образующийся переносный смысл — это результат наложения системного номинативно-непроизводного значения на актуальные речевые ситуации, отличающиеся от «системных» — «*we were worlds apart, because we lived differently, followed different ways, had different ideas, customs and habits*».

Актуализацией номинативно-непроизводного значения «*to destroy*» на уровне речи служит такая метафора: *Patty had all but destroyed Greg, and he was now an obvious alcoholic* [Steel 2003: 296]. Глагол *destroy* выражает исчезновение партитивного отношения. Образ Грега ассоциируется с целым, т.е. с личностью человека, а части мы домысливаем сами. Он, сын

богатых и влиятельных родителей, родился слабовольным, слабохарактерным. Его мать, наоборот, — женщина с сильной волей и твердым характером, мечтающая о том, чтобы её дети слушались всегда и следовали всем её советам. Жёны её сыновей должны быть только её круга, разделять те же социальные политические интересы, иметь одних и тех же друзей, знакомых, т.е. одинаковый круг общения. Грег — единственный из её сыновей, не имеющий силы воли идти своим собственным путём. Послушав мать, он женился на Пэтти, девушке их круга, сословия, интересов, но не любя её. Имея слабовольный характер, отчаявшись от своей беспомощности и бессилия, Грег начал употреблять много алкоголя и все его прежние интересы и увлечения свелись к этому пагубному пристрастию: никакой цели в жизни, никаких радостей и никакого будущего. Пэтти, никогда не любившая его, вышла за него замуж только по расчёту. Таким образом, её нелюбовь и плохое отношение к нему погубили Грега, свели на нет, к алкоголю.

Таким образом, образ, возникающий при осмыслении данного выражения, связан с гибелью Грега, как личности. Когда подобное метафорическое выражение используется в ситуациях, не предполагающих конкретное лицо, конкретный объект разрушения, а касается общей оценки ситуации, то наложение такого контекста на буквальное значение даёт третий смысл. Этот образ ассоциируется с отклонением от конвенционального значения этого глагола. Ср.: *to destroy — to damage smth so badly that it cannot be repaired or so that it no longer exists: The school was completely destroyed by fire* [LDCE 1995: 368]. В рассматриваемой ситуации наложения речевого контекста на буквальное значение глагола «*to destroy*» стимулирует читателя к появлению «третьего смысла». В этой метафоре значение «*destroyed*» переосмыслено, хотя его семантика включает все основные элементы номинативно-непроизводного значения: метафорический смысл высказывания, показываемый системным значением глагола *to damage* вызывает возникновение «третьего смысла» — «*to ruin his life completely so that there is no hope for the future*».

Образ, появляющийся при понимании следующего выражения, основан на понятии о характере человека очень скрытого, «ушедшего в себя, в свои мысли», чьи переживания покрыты мраком:

*Gazing disconsolately forward the horizon, she looks frail and vulnerable, and it seems to me as though this is not a condition imposed upon her by outside circumstance but rather something that came up from within, that had been lurking there all the time, kept effectively hidden until the torment of recent events won out over her resistance and it finally just bobbed up... . Like many high achievers — and I count myself among them — she **has** carefully **constructed** a persona of concrete walls, iron safes and secret compartments, all crafted to hide essential truth from herself, as though the garnering of accolades and professional successes were not only a denial of those truths but an actual eradication of them as well* [Gruenfeld 1997: 77].

Исследуемый глагол *to construct* в соответствующем речевом контексте, не связанном с характером человека, следует перефразировать как «сконструировать, составить, сформулировать и т.д.». В ситуации, предполагающей характеристику человека, он интерпретируется коммуникантом следующим образом: «представить/предположить личность человека».

Метафора, которая актуализирует первичное значение глагола *to create* в речи, представлена следующим образом: *A prize no more than fourteen inches high, **created out of purest love**. She had not set eyes on it for more than thirteen years* [Norman 2001: 5]. Представление, возникающее при осмыслении данного глагола в этом контексте, вызывает чувство радости за девушку, так как в этом случае метафора *to create* репрезентирует «неожиданное счастье, появившееся из чувства любви, которое не было испытано долгое время». Так, образ глагола *to create* ассоциируется с неким отклонением от обычного (первичного) значения этого глагола. Ср.: *to create — to make something new or original that didn't exist before* [MED 2002: 327].

В данной ситуации наложение речевого контекста, не совпадающего с конвенциональным, на буквальное значение глагола «*to create*» стимулирует читателя к образованию иного значения. В данной метафоре значение «*to create out of purest love*» переосмыслено, но его семантика включает все ядерные компоненты номинативно-непроизводного (буквального) значения: метафорический смысл высказывания, индуцируемый системным значением глагола *to create* вызывает появление «третьего смысла» – *to create = to cause a situation, feeling, or problem to exist (to create an impression)*.

Содержание следующего значения носит также переносный смысл, связанный с глаголом партитивной семантики *to melt*:

*My hand was on the cab door. She caught it in hers, kissed it, and pushed it away. The cab drove off at the same moment — I started into the road, with some vague idea of stopping it again, I hardly knew why — hesitated from dread of frightening and distressing her — called, at last, but not loudly enough to attract the driver's attention/ The sound of the wheels grew fainter in the distance — the cab **melted** into the black shadows on the road — the woman in the white was gone* [Collins 1985: 54].

В его основе лежит уподобление прямому значению этого глагола: *to change a solid substance into a liquid* [MED 2002: 890]. При наложении данного глагола на соответствующий контекст, системное значение этого глагола переосмысливается, образуя новый смысл, метафорический, связанный с тем, что «повозка исчезла (растворилась) в тени дороги». При сравнении или сопоставлении исследуемого глагола с его номинативно-непроизводным значением можно легко найти общие семы (элементы):

«образовать целое». Таким образом, общая партитивная сема сохраняется как в первом значении, так и в производном.

По мнению Дж. Лакоффа и М. Джонсона, «основной тезис когнитивной теории метафоры сводится к следующей идее: в основе процессов метафоризации лежит процедура отработки структур знаний — фреймов и сценариев. Знания, реализующиеся во фреймах и сценариях, представляют собой обобщённый опыт взаимодействия человека с окружающим миром — как с миром объектов, так и с социумом. Особую роль играет опыт непосредственного взаимодействия с материальным миром, отражающийся на языковом уровне, в частности, в виде онтологических метафор» [Лакофф, Джонсон 2004: 9].

Если исходить из того, что метафоризация, описанная Дж. Лакоффом и М. Джонсоном, основана на взаимодействии двух структур знаний — когнитивной структуры «источника» и когнитивной структуры «цели», то в процессе метафоризации некоторые области цели структурируются по образцу источника и происходит «метафорическая проекция» или «когнитивное отображение». Предположение о частичном воспроизведении структуры источника в структуре цели получило название «гипотезы инвариативности» [Lakoff 1990: 54]. Следы метафорической проекции обнаруживаются на уровне семантики предложения и текста в виде метафорических следствий. Например, метафора: «он/его сердце [цель] — часть её [источник]» в выражениях типа СЕРДЦЕ ПРИНАДЛЕЖИТ СИРЕНЕ (*his whole heart belonged to Serena now*) [Steel 2003: 157] обращает внимание на идею «сильной, страстной, глубокой любви» к девушке; он и она становятся единым целым. Знания о мире говорят о том, что, когда что-то/кто-то кому-то с любовью отдаётся, то это становится неотъемлемой частью того человека. Партитивный глагол *to belong* (*if a particular thing belongs to someone or something, it is a part of them* [CCELD 1990: 120]) в неметафорическом понимании выражает отношение «часть **а** целое» между неодушевлённым предметом и одушевлённым как прототипический вариант. В метафорическом же употреблении данный глагол, выражая партитивное отношение становления, показывает, как мужчина относится к девушке (своей возлюбленной), т.е. безумно любит её, хочет быть частью её жизни, прожить с ней всю жизнь, любить её всегда до конца своей жизни. Как пишет Дж. Лакофф, «метафора позволяет нам понимать довольно абстрактные или по природе своей неструктурированные сущности в терминах более конкретных или, по крайней мере, более структурированных сущностей» [Lakoff 1993: 20].

«Создавая семантический диссонанс, живая метафора выставляет на показ, обнажает наличие категорий у имён и категориальных предпосылок у предикатов: в обычных употреблениях слов, где категории и предпо-

сылки согласованы, категориальное согласование принимается как должное и проходит незамеченным» [Падучева 2004: 172]. Таким образом, метафора своим существованием доказывает, что и категории имён, и категориальные предпосылки предикатов являются важным аспектом семантики слов; метафора — это «заполнение лексического пробела: то, что происходит, когда в существующем словаре нет буквального выражения для некоторого понятия или слова» [Stern 2000: 189].

Литература

Архипов И.К. Когнитивный и логический анализ в лексикографической практике // Человеческий фактор в языке. Учебно-метод. — СПб, 2001.

Блэк М. Метафора // Теория метафоры / Сост. и вступит. ст. Н.Д. Арутюновой. — М. : Прогресс, 1990.

Кобрин Н.А. Язык как когнитивно-креативная деятельность человека // *Studia Linguistica-9*. Когнитивно-прагматические и художественные функции языка — СПб., 2000. — С. 23-29.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём: Пер. с англ. / Под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. — М. : Едиториал УРСС, 2004.

Никитин М.В. Основания когнитивной семантики: Учебное пособие. — СПб. : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2003.

Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. — М. : Языки славянской культуры, 2004.

Davidson D. What metaphors mean // *The Philosophy of Language*. NY. — Oxford: Oxford University Press, 1990.

Lakoff G. The Invariance Hypothesis: Is Abstract Reason Based on Image-schemes? — *Cognitive Linguistics* 1-1, 1990. — С. 39-74.

Lakoff G. The Contemporary Theory of Metaphor // Ortony A. (ed.), *Metaphor and Thought*. — Cambridge: Cambridge University Press. Second edition, 1993 — С. 202-251.

Stern J. *Metaphor in Context*. — Cambridge (Mass.); L.: MIT Press, 2000.

Список словарей

CCELD — Collins Cobuild English Language Dictionary. — Collins London and Glasgow, 1990.

LDCE — Longman Dictionary of Contemporary English, Third Edition. — London: Longman Group Ltd., 1995.

MED — Macmillan English Dictionary (for advanced learners). International Students Edition. London, 2002.

Список источников иллюстративного материала

- Collins W. The Woman in White. — England: Penguin Books, 1985.
Gruenfeld L. The Halls of Justice. — England: Penguin Books, 1997.
Norman H. Fascination. — New York: Penguin Books USA Inc, 2001.
Robbins H. 79 Park Avenue. — New York, 1977.
Steel D. Remembrance. — Great Britain, 2003.

*О.А. Барташова
г. Санкт-Петербург*

КОГНИТИВНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО ГЛОССАРИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ТИПА (на примере предметной области «TAXATION»)

С развитием когнитивной лингвистики терминоведение вступило в новый период, который можно назвать когнитивным терминоведением, развивающим «новое понимание термина как динамического образования, служащего средством вербализации научного (специального) концепта» [Лейчик 2009: 6]. Человек членит окружающую его действительность, трансформируя ее в систему концептуальных понятий, которые, благодаря когнитивным функциям языка, актуализируются в терминах. Отношения между субъектами реальности отражаются в отношениях между понятиями, а последние обуславливают специфические связи, которые складываются между терминами в данной научной парадигме. Определение терминосистемы как «структуры, отражающей концептуальные конструкции знания мира, операции над которыми совершаются в когнитивной системе человека в процессе восприятия и порождения речи» [Томашевская 1998: 8], подтверждает мысль о том, что терминосистемы, номинирующие отдельные области, организованы аналогичным фреймом, отражающим знание об этой области и представляющем ее в виде организованной соответствующим образом структуры. Таким образом, термины представляют собой элементарные когнитивно-информационные модели, которые несут в себе информацию о данном объекте или явлении [Володина 1998].

Когнитивный подход к лексикографическому моделированию позволяет по-новому взглянуть на принципы отбора лексики и построения терминологического словаря. Главной задачей при составлении словаря становится получение семантически упорядоченных объемных блоков (фрагментов) из семантически неупорядоченного алфавитного списка слов. Для осуществления данной задачи необходимо произвести концептуально-структурный анализ концептосферы предметной области знания и выявить фреймовые схемы, передающие знания о данной предметной

области с целью установления того, каким образом в ономазиологической структуре терминов соответствующей предметной области отражается специфика связей между реалиями и понятиями соответствующей области действительности. Согласно определению фрейма как типа когнитивной модели, который представляет знания, принадлежащие специфическим и часто встречающимся ситуациям, ситуация налогообложения представляет собой программу последовательных действий определенных субъектов, то есть фреймовую структуру. Если учесть, что «терминосистемы, номинирующие отдельные области, организованы аналогичным сценарием и фреймом, отражающим знание об этой области и представляющим ее в виде организованной соответствующим образом структуры» [Дроздова 1989: 15—19], то на следующем этапе исследования необходимо произвести фреймовый анализ терминосистемы «Taxation». Выявление базового концепта концептосферы не представляется возможным без выявления концептуально-языковой фреймовой структуры термина, представляющего название предметной области. Для исследуемой предметной области таким термином является *taxation*.

В когнитивной лингвистике возможны два различных подхода к анализу когнитивных структур: «лингво-когнитивный» и «когнитивно-лингвистический». На первом этапе исследования необходимо рассмотреть лингво-когнитивную структуру, которая предполагает движение от языковых или речевых единиц к когнитивной структуре. Анализ языковых единиц — развернутых синонимических рядов, объемных тематических групп, объединенных по определенному признаку — позволяет выстроить когнитивную структуру, соотнесенную с языковыми единицами определенного типа. Для определения содержания интерпретационного поля концепта TAXATION в сознании человека необходимо рассмотреть средства номинации данного концепта в языке. Когнитивный подход к моделированию терминосистемы предполагает также использование экстралингвистических знаний и применение когнитивно-лингвистического анализа, который заключается в движении от когнитивной структуры как мыслительной категории к языковым и речевым способам ее выражения.

Анализ словарных дефиниций языковой номинации концепта TAXATION, собранных из различных словарей и источников Интернета ('charge against a citizen's person or property or activity for the support of government; government income due to taxation'; 'the imposition of taxes'; 'practice of the government in levying taxes on the subjects of a state') позволил выявить ключевые лексемы и сделать вывод о том, что в структуре одноименного концепта можно выделить следующие компоненты: TAX, GOVERNMENT, ASSESSMENT, IMPOSITION, LEVY, TAXPAYER, INDIVIDUALS, LEGAL ENTITY, TAX, FEE, CHARGE, etc. Для более

адекватного описания рассматриваемого концепта представляется целесообразным обратиться к однокоренным лексемам *taxable*, *taxpayer*, *taxpaying*, также принимающим участие в формировании языковой репрезентации данного концепта. Анализ их дефиниций показал наличие компонентов значений, идентичных тем, что входят в состав определений термина *taxation*.

Согласно полевой структуре концепта, предложенной И. А. Стерниным, концепт представляет собой совокупность ядра, базового слоя и дополняющих его когнитивных слоев, а также интерпретационного поля (периферии), содержащего трактовки содержания ядра сознанием человека [Стернин 2003]. Анализ дефиниций термина *taxation* и однокоренных лексем позволяет прийти к выводу, что ядро концепта TAXATION представлено компонентами: IMPOSITION (принудительное обложение налогом, сбором), ASSESSMENT (оценка дохода с целью налогообложения), LEVY (взимание налогов, пошлин; обложение налогом).

Необходимо отметить, что вышеуказанные компоненты концепта проявляются и на уровне текста. В качестве текстов в области налогообложения могут выступать письменные консультации по вопросам налогообложения. Так, например, подобные репрезентации концепта встречаются в комментариях по вопросу налогообложения транзакций между двумя аффилированными компаниями. Анализ данного текстового документа выявил частотное функционирование таких лексем, как *control*, *additional tax*, *liabilities*, *challenge*, *questioned*, *tax risks*, *argue*, *penalty*, *late payment interest*, лексическое значение которых имеет ярко выраженную негативную коннотацию: у налогоплательщика появляется ощущение того, что он обязан налоговым органам. Очевидно, что в лексико-семантическую структуру перечисленных выше лексических единиц входит эмотивный компонент. Следовательно, они являются элементами концептосферы, поскольку коннотативный компонент присущ концептосфере, но не термин-системе, составляющие которой нейтральны и не имеют эмоциональной окрашенности.

Для определения базовых когнитивных компонентов концепта TAXATION необходимо выявить участников процесса налогообложения и его основные составляющие. Для этого следует ответить на вопросы: «Кем осуществляется налогообложение?», «На кого направлено налогообложение?», «Что и каким образом облагается налогами?», «В чем заключается процесс налогообложения?». Таким образом, базовый слой концепта можно представить в виде совокупности следующих когнитивных признаков: SUBJECTS OF TAXATION, OBJECTS OF TAXATION, TAX и PROCESS OF TAXATION. Данные базовые концепты, являющиеся вершинными узлами фрейма TAXATION (всегда справедливыми по отноше-

нию к ситуации налогообложения), отражают стереотипность ситуации налогообложения — правительство облагает налогом какой-либо объект налогообложения, что обязывает как налогоплательщика, так и налоговые органы предпринимать определенные действия.

Наиболее частотной языковой репрезентацией концептуального признака SUBJECTS OF TAXATION в текстовых источниках данной предметной области является GOVERNMENT, которое, как один из составляющих указанного концепта, в лексикографических источниках определяется как ‘political authority’; ‘the body with the power to make and / or enforce laws for a country, land area, people, or organization; a group of people who hold a monopoly on the legitimate use of force in a given territory’; ‘the state and its administration viewed as the ruling political power’; ‘the management or control of a system’; ‘the tenure of a chief of state’. Следующий когнитивный слой концепта TAXATION состоит из более конкретных концептуальных единиц, слотов, которые содержат информацию для уточнения конкретных событий.

Анализ вышеприведенных дефиниций делает возможным определить ближнюю периферию концепта GOVERNMENT — ее представляют концепты PEOPLE и концепт AUTHORITY. Анализ дефиниций соответствующих языковых номинаций показал, что в качестве участников процесса налогообложения могут выступать:

- одушевленный объект, репрезентируемый в языке такими лексемами, как *persons, human beings, group of people*;
- неодушевленный объект, представленный лексемами *authority, state, administration, agency*.

Исходя из дефиниции понятия TAXATION как ‘an involuntary fee, paid by individuals or businesses to a government (central or local)’ и основываясь на когнитивно-лингвистическом анализе можно определить, что дальняя периферия концепта GOVERNMENT также представлена концептами CENTRAL GOVERNMENT и LOCAL GOVERNMENT, что подтверждается встречным анализом дефиниций данных номинаций.

Концептуальный признак SUBJECTS OF TAXATION представлен также концептом TAXPAYER, анализ словарных дефиниций основной языковой реализации которого (‘a person (as an individual or corporation) that pays or is liable for a tax’) показал, что его ближняя периферия представлена концептами INDIVIDUAL и LEGAL ENTITY. Лингвокогнитивный анализ данных концептов позволил сделать вывод о том, что в качестве участника процесса налогообложения в данной ситуации могут выступать:

- одушевленный объект, репрезентируемый в языке такими лексемами, как *individual, person, human being*;

- неодушевленный объект, представленный терминами *legal entity, company, organization, corporation*.

Основываясь на экстралингвистических знаниях о том, что юридические лица для целей налогообложения подразделяются на коммерческие и некоммерческие организации, логично предположить, что ближняя периферия концепта **LEGAL ENTITY** представлена концептами **FOR-PROFIT** (коммерческие организации) и **NON-PROFIT** (некоммерческие организации). Анализ дефиниций данных лексем и анализ текстов документов по налогообложению подтверждает принадлежность данных понятий к вышеобозначенному концепту.

Налогоплательщики могут являться как налоговыми резидентами, так и нерезидентами государства, в котором они обязаны заплатить налоги. Следовательно, концепт **TAXPAYER** включает такие противопоставленные периферийные элементы, как **TAX RESIDENT** и **NON-RESIDENT**.

Многочисленные определения термина **TAXATION** показывают, что процесс налогообложения предполагает две стороны. Отсюда следует, что концептуальный признак **SUBJECTS OF TAXATION** включает два основных элемента: **GOVERNMENT (PEOPLE / AUTHORITY; CENTRAL GOVERNMENT / LOCAL GOVERNMENT)** и **TAXPAYER (INDIVIDUAL / LEGAL ENTITY; FOR-PROFIT / NON-PROFIT; TAX RESIDENT / NON-RESIDENT)**. Необходимо отметить, что концепт **INDIVIDUAL** входит в ближнюю периферию как концепта **GOVERNMENT**, так и концепта **TAXPAYER**.

Анализ дефиниций, определяющих понятие **TAXATION** как 'system of levying taxes: the system whereby taxes are levied on some types of income, earnings, or purchases', позволяет выявить такие концептуального признака **OBJECTS OF TAXATION**, как **INCOME** и **EARNING**. В результате последовательного применения метода когнитивно-лингвистического анализа было обнаружено, что в качестве ближней периферии концепта **OBJECTS OF TAXATION** выступают следующие противопоставленные концепты: **OPERATING INCOME** и **NON-OPERATING INCOME**, которые в свою очередь представлены концептами **PURCHASE / SALE OF GOODS AND SERVICES, REMUNERATION, PROPERTY** и **DIVIDEND, 'INTEREST, ROYALTIES**, соответственно.

Исследование концептуального признака **TAX** на основе словарных дефиниций показало, что ядром данного концепта являются такие концепты, как **CHARGE, PAYMENT, FEE, SUM OF MONEY**.

Для исчисления суммы налога используются такие показатели, как налоговый период, налоговая база, ставка налога и возможные налоговые льготы. Следовательно, в ближнюю периферию концепта **CHARGE** вхо-

дят концепты TAX PERIOD, TAXABLE BASE, TAX RATE, TAX INCENTIVE.

Концепт TAX INCENTIVE носит вероятностный характер относительно концепта CHARGE — не все налогоплательщики имеют право применять налоговые льготы. Следовательно, данный концепт может и не присутствовать в структуре концепта CHARGE.

Основываясь на когнитивно-лингвистическом анализе можно утверждать, что дальняя периферия концепта TAX представлена концептами FEDERAL TAXES и LOCAL TAXES, которые в своей структуре имеют противопоставленные концепты DIRECT TAXES и INDIRECT TAXES.

Процесс налогообложения требует от участников принятия определенных мер, шагов: налогоплательщик обязан декларировать свои доходы, а налоговые органы призваны контролировать выполнение налоговых обязательств (*taxation* — ‘the process whereby charges are imposed on individuals or property by the legislative branch of the federal government and by many state governments to raise funds for public purposes’). Следовательно, ядро концептуального признака PROCESS OF TAXATION составляют два концепта: DECLARATION и CONTROL.

Ближней периферией концепта DECLARATION (‘a statement of taxable goods or of properties subject to duty’) является концепт TAX RETURN (*tax returns must be filed every year for an individual or business that received income during the year*). В ближнюю периферию также входит концепт FILE A RETURN (‘to transmit to tax service center the taxpayer’s information, in specified format, about income and tax liability’).

Концепт CONTROL, отражающий процесс проверки выполнения налоговых обязательств и действий по предотвращению, обнаружению и наказанию уклонения от уплаты налогов, содержит в своей структуре концепт AUDIT (‘an independent assessment of the fairness by which a company’s financial statements are presented by its management’), который является вероятностным, так как компании обязаны проводить аудиторские проверки только в определенных условиях (например, при достижении определенных объемов оборота). Ближнюю периферию концепта представляют концепты INTERNAL AUDITORS (‘employees of a company hired to assess and evaluate its system of internal control’) и EXTERNAL AUDITORS (‘independent staff assigned by an auditing firm to assess and evaluate financial statements of their clients or to perform other agreed-upon evaluations’).

Проверка выполнения налоговых обязательств представлена концептом TAX AUDIT (‘audit by tax-collecting agency to determine whether a taxpayer has paid the correct amount of tax’), а обнаружение налоговых правонарушений — концептом TAX EVASION (‘efforts by individuals, firms,

trusts, and other entities to evade taxes by illegal means’). В структуру концепта также входит наказание за совершение налоговых правонарушений, представленное концептом PENALTY, отражающим меры принудительного воздействия со стороны государственных финансовых и налоговых органов по отношению к нарушителям правил и норм поведения хозяйственной и финансовой деятельности.

Итак, предметная область «Taxation» представлена в английском языке многослойным и многокомпонентным концептом TAXATION, который имеет полевою структуру. Ядром концепта, кодирующим весь концепт в целом, выступают базовые элементы IMPOSITION, ASSESSMENT, LEVY, определяющие эмотивный компонент концепта как обладающий негативной коннотацией. Ядро концепта имеет четыре основных концептуальных признака: SUBJECTS OF TAXATION, OBJECTS OF TAXATION, TAX, PROCESS OF TAXATION. Ядро концепта и примыкающие к нему концептуальные признаки образуют базовый слой концепта. Ближняя и дальняя периферии концепта состоят из множества слоев перемешивающихся концептуальных признаков.

Подобный подход к лексикографическому моделированию терминосистемы представляется весьма продуктивным, так как он позволяет выявить стереотипическую фреймовую схему, лежащую в основе организации ядерной части предметной области Taxation и построить сценарный фрейм, например, динамический фрейм «налоговая проверка» - последовательность событий, обозначенных словом, в которой можно выделить завязку, кульминацию и развязку, т.к. «информация, организованная во фреймы и сценарии носит стереотипизированный характер в отвлечении от ментальных состояний индивидов, являясь общим достоянием для данного социума» [Худяков 2000: 117]. Подобное представление специального знания может быть использовано при группировке терминов в глоссарии информационного типа и отражено в таблице, которая может стать полезным приложением к нему.

Литература

Володина М. Н. Когнитивно-информационная природа термина : (на материале терминологии средств массовой информации). — М. : Изд-во Моск. ун-та, 2000.

Дроздова Т. В. Типы и особенности многокомпонентных терминов в современном английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1989.

Лейчик В. М. Терминоведение. — М. : URSS, 2009.

Стернин И.А. Концепты — предмет исследования какой науки? // Языковое сознание. Содержание и функционирование. — М., 2000. — С. 239-240.

Томашевская К. В. Лексические представление языковой личности в современном экономическом дискурсе. — СПб., 1998.

Худяков А. А. Семиозис простого предложения. — Арангельск, 2000.

Список словарей

Модельная конвенция ОЭСР с постатейными комментариями. — www.tax.org.

Collins Essential English Dictionary : 2nd Edition. — 2006.

Merriam-Webster's Dictionary of Law.

Unabridged Based on the Random House Dictionary. — dictionary.com.

С. Н. Степаненко
г. Белгород

ГЛАГОЛ КАК СРЕДСТВО КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ КОЛИЧЕСТВА В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Концептуализация как процесс, связанный с осмыслением информации, поступающей к человеку по различным каналам, и ее дальнейшим членением, приводит к образованию концептов концептуальной системы человека, которая неоднородна по своему составу. Неоднородность концептуальной системы выражается в том, что одни участки системы являются более фундаментальными, чем другие. Фундаментальные концепты — это такие концепты, без которых существование концептуальной системы и познание мира не представляется возможным. Р. Джекендофф считает основными компонентами концептуальной системы концепты, имеющие под собой онтологическое основание, то есть концепты, структурирующие чувственно-познаваемый мир: ВЕЩЬ, СОБЫТИЕ, СОСТОЯНИЕ, МЕСТО, СВОЙСТВО и КОЛИЧЕСТВО [Jackendoff 1984; 1990; 1996].

Язык обеспечивает доступ ко всем концептам, независимо от того, каким способом они сформированы, сам оставаясь лишь одним из возможных способов формирования концептов в сознании человека [Болдырев 2001: 27]. Иными словами, язык как отражает результаты процесса концептуализации (как следствие, концептуальное содержание выявляется посредством языка), так и играет существенную роль в процессе формирования, организации и структуризации знаний о мире (то есть в процессе концептуализации) [Беседина 2006: 93].

Знание о количестве структурируется и осмысливается в языке как общее понятие о количестве вообще, количественных характеристиках

группы предметов, количественных характеристиках признаков и количественных характеристиках событий.

Процесс языковой концептуализации приводит к формированию концепта КОЛИЧЕСТВО как единицы концептуальной системы и структуры знания, объективированной в языке. Содержание концепта КОЛИЧЕСТВО представлено совокупностью его характеристик, отличающихся по степени абстрактности. Наиболее абстрактными и регулярными в содержании концепта КОЛИЧЕСТВО являются характеристики ДИСКРЕТНОСТЬ и НЕДИСКРЕТНОСТЬ, в связи с чем мы рассматриваем их как базовые. Вследствие динамической природы концепт КОЛИЧЕСТВО имеет нежесткую структуру, а его содержание непрерывно пополняется за счет новых концептуальных характеристик уточняющего характера, которые конкретизируют базовые характеристики в содержании концепта КОЛИЧЕСТВО, в связи с чем трактуются нами как частные.

КОЛИЧЕСТВО как базовый концепт концептуальной системы имеет множественную репрезентацию в языке, получая в нем как грамматическое, так и лексическое оформление, что подтверждает его значимость для концептуальной системы вообще и для формирования концептуального пространства языка в частности.

На каждом языковом уровне концептуализация количества имеет свою специфику. В этой связи мы рассматриваем процесс концептуализации количества в каждом конкретном случае как лексическую концептуализацию и грамматическую концептуализацию.

В данной работе рассматривается, как в процессе концептуализации количества в современном английском языке задействованы единицы лексического уровня — глаголы. В качестве языкового механизма концептуализации количества при этом выступает количественная семантика данных лексических единиц.

Глаголы количественной семантики, выступающие как средство концептуализации количества в современном английском языке, можно распределить по двум группам. Первую группу составляют глаголы, выражающие точную количественную определенность событий, например, *to double, to duplicate, to halve, to treble, to triple, to quadruple, etc.* Вторая группа представлена глаголами, выражающими неточную количественную определенность событий, например, *to increase, to enlarge, to extend, etc.; to decrease, to diminish, to lessen, to reduce, etc.*

Когнитивными механизмами формирования количественных смыслов в данном случае являются профилирование и фокусирование. Понимание когнитивного механизма фокусирования параллельно пониманию профилирования. Как отмечает Н. Н. Болдырев, профилирование опреде-

ляется большей выделенностью того или иного участка когнитивного контекста и поэтому чаще всего имеет отношение к наиболее значимым компонентам, в то время как фокусирование может быть направлено на различные компоненты независимо от их значимости [Болдырев 2004: 30].

В качестве дополнительного лингвистического фактора концептуализации количества на лексическом уровне рассматривается, в основном, контекстуальный фактор, то есть совокупность элементов предложения-высказывания, создающих условия для формирования тех или иных количественных смыслов.

Рассмотрим процесс концептуализации количества посредством глаголов подробнее. Глаголы первой группы *to double, to duplicate, to halve, to treble, to triple, etc.* формируют смысл 'точное количество', о чем свидетельствуют их словарные дефиниции, например: *double* — 'to make or to become twice as great in number, amount, size' [COBUILD 1990: 422]; *triple* — 'to make or become three times as much or as many' [Hornby 1992].

Из приведенных дефиниций видно, что осмыслять количество как точное позволяет наличие указания на число в значении глагола. В основе формирования смысла 'точное количество' посредством глаголов первой группы лежит базовая характеристика ДИСКРЕТНОСТЬ. Она профилируется в содержании концепта КОЛИЧЕСТВО и имеет точный характер. Под влиянием контекстуального фактора глаголы данной группы в предложении-высказывании формируют следующие количественные смыслы: 'увеличение численности / какого-либо параметра / степени состояния в точное число раз'.

Количественный смысл 'увеличение численности в точное число раз', например, формируется в предложении-высказывании под влиянием контекстуального фактора, предполагающего, что субъект, производящий действие, или объект, над которым производится действие, выраженное глаголом этой группы, представлен исчисляемым существительным. Например: "*D. K. is a genius, and I am sure he'll triple his lumber mills soon,*" *Judd said* (Robbins, p. 298).

Количественный смысл 'увеличение какого-либо параметра в точное число раз' формируется под влиянием контекстуального фактора, который предусматривает, что объект, над которым производится действие, выраженное глаголом этой группы, представлен существительным, обозначающим определенный параметр, имеющий условные единицы измерения. Например: *Mr. Bilder's face doubled its natural length with surprise* (Stoker, p. 72).

Глаголы второй группы, выражающие неточную количественную определенность событий, подразделяются на две подгруппы. Первую подгруппу составляют глаголы, передающие идею увеличения количества,

например: *to increase, to enlarge, to extend, etc.* Вторая подгруппа представлена глаголами, передающими идею уменьшения количества, например: *to decrease, to diminish, to lessen, to reduce, etc.*

Предпринятый в исследовании анализ словарных дефиниций перечисленных глаголов позволил выявить, что в наиболее обобщенном виде идею неточной количественной определенности передают глаголы *increase*, представляющий первую подгруппу, и *decrease*, представляющий вторую подгруппу. Рассмотрим словарные дефиниции этих глаголов.

Increase — ‘make or become greater (in size, amount, degree, value, power, number, etc)’ [Hornby 1992].

Decrease — ‘grow less; cause to grow less; become smaller; make smaller’ [Hornby 1992].

Приведенные дефиниции позволяют заключить, что данные глаголы выражают смысл ‘неточное количество’. В основе формирования данного смысла лежит базовая характеристика ДИСКРЕТНОСТЬ, активизирующаяся в содержании концепта КОЛИЧЕСТВО в результате профилирования.

Под влиянием контекстуального фактора глаголы данных подгрупп формируют смыслы ‘увеличение / уменьшение численности / какого-либо параметра / степени состояния в неточное число раз’.

Анализ языкового материала позволил выявить, что условия формирования перечисленных выше неточных количественных смыслов совпадают с условиями, обеспечивающими актуализацию точных количественных смыслов. Так, количественный смысл ‘увеличение / уменьшение численности в неточное число раз’ формируется в предложении-высказывании под влиянием контекстуального фактора, предполагающего, что субъект, производящий действие, или объект, над которым производится действие, выражено глаголом этой группы, представлен исчисляемым существительным. Например: *Hannah noticed cigarette stubs in the ash-tray increased in number* (Richards, p. 167).

В данном примере глагол *increased* под влиянием контекстуального фактора акцентируют идею увеличения численности неодушевленных, объектов в неточное число раз. В следующем предложении-высказывании глагол *reduce* под влиянием контекста передает идею уменьшения численности объектов в неточное число раз: *He’s made a couple of tries to reduce the number of trail bosses, and he’s missed* (Short, p. 140).

Количественный смысл ‘увеличение / уменьшение какого-либо параметра в неточное число раз’ формируется под влиянием контекстуального фактора, который предусматривает, что объект, над которым производится действие, выражено глаголом этой группы, представлен существительным, обозначающим определенный параметр, имеющий услов-

ные единицы измерения. Например: *It would probably be necessary to reduce the ration at some time in April* (Orwell, p. 20).

В данном случае глагол *reduce* под влиянием контекстуального фактора (*ration*) акцентирует идею уменьшения объема продукта / продуктов в рационе, то есть выражает смысл ‘уменьшение какого-либо параметра в неточное число раз’.

Характерной особенностью глаголов второй группы *increase / decrease* и глаголов их синонимических рядов является возможность выражать точную количественную определенность событий. Так, глаголы второй группы, выражающие неточное количество, под влиянием контекстуального фактора формируют следующие количественные смыслы точного характера: ‘увеличение / уменьшение численности / какого-либо параметра / степени состояния в точное число раз’, ‘увеличение / уменьшение какого-либо параметра на точное число условных единиц измерения этого параметра’, ‘увеличение / уменьшение параметра в точном количественном диапазоне’. Рассмотрим условия формирования этих количественных смыслов подробнее.

Смыслы ‘увеличение / уменьшение параметра в точном количественном диапазоне’, например, формируются в предложении-высказывании под влиянием контекстуального фактора, связанного с употреблением оборота *from Num1 (N) to Num2 (N)* в постпозиции к глаголу второй группы. Например: *Actually, as Winston was aware, the chocolate ration was to be reduced from thirty grammes to twenty at the end of the present week* (Orwell, p. 20).

В данном примере глагол *reduced* под влиянием существительного *ration* формирует смысл ‘уменьшение параметра (в данном случае объем (количество) шоколада в рационе) в неточное число раз’. Под влиянием контекста — оборота *from thirty grammes to twenty*, задающего за счет числительных точный количественный диапазон, — в предложении-высказывании формируется смысл ‘уменьшение параметра (объем шоколада в рационе) в точном количественном диапазоне (с тридцати граммов до двадцати)’.

Таким образом, предпринятый анализ семантики и реальных контекстов употребления глаголов количественной семантики позволил выявить ряд смыслов, которые формируются ими в предложении-высказывании. В результате анализа лингвистических условий формирования выделенных смыслов были установлены концептуальные характеристики, создающие основу их формирования. Установлено, что количественная семантика глаголов позволяет осмыслять количество как точное и как неточное. Под влиянием контекстуального фактора актуализируются количественные смыслы, уточняющего характера. В основе формирования обобщенных

количественных смыслов в данном случае лежит базовая характеристика ДИСКРЕТНОСТЬ. Основу формирования смыслов, выделяющихся под влиянием контекста, составляет частная характеристика КРАТНОСТЬ, фокусируемая в содержании концепта КОЛИЧЕСТВО на фоне базовой характеристики ДИСКРЕТНОСТЬ.

Литература

Беседина Н. А. Морфологически передаваемые концепты : Монография. — М. ; Тамбов : Изд-во Тамб. гос. ун-нта; Белгород : Изд-во Белгор. гос. ун-та, 2006.

Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика : курс лекций по английской филологии. — Изд-е 2-е, стер. — Тамбов: Изд-во Тамб. гос. ун-та, 2001.

Болдырев Н. Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2004. — № 1. — С. 18-36.

Jackendoff R. Semantics and Cognition. — Cambridge : The MIT Press, 1984.

Jackendoff R. Semantic Structures. — Cambridge : MIT Press, 1990.

Jackendoff R. Languages of the Mind. Essays on Mental Representation // Cognitive Linguistics. — 1996. — P. 93-129.

Список словарей

COBUILD — Collins Cobuild English Dictionary. — Willam Collins Sons & Co Ltd., 1990.

Hornby — The Advanced Learner's Dictionary of Current English / A. S. Hornby. — Oxford : Oxford University Press, 1992.

Список источников иллюстративного материала

Orwell G. Nineteen Eighty-Four // Мультязыковой проект И. Франка [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.franklang.ru/>

Richards D. Hannah's Hero. — Bensalem : Meteor, 1993.

Robbins H. Descent from Xanadu. — N. Y. : Pocket Books, 1985.

Short L. Hurricane Range. — London : Collins Clear-Type Press, 1971.

Stoker B. Dracula // Альдебаран [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://lib.aldebaran.ru/>

*Е. А. Бахмутова
г. Архангельск*

КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ НОМИНАЦИИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ

Предметом нашего исследования являются слова, обозначающие эмоции, точнее, когнитивный аспект их номинативного потенциала, реа-

лизуемого разными частями речи. В статье мы рассмотрим только глаголы и существительные, представляющие особое видение эмоционального состояния (далее ЭС) как признака, обычно выражаемого посредством прилагательного.

Называние каждой объективированной в языке эмоции производится набором лексических единиц — знаменательных слов, которые, подобно знаменательным словам других семантических областей, отображают межклассовую систему словообразования в виде формального четырехступенчатого ряда, названного М. Я. Блохом «лексической парадигмой именования (номинации)». Номинационные парадигмы слов, как указывает М. Я. Блох, различаются по словообразовательной перспективе (исходной форме деривации) и наличию / отсутствию супплетивно заполненных позиций [Блох 2000: 76]. В подавляющем большинстве парадигм именования эмоций глагольная позиция занята глаголом с каузативным значением «вызывать эмоцию» (*to anger*). Этот глагол выражает бивалентный предикат (в терминах семантического синтаксиса), присоединяющий актанта агенса и актанта пациенс. Первый является ментальным коррелятом каузатора эмоции, а второй — переживающего эмоцию. В синтаксической структуре (*He angered me.*) необходимость экспликации обоих актантов снижает тема-рематическую четкость. Таким образом, хотя глагол и служит для описания состояния, он ориентирует восприятие ситуации на каузатора или причину переживания. Этим, скорее всего, и объясняется ощущаемая инородность глагола в лексической парадигме слова, называющего эмоцию. Если фокус на субъекте, переживающем эмоцию, считать прототипическим признаком слов, называющих эмоции, то в таких парадигмах место глагола займет словосочетание глагола *to be* с прилагательным или причастием (*to be happy, to be disgusted*), поскольку в английском языке именно прилагательные и причастия выражают стальные предикаты, которые отражают ЭС. [Худяков 2005: 102].

Поскольку различия при заполнении позиции глагола в лексических парадигмах номинации ЭС проявляются очевиднее, чем при заполнении других позиций, представляется целесообразным проанализировать эти различия, чтобы выявить характеристики, возможно, общие для групп концептов, входящих в концептосферу ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ.

По типу позиции глагола рассматриваемые парадигмы разделяются на включающие глагол (глагольные) и не включающие глагол (безглагольные). Глагольные парадигмы представлены двумя типами: с каузативным глаголом и с некаузативным глаголом. Некаузативность, оказываясь, весьма редкий и, следовательно, нетипичный признак у глаголов данной семантической области, который может быть выделен как обра-

зующий подкатеорию. К небольшому числу таких глаголов относятся *to dread, to fear, to rage, to rue, to panic* (глагол *to panic* может быть представлен и в каузативном значении). Из них лишь глагол *to rage* может быть использован только как непереходный. Его значение толкуется, в первую очередь, посредством динамических глаголов (по классификации Н. А. Кобриной [Кобрина 2007: 64]), и только затем при помощи статального глагола *to feel* ('to act or speak with fury; show or feel violent anger' [WEUD]). Особая динамика проявления эмоции фиксируется в отдельном значении глагола — *to move, rush, dash, or surge furiously*. Таким образом, выделяется поведенческий компонент состояния, который, собственно, является его выражением. Психологи считают это ЭС реактивной агрессией [Wikipedia], что предполагает двигательное проявление. Высокая интенсивность такого состояния требует реализации при максимальной поддержке периферических реакций. В противном случае потоки возбуждения вызовут чрезмерно сильные вегетативные сдвиги в организме (сосудистые реакции, функциональные изменения сердечной деятельности, дыхания, перистальтики кишечника и другие), опасные для здоровья, а в случае очень сильной эмоции — для жизни [Анохин 1978: 313]. Двигательная активность является настолько существенной характеристикой концепта RAGE, что «схватывается словом» и прочно закрепляется не только в лексическом, но и грамматическом значении. Дескриптивная способность существительного *rage* проявляется, как правило, при описании *позыва* к действиям, которые могут быть представлены глаголом лишь в общем виде, что и объясняет низкую частотность глагола *to rage* в речи. Точность и выразительность описания реализации состояния как его части достигается представлением конкретных действий. Например: *It wasn't so much the men themselves who scared me, but the impulses of rage that leapt inside me at their jeers and leers and off-hand remarks, at the knowledge that they owned the streets. I would have liked to strike them dead with a stare; I wanted to beckon them, let them approach, and then stick them with a hidden knife* (M 151). Воображение героиней таких действий способствует разрешению напряжения менее эффективно, чем сами реальные действия, но обеспечивает социальное благополучие ситуации. Скрытая реализация эмоции не представляется посредством глагола. А. Вежбицкая справедливо отмечает, что в английском практически не используются глаголы, чтобы говорить о «гневоподобных» чувствах [Вежбицкая 2001: 38].

Следует заметить, что, поскольку профилирование пространственно-временных отношений при описании эмоционального состояния как *события* необходимо, то глаголы используются в любом случае. В основном это глаголы *to feel, to get, to express, to look, to sound, to be* с последующим существительным, прилагательным или причастием. Указанные глаголы

эксплицируют характеристики концепта (претерпевание или выражение эмоции), релевантные для данного акта коммуникации. Тип концепта ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ — фрейм-сценарий, вершинные узлы которого содержат данные о психофизиологическом аспекте, о степени интенсивности, о глубине, о времени протекания и, как мы полагаем, о модальности эмоции. Вслед за В. Вундтом модальность мы рассматриваем как градиентное составное свойство, определяющееся соотношением трех его двухполюсных компонентов: удовольствия — неудовольствия, возбуждения — успокоения, напряжения — разрешения [Вундт 2002: 42]. Слоты данного фрейма заполняются данными о способах выражения эмоции, то есть о периферических реакциях эмоционального комплекса и об источнике эмоции. В числе таких данных могут быть типичные для данной эмоции мимические, двигательные и звуковые (включая вербальные) реакции. Значимость источника (причины) переживания различна в концептах разных эмоций. Если сообщение о таких эмоциях как *fear* и *rue* сразу побуждает узнать причину или вызывает мысленное представление о вероятной причине, то сообщение о *rage* активизирует в воображении слушателя картину действий, совершаемых субъектом эмоции и представляющих часто опасность для окружающих. Очевидно, компонент социальной опасности присутствует в общем для носителей английского языка знания о характере данной эмоции и является достаточно значимым, чтобы обеспечить существование непереходного глагола *rage*. Наличие глагола с только непереходным значением в лексической парадигме номинации эмоции является отражением особой общественной значимости этой эмоции для данной языковой общности. Мы считаем также, что именно указанный компонент делает возможным метафорическое употребление глагола *to rage*. Например: *The storm **raged** more and more ferociously as the night went on* (HP).

Глагол *to resent* также выделяет поведенческий компонент как характеристику концепта RESENT: ‘to feel or *show* displeasure or indignation at (a person, act, remark, etc.) from a sense of injury or insult’ [WEUD]. Переходное значение глагола — результат выделенности ещё одного концептуального признака — источника / причины переживания. Содержание этого слота концепта ЭС, выражаемого глаголом *to resent*, также представляет собой фрейм, включающий субъект, комплекс висцеральных и периферических реакций (*a sense of injury or insult*) и причину / источник. Например: *She kept her hands in the coat pockets, her posture taut, as if she **resented** immobility* (R). Переживание возникает вследствие физического дискомфорта, вызванного неподвижностью, которая воспринимается субъектом как источник переживания, описанного глаголом *to resent*. Объектом реакции является не непосредственный источник, а порождаю-

ший его фактор. Негативной оценке подвергается не весь объект, а лишь то его свойство, которое воздействует на субъект переживания непосредственно, причем называется не результата воздействия (назовем его эмоцией первой ступени), а реакция на этот результат. Например: *There's never been any question of giving it up. I resent your saying it. I resent it very much* (R). Таггарт *возмущен* упреком, так как считает его несправедливым, обидным. Таким образом, глагол *to resent* описывает мета-переживание (переживание по поводу переживания), которое включает психофизиологические свойства провоцирующей его эмоции, но определяющей характеристикой которого является восприятие и оценка факта провоцирования. В терминах психологической теории эмоций, изложенной К. Изардом, эмоция, именуемая глаголом *to resent*, порождается аффективным активатором, которым может быть боль, усталость или другая эмоция, а также когнитивным активатором — атрибуцией [Изард 2000: 59]. Субъект осознает эмоцию первой ступени, что способствует дальнейшей активации и модификации эмоции, которая и номинируется глаголом *to resent*.

Феномен *resent* отличается высоким уровнем осознания. Эмоциональное проявление может сопровождаться сообщением субъекта о своем переживании (как в последнем примере): коммуникативный характер эмоции получает произвольное подкрепление.

Происхождение глагола *to resent* от латинского *sentire* 'чувствовать' также указывает на необходимость профилирования данного состояния во времени, так как оно предполагает изменения, а, стало быть, динамику.

Таким образом, комплексное содержание слота ИСТОЧНИК, высокий уровень осознания эмоции как факт психофизиологического аспекта, динамика состояния и поведенческий компонент можно считать теми характеристиками концепта эмоционального состояния RESENT, которые обуславливают представление его посредством глагола.

Переходное значение глаголов *to dread*, *to fear*, *to rue* указывается в словарных статьях как предшествующее непереходному, и, следовательно, является исходным по отношению к последнему. Поведенческий аспект данных эмоций не представляет социальной опасности. Они являются довольно протяженными по времени состояниями, и, вероятно, правильнее определять их как эмоциональные реакции-отношения (*despise*, *regret*, *repent*). Глаголы, номинирующие данные состояния, относятся к категории релятивных (по классификации Н. А. Кобриной), в которой выделяется подкатегория глаголов, выражающих оценочные отношения. Такие глаголы, в свою очередь, делятся на две группы: 1) глаголы, выражающие эмоциональные отношения или состояния; 2) глаголы, выражающие отношения в логически обоснованном плане [Кобрина 2007: 68—

69]. Рассматриваемые нами глаголы являются конститuentами первой группы, но могут приобретать семантические характеристики глаголов второй группы, требующих пропозиционального дополнения. Так, глагол *to fear* может выражать модусный предикат: *I fear lest I should miss the bus*. В когнитивной теории М. Арнолд страх определяется как эмоция по отношению к *отсутствующему* объекту [Бреслав 2004: 31], что позволяет сделать заключение о наличии интеллектуальной составляющей — предположения о нежелательном событии, ожидаемом или совершившемся. Таким образом, составляющей данной эмоции является инференциально обусловленное ожидание события, о котором у субъекта имеется достаточно четкое представление. При номинации эмоционального состояния глаголом *to fear* его источник (объект) эксплицируется, как правило, ближайшим контекстом. Активация концепта посредством пассива позволяет, как указывает Н. А. Кобрина, «снять направленность действия от субъекта» [Кобрина 2007: 96]. Например: *12 people are feared dead* (BBC news). Безагенсный пассив — нетипичная форма для глагола, описывающего ЭС, — позволяет выделить когнитивную оценку события как компонент концепта, наиболее релевантный для реализации интенции говорящего. Когнитивная оценка события лежит в основе всех эмоций, но не во всех концептах ЭС данный компонент различаем настолько четко, что оказывается доминирующим при определенном способе активации концепта. Думается, что глагольная актуализация концепта FEAR, не исключая применения пассива, связана именно с этим компонентом. Значение предположения в этом случае доминирует над значением эмоционального состояния. Если же субъект считает событие неизбежным, то глагол *to fear* с большей интенсивностью активировывает оценку собственного состояния, например: *But don't fear death and don't fear hell* (G). Трансформация данной конструкции в пассивную возможна с использованием средства выражения модальности: *Death should not be feared*. Однако трудно представить условия для совершения речевого акта посредством предложения *Death is not feared*, поскольку значение предположения не реализуется (смерть неотвратима), а сообщение об эмоциональном состоянии теряет смысл при отсутствии указания на агенс. Безагенсный пассив возможен при выражении отношения *скорее* логически обоснованного, чем эмоционального. Возможность семантической перекатегоризации глагола *to fear* (от глагола эмоционального отношения к глаголу логически обоснованного отношения) свидетельствует о наличии в концепте FEAR характеристики, связанной с логическим обоснованием и представляющей когнитивную оценку события.

Фокусировка когнитивной оценки события (объекта) может быть значительно поддержана контекстом. Например: *Luca Brasi did not fear the*

*police, he did not fear society, he did not fear God, he did not fear hell, he did not fear or love his fellowman. But he had elected, he had chosen, to **fear** and love don Corleone* (G). Семантика функторов указывает на произвольность эмоционального отношения, объект которого выбирается субъектом. Пропозициональная функция глагола как предиката, связывающего актанта, обеспечивает включение в высказывание максимального количества партиципантов ситуации, в частности, объекта эмоционального отношения.

При фокусировке оценки *состояния* субъекта преимущества глагола, созданные его валентностью, уже не обеспечивают ему приоритет при выборе имени эмоционального состояния. Предпочтение чаще отдается прилагательному: *Every day is exciting. The fact that it comes to an end doesn't make me **fearful*** (BBC news).

При фокусировке оценки *события*, включающего помимо субъекта-экспериенса другого партиципанта (партиципантов), выбор глагола, напротив, наиболее вероятен. Данное обстоятельство также обуславливает и указание на источник. Отсутствие источника может восприниматься как аномалия: в сознании как субъекта эмоции, так и реципиента сообщения о состоянии начинается поиск данных для заполнения слота ИСТОЧНИК. Незаполненный слот концепта FEAR не позволяет идентифицировать данное эмоциональное состояние как таковое: *Eddy Willers walked on, wondering why he always felt it at this time of day, this sense of dread without reason. No, he thought, not dread, **there's nothing to fear**: just an immense, diffused apprehension, with no source or object* (R). Использование глагола *to fear* (синонима *to dread*) для анализа своего состояния позволяет субъекту убедиться в непригодности *dread* для именованного своего состояния. Субъект полагает, что *apprehension* является более подходящим именем для его переживания, поскольку не связывает его необходимостью срочно определить источник. Это, однако, не означает, что слот ИСТОЧНИК остается незаполненным. Его основным содержанием является когнитивная оценка состояния своего организма. Как указывает Шехтер, «именно интерпретация доступной индивиду информации и о внешнем воздействии, и о собственном состоянии является основным фактором, определяющим и интенсивность, и длительность, и качество эмоционального явления» [Бреслав 2004: 30]. Недостаточность информации о внешнем воздействии препятствует формированию четкой когнитивной оценки, отрицательный или положительный характер которой, однако, ощущается субъектом. *Ожидание* события, положительное или отрицательное воздействие которого на субъект является эмоциогенным фактором, является ментальным состоянием, которое представляет основу переживания, именуемого глаголом *to apprehend*, и создает его длительный, процессуальный характер. Востребованность глагола *to apprehend* в дискурсе обеспечивается не по-

веденческим компонентом концепта, как у *to rage*, не обязательностью заполнения слота ИСТОЧНИК с его когнитивной составляющей, как у *to fear*, а, как у *to resent*, наличием ментальной составляющей (*to expect*). Ментальная деятельность представлена в английском языке глаголами, что и позволяет таким же способом представлять переживания, неотъемлемые от процесса осмысления.

Глагол «схватывает» в концепте эмоционального состояния источник / причину, поскольку, как указывает Стокуэлл, по своей тактической функции он пресуппонирует в событии (которое он символизирует по своей когнитивной природе) определенных партиципантов (цит. по: [Кубрякова 2000: 222]). Существительное, само представляющее партиципанта — субъекта или объекта, дает иную фокусировку концепта. Его референтная самостоятельность, определяемая Е. С. Кубряковой как «следствие перцептуальной отдельности и выделенности некоторых объектов» [Кубрякова 2000: 237], позволяет представить «опредмеченное» переживание как феномен с ограниченным ареалом распространения в жизненном пространстве субъекта и уточнить способ переживания, например, с помощью глагола, выражающего модус переживания.

«Модус переживания» в психотерапии рассматривается как вспомогательный элемент эмпатической реплики, который указывает на качественные и количественные характеристики переживания, а именно, на силу эмоционального переживания, оценку возможности / невозможности субъекта контролировать свое состояние, идентифицировать его, на широту ареала распространения переживания в жизненном пространстве субъекта [Василюк 2007: 6]. Мы полагаем, что список характеристик может быть продолжен за счет тех, которые не востребованы эмпатической репликой психотерапевта, но используются для описания эмоционального состояния. Например:

The police captain was choleric with rage (G). He strode over to the sofa where Dudley sat frozen with fear (HP). The fright in the voice stunned him (G). — фокус на характере внешнего проявления состояния;

When he received a call from Solozzo ... he had flown into a rage (G). The anger faded from Hagrid's face (HP). There was something so reassuring in her manner that all her misgivings fled (G). The fear was subsiding now (G). He was surprised into anger (G). — фокус на характере изменения состояния;

The stubby man looked in no way frightened but his anger had a certain wariness about it (G). She could see he was scared and that filled her with contemptuous delight (G). — фокус на модальности переживания.

Существительное в функции дополнения представляет эмоциональное состояние как продукт психической деятельности, не исключаящей

волитивный компонент: *Alone with his son, he gave full vent to his rage* (G). *Victor squatted in the house, incubating fear, and I could not help him, because I shared it and it was the only thing I could give him to eat* (D). Из последнего примера видно, как «опредмечивание» эмоционального состояния позволяет осмысливать его как передаваемое одним субъектом другому. Метафора, описывающая способ передачи, «материализует» переживание, подчеркивает его ограниченность (психика субъекта не исчерпывается данным состоянием), а также способность делиться и перемещаться. Так причина эмоционального состояния может быть описана как источник, из которого это состояние извлекается: *She was getting pleasure out of how happy he looked* (G). Предлог со значением «направления изнутри» дает слову *pleasure* дополнительную возможность реализовать свой частеречный потенциал: эмоциональное состояние представляется извлекаемым из определенного факта.

Вербализация посредством существительного позволяет представить эмоциональное состояние как стимул другого состояния: *He was embarrassed at the depth of Johnny's feeling and embarrassed by the suspicion that it might have been inspired by fear, fear that he might turn the Don against him* (G). *He stood there for a moment quite stunned with his own rage* (G).

Таким образом, ЭС, не существующее в реальности вне субъекта, но выделенное в концептуальной картине мира человека как «дискретная многофакторная ментальная единица со стохастической структурой» [Никитин 2004: 53], представлено в его языковой картине мира не только как признак, но и как феномен с характеристиками предметности / процессуальности / акциональности. «Стохастичность концепта делает механизм его связи с реальной вербализацией многообразным по типу и по неоднозначности получаемого результата» [Кобрина 2005: 81], что и объясняет отсутствие частеречного однообразия в представлении ЭС.

Литература

Анохин П. К. Избранные труды. Философские аспекты теории функциональной системы. — М. : Наука, 1978.

Блох М. Я. Теоретические основы грамматики : учебник. — М. : Высш. шк., 2000.

Бреслав Г. М. Психология эмоций. — М. : Смысл : Академия, 2004.

Василюк Ф. Е. Семиотика и техника эмпатии // Вопросы психологии. — 2007. — № 2. — С. 3-14.

Вежбицкая А. Сопоставление культур через средство лексики и прагматики / Пер. с англ. А. Д. Шмелева. — М. : Языки славянской культуры, 2001.

Вундт В. Главные формы и общие свойства психических элементов // Психология эмоций : Тексты / под ред. В. К. Вилюнаса, Ю. Б. Гиппенрейтер. — М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 1984. — С. 47-63.

Изард К. Э. Психология эмоций. — СПб. : Питер, 2000.

Кобрина Н.А. О соотносимости ментальной сферы и вербализации // Концептуальное пространство языка : сб. науч. тр., посвящается юбилею проф. Н. Н. Болдырева / под ред. Е. С. Кубряковой. — Тамбов : Изд-во Тамб. гос. ун-та им. Г. Р. Державина, 2005. — С. 77-94.

Кобрина Н. А., Болдырев Н. Н., Худяков А. А. Теоретическая грамматика современного английского языка : учеб. пособие. — М. : Высшая школа, 2007.

Кубрякова Е. С. Части речи с когнитивной точки зрения. — М., 1997.

Никитин М. В. Развернутые тезисы о концептах // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2004. — № 1 — С. 53-64.

Худяков А. А. Теоретическая грамматика английского языка : учеб. пособие для студ. филол. фак. и фак. ин. яз. высш. учеб. заведений. — М. : Академия, 2005.

Webster's Encyclopedic Unabridged Dictionary of the English Language. — New York : Gramercy Books, 1996. (WEUD)

Wikipedia : the free encyclopedia [Electronic resource]. — Access mode: <http://en.wikipedia.org/wiki>

Источники языкового материала и принятые сокращения

BBC news

G — Puzo Mario. The Godfather. — <http://www.franklang.ru>

M — Mantel H. An Experiment in Love. — Harper Perennial, 2004.

R — Rand A. Atlas Shrugged. — A Plume Book, 1999.

HP — Rowling J. K. Harry Potter — <http://www.audiobooks.mailru.com>

*А.С. Персинина
г. Санкт-Петербург*

МЕТОНИМИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ВРЕМЕНИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ (на примере цикла сонетов У. Шекспира)

Из всех известных науке неосязаемых сущностей, которые определяют жизнь человека, время, пожалуй, является самой неуловимой, — и самой значительной. Будучи таким же эфемерным, как пространство и бытие (две другие великие абстракции, на которых зиждется жизнь человека), оно, тем не менее, определяет все материальные сущности. Без времени человек не мог бы постичь изменение, поскольку все изменения в

мире происходят во времени. Хотя мы не можем видеть, слышать, осязать время, мы ощущаем регулярность того, что называется ходом или течением времени, в круговороте времен года, в гармоничном переходе от рассвета к закату к сумеркам, в неизбежном увядании тела [Evans 2005].

Время является важным и необходимым измерением, без которого понимание жизни и места человека в ней было бы неполным. Развитие и углубление такого представления о времени привело к физикалистской трактовке данного феномена как эмпирической основополагающей сущности мира (наряду с пространством, веществом). Время, согласно этой точке зрения, составляет часть «физического полотна» вселенной и является вполне реальной субстанцией, существующей независимо от человека [Evans 2005].

Тем не менее, со времен античности существует и противоположная точка зрения на сущность феномена времени: понимание его как психологического явления, основанного на чувственном и вместе с тем субъективном опыте человека. Субъективная трактовка времени получила широкое распространение в западноевропейской философской традиции (работы Р. Декарта, И. Канта, Г. Шеллинга, А. Бергсона).

Подобный подход используют представители когнитивной парадигмы исследования языка и познания — направления, определяющего, во многом, тенденции современной научной мысли. Когнитологи утверждают, что понятие времени формируется в сознании как абстракция от переживаемой человеком последовательности состояний и форм бытия в процессе познания. В результате, как пишет У. Матурана, существует много форм представления времени как отражения многообразия состояний, в которых существует человек. Отсюда мы говорим о быстром и медленном ходе времени, о течении времени, времяпровождении, имении и неимении времени, одновременности и т.д. — во всех этих случаях речь идет о потоке сознания, о последовательности картин осознания окружающего мира. Время представляет собой абстракцию, формирующуюся вследствие осознания смены состояний наблюдателя. Ошибка многих исследователей, по мнению автора, состоит в том, что этому абстрактному концепту придается объяснительная сила (*explanatory principle*), в том, что времени приписывают трансцендентный онтологический статус. В то время как данный конструкт есть лишь способ объяснения взаимосвязи (*coherence*) состояний наблюдателя и не может быть самостоятельной сущностью мира вследствие природы феномена познания [Maturana 1995].

В работах современного ученого-физика Р. Пенроуза также говорится о неразрывной связи времени и сознания человека, время описывается как коррелят сознания. Автор утверждает, что в пространственно-временных описаниях, предлагаемых физическими теориями, нет ничего,

что выделяло бы время как нечто, что течет. Временная эволюция — это допущение, выполняемое только благодаря особенностям человеческого восприятия. Время для человека течет только потому, что он обладает сознанием. По утверждению автора, пространство-время просто есть, и время в нем способно течь не больше, чем пространство. Течение времени необходимо одному лишь сознанию для того, чтобы объяснить динамическую природу изменения [Пенроуз, 2004, 2005].

В лингвистическом аспекте первостепенную значимость приобретает не столько изучение природы времени, и не решение вопроса об объективном/субъективном статусе данного феномена, а исследование характера и своеобразия концепта «время» посредством анализа языковых средств его актуализации.

Одной из предпосылок лингвокогнитивной науки является постулат об объективации опыта человека в системе ментальных образований, именуемых концептами. Под концептом понимается дискретная многофакторная ментальная единица со стохастической структурой, формирование которой происходит на основе данных чувственного опыта в непосредственных деятельностных контактах человека с миром [Никитин 2003]. Ядром концепта, центральной его частью, вокруг которой формируется дальнейшее знание, является наглядный чувственный образ, ибо, как известно, *nihil est in intellectu, quod non prius fuerit in sensu*.

Источником осознания времени и основой для формирования данного концепта является наблюдение за изменениями окружающего мира и смена внутренних состояний субъекта познания (в том числе и во время процесса восприятия). Время постигается человеком путем осознания процессов движения и развития (последовательности событий) бытия как максимально обобщенная абстракция от данных процессов [Никитин 2003]. Это зафиксировано в языковых словообразовательных моделях английского и русского языков: многие временные понятия и сама лексема, выражающая концепт «время», произошли от существительных, означающих движение, течение. Например, англ. «time» произошло от «tide» (прилив, поток), лат. «diurnum» означает «день», а также «видимый путь, проходимый солнцем», ст. слав. «ВРЬМА» восходит к др. инд. *vártma* (колея, рытвина, дорога, желоб), а англ. *always* (всегда) происходит от «all ways» (все пути) [Падучева 1997].

Исследование О.Г. Чупрыной иллюстрирует, что базой номинации древних представлений о лежащей за пределами видения и осязания категории времени были признаки простейших физических действий, выполняемых человеком. Простейшие физические действия как первичный практический опыт в свернутом и преобразованном виде воплощался в значениях древних слов и лежал в основе номинации категории времени в

древних языках, которая осуществлялась преимущественно по ассоциации с физическими действиями, производимыми в пространстве: лат. *aevum* «вечность», лит. *aeum* «вечность», гр. *aiwg* «бесконечность времени», гот. *aiws* «время, вечность», дисл. *aevi* «время жизни; вечность», двн. *eu* «время, вечность», да. *aewe* «вечность; закон» восходят к индоевропейскому корню **ei-* «идти». Время предстает как движение, и древнее языковое сознание соединяет под исходным языковым знаком движения физическое передвижение и умозрительное [Чупрына 2000]. Сближение категорий времени и движения появляется в античной философии (см. определение Аристотеля: время не есть движение, но и не существует без него). Тем не менее, это не должно служить предпосылкой для полного отождествления данных концептов, или же концептов времени и изменения. На основе языковых данных можно лишь сделать вывод о том, что семы изменения и движения составляют часть концепта времени, с большой долей вероятности входят на правах конституирующих концепт признаков в его структуру. Все же, признаки движения и изменения сами по себе являются абстрактными образованиями и не могут составлять ядерную часть концепта времени — эту функцию должен нести чувственный образ, преимущественно наглядной природы.

Вновь обратимся к языковому материалу. В качестве иллюстрирующих наши рассуждения примеров взяты сонеты У. Шекспира. Выбор материала обусловлен несколькими причинами.

Во-первых, язык разных эпох, запечатленный в текстах, можно сравнить со своеобразным слепком интеллектуально-социальной модели соответствующего периода, языковой картиной того, как человек видел и интерпретировал окружающий мир. Кроме того, ключевую роль в поэтическом тексте играют образные модели концептуального взаимодействия, при котором два концепта соотносятся на основании общего признака — основания образа. Выделение данного признака помогает проникнуть в сущность явления или предмета, описываемого посредством сравнения с другим объектом или явлением. Наконец, тема времени занимает большое место в творчестве У. Шекспира, что обусловлено в значительной мере влиянием эпохи Возрождения. Основной тенденцией эпохи Ренессанса, оказавшей влияние на поэтическое творчество автора, является индивидуализм, обращенность к человеку, возвеличивание человека и проистекающее отсюда драматическое ощущение ограниченности его возможностей кратким моментом настоящего, трагизм и напряженность осознания бессилия человека перед лицом могущества и необратимости времени.

В цикле сонетов авторское видение феномена времени находит выражение в пространственных образах вместилища. Творческое сознание

поэта находит для данного представления более конкретные аналоги. Показателен для анализа 52 сонет:

*So am I as the rich, whose blessed key
Can bring him to his sweet up-locked treasure,
The which he will not every hour survey,
For blunting the fine point of seldom pleasure.
Therefore are feasts so solemn and so rare,
Since, seldom coming, in the long year set,
Like stones of worth they thinly placed are,
Or captain jewels in the carcanet.
So is the time that keeps you as my chest,
Or as the wardrobe which the robe doth hide,
To make some special instant special blest,
By new unfolding his imprison'd pride.
Blessed are you, whose worthiness gives scope,
Being had, to triumph, being lack'd, to hope [Shakespeare 1991: 23].*

Образы, в основе которых лежит пространственный компонент избытуют в данном сонете. Время является местом развития действия (сценой, *set*), о чем свидетельствует фраза *in the long year set*. При этом сцена снабжена определением *long*. Данное определение имеет системное значение «протяженный в пространстве» и подтверждает, что концептуализация времени осуществляется носителями языка на основе концептосферы пространства (наглядной сущности).

Образ сцены в последующих строках трансформируется в образ ожерелья. Праздники (счастливые для поэта события) сравниваются с драгоценными камнями (*stones of worth or captain jewels*), которые редко расположены (*thinly placed*) в ожерелье (*carcanet*). Феномен времени уподобляется в данном сравнении нити с нанизанными на нее драгоценными камнями-событиями. Следует подчеркнуть, что значимо и ценно ожерелье (время) только поскольку в нем есть драгоценные камни (события). Подобное представление событий свидетельствует об обращенности эстетики и поэтики Ренессанса к человеку — ведь именно человек живет в мире событий, события неизбежно связаны с его жизненной сферой.

За образом ожерелья актуализируется не менее конкретный образ шкафа (*wardrobe*) и ящика/ларя (*chest*), в котором хранятся (*keep*), спрятаны (*hide*) или томятся (*imprison'd*) наряды (*robe*).

15 сонет развивает и углубляет образ времени как сцены (*huge stage*):

*When I consider every thing that grows
Holds in perfection but a little moment,
That this huge stage presenteth nought but shows
Whereon the stars in secret influence comment [Shakespeare 1991: 7].*

Когда лирический герой размышляет (*consider*) о всех созданиях, которые растут (*everything that grows*), достигая совершенства лишь на краткий миг (*holds in perfection but a little moment*), этот процесс, отождествляемый со временем, напоминает ему огромную сцену (*huge stage*) для зрелищ, представлений (*shows*). В сонете 65 время вновь названо вместилищем (ящиком):

Shall Time's best jewel from Time's chest lie hid [Shakespeare 1991: 32].

Эмоционально нейтральный образ *Time's chest* (ларь времени) соседствует с крайне оценочным *Time's best jewel* (самый драгоценный камень времени), где и превосходная степень прилагательного (*best*) и метафорическое уподобление любимого человека драгоценному камню демонстрируют контраст между равнодушным восприятием поэтом времени как пустого вместилища и его восхищением красотой человека, существующего во времени.

Общим основанием, которое позволяет уподоблять категорию времени сцене, ожерелью, ларю выступает представление о последовательности, чередности событий, для которых она выступает конституирующим фактором. Метонимический перенос время→вместилище, ящик (основой для которого являются пространственные представления) нередко усложняется дополнительными тропами: метафорами, сравнениями и тогда абстрактное вместилище предстает как шкаф, ларь, ожерелье, сцена.

Представления об ограниченности (конечности) земного времени, отражающие религиозные христианские воззрения о судном дне, с приходом которого закончится существование мира, актуализируются в следующих примерах:

*'Gainst death and all-oblivious enmity
Shall you pace forth; your praise shall still find room
Even in the eyes of all posterity
That wear this world out to the ending doom* [Shakespeare 1991: 24-25]

Рассуждая о том, что благодаря творчеству образ друга сохранится в памяти последующих поколений (*find room in the eyes of all posterity*), преодолев смерть и забвение (*death and all-oblivious enmity*), поэт говорит, что потомки «износят» (*wear out*) этот мир к наступлению судного дня (*ending doom*). То, что судный назван «завершающимся, кончающимся» (*ending*), предполагает признание автором дискретности времени, выражающееся в транспозиции пространственных понятий (начало, конец) на временные представления.

*Love alters not with his brief hours and weeks,
But bears it out even to the edge of doom* [Shakespeare 1991: 50].

Христианское понимание конечности земного времени, течение которого прекратится с наступлением судного дня (*doom*), эксплицируется значением слова *edge* (кромка, край, граница, т.е. пространственный предел):

Beyond all date, even to eternity [Shakespeare 1991: 53].

В данном примере земное время (противопоставленное вечности) предстает как ограниченный объем, вне которого пребывает вечность — и реализуется это представление в сознании читателей использованием пространственного предлога *beyond*.

Now stand you on the top of happy hours [Shakespeare 1991: 8].

В приведенном выше примере автор хочет сказать, что друг, к которому он обращается, находится в расцвете сил. Используя адвербиальную конструкцию *on the top of* (наверху, на вершине) с пространственным предлогом *on* (на), поэт связывает представление о годах (промежутках времени) с пространственными представлениями (верх-низ). Неопределенность выражения в данном случае вносит некоторую трудность: зрительные ассоциации, порождаемые данным выражением, неоднозначны и неоформленны (образные картины могут включать представление горных вершин, образ лестницы или небес).

Сделав вывод о том, что центральным компонентом структуры концепта времени является чувственный наглядный образ контейнера, вместительности, следует отметить, что и на современном этапе развития языка образ вместительности или среды (пространственная метонимия континуума) также выступает в качестве опорного образа, помогающего осмыслить феномен времени: «He did it in three minutes» (дословно: «в трех минутах»), «He is like something out of the last century» (он как будто из прошлого века), «within/outside the week», «to run out of time». Формирование образа в приведенных примерах достигается с помощью использования генетически пространственных предлогов (*in, out, within, outside*) с лексемами семантического поля времени (*minutes, week, time, century*).

Онтологическое единство пространства и времени А.В Кравченко связывает с понятием «поле зрения», под которым понимается атрибут физиологии и психологии человеческого сознания, первичная реальность бытия («то первое» или «теперь»), от которой субъект отталкивается в построении модели мира. Варьирование поля зрения, составляющее материальное содержание поля восприятия, характеризуется последовательностью явления чувствам. Бытие человека как когнитивный процесс заключается в упорядочивании определенных когнитивных структур, порождаемых чувственным опытом и неразрывно связанных между собой: пространственной структуры (представление пространства как совокупности

сопряженных областей сущего) и временной структуры (представление пространства как последовательности сопряженных областей сущего) [Кравченко 2004].

Первоначальный тезис о специализации категории времени языковыми средствами принадлежит французскому лингвисту Г. Гийому. Автор полагает, что время как чистая длительность актуализируется, прежде всего, в действиях, изменениях и состояниях и мыслится как «внутреннее время», включенное в действие, «занятое» им. Действия характеризуются как обладающие внутренне ограниченным временем, за пределы которого они не выходят. В системе же языка понятие времени представлено формами глагола, которые относят действие к определенному внешнему времени [Гийом 1992].

Введение в теоретическое описание семантики грамматических категорий времени и вида понятия «внешнего» времени, времени как среды или некоей оси, на которой локализуется действие, описываемое глаголом, несомненно, связано с физикалистским пониманием времени. Физические теории обогатили представления о времени. Это обогащение шло в основном в русле раскрытия ряда свойств времени при широком использовании абстрактных математических структур. Однако, как отмечает В.П. Казарян, теоретическое проникновение во все более глубокую сущность физических явлений, удаление от уровня чувственно-воспринимаемых объектов сопровождаются оперированием моделью времени, в которой отличие времени от пространства кажется все менее и менее существенным [Казарян 1980]. Об этом говорит и А. Бергсон: физики, утверждает философ, измеряют не истинное время, поскольку «наука оперирует над временем и пространством, предварительно исключив из них их существенный качественный элемент; из времени она исключает длительность, из движения — движимость» [Бергсон 1992].

«Опространствование» времени философ объясняет природой человеческого сознания, которое может удерживать прошлые, настоящие и будущие моменты в единстве благодаря памяти, воображению, предвидению и прочим особенностям, и потому может связывать их, порождая «привычку развертывать время в пространстве». По мысли философа, каждое из состояний внешнего мира, называемых последовательными, не существует в отдельности, и множественность реальна только для сознания, способного сначала их удержать, а затем их располагать в пространстве, внеполагая их одни по отношению к другим [Казарян 1980; Бергсон 1992].

Известно, что информационная обработка впечатлений от мира в мозгу не моментальна, а требует какого-то времени. Поэтому динамика непрерывных изменений раскадрирована в сознании на ряд нетождест-

венных статических картин пространства. В силу этого усвоение понятия времени первоначально решается человеком на основе пространственных представлений: пространственные характеристики переводятся в их временные корреляты, например, длительности событий в протяженности расстояний [Никитин 2003].

Концептуальное сближение пространства и времени составляет наглядную чувственную основу представлений о категории времени и является предпосылкой метонимического переноса Пространство↔Время. Тем не менее, существует немало тропеических выражений со словами семантического ряда «время», построенных по другим моделям. Известно, что природа восприятия времени человеком является источником многочисленных метонимических переносов. Слова и выражения, которые в своем первичном значении обозначают отрезок времени, могут обозначать в порядке переноса по смежности события/действия, происходящие на данном отрезке времени. Можно говорить о метонимическом переносе «время→событие» («Я помню чудное мгновенье», «golden time», «wasteful time», «most balmy time»).

Примечательно, что в романских языках это изменение значения слова отмечается словообразовательным аффиксом и является продуктивной моделью: день — jour/journée, утро — matin/matinée, год — an/année. В принципе, любое обозначение отрезка времени может иметь, помимо собственного значения, метонимическое значение отрезка реальности, занимающего определенное положение в пространстве: «хмурое утро» — это утро с хмурой погодой [Падучева 1997].

Анализ семантической структуры лексем семантического поля «time», проведенный И.К. Архиповым, свидетельствует об отсутствии интереса у языковой личности в ходе ее предметной деятельности к ненаблюдаемым и имеющим косвенное отношение к этой деятельности абстракциям: лишь одно значение «time» передает понятие о времени как континууме, все остальные слова семантического поля выражают понятия о различных формах дискретного времени, о бесчисленных формах и признаках времени в предметной деятельности человека [Архипов 1997: 60].

Оценочное переживание пространственно-временных событий, психологические эффекты субъективного восприятия нередко отождествляются с характеристиками онтологической категории времени, наделяя ее способностью растягиваться и расширяться, замедляться и ускоряться. В то время как выражения «время бежит, тянется, ускоряет, замедляет бег» являются попыткой метафорически описать обусловленные ими психические реакции, представления и переживания [Никитин 2003].

В цикле сонетов У. Шекспира через вереницу олицетворенных образов времени автор передает субъективное отношение ко всему, что угро-

жает источнику его неиссякаемого вдохновения и восхищения (красоте человека, красоте окружающего мира): к смерти, увяданию, старости. Метонимический перенос служит, чаще всего, смещению и концентрации фокуса внимания: заменяя наименования действия/состояния/события «временем» автор хочет подчеркнуть динамику, однонаправленность, необратимость изменений и передать свое оценочное к ним отношение. Приведем некоторые примеры:

*When forty winters shall besiege thy brow,
And dig deep trenches in thy beauty's field,
Thy youth's proud livery, so gazed on now,
Will be a tatter'd weed, of small worth held* [Shakespeare 1991: 2].

Для передачи значения сорокалетнего возраста человека поэт пользуется перифразом. Слово *year* заменяется на *winter*, имеющее в поэтическом лексиконе У. Шекспира отрицательные коннотации. Образ усложняется использованием слов с военной семантикой (*besiege, deep trenches*). Метафорически неизбежные возрастные изменения изображаются в виде неприятеля, уродующего морщинами красоту человеческого лица, а метонимически предстают как отрезки времени, в которые и происходят данные изменения. Эта тема находит продолжение в 5 сонете:

*Those hours, that with gentle work did frame
The lovely gaze where every eye doth dwell,
Will play the tyrants to the very same
And that unfair which fairly doth excel:
For never-resting time leads summer on
To hideous winter and confounds him there* [Shakespeare 1991: 3].

Часы, верные слуги времени, наделяются способностью творить (создавать тонкую работу — *gentle work*), а затем названы тиранами. Противопоставление красоты ее утрате усиливается эпитетами *gentle, fair, lovely*, с одной стороны и *hideous, unfair* с другой.

Образ тирана с оценочным определением «*bloody*», встречается также в следующих примерах:

*But wherefore do not you a mightier way
Make war upon this bloody tyrant, Time?* [Shakespeare 1991: 8];
*Alas, why, fearing of time's tyranny,
Might I not then say 'Now I love you best,'
When I was certain o'er uncertainty,
Crowning the present, doubting of the rest?* [Shakespeare 1991: 50].

Реализация данного поэтического образа обусловлена субъективными переживаниями автора, связанными с утратой физической красоты: жестоки не изменения, не старость как таковая, не морщины на лице любимого человека. Уподобляя изменения беспощадному тирану, поэт пере-

дает трагедию человека, осознающего свое бессилие, невозможность сохранить и уберечь красоту. Это чувство бессилия и страха (*fearing*) перед лицом могущества природы (Бога, Времени) и трансформируется в образ кровавого тирана, но относится он к субъективному, предельно оценочному отношению автора ко всему, что связано с порчей красоты, ее утратой. Пожалуй, с наибольшей выразительностью данное чувство передано в сонете 19, начинающемся удивительными по силе строками:

*Devouring Time, blunt thou the lion's paws,
And make the earth devour her own sweet brood;
Pluck the keen teeth from the fierce tiger's jaws,
And burn the long-lived phoenix in her blood;
Make glad and sorry seasons as thou fleets,
And do whate'er thou wilt, swift-footed Time,
To the wide world and all her fading sweets* [Shakespeare 1991: 9].

Напряженность сохраняется на протяжении всего отрывка: драматизм переживания губительной силы разрушения передан словами *devouring, devour, keen teeth, burn, fierce jaws*. Образы хищных животных (*lion, tiger*) могут интерпретироваться следующим образом: эмоции, которые автор испытывает при мысли о жестокости зверей, раздирающих когтями (*lion's paws*) и зубами свои жертвы (*keen teeth*), сродни тому, что он испытывает при размышлении о необратимой смене состояний окружающего мира, о неэстетической природе разрушения, увядания. Кроме того, все уничтожающие действия совершаются буквально на лету — сонет пронизан словами, выражающими стремительное движение: *thou fleets, swift-footed, long-lived, fading, succeeding, old, young*.

Помимо этого, время называется убийцей не только земной жизни (*mortal life*), но и воскрешаемых сущностей, каковой является легендарная птица феникс, живущая сотни лет и затем сжигающая себя и возрождающаяся из пепла (*burn the long-lived phoenix in her blood*). Образ феникса углубляет и дополняет представление поэта о времени: ссылка на мифическое существо является аллегорией устройства мира, через смену своих состояний неизбежно стремящегося к концу и неизменно возрождающегося в потомках и нетленных произведениях искусства.

В 60 сонете также неистовствует олицетворенное Время:

Time that gave doth now his gift confound, /Time doth transfix the flourish set on youth/And delves the parallels in beauty's brow, /Feeds on the rarities of nature's truth, And nothing stands but for his scythe to mow (время отбирает им же данные дары, пронзает цвет юности, пропахивает борозды на челе красоты, пожирает все лучшее в природе, и ничто не устоит против его косы). Автор рисует пять картин, пять наглядных образов, используя одно подлежащее на четыре сказуемых (отбирающий дар человек, пронзающий

юность воин, пахарь, проводящий борозды на лице, пожирающий хищник).

Такое синтаксическое построение отрывка способствует эмоциональному восприятию сонета: нагнетанию напряженности и усилению драматизма вызываемых в сознании образных откликов. Кульминация достигается за счет использования слов *scythe*, *mow*: необратимость изменений и авторское отношение уподобляется смерти, разящей все живое своей косой. Эмоциональное восприятие сонета усиливает и использование вспомогательного глагола *doth* в эмфатической функции.

*Like as the waves make towards the pebbled shore,
So do our minutes hasten to their end;
Each changing place with that which goes before,
In sequent toil all forwards do contend.
Nativity, once in the main of light,
Crawls to maturity, wherewith being crown'd,
Crooked elipses 'gainst his glory fight,
And Time that gave doth now his gift confound.
Time doth transfix the flourish set on youth
And delves the parallels in beauty's brow,
Feeds on the rarities of nature's truth,
And nothing stands but for his scythe to mow:
And yet to times in hope my verse shall stand,
Praising thy worth, despite his cruel hand [Shakespeare 1991: 27].*

Картины измененных состояний окружающего мира (*waves make towards the pebbled shore; crooked elipses 'gainst his glory fight*) приводят автора к мысли о том, что красота, молодость и все живое в природе тоже подлжит порче и разрушению. Переживания поэта показаны сквозь призму конкретных зрительных образов: чувства автора, которые он испытывает при виде жестокого человека, убивающего воина, хищного зверя, аналогичны тому, что он испытывает, размышляя о молодости и старости, красоте и уродстве, неизбежном увядании.

В сонете б холодное, равнодушное ко всему, что его наполняет, течение времени и боль, отчаяние, бессилие поэта трансформируются в образ разящей руки. Семантическая структура образа сложна: чувство несправедливости, вызванное увяданием красоты, с помощью метонимического переноса осмысляется как источник чувства — процесс старения, старость. Метафорически данный концепт изображается как зимнее время года, в то время как молодость уподобляется лету. Тем самым эмоциональность авторского отношения в данном примере усиливается антитезой (зима/лето). Несомненен еще один метонимический перенос (*ragged hand*): внимание поэта сконцентрировано на руке как источнике деформации. При этом рука названа косматой, что не только способствует конкре-

тизации зрительных ассоциаций, но и является свидетельством негативно-го авторского отношения к неэстетической природе старения, увядания:

*Then let not winter's ragged hand deface
In thee thy summer, ere thou be distill'd* [Shakespeare 1991: 3]

Образ руки как метонимия и конкретизация разрушения, боли, деформации является сквозным образом и встречается в следующих сонетах с эмфатическими эпитетами *cruel, fell, injurious*⁷:

Praising thy worth, despite his cruel hand [Shakespeare 1991: 27];
*Against my love shall be, as I am now,
With Time's injurious hand crush'd and o'er-worn* [Shakespeare 1991: 28];
*When I have seen by Time's fell hand defaced
The rich proud cost of outworn buried age* [Shakespeare 1991: 29].

С образом руки как конкретным представлением разрушающей силы тесно связан также образ художника, нарушающего гармонию окружающего мира:

If Time have any wrinkle graven there [Shakespeare 1991: 44].

Морщины на лице любимого человека (источник авторского разочарования и протеста), вызывают в сознании концепт «старость, старение». Метонимически данный концепт выражается в терминах концепта «время», абстрактного образа среды, в которой совершаются изменения.

*O, carve not with thy hours my love's fair brow,
Nor draw no lines there with thine antique pen;
Him in thy course untainted do allow
For beauty's pattern to succeeding men.
Yet, do thy worst, old Time: despite thy wrong,
My love shall in my verse ever live young* [Shakespeare 1991: 9].

Сонет построен на контрасте. Чувство несправедливости от утраты красоты и восхищение ее проявлениями передано эмоциональным противопоставлением образов молодости и старости, красоты и некрасивости, чистоты/незапятнанности и несправедливости/зла (*fair, beauty, love, young, untainted / worst, wrong, old*). Объединяющим образом для этой антитезы служит представление об источнике изменений. Самую близкую аналогию автор усматривает во времени (как среде, в которой эти изменения происходят). Образ времени персонифицируется за счет сочетаемости со сказуемыми *carve, draw, allow, do*, обозначающими действия, характерные для сознательной деятельности человека.

⁷ В цикле сонетов эпитет «*injurious*» относится и к пространственному понятию — «*distance*». Очевидно, что расстояние не может быть «вредоносным». Разлука с дорогим человеком и невозможность преодолеть это расстояние наносят вред и боль, эти чувства и передаются с помощью эпитета.

Еще одним сквозным образом, передающим авторское отношение ко всему, что угрожает красоте, являются образы косы, серпа, ножа. Ассоциативно данные понятия связываются в сознании с понятием смерти — неизбежностью и необратимостью конца жизни, увяданием красоты. Наделение персонифицированного образа времени данной деталью сближает в сознании два понятия, дает возможность читателю глубже проникнуть в авторскую интерпретацию времени, за ликами которого нередко скрывается концепт смерти, почти физическая боль утраты или сам источник этой боли — старость, утрата красоты:

*For such a time do I now fortify
Against confounding age's cruel knife,
That he shall never cut from memory
My sweet love's beauty, though my lover's life:
His beauty shall in these black lines be seen,
And they shall live, and he in them still green* [Shakespeare 1991: 28].

В данном случае персонификации подвергается старость (*age*). Олицетворение достигается за счет использования определения *confounding* (разрушающий), предиката *cut* (вырезать, резать), личного местоимения третьего лица *he*.

*Give my love fame faster than Time wastes life;
So thou prevent'st his scythe and crooked knife* [Shakespeare 1991: 22-23].
I will be true, despite thy scythe and thee [Shakespeare 1991: 54];
And nothing stands but for his scythe to mow [Shakespeare 1991: 29];
*Love's not Time's fool, though rosy lips and cheeks
Within his bending sickle's compass come:
Love alters not with his brief hours and weeks,
But bears it out even to the edge of doom* [Shakespeare 1991: 51];
*O thou, my lovely boy, who in thy power
Dost hold Time's fickle glass, his sickle, hour* [Shakespeare 1991: 55].

В приведенных выше примерах основой персонификации служит сочетаемость притяжательных местоимений *his*, *thy* с существительными *knife*, *scythe*, *sickle*, репрезентирующими в сознании представления о разрушении, ранении, смерти на основе метонимического переноса. Кроме того, эффект олицетворения достигается также за счет использования лексемы *time* в притяжательном падеже (*Time's fool*), и сказуемого *waste* (тратить, тратить) к подлежащему *Time*.

К плеяде сквозных персонифицированных образов, встречающихся в сонетах, следует отнести образ вора-похитителя. Он встречается в следующих примерах:

*And for the peace of you I hold such strife
As 'twixt a miser and his wealth is found;*

*Now proud as an enjoyer and anon
Doubting the filching age will steal his treasure,
Now counting best to be with you alone,
Then better'd that the world may see my pleasure* [Shakespeare 1991: 52];

*Ruin hath taught me thus to ruminare,
That Time will come and take my love away* [Shakespeare 1991: 28-29];

*Thou by thy dial's shady stealth mayst know
Time's thievish progress to eternity* [Shakespeare 1991: 34];

*Against my love shall be, as I am now,
With Time's injurious hand crush'd and o'er-worn;
When hours have drain'd his blood and fill'd his brow
With lines and wrinkles; when his youthful morn
Hath travell'd on to age's steepy night,
And all those beauties whereof now he's king
Are vanishing or vanish'd out of sight,
Stealing away the treasure of his spring* [Shakespeare 1991: 34].

Средством персонификации выступает сочетаемость лексем, обозначающих абстрактные понятия (*age* — старость, *time* — время, *beauties* — прелести) с языковыми единицами, семантика которых так или иначе связана с воровством (*filching* — крадущий, *steal* — красть, *stealth* — украдкой, *take away* — забирать, *thievish* от слова *thief* — вор, *vanish* — исчезать). Несмотря на то, что в двух из четырех приведенных примерах используется лексема *time*, предметом рассуждения автора является отнюдь не концепт времени, а смежные с ним концепты старения, увядания красоты (в двух других примерах они выражены словами *age*, *beauties*).

Итак, персонификация служит одним из наиболее выразительных приемов, которые использует автор для реализации образа времени. Перенесение свойств человека на отвлеченные понятия и неодушевленные предметы, проявляющееся в валентности, характерной для существительных — названий лиц (использование личных местоимений, форм притяжательного падежа, сочетание с глаголами мышления, речи, желания, обозначениями действий и состояний, свойственных людям) имеет своей целью приблизить абстрактное и неуловимое к конкретному и наглядному, тем самым, обеспечив понимание.

Лингвистические средства объективации концепта «время» и анализ семантической структуры тропеических выражений со словом «время» демонстрируют, что представление о данном феномене основано на наглядном восприятии пространства, пространственные образы лежат в основе формирования чувственного компонента концепта времени. Кроме того, представление об абстрактной длительности чаще всего передается метонимически совместно с представлением о ее событийном наполнении: «время» обозначает не безликий абстрактный континуум, а события

и изменения, происходящие в нем. Метонимический перенос служит смещению и концентрации фокуса внимания: заменяя наименования изменения/события «временем» носитель языка подчеркивает динамику, однонаправленность, необратимость изменений и передает оценочное к ним отношение.

Литература

Evans V. The structure of time. Language, meaning and temporal cognition. — Amsterdam/Philadelphia, 2005.

Maturana H.R. The Nature of Time. Manuscript, 1995. — Access mode: <http://www.informatik.umu.se>. — The title is from screen.

Shakespeare W. Complete Sonnets. — New York: Dover Publications, 1991.

Архипов И.К. Пространство и время глазами языковой личности // Категоризация мира: пространство и время : материалы науч. конференции / Под ред. проф. Е.С. Кубряковой и проф. О.В. Александровой. — М. : Филологический фак-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997. — С. 59-63.

Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. — М. : Прогресс, 1992.

Казарян В.П. Понятие времени в структуре научного знания. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 1980.

Кравченко А.В. Язык и восприятие: Когнитивные аспекты языковой категоризации. — Иркутск: Изд-во Иркутск. гос. ун-та, 2004.

Никитин М.В. Основания когнитивной семантики. — СПб. : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2003.

Падучева Е.В. Пространство в облиии времени и наоборот (к типологии метонимических переносов) // Логический анализ языка. Язык и время. — М. Индрик, 1997.

Пенроуз Р. Большое, малое и человеческий разум. — М. : Мир, 2004.

Пенроуз Р. Новый ум короля. — М. : Едиториал УРСС, 2005.

Чупрына О.Г. Представление о времени в древнем языке и сознании (на материале древнеанглийского языка). — М. : Прометей, 2000.

*Е. С. Татарина
г. Санкт-Петербург*

ЭКСПРЕССИВНЫЕ МОДЕЛИ В ОБРАЗОВАНИИ ЕДИНИЦ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ЖАРГОНА

Исследователи семантической (языковой) экспрессивности выделяют четыре возможных способа ее создания. Экспрессивность может создаваться, во-первых, на базе хотя бы одной готовой экспрессивной едини-

цы языка (слова, морфемы, словообразовательной модели); во-вторых, на базе одних нейтральных единиц; в-третьих, путем заимствования; в-четвертых, в результате конструирования принципиально нового слова.

Предметом исследования, выбранным в настоящей статье, является редупликация. Следует отметить, что все виды редупликации (*чистые редупликаты*, образованные путем простого повторения основы; *рифмованные образования* — повтор с изменением согласного; *образования с аблаутом* — повтор с изменением корневого гласного) обладают повышенной экспрессивностью в силу своей аномальности. Согласно Э. Сепиру, «нет ничего более естественного, чем факт широкого распространения редупликации» [Сепир 1993: 82]. В тех языковых системах, где редупликация является употребительным видом словопроизводства, она тесно взаимосвязана со звукоизобразительностью. По мнению Е. В. Петуховой, эта взаимосвязь и есть мотивирующий признак, положенный в основу слов, которые являются результатом редупликации [Петухова 2001].

Экспрессивность *чисто редупликативных* образований отмечена многими исследователями [Арнольд 1986: 129; Иванова 1990: 23 —24; Шамина 1988: 93; Key 1965; Marchand 1960]. В профессиональном экономическом жаргоне (ЭЖ) — части лексики и фразеологии в основном с общей экспрессией, которая употребляется прежде всего для обозначения различных экономических понятий в пределах деловой коммуникации в условиях неофициального общения экономистов — чисто редупликаты могут не иметь связующего элемента, например: *to proo-proo / prooh-prooh* ‘отстранять от дел, уволить’; *go-go* ‘успешный в бизнесе и коммерции’; *go-go fund* — ‘рискованное, кратковременное, спекулятивное инвестирование’; *twenty-twenty hindsight* ‘превосходное знание, полученное слишком поздно’. Наличие связующего элемента — союза или предлога — в редупликативном образовании также возможно: *neck-and-neck* ‘на равных условиях в бизнесе’; *business-to-business* ‘отраслевое рекламирование, продвижение товаров, более ориентированное на компании, чем на отдельных покупателей’; *back-to-back credit* ‘кредит, предоставляемый банком, который является посредником между иностранными покупателями и продавцами, покупателю, в случае, когда продавец не открывает своего имени’.

К вопросу изобразительности редупликации обращаются в своих монографиях Х. Марчанд, В. В. Журавлев, И. В. Арнольд, И. В. Кузьмич, Е. В. Петухова. В частности, чистая редупликация способна передавать чистое повторение без изменения качества звука или действия, направления действия, а также продолжительный, длительный характер действия или звука, и кроме того, множественное число существительных. Исследователи военного жаргона подчеркивают наличие редупликации звуко-

подражательных основ при создании его единиц [Коровушкин 1994: 51; Швейцер 1983: 181].

В связи с введенным понятием *гиперэкспрессивности* — то есть созданием экспрессивности отдельной языковой единицы разными средствами, на разных уровнях, которые, действуя одновременно, накладываясь, усиливают экспрессивность слова — возможно привести многочисленные примеры единиц хакерского жаргона, иллюстрирующие данное явление: *chomp-chomp* ‘потерпеть неудачу, проиграть’, *hack-hack* ‘взламывать’, *bang-bang* ‘сделать ошибку (о новичке, неопытном пользователе)’.

На роль *рифмованных образований* в процессе создания изобразительных слов указывают многие отечественные и зарубежные лингвисты, отмечая способность данной словообразовательной модели к выполнению не грамматической функции, а к передаче своеобразного игривого характера языкового элемента [Иванова 1990; Кузьмич 1993; Петухова 2001; Bolinger 1950: 117 —136; Flexner 1975: 596 —608]. Экспрессивность таких слов базируется на некотором искажении привычной фонетической формы. Следует отметить более высокую экспрессивность рифмованных образований по сравнению с чисто редупликативными и аблаутированными, что связано, вероятно, с большей возможностью создать неожиданное, непредсказуемое чередование.

В ЭЖ функционирует ряд рифмованных образований, например: жаргонизм *wheeler-dealer* ‘торговец’ образован суффиксальным способом от жаргонизма *wheel and deal* ‘проводить множество деловых операций с целью получения прибыли’; *nifty-fifty* ‘пятьдесят самых популярных акций среди финансовых организаций’; *fill or kill* ‘предложение брокера на бирже либо увеличить цену на акцию (*to fill*), либо убрать ее с торгов (*to kill*)’; *eighty-twenty rule* ‘представление о том, что лишь 20 процентов ресурсов являются существенно важными в бизнесе, принося 80 процентов прибыли’; *merge and purge / purge and merge* ‘составлять один почтовый документ из двух’.

Также встречаются *рифмованные жаргонизмы*, содержащие звукоизобразительную основу, следовательно, обладающие гиперэкспрессивностью: *squeeze and freeze* ‘правительственные меры по контролю зарплат (*squeeze*) и сдерживанию роста цен, их «замораживанию» (*freeze*)’. В данном жаргонизме звукоизображением является основа *squeeze*, которая принадлежит звукосимволическим основам — обозначениям сжимания. Выделяемая в жаргонизме *razzle-dazzle* ‘расточительное рекламирование’ звукоизобразительная основа *dazzle* причисляется к звукосимволическим основам — пейоративам.

Наряду с рифмованными жаргонизмами, в исследуемом материале обнаружены *аблаутированные* образование, обладающее гиперэкспрес-

сивностью. На изобразительность аблаутированной редупликации обращает внимание ряд ученых. Данная модель способна передавать звуки, меняющие свою окраску, и гетерогенные действия (например, разнонаправленное движение), поскольку в самом звучании аблаутированной редупликации заложено значение качественной разнородности передаваемого звука, действия, процесса. Так, в жаргонизме *ticky-tacky* ‘товары низкого качества, низкокачественные материалы’ обе основы принадлежат звукоизобразительной области. Еще один обнаруженный редупликативный аблаутированный жаргонизм, содержащий звукоизобразительный компонент: *flip-flop arbitration* ‘метод арбитража в производственных спорах, применяемый для избежания забастовок, когда в случае провала переговоров для разрешения конфликта арбитр обязан поддержать либо одну, либо другую сторону’. В словарях указывается на звукоподражательный характер редуликата с аблаутом *flip-flop*, номинирующего хлопок или шлепок, а также символизирующего кувырkanie в воздухе; так же как и родственный ему звукоизобразительный редуликат — *flip-flap*. Слэнгизм *flip-flop* ‘резкая смена направления движения на противоположное’ относится И. В. Кузьмич к звуко-символическим основам — обозначениям колебательного движения, к группе редупликативных образований. Гиперэкспрессивность приведенного выше жаргонизма обусловлена функционированием звукоизобразительной основы в аблаутированном образовании.

Представленный выше анализ позволяет сделать вывод о продуктивности редупликации в процессе создания единиц профессионального жаргона в английском языке

Литература

Арнольд И. В. *The English Word*. — М. : Высшая школа, 1986.

Иванова М. В. Звукоизобразительная лексика в английской детской сказке : дис. ... канд. филол. наук. — СПб, 1990.

Коровушкин В. П. Структурно-отмеченные военные жаргонизмы в английском и русском языках // Единицы различных уровней в языке и речи : межвуз. сборник науч. тр. — Череповец : Изд-во ЧГПИ, 1994.

Кузьмич И. В. Звукоизобразительная лексика американского слэнга : фоносемантический анализ : дис. ... канд. филол. н. — СПб., 1993.

Петухова Е. В. Морфологическое и конверсионное словообразование от звукоподражательных основ в английском языке : дис. ... канд. филол. н. — Курск, 2001.

Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. — М. : Прогресс, 1993.

Шамина Е. А. Дистрибуция лабиальных в фонетическом и фоносемантическом отношении : дис. ... канд. филол. наук. — Л., 1988.

Швейцер А. Д. Социальная дифференциация английского языка в США. — М. : Наука, 1983.

Bolinger D. Rime, Assonance, and Morpheme Analysis // Word. — 1950. — Vol. 6.

Flexner S. B. Introduction to the Appendix // Dictionary of American Slang / Wentworth H., Flexner S. B. — New York, 1975. — P. 596-608.

Jespersen O. A Modern English Grammar on Historical Principles. — London : Allen and Unwin, 1954.

Key H. Some Semantic Functions of Reduplication in Various Languages // Anthropological Linguistics. — 1965. — Vol. 7, № 3.

Marchand H. Phonetic Symbolism in English Word Formation // The categories and Types of Present-day English Word Formation. — Wiesbaden : Harrassowitz, 1960.

Е. Г. Орлянская
г. Белгород

ПРИНЦИПЫ ОТБОРА ЯДЕРНЫХ ЕДИНИЦ В СОСТАВЕ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ ОТЧУЖДЕНИЯ

Вовлечение антропологического фактора в орбиту лингвистических исследований становится особенно интенсивным при обращении к семантически укрупненным категориям эгоцентрической направленности. Данные категории, к числу которых относятся категории эмоциональной экспрессии, воли, желания и так далее, отражают различные «модусы» устройства человеческой сущности — перцептивные, ментальные, социальные [Апресян 1995] — и создают образ человека по данным языка, поскольку «...человек отразил в языке все, что узнал о себе и захотел сообщить другому: свой физический облик, свое отношение к предметному и непредметному миру, свои действия, свое отношение к другому человеку...» [Арутюнова 1999: 3].

Семантическая категория отчуждения как отражение имущественного модуса существования человека характеризует интересубъектные отношения, возникающие при перемещении объектов из одной личной сферы в другую. Её анализ продолжает ряд исследований по проблеме «Семантика эгоцентрических категорий и их языковая онтология», осуществляемых в рамках общей задачи функционального описания языка. Интерес лингвистов к указанной проблеме обусловлен желанием выявить механизмы того, как язык соотносится с внеязыковой действительностью, с одной стороны, и с человеком в единстве его физических, ментальных и социальных ипостасей — с другой, то есть

направлен на поиск смысловых компонентов общего характера и анализ их релевантности в универсуме и языке.

Рассмотрение семантических категорий вместе с системой средств их выражения в том или ином языке приводит к понятию функционально-семантического поля. В отличие от семантической категории как понятия, целиком относящегося к плану содержания, поле представляет собой понятие, соотношенное с единством двусторонним, содержательно-формальным, охватывающим конкретные средства данного языка со всеми особенностями их формы и содержания.

Согласно данным четырех авторитетных немецких словарей (Duden Deutsches Universalwörterbuch [1996], Langenscheidts Grosswörterbuch Deutsch als Fremdsprache [1998], Wahrig Deutsches Wörterbuch [1997], Wörter und Wendungen: Wörterbuch zum Sprachgebrauch [1988]) в современном немецком языке имеется обширная группа лексических средств, образующих в соответствии с заключенным в их семантике концептуальным содержанием определенное семантическое пространство. Между отдельными единицами этого пространства существуют определенные иерархические отношения: в то время как ядерные глагольные единицы описывают ситуацию отчуждения объекта в наиболее общем виде, в семантике периферийных глаголов категориальные признаки отчуждения получают дополнительную конкретизацию.

Анализ лексических единиц, в дефинициях которых содержится комплекс категориальных сем отчуждения, позволяет сделать вывод о том, что полученные синонимические ряды слов не представляют собой достаточно упорядоченной полевой структуры. В каждом из таких рядов можно выделить центральные слова, через которые определяются другие члены ряда. Как свидетельствуют данные словарей, среди глаголов отчуждения имеют место четыре таких глагола, через которые определяются другие члены поля:

1) глаголы *nehmen* и *bekommen*, описывающие внеязыковую ситуацию перехода объекта в личную сферу субъекта отчуждения и актуализирующие отношения между потенциальным обладателем и отчуждаемым объектом;

2) глаголы *geben* и *verlieren*, описывающие внеязыковую ситуацию перехода объекта из личной сферы субъекта отчуждения и актуализирующие отношения между реальным обладателем и объектом.

Ономасиологическая важность глаголов *nehmen* и *geben* базируется на онтологической значимости концептуальной системы пространственно-временной сферы, через которую человек имеет возможность познавать окружающий мир. Упорядочение в этой системе

по мере концептуализации накопленного человеком опыта достигается путем подведения новых понятий и признаков под первоначальные рубрики (то есть архетипы, базисные концепты), как-то: объект, действия субъекта, их пространственные характеристики и прочие атрибуты. В этом смысле глаголы *nehmen* и *geben*, связанные с наименованием первичной деятельности вокруг чувственно воспринимаемых объектов в сфере человека, могут послужить семантическими мотивировками при транспонировании пространственно-временного кода в различные семантические поля, то есть внутреннюю структуру других категорий [Шапошникова 1999: 183].

Глаголы *nehmen* и *geben* характеризуются широкозначностью. В основе исходных семантических особенностей данных глаголов лежит статус их архетипов в иерархии базовых концептов личной сферы субъекта, отражающих различные степени категоризации его познавательного опыта.

Семантическое содержание глаголов *nehmen* и *geben* включает в себя семантические признаки, которые в различных комбинациях входят в семантическую структуру всех остальных глаголов, обозначающих отчуждение объекта. Если попытаться наложить семантические признаки, входящие в структуру значения глаголов *nehmen* и *geben*, на семантическое пространство поля отчуждения, то оно практически полностью окажется заполненным. В этой связи мы выделяем глаголы *nehmen* и *geben* в качестве центральных лексических единиц, которые в наиболее общем виде выражают идею отчуждения объекта и концентрируют в своем содержании большинство категориальных признаков отчуждения. Все остальные члены семантического поля отчуждения дополняют центральные глаголы поля, конкретизируя их в семантическом и стилистическом отношении.

Объединяющим моментом для глаголов *nehmen* и *bekommen*, так же как для глаголов *geben* и *verlieren*, служат: а) признак пространственности, б) характеристика денотата подлежащего как потенциального посессора (для глаголов *nehmen* и *bekommen*) и как реального посессора (для глаголов *geben* и *verlieren*). Действительно, анализируемые глаголы в своих значениях несут информацию о том, что объект *Y* до описываемого момента времени *t* находился за пределами личной сферы субъекта *X*-а, но в какой-то момент t_1 объект *Y* был включен в существование *X*-а. Единственное различие между указанными глаголами связано с тем, определяется ли включение действием самого субъекта или же действием некоторой, внешней по отношению к нему, силы. Так, например, в предложениях: *Er selber hatte sein Vermögen und seine besten Jahre verloren im Kampf für die amerikanische Freiheit*. Если

трансформировать данное предложение, используя глагол *geben*, то получится: *Er hatte sein Vermögen und seine besten Jahre dem Kampf für die amerikanische Freiheit gegeben*.

Информация о характеристике действия отчуждения с точки зрения контролируемости / неконтролируемости и о процессах, протекающих при этом в самом субъекте, является основой для формирования дифференциальных признаков, которые в основном определяют различия между глаголами. Глаголы *nehmen* и *geben* во всех (или во многих) своих значениях показывают, что субъект отчуждения, который представляет собой денотат подлежащего, является источником той силы, которая определяет осуществление действия. Если описывается сам акт включения объекта в личную сферу субъекта, глагол *nehmen* несет информацию о том, что субъект либо осуществляет включение, либо его действие является определяющим, например: *Dafür geben wir ihnen unsere Wohnung, und wir nehmen kein Geld* (Roman, 73).

В отличие от глаголов *nehmen* и *geben*, глаголы *bekommen* и *verlieren* несут информацию о том, что некоторая внешняя сила определяет перемещение объекта в личную сферу субъекта. При этом денотат подлежащего выступает либо только как адресат действия, то есть отсутствует информация о том, что он сам при этом делал и как реагировал. Так, например: *Bei einer öffentlichen Ausschreibung solcher Projekte rechnet er sich gute Chancen aus, den Zuschlag zu bekommen* (Woche, 82). В данном предложении отчуждение объекта определяется внешней по отношению к субъекту силой, при этом субъект действия остается пассивным. Аналогичная ситуация имеет место и в следующем примере с глаголом *verlieren*: *Der Mann hatte ständig Angst, seinen kleinen Posten zu verlieren* (Drei, 78). Таким образом, признак контролируемости / неконтролируемости служит дифференциальным признаком, позволяющим разграничивать ядерные глаголы в составе семантического поля отчуждения.

Несколько сложнее провести различие между глаголами *nehmen* и *bekommen* в тех случаях, когда речь идет о так называемой реакции субъекта на перемещение объекта в его сферу. О. Н. Селиверстова считает, что в предложении *Он принял удар, не дрогнув* денотат подлежащего является актантом-субъектом. Денотат подлежащего этого предложения можно рассматривать как объект действия (точнее сказать, как его адресат), если не включать в содержание термина «объект действия» понятие «страдательный субъект». Вопрос о том, что считать семантическим субъектом и что считать семантическим объектом, является дискуссионным и по-разному решается разными лингвистами. В данном вопросе мы придерживаемся мнения, что эти термины должны

быть определены в соответствии с общенаучным представлением о том, что такое действие, процесс, состояние. Понятия действия и процесса в науке связываются с представлениями о силе или энергии, которые определяют их протекание. Поэтому при определении понятия «субъект действия» естественно исходить из представления о том, является ли денотат подлежащего источником силы, энергии, обуславливающим протекание действия или процесса: «Под таким углом зрения страдательный субъект должен рассматриваться именно как субъект действия» [Селиверстова 1983: 197]. Очевидно, что в то время как глаголы *nehmen* и *geben*, обозначая разные векторы направления отчуждения объекта — по направлению к субъекту и по направлению от него — представляют собой своего рода формы актива, глаголы *bekommen* и *verlieren*, напротив, репрезентируют формы пассива.

Литература

Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка // Вопросы языкознания. — 1995. — № 1. — С. 37-67.

Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. — М. : Языки русской культуры, 1999.

Селиверстова О. Н. Экзистенциальность и посессивность в языке и речи : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19. — М., 1983.

Шапошникова И. В. Системные диахронические изменения лексико-семантического кода английского языка в лингвоэтническом аспекте. — Иркутск, 1999.

Список источников иллюстративного материала и принятые сокращения

Remarque E. M. Drei Kameraden. — Moskau : Progress-Verlag, 1960. — 455 S. (Drei)

Roth J. Hiob. Roman eines einfachen Mannes. — Leipzig : St. Benno-Verlag GmbH, 1967. — 182 S. (Roman)

Wirtschaftswoche. — 25.04.06. — Nr. 18. (Woche)

*М.В. Груздева
г. Санкт-Петербург*

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ИРРАЦИОНАЛЬНОГО ПОНИМАНИЯ

В последнее время проблема понимания занимает одно из ключевых мест в работах по теории познания, в логико-философских и лингвистических исследованиях соотношения языка, явления и действительности и является междисциплинарной.

В.К. Нишанов условно выделяет три основных направления, охватывающие большую часть работ по пониманию: 1) философско-методологические, 2) логико-лингвистические, 3) психологические [Нишанов 1990: 15]. Нас в большей степени интересует философско-методологическое направление, так как его задачей является определение места и роли понимания в процессе познания, анализ соотношения рациональных и нерациональных методов познания. Понимание в этом случае рассматривается в ряду таких категорий, как «познание», «объяснение», «рациональность», «знание», «картина мира», «интерпретация», «толкование» и т.д.

Понимание неразрывно связано с мыслительными и психическими процессами. В Большом Психологическом Словаре феномену «понимание» даются следующие определения [БПС 2003: 395]:

1. Способность личности осмыслять, постигать значение чего-нибудь.
2. Когнитивный процесс постижения содержания, смысла; этот процесс может быть успешным или безуспешным, самостоятельным или несамостоятельным, быстрым и медленным, произвольным и осознанным или же непроизвольным и интуитивным.
3. Продукт процесса понимания — само толкование чего-нибудь (текста, поведения). В этом случае возможно правильное и неправильное, глубокое и поверхностное, полное и неполное понимание.
4. Понимание как одна из целей познания и обучения.

В рамках данной работы нас интересует определение понимания именно как когнитивного процесса, который может быть как произвольным и осознанным, так и непроизвольным и интуитивным. Первый мы назовем рациональным пониманием, второй — иррациональным.

Прежде чем перейти к рассмотрению иррационального понимания как противоположного рациональному, обратимся к терминам рациональное/иррациональное.

Рациональное (от лат. *rationalis* — разумный), согласно Современному Философскому Словарю, — это «обусловленное разумом, доступное разумному пониманию, логически непротиворечивое и соответствующее каким-либо общественным правилам» [СФС 2004: 579]. В том же словаре иррациональное (от лат. *irrationalis* — неразумный, бессознательный) определяется как а) сторона объективной реальности, принципиально недоступная разумному пониманию; б) нечто в действительности, пока интеллектуально непознанное, алогичное, выходящее за границы современного разумного понимания, но тем не менее принципиально познаваемое; в) незапланированные (побочные) или непредугаданные результаты челове-

ческой деятельности; г) бессознательная сфера души, противостоящая сознанию как способу существования опосредованного знания; г) предлогические формы познания.

Категории рационального и иррационального являются соотносительными диалектическими категориями, специфика которых заключается в том, что они, согласно И.И. Булычеву, «служат выражением сторон основного диалектического противоречия сознания» [Булычев 1999: 49].

Сознание, как и любое другое явление реальности, внутренне противоречиво. Наибольшие различия присущи светлому и темному спектру сознания. Для характеристики светлого спектра сознания чаще всего используют понятия рационального, дискурсивного, осознанного. Темный спектр выражают в терминах нерационального, неосознаваемого, подсознательного, иррационального. Однако наиболее адекватно эти два диалектически взаимосвязанных спектра сознания отражают понятия рационального и иррационального. В контексте подобного истолкования иррациональное не следует понимать как нечто такое, что абсолютно противоположно рациональному и принципиально непознаваемо. Ведь иррациональным могут стать любые формы рационального, вышедшие из спектра ясного сознания, однако позднее они вновь способны перейти из темного спектра в светлый. В то же время следует иметь в виду, что иррациональное опирается на особые сущностные силы человека (инстинкты, рефлексивность, интуицию, эмоции, аффекты, веру и т. д.), которые до конца не могут быть вытеснены механизмами рациональности.

Таким образом, главный признак, на основании которого строится оппозиция рациональное/иррациональное, — это наличие/отсутствие осознанности, обусловленности разумом. Исходя из этого, рациональное и иррациональное понимание можно разграничить на основании таких признаков, как возможность контроля данного процесса, активная роль когнитивного субъекта, целенаправленная деятельность по достижению состояния понимания и так далее. Рациональное понимание положительно характеризуется данными признаками, а иррациональное понимание — отрицательно. Таким образом, если под рациональным пониманием подразумевается понимание, построенное по законам разума и логики, то под иррациональным пониманием мы имеем в виду понимание, которое представляется как возникшее без непосредственной помощи разума, не обусловленное ни чувственным восприятием, ни логическим рассуждением. Такого рода понимание моментально, не верифицируемо, осознается субъектом как пришедшее извне, не в результате целенаправленной деятельности сознания, вне индуктивных-дедуктивных логических путей выявления сущности вещей, которые свойственны рациональному пониманию.

К формам иррационального понимания можно отнести такие явления как *интуиция* и *инсайт*. Интуиция (англ. *intuition* от лат. *intueri* — пристально смотреть) — это «мыслительный процесс, состоящий в нахождении решения задачи на основе ориентиров поиска, не связанных логически и недостаточных для получения логического вывода» [БПС 2003: 209]. Для интуиции характерна быстрота (иногда моментальность) формулирования гипотез и принятия решения, а также недостаточная осознанность его логических оснований. Инсайт (от англ. *insight* — проникаемость, проникновение в суть) является соотносимым с интуицией понятием и определяется как «внезапное понимание, «схватывание» отношений структура проблемной ситуации, нахождение решения задачи» [БПС 2003: 201].

Следует отметить, что любое понимание, и иррациональное в том числе, строится на основании предшествующих знаний и опыта, но в иррациональном понимании, в отличие от рационального, обращение к данным знаниям и опыту лишь имплицитруется.

Лингвистический анализ способов репрезентации такого специфического познавательного процесса, как иррациональное понимание, позволяет пролить свет на особенности формирования представлений человека о такого рода когнитивных процессах. В частности, вербализация иррационального понимания, насколько можно судить по данным проведенного анализа, основана исключительно на метафорическом переосмыслении действий и процессов, относящихся к физической, не ментальной сфере.

В английском языке среди способов языковой репрезентации иррационального понимания особое место занимают глаголы и глагольные конструкции, такие как *dawn upon*, *occur to*, *cross the mind*, *come into one's head*, *come to one in a blinding flash*, *strike one*, *flash across one's mind*, *run in one's mind*, *haunt one's mind*, *be at the back of one's mind*, *lurk in one's mind*, *hit one*, *divine*, *intuit*, *smell*, *have an insight*.

Основными метафорическими моделями при формировании ментального значения иррационального понимания для данных глаголов являются следующие:

- метафора удара (глаголы *hit*, *strike* и др.): And it *struck* me straight away that although the twentieth century as it marched on made us look more and more like Americans, we are Europeans... (BNC/G5G).
- контейнерная метафора (глаголы *come*, *cross*, *enter* и др.): Ram-lal held his breath in amazement at the extraordinary lie that had suddenly *entered* his head (BNC/HH3).
- метафора появления (глаголы *occur*, *transpire*, *manifest*, *offer*, *present*, *suggest* и др.): I thought, a laugh being pretty well the only dealing

with *the truth* that *offered itself* at the moment, and so nothing to run down (BNC/[FRH](#)).

- метафора чувственного восприятия (глаголы *divine*, *intuit*, *smell*, *have an insight*): For the first time, Susan *intuited* that if she really made a point of it, she could get out of her Public Service (BNC/GVL); Recently, just before I woke up, I *had an insight* that I perceived as being connected with the Celtic tradition (BNC/CCN).

Процессы, характерные для понятийных областей, выступающих в качестве источника метафорического переноса — СВЕТ, УДАР, ПОЯВЛЕНИЕ — обладают рядом характеристик, которые позволяют использовать данные образы для передачи значения иррационального понимания. Это следующие признаки:

- независимость процессов от когнитивного субъекта,
- их внешний по отношению к когнитивному субъекту характер.
- возможность каузации некоторого состояния (осветить, ударить),
- неопределенность субстанции, выступающей в качестве каузатора состояния,
- неконтролируемость процессов когнитивным субъектом
- моментальность (мгновенность).

Некоторые признаки, например, внешняя каузация состояния, неопределенность каузатора, отражаются и в особенностях синтаксических конструкций с данными глаголами. Такие глаголы употребляются в двух видах структур:

1) с *it* в качестве подлежащего:

It just *occurred* to me that Tuesday would be another opportunity to talk to Julian (BNC/[F8U](#));

Well, it *crossed my mind* that actually a few of the headings here are actually duplicated by the Video Work in Progress meeting... (BNC/[KRY](#));

...it *appeared* to me after a short while that he was troubled rather by indecision as to which side I was now on, them or us (BNC/[ADY](#));

Then one day it *dawned* on me that I was running scared and it was silly (BNC/[CH1](#)).

2) с ментальным конструктом в качестве подлежащего (*idea came*):

Ramlal held his breath in amazement at the extraordinary lie that had suddenly *entered his head* (BNC/[HH3](#));

The possibility *crossed my mind*, yes (BNC/[H8T](#));

The stunned production team were dealing with the tidal wave as best they could when an awful realization *dawned* (BNC/[BN6](#));

....then, as a sudden thought *hit* her she glanced up (BNC/[JXY](#)).

Непосредственный когнитивный субъект иррационального понимания в любом случае выражается — в виде объекта.

Таким образом, предварительный анализ показывает, что иррациональное понимание выражается в английском языке при помощи метафорически переосмысленных глагольных лексем с исходной семантикой света, появления, удара, чувственного восприятия, употребляемых в определенных синтаксических конструкциях, в которых когнитивному субъекту — субъекту понимания — отводится второстепенная роль.

Литература

Булычев И.И. Сущности рационального и иррационального как философских категорий // Рациональное и иррациональное в современной философии : Материалы науч.-теорет. конф., Иваново, 19-20 мая 1999 г. / [Отв. ред.: Портнов А.Н., Кукарцева М.А.]. — Иваново : Иван. гос. ун-т, 1999.

Нишанов В.К. Феномен понимания: когнитивный анализ / АН КиргССР. Ин-т философии и права. — Фрунзе : Илим, 1990.

Список словарей

Большой психологический словарь / [Авдеева Н.Н. и др.] ; Под ред. Б.Г. Мещерякова, В.П.Зинченко. — СПб. : Прайм-Еврознак; М. : ОЛМА-пресс, 2003.

Современный философский словарь / Под общ. ред. д. филос. н., проф. В.Е. Кемерова. — 3-е изд., испр. и доп. — М. : Академ. проект, 2004.

Список источников иллюстративного материала

BNC British National Corpus [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://corpus.byu.edu/bnc/>

М.Е. Прохорова
г. Тамбов

АНАЛОГИЯ ОБЪЕКТОВ В ОПИСАНИИ ВНЕШНОСТИ ЧЕЛОВЕКА ПОСРЕДСТВОМ ЦВЕТОВЫХ СРАВНЕНИЙ

Сравнения являются одним из наиболее продуктивных средств выражения аналогии, устанавливаемой человеком между объектами и явлениями окружающей действительности. Сравняться между собой могут как однородные сущности, относящиеся к одному классу, так и сущности разнородные, принадлежащие к разным классам. В первом случае принято говорить о логическом характере сравнения (*Мука белая, как и мел*), а во втором случае — об образности сравнения (*Его лицо белое как мел*) [Ару-

тюнова 1999: 276-277]. В логическом сравнении сопоставляемые сущности являются заданными (мука и мел), а признак, по которому устанавливается их сходство, искомым (белый цвет). В образном сравнении заданными являются объект сравнения (лицо) и выделенный признак (белый цвет), а объект (мел), с которым сопоставляется лицо, выступает в качестве искомого. Он выбирается говорящим из большого разнообразия объектов действительности как наилучший, по его мнению или по мнению языкового коллектива, репрезентант выделенного у объекта сравнения признака (белый цвет) [Огольцев 1978]. Между объектом сравнения и объектом, репрезентирующим его признак, в сознании говорящего устанавливаются отношения «цель — источник», подробно описанные на материале метафоры [Лакофф 2004]. Эти отношения возникают при стремлении говорящего концептуализировать то, что определено менее четко, в терминах того, что определено более четко на базе выявленных им аналогий между объектами действительности [Лакофф 2004: 96]. Область источника является более конкретным знанием, которое человек получает опытным путем при взаимодействии с действительностью. Область цели представляет собой менее конкретное, менее определенное знание [Баранов 2004: 10]. В частности цвет мела хорошо известен и является постоянным признаком, в то время как цвет лица варьирует у разных людей и при различных физических или эмоциональных состояниях, являясь, следовательно, переменным признаком. В связи с этим знания о меле привлекаются в качестве источника для репрезентации цвета лица — цели (ср. *мел белый как его лицо). При взаимодействии концептуальное содержание цели пополняется определенными характеристиками под влиянием концептуального содержания источника. В сравнениях концептуальная характеристика, в нашем случае «цветовой признак», вербализована в основании сравнения. Однако получаемая на выходе информация об объекте сравнения не ограничивается собственно цветовым признаком, ср. толкование сравнения *белый как мел* в словаре: *Неодобр. Об очень бледном (от страха, неожиданности, внезапного внутреннего волнения) человеке* [Мокиенко 2003: 243]. К выделенной характеристике «цветовой признак» добавляются дополнительные оценочные смыслы, такие как интенсификация признака (очень белое, т.е. бледное лицо), оценка объекта сравнения (отрицательная) и другие дополнительные смыслы (цвет как результат воздействия эмоционального состояния). Об актуализации подобными конструкциями дополнительных оценочных смыслов см. [Болдырев 2007: 20-21].

Таким образом, при сравнении взаимодействие с концептом источника может расширить или конкретизировать содержание концепта цели. Это объясняется распространением аналогии на другие смежные признаки

сравниваемых объектов наряду с эксплицитно выраженными. В данной статье будут рассмотрены особенности эксплицитного и имплицитного выражения аналогии между сравниваемыми объектами в контексте. Материалом исследования являются русские, английские и французские сравнения, включающие в качестве основания прилагательные цвета (далее: цветовые сравнения) и использующиеся для описания деталей внешности человека, типа *белый как снег, green as mint jelly, noir comme le jais*. В основании данных сравнений вербализована цветовая характеристика, по которой устанавливается аналогия между деталью внешности и объектом, репрезентирующим ее цвет. Однако аналогические соответствия могут устанавливаться по другим, нецветовым характеристикам данных концептов, что получает эксплицитное или имплицитное выражение в контексте.

Во-первых, аналогия между сравниваемыми объектами по нецветовому признаку может быть выражена эксплицитно за счет включения в основание сравнения единицы, называющей данный признак. В следующих примерах в качестве такой единицы выступает наречие, характеризующее цвет:

(1) *His eyes... were distinctly almond-shaped and as **glossily black** as hard chips of obsidian...* (E. Lustbader); (2) *She had the eyes of a gifted person, kindled, transparent eyes, **luminously green as mint jelly**...* (T. Capote). При сравнении глаз с осколками вулканического стекла обсидиана (*hard chips of obsidian*) и мятным желе (*mint jelly*) за счет семантики наречий, сопровождающих цветообозначения в основании сравнения, актуализируется характеристика *блеск*: *glossily* (от *glossy* — «smooth and shiny» [OALD 1995: 504]) и *luminously* (от *luminous* — «giving out light; bright» [там же: 702]).

В примерах (3-5) в основание сравнения включено, помимо цветообозначения, второе прилагательное, связанное соединительным союзом и называющее нецветовой признак, по которому устанавливается аналогия сравниваемых объектов:

(3) *...на смуглых ногах красные спортивные тапочки, и волосы, **черные и блестящие**, как утренняя вода в торфяных озерах* (О. Куваев); (4) *Её заплетенные в широкую косу волосы, **черные и блестящие**, как вороново крыло, опускались почти до самой земли* (М.Н. Загоскин); (5) *Jeanne avait les mêmes cheveux abondants, **noirs et miroitants** comme le jais de son corsage* (M. Prévost). В приведенных сравнениях эксплицитное выражение получает аналогия волос и воды торфяных озер, крыла ворона, гагата (*jais*) как по цветовому признаку, так и наличию блеска. Характеристика *блеск* выражена прилагательными в основании сравнений *блестящие* и *miroitants* (*miroitant* - syn. *brillant* [dictionary.sensagent.com]).

(6) *...ее рот, **маленький и красный**, как ранка от пули, приятно из-*

ломал русские буквы (А. Мариенгоф). В данном примере эксплицируется сходство размера рта и ранки посредством компонента основания *маленький* (небольшой по размерам, по количеству [Ожегов 1987: 271]), а также с помощью единицы, называющей репрезентант цвета с уменьшительным суффиксом *ранка*.

(7) ...*c'était un jeune homme de vingt-deux a vingt-trois ans a peine, ...a l'oeil noir et doux et aux joues roses et veloutées comme une pêche en automne* (А. Dumas). В данном описании второй компонент основания сравнения *veloutées* (*velouté* — aspect de ce qui est doux au toucher [dictionary.sensagent.com]) эксплицирует установленную говорящим аналогию текстуры щек юноши и спелого персика (*une pêche en automne* — букв. *персик осенью*).

(8) ...*she saw that he looked like an old man. His face was as **dried** and brown as the leaves that were blowing about the lawn of Tara and his ginger-colored whiskers were thin and scraggly and streaked with gray* (M. Mitchell); (9) *Elle était si craintive qu'elle pâissait en parlant à n'importe qui, et qu'elle ne pensait plus à rien qu'aux coups dont elle était menacée, et qu'elle était devenue plus maigre, jaune et sèche qu'un poisson fume* (G. Maupassant). Компоненты основания сравнений — страдательные причастия *dried* (от *dry* — v. to become dry or make something dry [OALD 1995: 359]; *dry* — adj. ...without moisture [там же: 358]) и *sèche* (от *sécher* - devenir sec, sans humidité; rendre sec, enlever l'humidité [dictionary.sensagent.com]) эксплицируют в примере (8) аналогию результата воздействия возрастных изменений на внешность мужчины (*looked like an old man*) и природного увядания на листву (*the leaves that were blowing about...*) и в примере (9) аналогию результата воздействия болезни на внешность женщины и процесса сушения на рыбу (*un poisson fume*).

(10) *Так хочется любить! Обнять тебя и посмотреть в глаза! [...]* *Хочется целовать красные и сладкие будто малина губы!* (<http://planeta.rambler.ru/>). Компонент основания сравнения *сладкие* (*сладкий* — имеющий приятный вкус, свойственный сахару или меду; *перен. приятный*, доставляющий удовольствие [Ожегов 1987: 594]) эксплицирует аналогию сенсорно-вкусовой оценки поцелуя губ и малины.

Аналогия между описываемой говорящим субъектом деталью внешности и объектом, репрезентирующим ее цвет, по дополнительному, нецветовому признаку может не получить эксплицитного выражения в контексте, но выводиться на различных основаниях. Например, дополнительный, нецветовой признак может быть выражен как атрибут одного из сравниваемых объектов посредством элемента расширенного контекста, а наличие данного признака у другого объекта выводиться на основании знаний о его типичных признаках:

(11) *Из этой волосяной заросли торчал огромный ястребиный нос, сияли маленькие глаза, как звезды в тумане, и блестяли белые, как снег, зубы* (Ф.В. Булгарин); (12) *The killer's eyes glistened, black like oil* (D. Brown); (13) *But while the Mayor's bushy mane was white..., this man's was sleek and luxurious, slicked straight back from his forehead and black as olives* (V. Nescow). В данных примерах эксплицитное выражение получает блеск деталей внешности. Блеск зубов в (11) эксплицирован глаголом *блестели*, блеск черных глаз в (12) — посредством глагола *glistened* (*glisten* — to shine brightly [OALD 1995: 503]), блеск черных волос в (13) — с помощью прилагательного *sleek*: smooth and shiny [OALD 1995: 1112]. Аналогия блеска этих деталей внешности и объектов, их репрезентирующих (снега, нефти (*oil*), маслин (*olives*)), выводится на основании знаний о блеске как типичном признаке последних. Блеск снега зафиксирован в устойчивом сравнении *блестеть (сверкать) как снег* [Мокиенко 2003: 397]; блеск нефти объясняется ее маслянистостью, а блеск маслин — интенсивным восковым налётом [Википедия].

В примерах (14-15) эксплицирована форма объекта сравнения:

(14) *...неподалеку другой хозяин, расстегнутый и размотанный, с шапкой на ветке и желтой, как репа, покатой лысиной, долбился под дверь своего гаража, гораздо более других обросшего сосулями* (О. Славникова); (15) *Черные, как маслины, продолговатые глаза его так и горят от удовольствия* (А.Н. Толстой). Округлая форма головы в (14) эксплицирована прилагательным *покатый* (наклонный, постепенно снижающийся с небольшим уклоном, не крутой (о поверхностях) [ТСУ]). Аналогичную форму имеет репрезентирующий цвет объект: *репа* — овощ с утолщенным округлым съедобным корнем светло-желтого цвета [Ожегов 1987: 553]. Форма глаз в (15) выражена эксплицитно прилагательным *продолговатые* (*продолговатый* — имеющий удлиненную форму) [Ожегов 1987: 495]). Выбранные в качестве репрезентанта цвета глаз плоды — маслины — чаще всего обладают удлиненно-овальной формой [Википедия], что свидетельствует об отражении аналогии между сопоставляемыми объектами. В следующем контексте эксплицитное выражение получает динамичность объекта сравнения:

(16) *Черные, как жуки, глаза Анны Иоановны быстро забегали* (В. Пиккуль). Выбор подвижных насекомых — жуков — для репрезентации цвета глаз объясняется установлением аналогии между сравниваемыми объектами по признаку динамичность.

Следующий пример иллюстрирует экспликацию характеристики размер репрезентанта цвета на морфологическом уровне:

(17) *Одна из девчушек пухлощекая, нос пуговкой, глаза черные, как смородинки, вышла вперед и подала Дорофею букет бумажных цветов*

(Е.Ф. Богданов); (18) *Стоят и плачут как маленькие. [...] Глаза у тебя распухли, нос стал красный, как клюковка. [...] Девочка, смущенно улыбаясь, прячется за Алину* (В. Осеева); (19) *Премьер продолжал всхлипывать, трогал пальцами разбухший от влаги, пористый и красный, как клубничина, нос...* (А. Проханов). Единицы, называющие репрезентанты цвета с уменьшительными суффиксами, *смородинки* и *клюковка* выражают *маленький размер* ягод, а единица *клубничина* — *большой размер*. Установление говорящим аналогии размера сравниваемых объектов мотивируется тем, что описываемые детали внешности в (17, 18) — нос и глаза — принадлежат детям, поэтому они тоже маленькие. В примере (19) большой размер описываемой детали внешности — носа простуженного человека — эксплицирован в контексте: *разбухший* (от *разбухнуть* — раздаться, расшириться от влаги [Ожегов 1987: 522]).

Как упоминалось выше, дополнительные характеристики, по которым устанавливается аналогия сравниваемых объектов, могут быть выражены имплицитно и актуализироваться под влиянием наших знаний о типичных признаках объекта, репрезентирующего цвет, и возможности их присутствия у объекта сравнения. Рассмотрим имплицитное выражение аналогии деталей внешности и объектов, выступающих репрезентантами цвета, в следующих контекстах:

(20) *Глаза у тети Сарры большие, большие! Черные, как вакса* (Н. Островский); (21) *Figurez-vous un homme petit, mais robuste, avec des cheveux crépus, noirs comme le jais...* (Р. Мэримеэ). При сравнении глаз с ваксой в (20) и волос с гагатом (*jais*) в (21) актуализируется *блеск* деталей внешности. Это обусловлено знаниями о блеске как типичном признаке ваксы и гагата, что зафиксировано в словарных толкованиях наименований этих объектов или выводится из них: вакса используется для «чернения и дощения кожи, обуви» [СД]; *jais (gagam)* — «variété de lignite d'un noir brillant, utilisée en bijouterie» [DF 1989: 880].

В примерах (22-25) под влиянием имплицитно выраженной аналогии с внешним видом объектов, репрезентирующих цвет, актуализируется определенная *форма* и *размер* деталей внешности:

(22) *...поодаль уже вырос член ревизионной комиссии, грузинский социалист, с выщербленным оспой лицом, с черными, как сапожная щетка, волосами...* (В.В. Набоков); (23) *Her hair is as brown as a horse's tail with scale bits of blonde* (J. Cowley); (24) *Желтые, как бивни, усы старика, его лицо с морщинистыми рывинами старости и твердыми костями напомнили Катерине Ивановне фотографию из семейного альбома...* (О. Славникова); (25) *She's got on high-heeled shoes and is carrying a black purse... Her fingernails are red as drops of blood against the shiny black patent-leather purse* (К. Кен). Сравнение волос с сапожной щеткой в (22)

(*щетка* — «изделие... в виде плоской колодки с часто насаженными на нее пучками жесткой короткой шерсти, волоса, волокон» [Ожегов 1987: 738]) создает представление о коротких жестких торчащих вверх волосах, а с хвостом лошади (*horse's tail*) в (23) — о длинных прямых густых волосах. При сравнении усов с бивнями в контексте (24) (*бивни* — два сильно развитых крепких зуба, иногда громадного размера, у некоторых млекопитающих [ТСУ]) актуализируется информация о длинных густых усах определенной формы. Сравнение ярко накрашенных женских ногтей с каплями крови (*drops of blood*) в (25) передает сходство их формы и размера (*drop* — a small quantity of liquid forming a round shape [CD 2000]).

Анализ использования цветовых сравнений для характеристики деталей внешности человека в контекстах показал, что описание собственно цвета этих деталей не всегда является их единственной функцией. В ряде случаев они актуализируют другие смежные характеристики деталей внешности. Это происходит благодаря способности человека улавливать сходство между сопоставляемыми объектами действительности по целому ряду признаков. При выборе объектов для репрезентации цвета деталей внешности говорящий нередко отдает предпочтение тем объектам, которые сходны с данными деталями внешности еще по некоторому признаку или ряду признаков кроме цвета. Аналогия, устанавливаемая между сравниваемыми объектами по цветовому признаку, вербализуется в основании сравнения, а аналогия по дополнительным, нецветовым признакам может получать эксплицитное выражение посредством элементов контекста или имплицитно выводиться на основании знаний о типичных признаках объекта, репрезентирующего цвет, и возможности их наличия у объекта сравнения.

Литература

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. — М. : Языки русской культуры, 1999.

Баранов А.Н. Когнитивная теория метафоры: почти двадцать пять лет спустя. Предисловие редактора // Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. — М. : Едиториал УРСС, 2004. — С. 7-21.

Болдырев Н.Н. Репрезентация знаний в системе языка // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2007. — № 4. — С. 17-27.

Википедия [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.wikipedia.ru/>.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. — М. : Едиториал УРСС, 2004.

Мокиенко В.М. Словарь сравнений русского языка. — СПб. : Норинт, 2003.

Огольцев В.М. Устойчивые сравнения в системе фразеологии. — Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1978.

Список словарей

Ожегов С.И. Словарь русского языка. — М. : Рус. яз., 1987.

СД — Словарь Даля [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.slovopedia.com>.

ТСУ — Толковый словарь Ушакова [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.oval.ru/dal/2481.html>.

CD 2000 — CD — Collins Dictionaries. 2000.

DF 1989 — Le Dictionnaire du français / M. Gatard. — Hachette, 1989.

OALD 1995 — Oxford Advances Learner's Dictionary / J. Crowther. — Oxford University Press, 1995.

*А. Ю. Зернова
г. Санкт-Петербург*

О МНОГОГРАННОСТИ КОНЦЕПТА

На сегодняшний день существует огромное количество исследований, посвященных изучению концептов. Концепт — понятие, охватывающее многие области наук о человеке: философию, культурологию, языкознание, психологию. Тем не менее, круг задач в исследовании концепта, его структуры, функций, роли в тексте и других проблем исследования не только не исчерпан, но и постоянно расширяется. В связи с этим перед исследователем возникает вопрос: что считать концептом, от какого определения отталкиваться в начале пути изучения концепта.

В философии исторический первоисточник понятия «концепт» — *идеи* Платона. Согласно Платону, идеи — это бестелесные формы вещей, которые отождествляются с бытием. Чувственный мир занимает промежуточное положение между бытием и небытием и является источником, порождающим *идеи*. «„Идеи“ вечны, не возникают, не погибают, безотносительны, не зависят от пространства и времени» [Философский словарь 1987: 365].

В книге «Концепты. Тонкая пленка цивилизации» Ю. С. Степанов сравнивает концепт с «понятием» в логике, психологии и философии. «*Концепт* можно определить как понятие, но *понятие*, расширенное в результате всей современной научной ситуации» [Степанов 2007: 19]. Подчеркивая различие между *понятием* и *концептом*, Ю.С. Степанов утверждает: «Понятие „определяется“, концепт же „переживается“. Он включает в себя не только логические признаки, но и компоненты науч-

ных, психологических авангардно-художественных, эмоциональных и бытовых явлений и ситуаций» [Степанов 2007: 20].

С одной стороны, данное обширное определение концепта можно дополнить тем, что это чувственное «переживание» *индивидуально* для каждого человека. Процесс формирования концепта — это «зарождение» концепта «как единицы универсального кода, т. е. как индивидуального чувственно-предметного образа, в основе которого лежит чувственный опыт» [Алефиренко 2005: 184]. Н. Ф. Алефиренко приводит пример подобного зарождения концепта на основе определенного чувственно-предметного образа. Так, у одного человека концепт КНИГА представлен образом букваря, у другого — Библии, у третьего — любимым томиком А. С. Пушкина. Образ всегда восходит к индивидуальному опыту человека. В процессе интерпретации текста определяющим является индивидуальный опыт интерпретатора, его познания в области стилистики, психологии, лингвистики, языкознания, отношение к исследуемому тексту, к автору текста, знание авторского стиля писателя или поэта. С другой стороны, в концепте отражается общий национальный характер, проявляются особенности определенного исторического периода. Индивидуальный чувственный образ связан с общественным сознанием, так как человек является представителем того или иного класса, той или иной исторической эпохи, культуры, этноса, профессии и так далее.

Согласно Н. Ф. Алефиренко, концепт лишен четкой структуры и внутренней организации компонентов, так как «смысловые признаки находятся в нежестко детерминированных отношениях; они способны видоизменяться, угасать или актуализироваться в зависимости от социокультурного опыта личности» [Алефиренко 2005: 184].

Однако мы не можем утверждать, что концепт беспорядочен. В структуре концепта большинство авторов выделяют ядро и периферийную зону. Так, по Н. Ф. Алефиренко, «предметно-образный код составляет ядро концепта, которое в процессе углубленного познания объекта обогащается новыми смысловыми признаками; в результате увеличивается объем концепта, „уплотняется“ его содержание» [Алефиренко 2005: 184]. К примеру, в изучении актуализации концепта TRUTH в своем диссертационном исследовании Т. А. Хромова выделяет следующие *смежные концепты*: TRUE QUALITY, REALITY, ACTUALITY, FACT, SINCERITY, FIDELITY, STANDARD [Хромова 2002: 10]. Именно эти смежные концепты определяют периферийную зону концепта ИСТИНА-ПРАВДА. Периферийная зона концепта определяется также при помощи выявления ассоциаций с данным конкретным понятием в определенной культуре. Например, концепт ADMIRATION в американской культуре дополняется такими националь-

ными чувствами, как патриотизм, то есть восхищение своей демократичной страной.

Для определения ядра концепта зачастую исследователи обращаются к словарным дефинициям. В словаре английского языка «Macmillan English Dictionary» *truth* определяется так: ‘the actual facts or information about something, rather than what people think, expect or make up’. Ядром данного концепта является само имя *truth*, апеллирующее к «идеалу, нравственному закону» [Хромова 2002: 13].

Ядро концепта определяется на основе выделения универсального. Универсалиями в типологии языка называют всеобщие черты, свойственные языку в целом и, следовательно, обнаруживаемые во всех языках мира. Во всех языках мира существуют ударение, гласные и согласные, имена собственные и др. Язык как средство общения обладает общими закономерностями: человек имеет единую артикуляционную базу; у всех людей отношения между языком и мышлением едины. Кроме того, люди во всем мире находятся в равных отношениях с окружающей их средой, которую они описывают с помощью языка. Ядро концепта является таким универсальным и общим компонентом. Для успешного осуществления процесса коммуникации необходимо общее когнитивное и прагматическое пространство у слушающего и говорящего. Это пространство создается общей концептуальной картиной мира.

В работе О. В. Яновой концептуальная картина мира определяется как «концептуальная репрезентация действительности в многообразии его внешних и внутренних связей, существующая в виде определенной системы понятий» [Янова 2005: 7]. Концептуальная картина мира включает в себя не только общие для всех культур универсалии языка, но также и общепринятые представления людей об окружающем мире, ценностях и отношениях.

При определении концепта нельзя также упустить наличие валентных связей между компонентами его содержания. О. А. Терехова использует следующее определение концепта: «Концепт — самая общая, максимально абстрагированная, но конкретно репрезентируемая идея „предмета“ в совокупности всех валентных связей, отмеченных национально-культурной маркированностью» [Терехова 2003: 6].

Определить понятие *концепт* — сложная и многогранная задача. Необходимо отметить, что в каждом определении концепта учитывается определенный аспект данного понятия. Суммируя разнообразные дефиниции концепта, определим наиболее значительные характеристики исследуемого понятия:

- концепт — это понятие, «переживаемое», компонентами которого являются логические признаки, научные, психологи-

ческие авангардно-художественные, эмоциональные и бытовые явления и ситуации (Ю. С. Степанов);

- концепт основывается на индивидуальном чувственно-предметном образе (Н. Ф. Алефиренко);
- ядро концепта включает общепринятые представления человека о мире, универсалии;
- периферийная зона концепта раскрывается в смежных понятиях, синонимах и ассоциациях, присущих определенной исторической эпохе, нации, культуре;
- концепт характеризуется наличием валентных связей между компонентами его содержания (О. А. Терехова).

Таким образом, приведенные характеристики в концепте можно исследовать с трех позиций:

- 1) с точки зрения исследования концепта как образа, возникшего у отдельного человека;
- 2) с позиции изучения того или иного концепта в рамках представлений определенной культуры, нации в ходе ее исторического развития;
- 3) с точки зрения сложившихся общих универсальных представлений о каком-то понятии у представителей всех культур.

Графически совокупность данных позиций может быть представлена на следующей схеме (Схема 1):

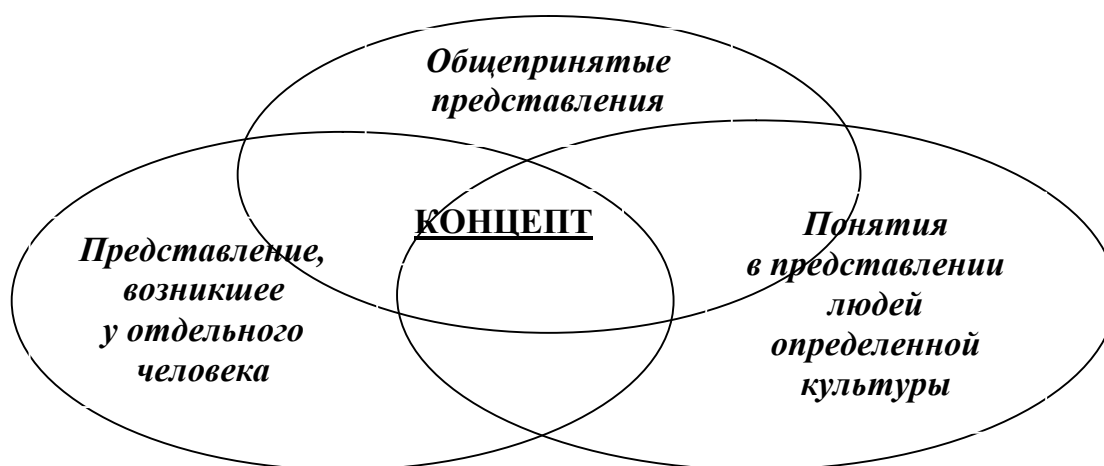

Схема 1

Исходя из характеристик концепта, представленных различными исследователями, можно сделать следующий вывод: *концепт* — понятие, одновременно отражающее, во-первых, индивидуально-чувственные, образные представления отдельного человека об объекте; во-вторых, выражающее сложившиеся в определенной культуре отношения и ассоциации; в-третьих, раскрывающее универсальные, общепринятые логические, науч-

ные, психологические, эмоциональные и бытовые явления окружающего мира, накопленные всем историческим опытом человечества.

Литература

Алефиренко Н. Ф. Современные проблемы науки о языке : учеб. пособие. — М. : Флинта : Наука, 2005.

Степанов Ю. С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации. — М. : Языки славянских культур, 2007.

Терехова О. А. Английские общие имена лица : когнитивный и функциональный аспекты : автореф. дис. ... канд. филол. н. — Иркутск, 2003.

Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. — М. : Изд-во полит. лит., 1987.

Хромова Т. А. Актуализация концепта *truth* в современном английском языке. — Автореф. дис. ... канд. филол. н. — Иркутск, 2002.

Худяков А. А. Теоретическая грамматика английского языка : учеб. пособие для студ. филол. фак. и фак. ин. яз. высш. учеб. заведений. — М. : Академия, 2005.

Янова О. В. Концепт *belief / trust / faith* : структура и репрезентация в современном английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. н. — СПб., 2005.

Macmillan English Dictionary. — Frome, 2006.

РАЗДЕЛ IV

СМЫСЛОПОРОЖДЕНИЕ НА УРОВНЕ ТЕКСТА, ДИСКУРСА, СЕМИОСФЕРЫ

Irina B. Rubert
St.-Petersburg

EVOLUTION OF INSTRUCTIVE TEXTS

Professor A.A. Khudyakov was (and for many contemporary and future generations of philologists and linguists **is** and **will be**) an outstanding humanitarian, highly professional in all spheres and aspects of language studies. He had a profound knowledge not only in grammar and cognitive linguistics, but also in minor and major language units studies: from phonemes to text and discourse analysis. Speaking about text as a linguistic phenomenon Andrey Aleksandrovich wrote: “Many linguists nowadays consider text to be the highest level of language characterized by specific units, categories, and laws of formation that is by specific grammar” [Худяков 2005: 154].

Instructive texts function in different spheres of communication: official, interpersonal, business communication, etc. Pragmatic models of such texts can be various: society (macro/microsociety) — person, person — person, person — environment. Other relevant characteristics of communicative context determine the possibility of more detailed classification [Гвенцадзе 1986] and outline the system of genres and types of instructive texts. This article is dedicated to only two such types of English instructive texts as statute and prescription. The first one — legal settlement, or statute, belongs to “society — person” communicative sphere, the other one — prescription (both medical prescription and recipe) belongs to “person — environment” pragmatic context. The models of both were mostly formed in the period of 16th-18th centuries.

In a broader historical span of time from the old English to the early Modern English period two main evolutionary tendencies of genre (text type) formation are discernable which may be qualified as synthetic and analytic. According to Smirnov, in the course of the historical poetics, the aim of which is to explain how textual forms change, two controversial techniques for this purpose have been developed. Supporters of one of those approaches believe that new forms are born as the result of decomposition of the old ones. During this process, complex syncretic structures disintegrate and all the components accrue a right to exist independently in the course of time. The other way to comprehend historical changes that occur during the process of development of aesthetically determined cognitive activity is, as Mr. Smirnov says, to take a new

form as summation of the preceding forms and as specification of the previous literary experience, when the continuity of relationship/links is preserved [Смирнов 1981].

The process of the “person-environment” genre formation of instructive texts is based on the analytical line of development and the text of “person-society” type develop on the basis of synthetic (summative) line of development.

Typical macrostructure of a modern British statute includes complete and concise heading, preamble, descriptive part (where relevant characteristics of protagonists are enumerated) and prescriptive part (where legal obligations are imposed). Predominance of nominative constructions, generalization of information (to cover the majority of cases) and syntactical abundance are characteristic features of a modern statute. Going back to Old English laws, one may notice that a typical legal settlement (prescription) had the syntactical form of a conditional clause:

XLIII. Jif eage of weorth .L. scillingum gebete:

XLIV. Jif muth othther eage woh weartheth .xii. scill. gebete:

41. If an ear be pierced, let "bot" be made with iii shillings:

43. If an eye be (struck) out, let "bot" be made with L shillings

Samples of such texts can be found in “Early English Laws and Institutions”.

The Early English legal texts were based on the precedent, concrete lexis prevailed in them. They lacked structural characteristics of a text. But communicative purpose of such texts was the same as in the modern statutes. Their functions, pragmatic characteristics, models of addressee and addressor show that they functioned as statutes in the Early English period. Legal settlements and prescriptions formed the bulk of official instructive texts in the Old English period.

The main factors determining further evolution of legal texts were connected with social changes, political struggle, and economic development. The evolutionary changes in the sphere of legislation resulted in expanding the topics of the texts and the developing various models of their addressees. Since the times of the great Charter there started a process of developing distinct genres of professional regulation, including Assizes, Constitutions, Provision (Smiths, Keenan; 1983: 8), and Charters. At the end of XIII century to the official documents in Britain the Local law, Equity, Statutes were added. Statutes inherited to the former legal regulations and started to perform the fundamental role in the system of legislation.

In the ME period the legal texts revealed the tendency to present information as generalized and abundant, to develop the so-called “nominative style”, characterized by the predominance of hypo taxis on the syntactical level due to the explication of the logical links between the events.

Until the XIII century all the official documents had been published in Latin so that later all the Latin-based textual principles were borrowed. The typical feature of the Latin official documents was the complexity of the logical ties, especially the explication of the cause-result (implicative) relations and a special manner of presentation of the events developing in time. The focal point for describing events was expressed in the Perfect Tense. The main clause, therefore, contained the verb in the Present Tense so that the narrative acquired the character of the protocol. The past events were presented as resulting in the Present Time. So instead of employing predicative forms to reader the past events the texts used constructions nominative (by inspection = smth was /has been/ inspected, *see example below*) or the combination of the cognitive verbs with prepositions (as appears) referring to the past but expressed with the help of Present forms. It accounted for the use of Perfect and Past Perfect (Plusquamperfectum) in Latin and also nouns denoting events.

Latin official texts were known for their “nominative” style, marked by the abundance of nouns and non-finite verbal forms. When later the documents started to be issued in English, the language appeared to have lacked the adequate means of expressing these grammar meanings and nuances. The demands of an emerging legal style stipulated their development in the English language in the late middle Ages. The system of Perfect Tense, for example, was formed under the influence of documentary style.

Another distinctive feature of a “report-like” (protocol-like) presentation of a situation is the employment of special connectives, or reference makers (*the said, before mentioned*) used to mention the subject-matter for the second time. It is for these markers that the English equivalents were found in the first place as can be seen when comparing texts in two languages (Latin and English). Compare the Latin original of the text entitled “Cases on the Law Merchant” (14 c.) with the later (about 16 c.) translations into English.

*PLACITA CORAM DOMINI REGE APUD EBRACUM
DE TERMINO PASHCE ANNO REGNI EDWARDI FILII
REGIS HENRICI VICESIMO OCTAVO -XXVIII- BRABANSON.*

Walterus de Derneford's in misericordia pro pluribus defaultis.

Idem Walterus attachiatus fui ad respondendum petro ey Petro de Monte Alto de placito quare (cum dominus Rex vicecomiti suo Darsete precepisset quod qua Petrus de Monte Alto debuit predicto Waltero viginti libras, videlicet in festo Purification of Beate Marie, anno regni Regis nunc decimo octavo, decem mareas, et in festo Nativitatis Beati Johannis Babtiste proximo sequente decem marcas, secut Regi constat per inspectionem rotulorum Cancellarie sue, predictam pecuniam de terris et catallis predicti Petri in balliva sua fieri faceret et illam haberet coram Rege a die Pasche in xv. dies, anno regni Regis nunc vicesimo sexto, ubicumque, etc., ad reddendum prefato Waltero occasione predicta; et idem vicecomes ad eundem terminum Regi retornasset quod nulla bona seu catalla in terris et tenementis predicti Petri in-

*venisset, unde, aliquam pecuniam levasse potuisset. Et idem Walterus super hoc venisset in curia Regis et elegisset habere omnia bona et catalla predicti Petri et eciam medietatem omnium terrarum et tenementorum suorum tene-
nanda secundum formam Statuti...*

*PLEAS BEFORE THE LORD KING AT YORK OF THE TERM
OF EASTER IN THE TWENTY-EIGHTH YEAR OF THE REIGN
OF KING EDWARD, SON OF KING HENRY: 28: BRABANZON.*

Walter of Durnford in mercy for many defaults:

The same Walter was attached to answer to Peter de Monte Alto on a plea wherefore (when the lord King had ordered his sheriff of Dorset that because Peter de Monte Alto owed to the aforesaid Walter twenty pounds, namely in the Feast of the Purification of the Blessed Mary, in the eighteenth year of the reign of the King that is now, ten marks, as appears to the King by inspection of the Rolls of his Chamcery, he was to make up the aforesaid Peter in his bailiwick and to have that before the King in 15 days from Easter day in the twenty-sixth year of the now King, wheresoever, etc. to render to the before-mentioned Walter on the occasion aforesaid; and the same sheriff at the same term returned to the King that he had found no goods or chattels in the lands and tenements of the aforesaid Peter from which he had been able to levy any money and the same Walter hereupon had come in the King's court and elected to have all the goods and chattels of the aforesaid Peter wheresoever...

The use of nominative forms as the strategic principle of structuring Information entails the emergence of such postpositional attributive constructions as “on a plea where of, on the occasion aforesaid” and other structural patterns widely spread in the Early New English legal texts.

In the quoted passage a cyclic principle of rendering Information can be clearly discerned (the strategy assisting the further defining of the information rendered earlier). On the syntactical level this global strategy presupposes hypo-taxis. In the passage under analysis the means of hypo-taxis include explanatory links (*that is now*), temporal (*when*) and cause-result links and others.

The nominative style of the official creates an effect of generalization of presenting information. Thus, the legal style is known to have been developed in Latin by clerks of the Roman Curia and imitated in the vernacular in other countries. So, the legal style in Britain greatly influenced by the Latin legal canons formed the linguistic peculiarities of Statute as a genre. But text model (macrostructure) formation started in the Tudor Period and was over in the Stuart times. The preamble as a special introductory declarative part of the text got fully developed during the reign of the Tudors.

The characteristic feature of the Tudor texts was the abundance of elaborate etiquette formulae and numerous cliché phrases. One can notice the influence of the royal etiquette clichés which were developed under the influence of different tendencies, among which the baroque style played a very important role. The following Stuart period is known to focus a lot of attention on the eti-

quette of the political and religious discussions. Many rhetorical devices and various means of argumentation initially used in Houses of Parliament were later employed in the written texts. The legal style reflected this tendency as well. The conflicts between the monarch and the Parliament were often settled with the help of intricate linguistic means, elaborate phrases. Most of them expressed respect for the King.

The text of statute below contains a lot of means stressing the accomplishments of the King and his great contribution to passing the law. The preamble is excessively long and there are very complex sentences with various predicative constructions, parallel and consecutive subordination used in it. Formally there are only two sentences in the preamble below but the first sentences takes up 21 lines.

Act for Commissioners of Union, 1604

An Act authorizing certain Commissioners of the Realm of England to treat with Commissioners of Scotland for the weal of both kingdoms

Whereas his most excellent Majesty hath been pleased, out of his great wisdom and judgment, not only to represent unto us by his own prudent and princely speech on the first day of this Parliament how much he desired (in regard of his inward and gracious affection to both the famous and ancient realms of England and Scotland, now united in allegiance and loyal subjection in his Royal Person to his Majesty and his posterity for ever) that by a speedy, mature, and sound deliberation such a further Union might follow as should make perfect that mutual love and uniformity of manners and customs which Almighty God in his Providence, for the strength and safety of both realms, hath already so far begun in apparent sight of all the world, but also hath vouchsafed to express many ways how far it is and ever shall be from his royal and sincere care and affection to the subjects of England to alter and innovate the fundamental and ancient laws, privileges, and good customs of this kingdom, whereby not only his regal authority but the people's security of lands, livings, and privileges (both in general and particular) are preserved and maintained, and by the abolishing or alteration of the which it is impossible but that present confusion will fall upon the whole state and frame of this kingdom.

In this sentence the pragmatic task of evaluating the King's decision and his personality and functional task of defining the goal and grounding the prescribed measures (setting up the joint committee on the affairs of England and Scotland) are combined. All the etiquette formulae can be classified either as characterizing the King's personality directly: his plain, clear, and gracious intention; or indirectly in terms of his attitude to the problem: in regard of his inward and gracious affection to both the famous and ancient realness, or estimating the legal acts: by a speedy, mature. Some "baroque-like" formulae express the attitude of the King's subjects: humble, faithful, and loving subjects. There are many emotionally charged phrases:

- in regard of his inward and gracious affection to both the famous and ancient realms...,

- by a speedy, mature, and sound deliberation, to alter and innovate the fundamental and ancient laws, not only his regal authority but the people's security of lands, livings, and privileges... are preserved and maintained, etc.

Forasmuch as his Majesty's humble, faithful, and loving subjects have not only conceived the weight of his Majesty's reasons, but apprehend to their unspeakable joy and comfort his plain, clear, and gracious intention to seek no other changes or alteration but of such particular, temporary, or indifferent manner of statutes and customs as may both prevent and extinguish all and every future questions or unhappy accidents by which the perfect and constant love and friendship and quietness between the subjects of both the realms aforesaid may be completed and confirmed, and also perform and accomplish that real and effectual Union already inherent in his Majesty's Royal Blood and Person, and now desired by his Majesty to be performed and brought to an end for the weal of both kingdoms by this course following: Be it therefore enacted by the King's most excellent Majesty, by and with the assent and consent of the Lords Spiritual and Temporal and the Commons in this present Parliament assembled and by authority of the same, [that certain Commissioners named in the Act] [James I, Works, ed. Of 1616, pp. 485-497].

This passage abounds in personal, evaluative phrases, which are too ornate for the preamble of the legal text to be easily understood. Only the very end of the preamble contains the performative formulae: "Be it therefore enacted". So pragmatically the most important information is rendered only in line 34 of the text. The emotionality of this preamble is not typical of the genre of legal acts now.

Though the early legal texts were characterized by numerous stylistic devices (alliteration, epithets: mild and merciful, synonyms: done, committed or perpetrated, pleonasm: all and singular; all and every; within the limits of their jurisdiction and authority) used to express the subjectivity of the political etiquette the later developments of the linguistic structure of the preamble showed that only some syntactical constructions: to + inf, for (noun, ger.). In Modern legal texts the preamble describes the logical connection of the determining and legislative situation.

The informative structure of the heading in its complete and concise forms was finally developed in XVI — XVII centuries. The texts produced in the epoch of Elizabeth have complete and concise headings. The complete headings contained such linguistic elements as objects and attributes in postposition. The concise headings though propositionally structured in the same way do not render any additional information. They lack the indication of the type of the legal act, they do not impart full social titles or present any specific elements. Usually a concise heading consists of a two- or three-component nominative structure: An Act of recognition of the Queen's Highness' title to the im-

perial Crown of this realm (I Eliz. Cap. 3) — Recognition of Queen's title; An act to annex to the Crown certain religious houses (I Eliz. Cap. 24) — Annexation of religious houses to the Crown.

The captions of the Early New English texts reveal one of the most common subject of that period: "Church and State relations". Over 200 legal texts out of 364 texts under analysis are devoted to the issue of the relations with the Church. Judging already by the headings of legal texts two groups of directives can be distinguished depending on the "negative" or "positive" prescriptive effect. The acts of the first group are aimed at expanding the authority and power of the Sovereign: *1. Eliz. Act of Supremacy (cap. 1), An Act of recognition of the Queen's Highness' title to the immaterial crown of this realm (cap. 3), 5. Eliz. For assurance of the Queen's power (cap. 1), 1. Jac. I. Recognition of the King's title (cap. 1), 4&5 For the abolition of hostility between England and Scotland (cap. 1).* (*Select Statutes & Documents of Elizabeth and James I, 1898: vii-xii*).

The Development of economy made a considerable impact on expanding the topics of statutes. The analysis of the headings demonstrates that the main groups are made up of economic and sociopolitical texts. The subject matters of the economic texts are focused on listing "goods and their measures": *1. Eliz. For customs on sweet wines (Cap. 11), Tonnage and Dounage (Cap. 20)*. The other type of texts is devoted to managing economic structures: *8. Elliz. For the reformation of Ministers (cap. 12)*.

The structure of the main body of texts was developed in the XVII century. The text consisted of the preamble, the legal formula, the identifying and the prescribing compositional segments. The preamble outlines the major characteristics of the legislative context. The objective of the legal act is to legally sustain some of those characteristics and to prohibit others:

An Act for the assurance of the Queen's Majesty's royal power over all estates and subjects within her Highness' dominions

For preservation of the Queen's most excellent Highness, her heirs and successors, and for avoiding both of such hurts, perils, dishonors and inconveniences, as have before-time befallen, as well to the Queen's Majesty's noble progenitors, kings of this realm, as for the whole estate thereof, by means of the jurisdiction and power of the See of Rome, unjustly claimed and usurped within this realm and the dominions thereof, and also of the dangers by the factors of the said usurped power, at this time grown to marvelous outrage and licentious boldness, and now requiring more sharp restrain and correction of laws, than hitherto in the time of the Queen's Majesty's most mild and merciful reign have been established [Select Statutes: 19].

In New English Period the universality as a functional feature of the legal text is elaborated (the use of *every, all and every, any* with the nomination of a generalized addressee; the pleonastic constructions such as *all and every, all*

and singular). Though the preamble of the 17-18 centuries period resembles the modern one, distinctive features of that period can be clearly observed. The language of the documents can not be qualified as formal due to the abundance of epithets. In the text above the alliterated epithets (mild and merciful) and some others are employed to stress the importance of the beneficiary's activities. Thus the "poetic" function of the legal texts is realized through the use of emotionally coloured attributes, alliteration and rhythmically organized phrases. Epithets as well as other stylistic means of expressing emotionality were no longer resorted to during the further development of legal style.

Until the end of the XIX century all the formal constituents of the legal texts had been preserved intact and then some new markers of textual division were introduced (special paragraphing, numerology, graphic foregrounding).

Regarding the evolution of a legal instructive text we can trace the synthetic tendency, when a new form appears as summation of the preceding forms and as specification of the previous communicative experience. The opposite evolutionary tendency, namely, the analytical one can be discerned in the texts of practical instructions (prescriptions, suggestions).

In the Old English period medical prescriptions were contaminated by elements of other communicative types of texts such as suggestions, useful hints, or, even, charms:

With Monathsceonesse

*Witththonthe mon sie monathseoc, nim mereswenes fel, wyrc to swipan;
swing mid thone man; sona bith sel. Amen.*

*(If one be lunatic, take porpoise skin, make a whip, whip with that one -
soon is better. Amen) [Wyatt 1939: 32]*

Elements of zoological or biological origin were used to cure diseases with no scientific approach whatever. As Anderson puts it, "Gynecological ailments can be cured by the application of a salve made from fox's limbs and fat; the same ointment is good for both a headache and an earache. For pains in the spleen, one should boil a fox's lung or liver in hot ash. The testicles of a fox, in hot broth will cure warts. The same will cure a hydrocele. Sore jaws will be relieved by an emulsion of powdered fox's muscles; a fox's tail is an aphrodisiac when hung upon a human being's arm" [Anderson 1949: 388]. This or that biological remedy could be recommended because it had a form of the ill organ, a certain colour, smell, or a mythological allusion, such as Laurel or Narcissus [Холл 1994].

In ancient times and even in the early middle Ages, there was a prevailing view of therapy as a spiritual process in which the substances of nature only played a helping role. This concept was later supported by the herbalists and philosophers of the hermetic medicine of the modern period, the leading representatives of which were the Swiss Philip Aurelius Paracels (Theophrast Bombast

von Gogenheim) and the Englishman Nicholas Coolpepper. In the later Middle Ages, as in modern culture, materialist views dominated, originally in the form of vulgar materialism excluding the spiritual element.

The essence of the conflict of idealistic (or broad) and materialistic (narrow) concepts, can be expressed in the words of Paracelis. A leading medical man and the author of the theory of “spiritual substances” (at the basis of which is the only living substance, called an “archeus”, i.e. “living force” or “astral light”, “spiritual air”). He experienced a great distaste for the narrow medical systems fashionable at that time in the Middle Ages, expressing his conviction that they were inadequate. He wrote: “The number of diseases, which proceed from unknown reasons, exceeds by far those diseases that proceed from medical reasons. For such diseases, our doctor does not know the medicines, as without knowing the reasons, it is impossible to fight against the disease. All that the doctors can do is to observe the patient and make guesses, while the patient must be content that the prescribed medicine does not affect his recovery. The best doctors are those who do the smallest evil. But, unfortunately, some poison their patients with mercury, others give them blood transfusions, taking their patients to death [Холл 1994: 399].

The opposite, materialist point of view on medicine occupied the leading place in the New English period and was the impulse for the development of the textotypes “recipe”, “advice” and “medicinal instruction” by their separation from an earlier syncretism. The authors of the New English period — the period of the establishment of the principle of rationalism — heavily criticized the original means of “treating”. Doctor Archibald Pitcairn (1715) harshly criticized his predecessors: “They have introduced occult fermentation and pores that are obedient to the Word of Command and their impotent wishes ... what difference, I pray, can we make between unknown figures and occult qualities? Or what between the influence of the stars and the Operations of subtle Matter?” [Pitcairn 1715: 18]. The expert condemned astronomy, which raised the ancient philosophers, for which the names of the gods corresponded to the names of the galaxies. Some saw the reasons for diseases in the anger of these gods and attempted to treat them on the basis of the states of the planets and the changing of the seasons [ibid: 9].

One important source of medieval medical knowledge was alchemy — speculative and practical — which appeared in England in the thirteenth to fifteenth centuries. It came from the east along with medicine. As is known, the first books which were translated in the mid-twelfth century were the Koran and a composition on alchemy. In England, the first alchemists were the writers of medical treatises, “the appearance of alchemy is explained by its supposed analogy with medicine. Since it was accepted that all metals consisted of a single substance — serum and mercury — the difference between, for example,

lead and silver is that serum and mercury in this first case are sick and spoilt, and the medicine restoring them to health was the blood of the king” [English Public Life: 68]. When the creation of a guild of English doctors was announced in the fifteenth century, surgeons had to have a special certificate and to pass special commissions.

The medical and surgical science of the Byzantine authors in English and Latin translations was the basis of medical practice in the English monasteries from the times of Bedde. Despite the diverse popular means of treating diseases, the medical science dominated in society, dating back to the ancient times. In the Middle Ages, the compositions of the Ancient Greek authors were translated into Latin. The internationally known Book of Medicine by the Tadjik scientist Ibn-Sina or Avitsenna was also translated into Latin in the twelfth century. During the Renaissance, Latin began to conquer the position as the international language of science. The tradition of employing Latin in medical prescriptions is linked to the special development of medical knowledge in English society.

In medical practice, the main resource became not magical means of acting on the addressee, but the local herbarium. The attributes of all natural components, like chemical ones, however, were not well researched enough. The authors of the texts could thus not bear full professional responsibility for their recommendations.

The information of the syncretic genre of a prescription-advice till 17th century was still impossible to be characterized as really factual. The conceptual can be seen in both — the author’s attribution the features of polyfunction to this or that means (wort):

The herb cummin: (1) for sore of the maw; (2) for oppression in the chest, and the bite of snake; (3) for swelling up and heat of inwards; (4) for blood-running from nostrils [Herbarium 1902: 59].

And in the absence of the exact modification while using concretisers:

For sore of bladder, take a handful so green of this same wort, which we named feoniculum, and a green root of earth navel, or asparagus, put thwm into a new crock, or earthen pot [ibid].

The medical compendia (collections) in the native language started to be published regularly in the New English period; when copying became much easier thanks to Caxton and his followers. Book printing made medical knowledge more accessible. One of the first books containing health instructions of the period was a printed version of “Thesaurus Ieronimi” (Treasure book of Jeronimus) translated into English from Latin. It contained capacious texts on the healing of wounds, corporal injuries and diseases by means of natural remedies. Other sources of such information was “Herbarium Apuleii” com-

piled by Cockaine (the o.e. version was compiled by Berberich) and works by Nikolas Culpepper.

The instructive texts on health and, later, technical problems were singled out from the earliest voluminous syncretic textual formations. Initially, medical advice and prescriptions were contaminated. In the 16th century some of them resembled their modern analogues in form and function:

To make the hands white

Take the flower of Beans, of Lupines, of Starchcorn, Rice, Orice, of each six ounces, mix them and make a powder with which wash your hands in water [A.L.D. 1597: 84].

In the end of the 18th c. the genres “advise” and “instruction” diverged. For the latter a special model consisting of 3 communicative units (blocks) was introduced (headline, quantitative block, where ingredients were enumerated and prescriptive part).

The development of textual structure in the case under analysis is connected with scientific achievements of the period. The scientific studies were encouraged by the Stuarts. The royal Society, founded by the Stuart monarchy, became an important scientific center. Charles the Second, a strong supporter of the RS gave the firm direction “to examine all systems, theories, principles..., elements, histories and experiments of things natural, mathematical and mechanical”.

Development of science stimulated further changes in the textual structure. In the New English period, Latin became firmly established in the medical prescription. It was also employed as a special code of communication for specialist doctors. The micro-level organization of the medical prescription was strictly regulated. The use of grammatical constructions was subordinated to certain rules.

The following forms of verbs were implied in the medical prescription: (1) Imperative of *Recipe* (take) in the form of the second person singular (Rp), analogical forms were employed with the verbs *Misce. Da. Signa* — mix, dispense and set (M. D. S.), in expressions with these verbs *Da tales doses* (dispense such doses) and also such verbs as *Sterilisa!* and *Repete*. The 18th century texts contained only the so called intellectual information.

The genre evolution of medical prescription was stimulated by the chemical investigation. The formation of its structure was finally completed in the end of the 18th century. This phenomenon can be explained by the obligation of introducing the precise quantitative information about components of raw materials, measured in special doses of weight and volume, when magnitude of measures and weights were established by law.

In the 18th century the macrostructure of recipe was also formed. The texts in the earlier periods contained a great deal of easthetic information, sometimes they could incorporate magical formulars and the author's comments.

Serve fastynge/plommys/damsons/cherries/and grapis to plese; aftur mete/peere/nottys/strawberies, wyneberies, and hardchese... [Roussel: 122].

*Kepe from colde thi feet, thi stomak, & thin heed;
Ete no raw mete, take good hede therto,
Drinke holsum drinke, & feede thee on ligt breed,
& with an appitid from thi mete looke that thou goo.
Lede thi lijf in chastite, thou schalt finde it best so;
Drinke not vpon thi sleep, but do as y thee teche,
And bere no soupe late, ne to drinke myche [Diatorie 1638: 54].*

In the early instructions on cookery fragments of easthetically marked information as well as evaluative utterances (fragments), magical formulas could be noticed. In such texts dating back to the ancient times cooking and eating had been regarded as sacred actions in mythological mentality. The development of the model of the author-addressee relationship influences the further formation of the genre.

The same processes can be observed in the development of the technical suggestions. As the bearer of individual knowledge, the author of earlier texts aspired to expound himself in the most comprehensible and convincing forms. Texts of the seventeenth and eighteenth centuries are marked by superfluous detail, doubling of the components of meaning and frequent repetitions. The norms of language, particularly hyper-syntax, influenced the verbal formation of the texts.

The subsequent development of the texts is noted for its simplification of forms and elimination of the superfluous meaning of the communication. Compare the content-equivalent texts of the eighteenth and twentieth centuries:

To render Paper fire proof

Whether the paper be plain, written or printed on ... dip it in a strong solution of alum water, and then thoroughly dry it. In this state it will be fire proof. This will be readily known by holding a slip, thus prepared, over a candle ... Some paper requires to imbibe more of solution than by a single immersion in which case the dipping and drying must be repeated till it becomes freely saturated. Neither the colour nor the quality of paper will be the least affected by the process, but, on the contrary, improved [C. M.: 561].

Fireproofing

Dissolve 3 oz alum in 1 gallon of water and dip in the solution and dry [C. W.: 57].

The transition from conveying individual to primarily collective knowledge was one of the factors reducing the volume of the text.

In the eighteenth century, the texts of prescriptions and advice were differentiated according to the communicative sphere of their use. This is linked to the development of the medical prescription as an independent genre. The development of the categories of connection and discretion is defined by completely different reasons in comparison with the texts of laws and medical and practical prescriptions. Thus, the development of legal texts was marked by enhancing of cohesion and declining of text segmentation. Practical and medical instructions demonstrate quite the opposite evolutionary tendency, namely, the development of text segmentation means. The presence in Old English functional means of conveying subordinate relationships reflects the presence of the development of hypo-taxis, which achieved its highest point in the early New English period. “The variation, like other forms of verbal repetitions, is the inheritance of that stage of the development of the language at which, as a result of the non-development of syntax unions, i.e. the non-development of abstract thinking, repetition of the word or its synonym was preferred to grammatical subordination requiring use of a union expressing the abstract link between the subjects” [Феокистова 1984: 116]. In texts of Anglo-Romanic origin, one observes a considerable lowering of the role of the conjunction “and” and the “attraction” of a wider spectrum of lexical means of linking predicative clauses, expressing various logical relations in the text.

In the earlier texts the connectors *and*, and *then* are used. In the 16th century the conjunctions *when*, *which*, *that* are widely used. This tendency was followed by another one, namely — by the development of visual segmentation of the texts. Before the 16th century the texts under analysis were not divided into units by means of paragraphing. In the “The Thesaurus Ieronimi” (ed. 1557) we can see paragraphs, but they mark the borders of the thematic units (eg. mixing medical balms). Only in the 18th century modern text structure with inner delimitation (paragraphing) is observed. Graphic discreteness is accompanied by the back development of cohesion:

Such functional elements of cohesion as pleonastic repetition, rhyme, alliteration (which were characteristic of the earlier texts) are not used any more. Thus, cognitive development of the period of rationality influenced the evolution of the text structure. The development of sciences and social progress also contributed to it.

The process of the “person-environment” genre formation of instructive texts is based on the analytical line of development and, as a rule, includes three major stages. The first one can be classified as a latent stage, when genre or the type of the text, corresponding to the modern analogue, does not exist as the isolated one; in other words it does not exist as a structurally formed, and functionally defined text unity.

Genre symbiosis is an archaism for some modern instructive texts which means concretion of texts of different types in the framework of a single structural unity. However, genre incorporation and penetration in the linguistic fabric of the major textual meaning, or blending, genre adhesion in the limits of complete linear text structure, are possible. After that, in the tideway of general phenomenon of genre differentiation, certain text types are carving-out, which means the beginning of the second stage — independent / substantive existence of the text types. This stage is characterized by some functional syncretism and structural indivisibility. In a formative stage, some or other text is accompanied by the development of the text type (typical text model), forming and extending / building up deferential genre characteristics.

References

Гвенцадзе М.А. Коммуникативная лингвистика и типология текста. — Тбилиси, 1986.

Смирнов И.П. Диахроническая трансформация литературных жанров и мотивов // Wiener Slawistischer Almanach / Sanderband 4. N 4. — Wien, 1981.

Феоктистова Н.В. Формирование семантической структуры отвлеченного имени (на материале английского языка). — Л., 1984.

Холл М.П. Энциклопедическое изложение масонской, герметической, каббалистической и розенкрейцеровской символической философии. — Санкт-Петербург, 1994.

Худяков А.А. Теоретическая грамматика английского языка. — М. : Изд-во «Академия», 2005.

A.L.D — The accomplished lady's delight in Preserving, Physich, Beautifying, and Cookery. — London, 1597.

Ancient Laws and Institutes of England. — Vol.1. — L., 1840.

Anderson G.K. The Literature of the Anglo-Saxons. — Princeton, New-Jersey, 1949.

Diatoirie — from Wood. O. An Alphabetical Book of Physical Secrets. L., 1639.

Herbarium — Das Herbarium Apuleii nach einer fruehmillelenglischen Fassung // Anglistische Forschungen. Heft 5./ Hgst.von H.Barberich. — Hedelberg, 1902.

James I, Works. / Ed. of 1616. In 7 Select Statutes & Documents of Elizabeth and James I. — L., 1898.

McDowall D. An Illustrated History of Britain. — Longman Gr. UK, Ltd., 1993.

Pitcairn A. The Works of Dr. Archibald Pitcairn, wherein are Discovered the True Foundation and Principle of the Art of Physic... — L., 1715.

Smith K., Keenan D. English Law. — L., 1983.

The Thesaurus Ieronimi — The Treasure Book of Jeronimus: Thesaurus Ieronimi Philiatri, de Remedies secrettis liber... — L., 1557.

Wyatt A.J. The Threshold of Anglo-Saxon. — Cambridge, 1939.

Т.Я. Кузнецова
г. Архангельск

ВЕРТИКАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ КАК ЯЗЫКОВАЯ УНИВЕРСАЛИЯ?

Вертикальный контекст понимается нами как синтаксическая и текстовая единица, вид сверхфразового единства, определенный на концептуальном, семантическом и синтактико-структурном уровнях. Целью статьи является проследить, есть ли ему соответствие в русском языке, на каких уровнях проявляется и чем выражено.

В основе выделения вертикального контекста лежит положение родоначальника психосистематики Гюстава Гийома о языке как системе, элементы которой представляют собой следы мыслительных операций, сформировавшихся в ходе онтогенеза и постоянно воспроизводимых в речевом акте [Гийом 2004: 51]. Гийом в процессе изучения частей речи в момент их актуализации определил два фактора динамизма: оперативное время и инциденцию. Оперативное время — это время совершения ментальной операции, в результате которой формируется языковая единица. Оно ничтожно мало и не регистрируемо сознанием. Инциденция — это ментальный механизм соотнесения вклада (значения) с его опорой (предметом мысли и /или речи). В зависимости от характера инциденции: внутренней, когда вклад соотносится с опорой внутри одного обозначения, или внешней, когда вклад соотносится с опорой за пределами обозначения, формируются в процессе речевой деятельности либо имена существительные, либо другие части речи. Инциденция, непосредственно действующая между опорой и вкладом, называемая инциденцией I степени, порождает имя существительное, имя прилагательное, глагол. Инциденция, приводящая в соответствие вклад и опору опосредованно, через значения имени прилагательного или глагола, инциденция II степени, формирует наречие. Опора для существительных заложена в языке. Опора для других частей речи может заключаться в любых сущностях речи.

Чтобы отобразить динамику и сложность языковых единиц, Гийом ввел в лингвистику понятие вектора. «Подобно тому, как язык представляет собой динамическое образование и систему систем, так и каждая языковая единица представляет собой динамическое (кинетическое) образование. Она является динамической и на уровне языка, и на уровне речи. Такому представлению языковых единиц помогает идея вектора» [Скрелина 1987: 34]. Векторный анализ осуществляется с использованием ри-

сунков и включает в себя последовательность векторов, отражающих движение мысли, и градуальную декомпозицию движения, так называемые остановки, или перехваты движения. Градуальная декомпозиция отражает коммуникативную установку говорящего, останавливающего развертывание операций при актуализации языковой единицы [Скрелина 1987: 34]. Л.М. Скрелина выдвинула предположение, что упреждающий характер языка, проявляющийся в актуализации слов как частей речи, может проявляться и в актуализации предложений [Skrelina 1980-1981: 89]. В основе порождения предложения находится инциденция между опорой и вкладом. Опора — это элемент, который должен быть объяснен, а вклад — это элемент, который берет на себя эту функцию и дает ответ на вопрос, имплицитно содержащийся в опоре. Как можно заметить, отношения между ментальными элементами, формирующими предложение, подходят на те, которые характеризуют и обуславливают формирование слова. Все же между ними необходимо отметить различие. В противоположность логическому следованию ментальных операций, формирующих слово как часть речи: вклад → референция к опоре, логическая последовательность ментальных операций, формирующих предложение, определяется Л. М. Скрелиной как опора → вклад. Следовательно, на концептуальной схеме инциденция имеет иное направление, что может быть обозначено вектором. Материальным субстратом актуализации предложения является дискурсивное время. В отличие от оперативного времени оно измеримо и осознаваемо как время, в течение которого формируется предложение. Поскольку концептуальная схема показывает соотношение между предложением и высказыванием как предложением в речи, дискурсивное время также включает преддискурсивную составляющую, имеющую отношение к виртуальной схеме [Skrelina 1980-1981: 87]. В преддискурсивном времени актуализация предложения начинается, в дискурсивном времени актуализация предложения заканчивается.

Поскольку ментальные операции, в результате которых образуются морфологические и синтаксические единицы, идентичны, то можно предположить, что сверхфразовая единица языка формируется в результате этих же операций. Подтверждением этому могут служить слова Г.Гийома об однородности ментального механизма как сущности языковых операций: «Основополагающие операции, на которые опирается структура языка, не слишком многочисленны и отнюдь не разнообразны, не обладают излишней сложностью, а, наоборот, малочисленны и в основном максимально вариативны, отличаясь поразительной однородностью» [Гийом 2004: 51]. Применяв положение Л.М. Скрелиной о концептуальной схеме предложения к СФЕ, мы получим следующее графическое представление (Рис. 1):

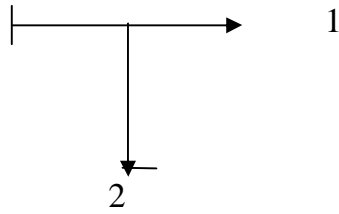

Рис. 1

Направление горизонтального вектора слева направо отражает не только динамизм движения мысли, динамизм самого действия, но интенцию порождающего речь субъекта представить это действие как совершающееся и, наконец, должно завершиться во времени. На горизонтальном векторе отмечена точка, из которой исходит вниз вертикальный вектор. Точка изображает опору вертикального контекста. Она может совпадать либо с опорой первого предложения, либо с элементом его вклада. Направление вертикального вектора отражает интенцию субъекта прекратить развитие действия во времени и после выбора опоры в рамках времени действия первого предложения дать ее вклад (признак). Кроме того, вертикальный вектор показывает направление инциденции, соединяющей признак с опорой, от опоры к признаку. Конфигурация векторов, в которой вертикальный контекст играет определенную роль, позволила назвать этот вид СФЕ вертикальным контекстом. Под вертикальным контекстом мы понимаем рассматриваемый с точки зрения психосистематики вид сверхфразового единства, в котором первое предложение, передающее завершенное действие в цепи других действий, содержит опору, предмет мысли и речи, а последующие предложения выражают признак к опоре. Развитие действия во времени приостанавливается, уступая место разъяснению одного из актантов, который становится опорой. Концептуальная схема вертикального контекста является его означаемым. Означающее вертикального контекста представляет собой универсальную модель (Рис. 2).

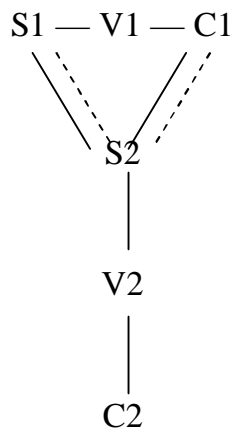

Рис. 2

Универсальная модель вертикального контекста выстроена на основе универсальной модели предложения, принадлежащей Б. Потье: структура $S — V — C$ передает порядок следования во французском предложении его членов: подлежащего S , глагольного сказуемого V и второстепенного члена (прямого либо косвенного дополнения) C . Описание структуры универсальной модели, определение функций ее элементов происходит в соответствии со структурно-функциональной методикой.

Знак равенства между $S1$ и $S2$, $C1$ и $C2$, означающий тождество референции, изображен в первом случае как состоящий из пунктирной и сплошной линий, а во втором — из сплошной и пунктирной. Если второе предложение развертывает признак к опоре, выраженной именем существительным в функции подлежащего, то тождество референции создается обоими подлежащими и обе линии будут пунктирными. Если развертывается признак к опоре, выраженной именем существительным в функции дополнения, то тождество референции создается дополнением первого предложения и подлежащим второго и обе линии будут сплошными. Универсальная модель имеет следующие дифференциальные признаки: определенный порядок слов, тождество референции и синтаксические функции ее элементов, коммуникативную прогрессию и синтаксические функции ее компонентов, а также *passé simple* как время, передающее завершенное действие субъекта в начальном предложении, и имперфект как время, в котором передан признак в предложениях развертывающего фрагмента, выражение $S1$, субъекта, и $C1$, объекта-лица, именем собственным, выражение анафоры личным местоимением *il* [Кузнецова 2007:36]. Методы векторного и структурно-функционального анализа взаимосвязаны и используются для объяснения явления на разных этапах его порождения.

Концептуальная схема и универсальная модель вертикального контекста составляют его инвариант. Инвариант находит конкретизацию в типовых вариантах. Типология вертикального контекста обусловлена характером развертывания признака к опоре и уточнением семантической структуры предложений, формирующих развертывающий фрагмент, в первичных функциях. В зависимости от характера развертывания признака к опоре различаем три типа вертикального контекста: вертикальный контекст с однонаправленным признаком к опоре, формируемый одной семантикой, вертикальный контекст с разнонаправленным признаком к опоре, формируемый разноплановой семантикой, вертикальный контекст с расщеплением опоры на составляющие, каждая из которых получает в развертывающем фрагменте свой признак. Семантическая структура передает ситуацию. Ситуация рассматривается нами в когнитивном аспекте как «совокупность элементов, присутствующих в сознании говорящего в

объективной действительности в момент «сказывания» и обуславливающих в определенной мере отбор языковых элементов при формировании самого высказывания» [Гак 1973: 358]. Ситуация обращена к действительности и одновременно к языку, поскольку он предоставляет средства для ее передачи. Ситуация определяется типом предиката. В пропозиции, логическом корреляте предложения, предикат есть отношение между аргументами. На семантическом уровне предикат понимается как приписывание свойств и отношений актантам. Свойство — это предикат одного актанта. Отношение — предикат нескольких актантов. Число актантов зависит от числа валентностей предиката, формирующего семантическую и синтаксическую структуру предложения.

Семантические типы предложений определяются классификацией предикатов. Различаясь критериями их отнесения к тому или иному классу, существующие классификации сходятся в главном: все они, за небольшим исключением, содержат характеризующие, классифицирующие, идентифицирующие, статальные, реляционные, локальные, акциональные, бытийные предикаты.

На уровне типовых вариантов вертикального контекста используются предложения, в которых предикатам соответствуют простейшие (ядерные) синтаксические типы, структурно-семантические модели. Каждая модель определяет некоторый тип предиката и, используя в речи, реализует свою первичную функцию. Если модель используется для выражения иной содержательной категории, она реализует вторичную функцию, что приводит к усложнению семантико-синтаксической структуры предложения [Гак 2000: 684], а, следовательно, вертикального контекста.

Типовые варианты являются теми посредниками, через которые инвариант в процессе актуализации дает конкретную реализацию.

Первый тип вертикального контекста, с однонаправленным признаком к опоре, формируется в процессе порождения развертыванием одного семантического признака. Если развертывающий фрагмент, выражающий признак, содержит одно предложение, то этот типовой вариант совпадает с инвариантом.

1. *Mouret se planta au bord de la rampe.* 2. *Il dominait le magasin* (E.Zola).

Mouret — опора вертикального контекста. Второе предложение начинается развертывающий фрагмент. Концептуальная схема вертикального контекста близка к инвариантной (см. рис. 1). Предложение развертывающего фрагмента находится с опорой в реляционном отношении. Реляционный предикат передан первичным способом: выражен глаголом *dominer* в третьем лице единственного числа в имперфекте. Тождество референции создается антецедентом *Mouret* и анафорой *il*. Элементы тож-

дства референции находят синтаксическое соответствие в подлежащих. Коммуникативная прогрессия осуществляется по теме каждого из предложений: от первого предложения — *Mouret*, ко второму — *il*. В начальном предложении и в предложении развертывающего фрагмента тема выражена подлежащим.

Универсальная модель вертикального контекста

S1 — V1 — C1

||

S2 — V2 — C2

Рис. 3

Рассмотрим, имеется ли аналог этому типу вертикального контекста в русском языке. Для этого постараемся дать анализ того, какие эквиваленты получают в языке перевода дифференциальные признаки инварианта как языкового знака.

1. Мурэ остановился у перил главного зала. 2. Он видел весь магазин.

Опора вертикального контекста передана в переводе точно. В русском предложении опора Мурэ также является подлежащим и занимает начальную позицию в первом предложении. Сказуемое «остановился» выражено глаголом в прошедшем времени совершенного вида. Обстоятельство места *au bord de la rampe* передано с учетом контекста так, что убрана пресуппозиция, имевшая место в тексте оригинала. Информация о том, что дело происходило у перил главного зала, включена в предложение. Второе предложение составляет развертывающий фрагмент, в котором реляционное предложение оригинала, выражающее местонахождение субъекта *Mouret* по отношению к пространству магазина, передается реляционным предложением, выражающим восприятие. Порядок слов полностью воспроизводит тот, который наблюдается в оригинале. Сказуемое передано глаголом в прошедшем времени несовершенного вида. Тождество референции создается, как в оригинале, именем собственным и личным местоимением: Мурэ, он. Элементы тождества референции, так же как в оригинале, выполняют синтаксические функции подлежащего. Коммуникативная прогрессия развертывается от темы начального предложения к теме второго предложения: T1 → T2. Ее компоненты выражают синтаксические функции подлежащего. Сказуемое в прошедшем времени совершенного вида в первом предложении соответствует *Passé simple* для выражения завершеного действия, имевшего место в прошлом. Сказуемое, выраженное глаголом в прошедшем времени несовершенного вида, во втором предложении соответствует имперфекту, выражающему незавершенное действие в прошлом.

Замечены, однако, образцы вертикального контекста, при переводе которых на русский язык наблюдаются отклонения от дифференциальных признаков универсальной модели оригинала. Это касается случаев, когда в начальном предложении сказуемое выражено глаголом, передающим перемещение субъекта в пространстве: *entrer, sortir, apparaître* и др.

1. *M-me de Marelle entra brusquement.* 2. *Elle était tranquille et gaie* (Guy de Maupassant).

M-me de Marelle — опора вертикального контекста, выраженная подлежащим. Второе предложение формирует развертывающий фрагмент, выражающий характеризующий признак к опоре. Характеризующий предикат передан глагольно-именным аналитическим сказуемым *était tranquille et gaie*. Это первичный способ выражения характеризующего предиката. Сказуемое выражено глаголом в имперфекте.

Тождество референции создается именем собственным *M-me de Marelle* и местоименным субститутом *elle*. Антецедент выступает в синтаксической функции подлежащего. Анафора в предложении развертывающего фрагмента также является подлежащим.

Коммуникативная прогрессия осуществляется от темы начального предложения *M-me de Marelle* к теме второго предложения *elle*. Оба компонента выражены подлежащим.

Как можно заметить, этот образец вертикального контекста почти полностью воспроизводит инвариант, за тем исключением, что предикатив представлен двумя однородными членами. Обратим внимание на перевод.

1. Неожиданно вошла госпожа де Марель. 2. Она была весела и спокойна.

Сохранены форма выражения элементов тождества референции и их синтаксические функции. Выражение сказуемого в первом предложении глаголом в прошедшем времени совершенного вида, а во втором предложении, предложении развертывающего фрагмента, глаголом в прошедшем времени несовершенного вида, эквивалентно соответствующим дифференциальным признакам инварианта вертикального контекста во французском языке. Вместе с тем, наблюдается следующее отступление от оригинала. В начальном предложении прямой порядок слов заменен инверсией: Неожиданно вошла госпожа де Марель. Чем объяснить инверсию в предложениях с глагольным сказуемым, обозначающим перемещение субъекта в пространстве? Языковеды видят в таких предложениях высказывание, выражающее событие, являющееся полностью новым, без дифференциации компонентов актуального членения. Высказывание является рематическим. Следовательно, «госпожа де Марель» - компонент ремы, и коммуникативная прогрессия в этом вертикальном контексте развертывается

от ремы к теме. Соответствия инварианту во французском языке, где коммуникативная прогрессия идет от темы к теме нет.

Можно привести также следующие примеры:

1. La jeune fille apparut [...] dans la vive lumière du portail. 2. Elle avait toujours l'air d'un joujou (Guy de Maupassant). — 1. В дверях, озаренная солнцем, показалась молодая девушка [...]. 2. Она по-прежнему напоминала куклу.

В этом образце вертикального контекста мы видим ту же структуру, что в анализируемом выше примере, за исключением некоторого синтаксического осложнения второго предложения, вызванного препозицией обстоятельства времени по отношению к прямому дополнению. В переводе мы также наблюдаем отступление от прямого порядка слов в начальном предложении, вызванное существующим взглядом на актуальное членение предложений с подобной структурой: все высказывание является ремой. Вследствие этого изменяется коммуникативная прогрессия вертикального контекста: она направлена от ремы к теме.

1. Antoine monta l'escalier. 2. Il distinguait confusément un bruit. (R-M. du Gard).

1. Антуан стал подниматься. 2. Шел он на неясный гул голосов.

Синтаксическая структура предложений в этом вертикальном контексте идентична предыдущей, однако глагольное сказуемое, выражающее перемещение субъекта в пространстве, находится во втором предложении. Это предложение выражает рему. Поэтому инвертированным в переводе становится второе предложение. В результате коммуникативная прогрессия развертывается от темы начального предложения к реме предложения развертывающего фрагмента.

Расхождение между оригинальными образцами вертикального контекста и их переводом находит объяснение в несоответствиях, находящихся на уровне языковых систем.

Рассмотрим еще один пример, когда на воспроизведение дифференциальных признаков оригинального вертикального контекста в русском языке оказывает влияние расхождение между языковыми системами.

1. Soudain elle poussa un cri. 2. Elle n'avait plus sa rivière au cou (Guy de Maupassant).

Elle — опора вертикального контекста, выраженная подлежащим. Второе предложение формирует развертывающий фрагмент, выражающий реляционный признак к опоре. Реляционный предикат передан глагольно-именным аналитическим сказуемым n'avait plus sa rivière. Это первичный способ выражения реляционного предиката. Сказуемое выражено глаголом в имперфекте.

Тождество референции создается личными местоимениями. Антецедент *elle* выступает в синтаксической функции подлежащего. Анафора *elle* в предложении развертывающего фрагмента также является подлежащим. Коммуникативная прогрессия осуществляется от темы начального предложения *elle* к теме второго предложения *elle*. Оба компонента выражены подлежащим. Посмотрим, как эти дифференциальные признаки отражаются в переводе.

1. [...она снимала накидку перед зеркалом, чтобы еще раз увидеть себя во всем блеске]. И вдруг вскрикнула. 2. Ожерелья не было у нее на шее.

Переводчик счел необходимым усилить связь вертикального контекста с предыдущим фрагментом таким образом, чтобы начальное предложение вертикального контекста воспринималось как закономерное продолжение предыдущего. Оно начинается с сочинительного союза «и», маркера этой связи, и является эллиптическим, так как опущено подлежащее, личное местоимение «она», находящееся в пресуппозиции, так как оно заявлено в предыдущем предложении. Желание переводчика придать повествованию более эмоциональный, разговорный характер привело его к решению органично объединить вертикальный контекст с предыдущим фрагментом, следствием чего явился союз «и». Для русского языка характерно избегать повторения местоимений на малом пространстве. Это — текстовой фактор, обуславливающий несоответствие перевода начального предложения его оригиналу. Эллипсис подлежащего — это лингвистический фактор, заключающийся в расхождении двух языковых систем.

Перевод второго предложения заметно отличается от оригинала. Во французском языке существует обозначение субъекта и объекта владения подлежащим и дополнением при сказуемом, переданным глаголом *avoir*. В русском языке отношение собственности выражается сказуемым, переданным глаголом «быть» при субъекте — дополнении и объекте — подлежащим. А в нашем случае, когда глагольное сказуемое выступает в отрицательной форме, при субъекте, выраженном косвенным дополнением — «у нее», объект передан существительным в родительном падеже — «ожерелья». Нарушен порядок слов, на котором держится универсальная модель оригинала вертикального контекста. В результате тождество референции создается имплицитированным именованьем субъекта или его местоименного субститута, также имплицитированного, в первом предложении и косвенным дополнением «у нее» во втором. Коммуникативная прогрессия развертывается иначе, чем в оригинале. Первое предложение является ремой к теме, заданной вне вертикального контекста, а во втором предложении анафора «у нее» входит компонентом в рему «не было у нее

на шее». Таким образом, коммуникативная прогрессия идет от имплицитной темы к реме.

Мы были вынуждены в силу ограниченного объема статьи акцентировать внимание на сопоставлении вертикального контекста во французском языке и его перевода на русский, рассматривая первый типовой вариант. Анализ материала позволяет на вопрос, сформулированный в заголовке статьи, дать следующий ответ: явление вертикального контекста как вида СФЕ релевантно для русского языка на уровне протознака [Худяков 2000]. Можно предположить, что в процессе порождения вертикального контекста как языкового знака концептуальной схеме как словесно невыраженному размытому замыслу соответствует «идея» универсальной модели, аморфное ментальное образование. На следующем этапе формирования вертикального контекста как рече-языкового знака (уровень типового варианта) возможны отклонения в переводе на русский язык дифференциальных признаков инварианта, обусловленные языковыми и текстовыми факторами.

Литература

Гак В.Г. Высказывание и ситуация // Проблемы структурной лингвистики — 1972. — М., 1973. — С. 350-372.

Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. — М. : Добросвет, 2000.

Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. — Изд. 2-е испр. — М. : Едиториал УРСС, 2004.

Кузнецова Т.Я. Вертикальный контекст как вид сверхфразового единства во французском языке (когнитивный аспект). — Архангельск: Архангельский гос. технический ун-т, 2007.

Скрелина Л.М. Грамматическая синонимия. — Л.: Изд-во ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1987.

Худяков А.А. Семиозис простого предложения. — Архангельск: Изд-во Поморского гос. ун-та им. М. В. Ломоносова, 2000.

Skrélina L.M. Le temps opératif et la structure de la phrase // Langage et psychomécanique du langage. — Lille: Presses univ. de Lille; Québec: Presses de l'Univ. Laval, 1980-1981. — P. 87-96.

КОНТРАСТ МЕЖДУ СУПЕР- И МАКРОСТРУКТУРОЙ КАК ФАКТОР ДИСКУРСНОЙ ГЕТЕРОГЕННОСТИ

В центре нашего внимания в настоящей статье находится явление дискурсной гетерогенности текста, отмечавшееся многими исследователями как *интердискурсность* [Чернявская 2003, 2007; Архипов 2005; Link J., Link-Heer 1990; Fairclough 1995], *полидискурсность* [Белоглазова 2007 а, б], *интерференция дискурсов* [Шевченко 2007], *составной дискурс* [Maingueneau 1999]. Сопоставление данных понятий не входит в наши задачи в рамках настоящей статьи. Для нас существенно то, что все указанные авторы, так или иначе, констатируют неомогенность дискурсной структуры текста, который может сочетать элементы разных дискурсов.

Отдавая себе отчет в многозначности термина *дискурс*, мы считаем необходимым уточнить собственное понимание, которое мы разделяем с Ю.С. Степановым, определявшим дискурс как «особое использование языка (...) для выражения особой ментальности (...), также особой идеологии; особое использование влечет активизацию некоторых черт языка и, в конечном счете, особую грамматику и особые правила лексики» [Степанов 1995: 38].

Согласно приведенному выше определению, дискурс представляет собой двухуровневую структуру, на глубинном уровне которой находится «ментальность», а на поверхностном уровне — ее языковое выражение. Т. ван Дейк, предлагая сходное описание структуры дискурса, использует термины *макроструктура* и *суперструктура* [Ван Дейк 1998]. Таким образом, дискурс предстает перед нами как единство содержания — знаний дискурсантов о некотором фрагменте действительности, и формы — языковых средств, служащих для вербализации этих знаний.

Дискурсная гетерогенность, представляя собой столкновение, взаимодействие и взаимопроникновение дискурсов, материализуется в текстах посредством системы маркеров, представляющих собой языковые средства, типичные для сигнализируемого дискурса. При этом, эти сигналы могут относиться как к содержательному, так и к формальному плану дискурса. В первом случае сигналами выступают ядерные концепты дискурса, вербализуемые обычно соответствующей лексикой, или однозначно выводимые из заложенных в тексте когнитивных структур. Сигналами же, отсылающими к суперструктуре дискурса, являются, преимущественно, явления грамматики — на уровне слова (модели словообразования), пред-

ложения (синтаксические обороты) и текста (текстотипологические характеристики).

Как и интертекстуальность, дискурсная гетерогенность является родовым понятием, объединяющим различные типы отношений, в которые могут вступать дискурсы. В совокупности типов междискурсных отношений можно выделить две группы по критерию уровня дискурса, на который приходится «шов» между дискурсами (термин В.Е. Чернявской). В первую включаются отношения, маркируемые преимущественно суперструктурно; а во вторую — те, в которых сигналы диалога выявляются в основном на уровне макроструктуры дискурса.

Находящийся в фокусе нашего внимания тип междискурсных отношений не попадает ни в одну из указанных групп, т.к. основывается на рассогласовании суперструктуры, характерной для одного дискурса, и макроструктуры, относящейся к другому дискурсу.

В качестве примера можно привести целую главу из романа Н. Джастера «Мило и его волшебная будка». Вот выдежки из нее:

E.g. On its side in enormous white letters bordered in black was the inscription **KAKOFONOUS A. DISCHORD**, and below in slightly smaller black letters bordered in white was *DOCTOR OF DISSONANCE*.

"That's right; now let's have a look at you," he said. "T-T-T-T-T-T. Very bad, very bad; a serious case." [...]

"Now, step a little closer and stick out your tongues."

"Just as I suspected," he continued, opening a large dusty book and thumbing through the pages. "You're suffering from a **severe lack of noise**." (Juster)⁸

Прежде всего, дискурсная гетерогенность намечена в табличке на двери — такие элементы, как **KAKOFONOUS**, **DISCHORD**, **DISSONANCE** относятся к акустическому дискурсу, а **DOCTOR** можно рассмотреть как концепт медицинского дискурса. Но это слабый намек, поскольку лексика, сигнализирующая акустический дискурс обречена на неизвестность адресату произведения (ребенку), а медицинский дискурс представлен единственным и неоднозначным сигналом, чего попросту недостаточно.

Но следующий фрагмент уже однозначно относит нас своей суперструктурой к медицинскому дискурсу, вызывая прямые ассоциации с концептами *медосмотр*, *симптом*, *диагноз*.

Это предположение подкрепляется далее, при требовании показать язык. Кульминацией является момент формулирования диагноза, *который* начисто опрокидывает всю выстроившуюся логику — нет такой болезни

⁸ Элементы акустического дискурса выделены нами жирным шрифтом, а медицинского — курсивом.

как *severe lack of noise* (недостаток шума в тяжелой форме). Шум же возвращает нас к указанным выше макроструктурным сигналам KAKOFONOUS, DISCHORD, DISSONANCE.

В том же произведении находим и следующий пример:

E.g. "I thank you very much," said Faintly Macabre. "You may call me Aunt Faintly. **Here, have a punctuation mark.**" (Juster)

Данный пример невозможно понять вне контекста романа, действие которого разворачивается в городе-государстве Диктионополисе (букв. Город-Словарь), основной ценностью в котором являются слова, буквы и прочие элементы и атрибуты, связанные с языком и речью. Именно поэтому пожилая дама Фейнтли Макабр «угощает» Мило знаком пунктуации. Фраза, вложенная в уста персонажа в высшей степени стандартна и типична для ситуации общения взрослого с ребенком. Однако на месте *cookie, candy*, которые напрашиваются исходя из ситуации коммуникации и начала фразы, оказывается инодискурсный элемент — *punctuation mark* (знак препинания).

В рассказе Э. Несбит «The Book of Beasts» концепт *King*, относящийся к социальному дискурсу, последовательно входит в противоречие с суперструктурой бытового дискурса:

E.g. "Good-bye, ducky," said Nurse. "**Be a good little King now**, and say 'please' and 'thank you,' and remember to pass the cake to the little girls, and don't have more than two helps of anything." (Nesbit)

The Chancellor said, "**Don't be a silly little King.**" (Nesbit)

And the Chancellor gave the King a good shaking, and said: "**You're a naughty, disobedient little King!**" (Nesbit)

В приведенных примерах *King* стоит в типичном для бытового дискурса обороте, употребляемом взрослым по отношению к ребенку, на месте обычного *boy/girl*. К какому бы из своих потенциальных дискурсов не относилась данная лексема, она вступает в конфликт с чуждой ей суперструктурой, порождая эффект обманутого ожидания, лежащий в основе юмора.

В заключение мы хотели бы подчеркнуть следующие существенные моменты.

Во-первых, дискурсная гетерогенность, являясь свойством художественной литературы в целом, присутствует и в текстах литературы для детей, несмотря на то, что она неизменно осложняет процесс интерпретации текста и без того нелегкий для начинающего читателя.

Во-вторых, очевидно, что дискурсы могут вступать в разные типы отношений, т.е. речь идет о целом ряде диалогических явлений на уровне дискурса.

В-третьих, сигналы такого диалога могут располагаться на обоих уровнях структуры дискурса. И нам показался интересным случай конфликта суперструктуры одного дискурса с инодискурсными макроструктурными элементами.

Литература

Архипов И.К. Полифония мира, текст и одиночество познающего сознания // *Studia linguistica: Когнитивные и коммуникативные функции языка*. Вып. 13. — СПб. : РГПУ им. А.И. Герцена, 2005. — С. 7-18.

Белоглазова Е.В. Роль идеологии в структурировании полидискурса детской художественной литературы // *Лингвистика текста и дискурсивный анализ: традиции и перспективы: Сборник научных статей* / Отв. ред. В.Е. Чернявская. — СПб: Изд-во СПбГУЭФ, 2007. — С. 92-105.

Белоглазова Е.В. Полидискурс в системе коммуникативной иерархии: к определению понятий // *Стереотипность и творчество в тексте: Межвуз. сб. науч. трудов* / Под ред. М.П. Котюровой. Вып. 11. Пермь, 2007. — С. 222-230

Ван Дейк Т.А. Анализ новостей как дискурса // *Язык. Познание. Коммуникация: сб. работ* / Т.А. ван Дейк; составление В.В. Петрова ; пер. с англ. яз. под ред. В.И. Герасимова. — Москва: Прогресс, 1989. — С. 111-160.

Степанов Ю.С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // *Язык и наука конца XX века: Сб. ст.* / Под ред. Ю.С. Степанова. — М. : Ин-т языкознания РАН, Рос. гос. гуман. ун-т, 1995. — С. 35-73.

Чернявская В.Е. Интертекстуальность и интердискурсивность // *Текст — Дискурс — Стил. Коммуникации в экономике: Сб. науч. ст.* / Отв. ред. В.Е. Чернявская. СПб: Изд-во СПбГУЭФ, 2003. — С. 23-42.

Чернявская В.Е. Открытый текст и открытый дискурс: интертекстуальность — дискурсивность — интердискурсивность // *Стил-6* / Отв. ред. М. Симич. — Београд, 2007. — С. 11-26.

Шевченко В.Д. Интерференция ораторского и публицистического дискурсов // *Система языка и дискурс: междунар. сб. науч. ст.* / отв. ред. С.И. Дубинин. — Самара: Изд-во Самарского университета, 2007. — С. 91-103.

Fairclough N. *Media discourse*. — London: Edward Arnold, 1995.

Link J., Link-Heer U. Diskurs / Interdiskurs und Literaturanalyse // *Zeitschrift für Literaturwissenschaft und Linguistik* 20, 1990. — S. 88-99.

Mainueneau D. Analyzing self-constituting discourses // *Discourse studies*, Londres, Sage Publications, vol. 1(2), mai 1999. — P. 175-199.

*И.Ф. Янушкевич
г. Волгоград*

ДИНАМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СЕМИОСФЕРЕ АНГЛОСАКСОНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Период англосаксонской истории с V по XI в. предстает как эпоха глубочайших преобразований и наиболее значимых процессов развития этноса, которые повлияли на формирование картины мира англосаксов и ее лингвосемиотическую репрезентацию. Существенным признаком рассматриваемой эпохи являются динамические преобразования знаков в концептосфере англосаксонской лингвокультуры.

В обществе одновременно сосуществуют множество знаковых систем, ни одна из которых, взятая в отдельности, фактически не может выступать в роли смыслового генератора. Только в ситуации семиотического многоязычия возможен диалог как механизм смыслопорождения. И сами системы функционируют и развиваются, лишь будучи погружены в некий семиотический континуум, заполненный разнотипными и находящимися на разном уровне организации семиотическими образованиями, поэтому исследование знаков должно принимать во внимание не только чисто семиотические системы, каковой представляется язык, но также и прикладные семиотические структуры, такие, как, например, архитектура, одежда или питание [Якобсон 2005: 139]. Структурная неоднородность семиотического пространства образует резервы динамических процессов и является одним из механизмов выработки новой информации внутри сферы [Лотман 1984: 10-11].

Операции, которые человек осуществляет над знаками — вербальными и невербальными, — есть, по сути, динамичное творчество как в отношении самой действительности, социума в целом, так и в отношении языка. Процесс знакообразования, являясь процессом динамической природы, может быть отслежен исключительно средствами диахронического исследования; это означает, что лингвосемиотическая картина мира в значительной степени представляет для исследователя исторический интерес, поскольку она отражает состояние восприятия действительности, сложившееся в прошлые периоды развития языка в обществе.

По данным, предоставляемым этимологией знака, его значения и смысла, можно достоверно судить о том, как формировались современные представления этноса о мире, как складывалась актуальная концептосфера того или иного народа. По словам Ф. де Соссюра, любое данное состояние языка всегда есть продукт исторических факторов [Соссюр 1974: 105]. Знаки, осваиваемые на основе общественного и культурного опыта, вклю-

чаются в процесс концептуализации, тем самым формируя культурно-историческое пространство этноса. Этноистория — культурная и социальная — осуществляет трансформацию национальной семиосферы, сопровождаемую динамическими изменениями концептосферы и расширением / сужением семантики её номинантов; перечисленные процессы тесно связаны с динамикой образов членов этноса по отдельности и всего сообщества в целом, которые формируют лингвосемиотическое пространство своего бытия.

В связи с этим, по замечанию Ю.М. Лотмана, средневековые культурные тексты представляют особый интерес как обладающие высокой степенью семиотической насыщенности [Лотман 2004: 30]. Невербальные поведенческие и артефактные знаки как репрезентанты культурной семиосферы являются частью слагаемых лингвосемиотической картины мира, а появление знака в тексте, в свою очередь, транслирует значение слова в визуальные, физические, материальные репрезентации факта, чувства, действия, события.

Как нам представляется, динамика процесса становления лингвокультуры может быть описана с позиций диахронически обусловленного лингвосемиотического подхода к трансформации концептосферы этноса, связанной с изменением языкового знака в ходе истории этносоциума. Этнос оказывается в ситуации, когда жизненно важные потребности заставляют членов социума анализировать и оценивать окружающий мир, тем самым приобретая культурный опыт, который в ходе истории этого социума изменяется, трансформируется и накапливается.

Важно подчеркнуть, что концептуализация сознания, развертываясь в диахронии, постепенно приобретает вид информационного потока, в котором происходит эволюция взглядов, мировоззрения в целом: концепты мультиплицируются, их фреймы расширяются, захватывая новое знание, отображаясь в новых знаках. Этот эволюционный процесс сопровождается лингвистической поддержкой: события, действия, состояния, процессы получают вербализацию, номинируются, т.е. оязыковляются, приобретают семантику.

Поток номинаций, обогащение словарного состава национального языка, внесение изменений в семиотическую картину мира его носителей вследствие смены поколений, исторических формаций, научной и религиозной картин мира, обогащения образного мышления нации, ее экономического развития и других причин инициируют процессы семиотизации бытия и формирования лингвокультуры.

Знаки — уже апробированные в лингвокультуре и новые, приобретенные в результате контакта другими лингвокультурами или рожденные внутри самой лингвокультуры, — постоянно взаимодействуют с дискур-

сами: любой факт трансформации знаковой сферы лингвокультуры отражается в тексте или ином языковом (речевом) продукте. Формирование и дальнейшая эволюция национальной лингвосемиотики образа мира всегда осуществляется через семиотические процессы, базовым содержанием которых является трансформация знаков лингвокультуры.

Согласно Ф. де Соссюру, знак можно описывать двумя способами: как систему, изменяющуюся во времени (диахрония), и как моментальный снимок неизменной системы (синхрония). В диахронии знак тяготеет к символу, который всегда не до конца произволен. В символе есть рудимент естественной связи между означающим и означаемым. В диахронии знак соотнесен с обозначаемой реальностью и с самим собой на временной оси. На этой оси он подвержен предметной мотивации, которая, в свою очередь, подвержена действию различных исторических факторов. Каковы бы ни были факторы изменения, действуют ли они изолированно или в сочетании друг с другом, они всегда приводят к сдвигу отношения между означаемым и означающим [Соссюр 1974: 109].

Ю.М. Лотман и Б.А. Успенский предположили, что динамика семиотических компонентов культуры связана с динамикой социальной жизни общества: с развитием социума знак не остается неизменным [Лотман 2004: 498]. На развитие англосаксонского социума повлиял ряд причин, включающий, во-первых, столкновение культур в результате нашествий чужих племен и, во-вторых, внутрисоциумные процессы. К такого рода процессам относятся переход от родоплеменных отношений к феодальным и становление, вследствие этого, институциональности в разных сферах бытия, рост абсолютной власти и правовых отношений, принятие христианства и вытеснение язычества, оформление городов и развитие ремесел.

Языковой знак, как представитель сложной семиотической системы, также подвергается изменениям. Ю.М. Лотман, подчеркивая динамический аспект языка как семиотической системы, считал, что язык вообще — это код плюс его история [Лотман 2004: 13]. Знакообразование имеет лавинообразную природу, когда с ходом истории знаки не сменяют друг друга, а приобретают большое количество других значений-аналогов. Семантические изменения в означающем — это механизм, регулирующий переход языкового знака в новое качество, т.е. процесс динамического изменения знака.

Представляется, что динамические процессы в семиосфере англосаксонской культуры можно описать как имевшие место:

(1) в пределах одного (языкового) кода; к таковым относятся процессы формирования новых знаков, развития поливалентности знака и выборочное усложнение знака (знаков);

(2) между семиотическими кодами в пределах одной (англосаксонской) культуры; к таковым относятся процессы репликации и компенсации знаков.

Рассмотрим эти процессы подробнее.

1) Формирование новых знаков. Основной причиной появления новых слов, дифференциации уже существующих в языке значений и слов, изменения в смысловых соотносительных связях последних являются те растущие потребности общества, которые возникают с каждой новой эпохой, с каждым новым культурно-историческим событием в жизни народа.

Язык, выполняя свою основную функцию средства общения, перестраивается, дифференцируется и уточняется с тем, чтобы более адекватно отразить, воспроизвести и закрепить новые идеи и понятия в соответствующих словесных знаках. Например, возникновение новых концептов в сфере общественно-экономической жизни вызывало необходимость в их вербализации, таким образом, появились новые номинации. Так, возникновение понятий «общинная земля» и «книжная земля» (земля, дарованная королем и занесенная в соответствующую книгу) потребовало новых номинаций *gemotland* и *bocland* (здесь и далее примеры приведены по древнеанглийскому словарю [Hall 1991]), соответственно, хотя прежде слово *land* «земля» не требовало уточнения, поскольку земля была в общинном пользовании.

2) Развитие поливалентности знака. Знаки могут быть связаны с несколькими означаемыми одновременно. Понятие поливалентности отражает результат приобретения знаком нового значения при сохранении его прежнего значения. Такое наслоение значений в знаке может появиться в результате его использования в длительном временном континууме (когда знак аккумулирует значения во времени) либо при его транспонировании в новый контекст, где знак начинает развивать дополнительные значения.

Р. Барт считал такой процесс циклическим и характерным для особенно важных знаков-символов, в которых развитие новых значений лишь увеличивает значимость символа [Barthes 1973: 182]. Примерами поливалентных языковых знаков в англосаксонской культуре можно считать слова *hláford* (*m* lord, master, ruler; husband; the Lord, God) и *hláfdige* (*f* mistress (over servants); lady, queen; the Virgin Mary), в которых наслоение значений очевидно. Диахронически первыми означаемыми обоих знаков были члены семьи, по своей значимости занимавшие первые позиции в семье (*husband* и *mistress over servants* — «хозяин» и «хозяйка»). С развитием социума и появлением «большой семьи» — клана — знак *hláford* приобрел дополнительное значение «главный человек, который направляет жизнь рода» (*master, ruler*), а затем, с появлением социальных классов, и значение «хозяин поместья, главорд, лорд» (*hláfdige*, соответственно, —

«леди», «жена лорда»). С развитием христианства, которое постепенно охватило весь социум, знаку *hláford* стало приписываться еще одно значение: «Господь Бог» как «глава рода человеческого (христианского)», а *hláfdige* — Богородица, Дева Мария. В таком виде поливалентные знаки *hláford* и *hláfdige* зафиксированы в древнеанглийском словаре.

3) Выборочное усложнение знака (знаков) подразумевает развитие и усложнение одного или двух видов знаков при игнорировании всех остальных, которые передают информацию о том же явлении культуры. Примером такого вида изменения можно считать динамические процессы в семиозисе глуттонии: в диахронии наблюдается усложнение отдельных систем знаков.

Так, в период от раннего Средневековья к позднему (XV в.) усложнилась система знаков-глуттонимов и знаков-процессивов, при слабом развитии знаков-квалификативов и почти полном игнорировании знаков-инструментативов (названные знаки денотируют продукты, процессы их обработки, признаки пищи, инструменты для обработки пищи, соответственно). При переходе от Средневековья к современности система знаков-инструментативов стала усложняться, семиотически маркируя динамику когнитивных процессов в менталитете нации.

4) Репликация подразумевает, что разные коды сближаются для обозначения одного явления, иными словами, если один код детально разработан, то и другой тяготеет к такой же детализации.

Например, в сфере профессиональной деятельности представлены многочисленные знаки, денотирующие субъекты, объекты, процессы, инструменты и другие явления, связанные с кузнечным делом. Особенно детально репрезентированы знаки-процессивы, означающие процесс кузнечного дела, и знаки-инструментативы, означающие инструменты, применяемые кузнецом в своей профессии. Совокупность процессов и инструментов, обозначенных соответствующими знаками, почти полностью соответствует процессам и оборудованию современного производства металлообработки. Однако в англосаксонской культуре раннего Средневековья кузнец воспринимался не только как ремесленник, но и как мифологический персонаж: считалось, что кузнец ведет происхождение от колдунов, обладает магическим знанием и может выковать волшебный меч для героя-воина. Поэтому лингвосемиотика кузнечного дела широко поддерживалась семиотикой других сфер, в частности, визуальными знаками в манускриптах и знаками-артефактами в погребениях, передающими информацию о сакральном статусе кузнеца.

Другим примером репликации может служить семиотика статуса воина в героической поэзии: чем многочисленнее и сложнее языковые знаки, означивающие высокий статус героя, тем семиотически разнооб-

разнее маркировано его оружие — не только знаками, денотирующими изысканный орнамент и особый материал, из которого изготовлено оружие, но часто и ономастическими знаками, представляющими собственное имя меча и выкованное на нем имя мастера⁹, что в совокупности резко выделяло владельца такого оружия из среды его соплеменников. Еще одним примером может быть семиотическое усложнение процесса репрезентации духовных идей христианства: с развитием письменности (преимущественно на материале духовных книг, переписываемых монастырскими писцами) развивался код живописи, используемый в украшении божественных книг; так, Евангелие из Линдисфарна отмечено яркими красками, сложными мотивами росписи, представляющими собой смешение германского, ирландского и византийского стилей, искусно выписанными инициалами, вставками из драгоценных камней [Bragg 2003: 12].

Знаки живописи были призваны поддержать языковые знаки в целях привлечения интереса народных масс к новому христианскому учению. Очевидно, что словесный и иконический язык (рисованных изображений) не изоморфны друг другу, но каждый из них, в разных отношениях, изоморфен внесемиотическому миру реальности, отображением которого они являются.

5) При компенсации увеличенная детализация знаков в одном коде подразумевает уменьшенную детализацию в другом. Примером может служить семиотика сакральной сферы англосаксонской культуры. В период раннего Средневековья совершился переход от язычества к христианству, однако христианство развивалось двояким путем: часть населения приобщилась кельтской церкви, другая часть — римской католической.

Учитывая, что лингвистическая составляющая семиотического кода этой сферы была примерно одинакова в обеих церковных традициях (молитвы, псалмы, проповеди, тексты Священного писания), семиотический код сакрального ритуала кельтской церкви был гораздо лаконичнее и аскетичнее. Преследуя прагматическую цель распространения римской католической традиции на возможно большие территории, римская католическая церковь значительно расширила палитру семиотических средств христианского богослужения, что выразилось, во-первых, в привлечении разнообразных сакральных артефактов, во-вторых, в использовании визуального компонента воздействия при помощи изображения Иисуса Хри-

⁹ «Суть этого ономатетического акта в том, что весь материальный состав мира оказался как бы *з н а к о в о* (выделено автором. — И.Я.) продублированным: имя удвоило и усилило его, обозначив в каждой вещи некое внутреннее место, предназначенное для помещения в нем образа этой вещи. Появление имени вещи означает, что теперь она имеет не только свой объем, но и свое значение-смысл, которое хотя и связано с вещью, в идеале не ею определяется, а тем именем, которое вторично (на эмпирическом уровне, по крайней мере) по отношению к вещи» [Топоров 2004: 379].

ста, его апостолов и многочисленных святых, в-третьих, в поддержке сакрального ритуала сцентальным компонентом, обеспечиваемым использованием ароматических веществ и курением благовоний.

Из сказанного следует, что римская католическая церковь усиливала свое влияние путем компенсирования единообразия содержания богослужения за счет пышности и торжественности ее формы, обеспечиваемой знаками нелингвистической части семиосферы.

Очевидно, что динамические изменения знаков в процессе развития лингвокогнитивной деятельности человека связаны с процессами познания окружающего внешнего и его собственного внутреннего мира, с пересмотром изначальных понятий, концептуализацией и перекатегоризацией знаний, закрепленных в языковых знаках.

Речемыслительные акты обобщения и детализации, конкретизации, дифференциации, познание нового через сопоставление с уже известным, выражение этнокультурным сообществом отношения к денотату в полной мере могут быть использованы в описании древних лингвокультурных сообществ, реализующих эти когнитивные процессы в конкретных языковых процессах, отражающих диахроническую динамику лингвосемиотических изменений.

Литература

Лотман Ю.М. Семиосфера. — СПб. : Искусство, 2004.

Соссюр Ф., де. Труды по языкознанию. — М.: Прогресс, 1977.

Топоров В.Н. Имя как фактор культуры // Топоров В.Н. Исследования по этимологии и семантике. — М. : Языки славянской культуры, 2004. — Т. 1. — С. 372-383.

Якобсон Р. Язык в отношении к другим системам коммуникации // Семиотика. Хрестоматия / отв. ред. Л.Л. Федорова. — М. : Изд-во Ипполитова, 2005. — С. 133-144.

Barthes R. The Tour Eiffel // J.Brian and R.Sauer (eds.). Structures implicit and explicit. — Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 1973. — P. 163-184.

Bragg M. The Adventure of English: 500 AD to 2000. The Biography of A Language. — London : Sceptre, 2003.

Hall J.R.C. A Concise Anglo-Saxon Dictionary. — Toronto : University of Toronto Press, 1991.

О.И. Хайрулина
г. Санкт-Петербург

**ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ВРЕМЕНИ И
МИФОЛОГИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ**
(на материале эпической поэмы «БЕОВУЛЬФ»)

Время и его лингвистическое отображение есть физическая характеристика мира, описываемая как составляющая пространственно-временного континуума или хронотоп (топохронос). Такая характеристика мира не воспринимается человеческим сознанием, как требующая особого внимания и принимается как данность, т.к. для сознания человека не важны время и пространство как данность, но пространственно-временные характеристики вещей [Никитин 2003: 18]. Для исследования времени в области лингвистики важны следующие позиции:

1) картины и модели топохроноса в базисном ментальном мире, на основе которого строятся все фантазийные и игровые миры сознания;

2) субъективно-оценочное переживание и впечатление от мира на уровне топохроноса;

3) способы репрезентации топохроноса для другого сознания, содержания и структуре объективного топохроноса, преобразованного в субъективный хронотоп сообразно условиям, целям и задачам коммуникации.

Время как характеристика мира и его выражение в языке эпической поэмы, согласно теории М.И. Стеблина-Каменского, рассматривается в двух аспектах, как время реальное (историческое) и время литературное (являющееся созданием автора литературного произведения). Однако ни первый из них, ни второй не может быть соотнесен с древней литературой. В данном случае «синкретичность» есть понятие, лежащее в основе процесса описания времени в эпическом произведении. Все описываемое «было синкретической правдой, т.е. принималось за действительно происшедшее в прошлом и тем самым относилось в реальное историческое время» [Стеблин-Каменский 1984]. Описываемые события были тем менее правдоподобны, чем более отдалены от момента рассказа: «Господство сверхъестественного, фантастического, сказочного делает возможным вневременность повествования, отсутствие вообще какой-либо локализации во времени» [там же].

В целом, исследователи рассматривают категорию темпоральности в эпосе, выделяя три основных аспекта. Эти аспекты включают в себя повествовательное, сюжетное и эпохальное времена. Б.Н. Путилов говорит о категории эпического времени как о художественном феномене, являю-

щемся одной из жанровых вариаций фольклорного времени, а последнее условно, т.к. для него характерна тесная связь с иррациональным, переплетение фантастики и реальности [Путилов 1988: 33]. В данном случае следует оговориться, что фольклорное время имеет такие особенности лишь при рациональном рассмотрении, основанном на известных и современных нам физических законах, для тех же, кто живет в мире «фольклорного» времени нет деления на рациональное и иррациональное.

Что касается истинного соотношения времен в объективной действительности, то Л.Н. Гумилев, описывая соотношение различных систем исчисления времени, упоминает, что для народов нехарактерны и, пожалуй, неважны астрономически точные временные отрезки, скорее, все коллективно живущие виды отмеряют время на популяционном уровне. На начальной фазе этногенеза этнос развивается не в биологическом, а в историческом времени. В теории Гумилева этот период соотносится с появлением пассионарной личности. Историческое время дискретно [Гумилев 2000: 767], поэтому нет ничего удивительного в том, что во второй части поэмы, действие которой отделено от первой 50 годами, Беовульф даже через такое длительное время еще настолько могуч, что может победить дракона¹⁰.

Согласно данным энциклопедии «Мифы народов мира», мифологическое время — «правремя» — предшествует историческому линейному, «профанному» времени. В мифическое время происходило создание мира. Это время первопредметов, перводействий, первотворения. В силу некоторых особенностей мифологического мышления (сведение причинно-следственного процесса к материальной метаморфозе в рамках индивидуального события, сущности вещи — к ее происхождению) объяснение устройства вещи тождественно рассказу о том, как она делалась, равно как описание эмпирического мира — то же самое, что изложение истории его первотворения. Таким образом, мифические прасобытия оказываются «кирпичиками» мифической модели мира» [Мифы народов мира 1997: 250]. Мифическая модель времени видится как дихотомия: начальное время — эмпирическое время и имеет линейный характер, однако, постепенно дополняется другой моделью и приобретает цикличность. Этому процессу способствуют традиции, обряды и поверья. Например, в мифологиях многих народов солнце, олицетворенное богом или магическим существом, каждое утро рождается заново и каждый вечер умирает. Или, например, в скандинавской мифологии в конце мира, после Рагнарека, мир не перестанет существовать как таковой, но переродится в новый мир, где все начнется заново [Мифы народов мира 1997: 252].

¹⁰ С бытующей в настоящее время точки зрения малочисленный народ данов 12 лет терпел еженощные набеги Гренделя, уносившего взрослых дееспособных мужчин.

В эпосе все происходит по-иному: здесь уже нельзя говорить о мифическом времени, поскольку в эпическом произведении мир описывается уже таким, каков он на момент создания произведения, и не исключается фактор коллективного творчества, где каждый из передающих поэму добавлял в нее нечто свое, то время действия в эпосе «обновляется». Здесь уже появляется реальный король Беов, и Хальфдан, здесь даны и геаты, а не прагерманские племена. Однако миф является первоисточником и создает фоновый денотат текста. В этом смысле поэма «Беовульф» тем более интересна, что здесь создается словно двойной фон из наложившихся друг на друга христианской мифологии, где Грендель — потомок Каина и олицетворяет осознанное зло, и мифологии германцев, где Грендель — хаотическое зло, существо хтоническое. Так или иначе, налицо здесь противопоставление добра и зла, причем обе формы абсолютны. В Беовульфе все положительно, весь образ представляет собой идеал, пример для подражания, в Гренделе же — все отрицательно. Это древнейший мифический мотив состязания добра и зла.

Время мифическое — это время «Золотого века», то есть того периода, который фактически является фоном в эпической поэзии, это именно на него наслаивается «реальная жизнь». В «золотом веке» правит мудрый и справедливый Беов. Золотой век — время постройки зала Хеорот, время славных пиров. С точки зрения мифа время не отмеряется, как сегодня, физической величиной дней, его словно бы нельзя измерить. Мифический золотой век всегда отдален, недостижим и идеален, но, в то же время, он — фон для развертывания событий. Так, действие поэмы «Беовульф» разворачивается на фоне конфликта между датским кланом Скильдингов и шведским кланом Скильвингов. Хальфдан выдает дочь за врага, надеясь примириться, но вместе с любовью к жене у Онелы проходит и желание жить в мире, так в ходе военных конфликтов Беовульф становится конунгом. События реальной истории, создающие фон для повествования, переплетаются с событиями мифическими, которые выходят на первый план. Поэтому можно предположить, что исторический фон изменялся со сменой фона религиозного и мировоззренческого. В записанной поэме еще чувствуются остатки языческого мировидения, но все равно, ссылки делаются на христианство. О Боге говорится эвфемистично, нет ссылок на святых, есть лишь на Библейскую ветхозаветную историю о Каине и Авеле, причем и эта история тесно переплетается с языческим бестиарием (например, стр. 107: *in Caines synne* в роду Каиновом [предлог; и.с. а-основа, ед.ч., р.п.; и.с. ја-основа, ср.р., ед.ч., дат.п.], и в той же строке *þone swealm gewræc éce drihten* за то убийство отомстил Вечный Господь [местоимение *se*, в.п.; и.с. в.п., ед.ч.; *wrecan* сн.гл. 5 ряда, изъяв.вит.накл., пр.вр. ед.ч.; и.прилаг.; и.с. м.р., а-основа, ед.ч., и.п.]). Время и

пространство в эпической поэме «Беовульф» не обозначаются конкретно: ни годы, ни дни недели, ни часы. Обозначается лишь ночь (стр. 126: *on úhtan* [предлог; и.с., м.р., п-основа, ед.ч., д.п.] перед рассветом; стр. 421: *nihtes* ночью [и.с., основы на согласный, ж.р., ед.ч., р.п.]; стр. 517: *seofon niht swuncon* семь ночей работали [и.ч.; и.с., основы на согласный, ж.р., ед.ч., в.п.; изъявит. накл. сн. гл. 3 ряда *swincan* пр. вр., мн.ч.], стр. 527: *nihtlongne fyrst* время протяженностью в ночь [сложное и.прилаг. и.с., основы на согласный, ж.р.+ и.прилаг, сн. склонение; и.с. м.р. i-основы, ед.ч., в.п.], etc.) и день (стр. 1495: *Ðá wæs hwil dægес* то была часть дня (врем. союз; супплет. гл. *beon* изъяв накл, пр. вр. ед.ч.; и.с. ж.р. i-основа, ед.ч. и.п.; и.с., м.р. а-основа, ед. ч., р.п.; стр. 1 *in geardagum* в былые дни (букв. В дни лет [предлог; сложное и.с., состоящее из и.с. ср.р. а-основа *gear* + ед.ч. и.с., м.р. а-основа ед.ч., д.п.]). Пример стр. 1599 *Ðá cóm nón dægес* [врем. союз; изъяв.накл, пр.вр от сн.гл. 4 ряда *cuman*, ед. ч.; имя числительное, порядковое; и.с., м.р. а-снова, ед. ч., р.п.] *вот настало 3 часа дня* является единственным, когда было обозначено конкретное время (3 часа пополудни, измерялось согласно церковным службам), однако такое исключение только подтверждает закономерность отсутствия конкретных временных показателей в тексте, более того, является свидетельством эклектичности христианского и языческого в сознании автора, который, вероятно, добавил такое подробное обозначение от себя. Так не обозначаются ни религия, ни святые.

Сама структура текста отражает двойственность времени, царившую в головах людей эпической эпохи. М.И. Стеблин-Каменский обозначает такое явление термином «рассказанное время», говоря, что оно «как бы разрезается на куски, а потом собирается в произвольном порядке в соответствии с художественными целями» [Стеблин-Каменский 1984]. Автор ссылается на события, происходившие в 4 и 6 веках, не отмечая временной удаленности. В левых полустроках содержится эпическое время, время как миф, время как картина (выражено это именными структурами), в правой же части — содержится непосредственно динамическое действие, которое невозможно без физического времени:

réoc ond réþe ond on ræste genam (122)

дикий и жестокий и от остатка (их) схватил

þritig þegna þanon eft gewát (123)

тридцать танов и тогда назад повернул

Время и пространство являются основными характеристиками мира, в том виде, в котором он существует для его обитателей, поскольку устройство мира зиждется на физических представлениях о нем, которые являются, прежде всего, временно-пространственными характеристиками. И.Р. Гальперин дает такой тесной временно-пространственной связи оп-

ределение «континуума» [Гальперин 1984: 85], т.е. некоей среды, в которую, словно в систему координат, проецируются все события, имеющие место в мире.

Итак, говоря о мифе и об отношении к нему человека, который воспринимал его не как выдуманную историю, требующую разоблачения, не отрицая, что живет в мифическом пространстве, являясь его частью, следует описать, в первую очередь, время и пространство как основу для категоризации. Ибо, как кажется, именно эти физические измерения или их восприятие, являются важнейшими характеристиками мировых пределов. Две эти характеристики неразрывно связаны между собой не только с физическом смысле (и это доказывают исследования Вселенной, проводимые известными мировыми учеными), но и в духовном. Современный человек, обладающий знаниями о Вселенной, звездах и планетах, о Земле, как о планете солнечной системы, имеющей форму геоида, рассматривающий карту без белых пятен, далек по духовным и физическим представлениям от человека эпической эпохи. Без возникновения Вселенной нет времени, ибо Большой Взрыв, считающийся физическим началом Вселенной, стал началом и времени, поскольку более ранний отсчет не имеет никакого смысла. Также началом времени для мифологического сознания можно считать любое из описываемых в мифах сотворение миров, не важно, языческое или монотеистическое.

Для архаического человека время не фактор сознания, оно воспроизводится в связи с потоком событий [Иванова 1999: 42]. Само время в понятии Средневековья антропоцентрично, мир имеет возрасты от младенческого до старческого или дряхлого [Ле Гофф 2005: 188]. В целом Жак Ле Гофф определяет отношение к времени у средневекового человека как «полное безразличие». И действительно, в тексте поэмы «Беовульф» мы встречаем фразы типа «время пошло вперед», «тем временем», «долгое время». Прежде всего, такое смещение происходит благодаря сознанию, в котором понятия настоящего, прошлого и будущего сливались в одно. Так, «каждый год на протяжении тысячелетий литургия заставляла христиан заново переживать сжатую в ней с необычайной силой Священную историю. Здесь мы имеем дело с магической ментальностью, которая превращает прошлое в настоящее, потому что канвой истории служит вечность» [там же: 213]. Кроме того, Ю.А. Иванова выделяет также «сакральное время», которое представляет собой повторяющуюся и реализующуюся бесчисленное число раз парадигму, пребывающую вечно в настоящем. Сакральность времени означает его цикличность и закрытость [Иванова 1999: 43-47].

По словам Стивена Хоукинга, чтобы можно было говорить о сущности Вселенной и о том, было ли у нее начало и будет ли конец, нужно хо-

рошо представлять себе, что такое научная теория вообще. Сам Хоукинг придерживается простейшей точки зрения. Для него теория — это теоретическая модель Вселенной или какой-нибудь ее части, дополненная набором правил, связывающих теоретические величины с нашими наблюдениями. Хоукинг считает, что эта модель существует лишь у нас в голове и не имеет другой реальности [Хоукинг 1988].

Современное общество существует в мире, смоделированном по законам Галилея и Ньютона, для которых существовало абсолютное время, т.е. такое, которое не изменялось в зависимости от субъекта измерения. Время считалось величиной, отдельной от пространства, и очень долго эта точка зрения считалась исполненной здравого смысла, однако последние исследования показывают, что дела обстоят несколько иным образом.

И все же, представления о времени стали более четкими только с развитием точных наук, когда человек смог «заглянуть за горизонт», подняться над поверхностью земли и хронометрировать существование цивилизации, не только основываясь на вере, но на точных научных изысканиях и измерениях. Для человека эпического времени, Темных веков, время представляло собой безграничное, вечное, неизмеримое, границы пространства скрывались за туманными горизонтами океанских далей или бескрайних степей.

При переходе от языческого мировоззрения к христианскому сменилась не только позиция человека в окружающем мире, но само понятие об этом мире. Мифы, в силу периода своего создания (великое переселение народов, войны за территории) охватывают огромные масштабы. Именно по этой причине сказание о данах появляется на древней земле бриттов, поскольку Британские острова являлись тем сборным пунктом, «в котором пересекались и сплетались в единый клубок судьбы тысяч и десятков тысяч скандинавских воинов» [Хлевов 2003: 8].

Литература

Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. — М. : Наука, 1981.

Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая Степь. — М. : ТЕРРА — Книжный клуб, 2000.

Иванова Ю.А. Основные характеристики мифологического времени как составляющего темпоральной структуры романа-мифа // Лингвистические и дидактические аспекты анализа текста. Сб. ст. / Отв. ред. И.Б. Руберт — СПб., 1999. — С. 42-47.

Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада / Пер. с фр. под общ. ред. В.А. Бабинцева; послесл. А.Я. Гуревича. — Екатеринбург : У-Фактория, 2005.

Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х т./ Гл. ред. С.А. Токарев. — М. : Большая Российская Энциклопедия, 1997. — Т.1.

Никитин М.В. Основания когнитивной семантики. — СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2003.

Путилов Б.Н. Героический эпос и действительность. — Л., 1988.

Стеблин-Каменский М.И. Мир саги. Становление литературы. — Л. : Наука, 1984.

Хлевов А.А. Предвестники викингов. — СПб. : Евразия, 2002.

Хоукинг С. Краткая история времени. От большого взрыва до черных дыр / Пер. Н. Смородинская. — СПб. : Амфора, 2001.

Beowulf — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.heorot.dk>

*О. А. Барташова, К. А. Архипова
г. Санкт-Петербург*

ОСОБЕННОСТИ АНАЛИЗА ЗВУКОИЗОБРАЗИТЕЛЬНОСТИ НА ТЕКСТОВОМ УРОВНЕ

Одним из актуальных направлений фоносемантических исследований является исследование фонетической содержательности речевой деятельности. Данные исследования ориентированы в том числе на изучение фонетической содержательности текста, так как содержательная сторона текста органически связана с материальной формой, неотделима от нее. При этом стоит отметить, что ассоциация звука со смыслом более значима для поэтического произведения, чем для прозаического. Тем не менее, согласно Р. Якобсону, поэзия — не единственная область, где ощутим звуковой символизм, но это та область, где внутренняя связь между звучанием и значением из скрытой становится явной, проявляясь наиболее ощутимо и интенсивно [Якобсон 1975: 198].

Из этого следует, что звуковая организация других типов текстов также может быть подвергнута фоносемантическому анализу. В частности, выявление феномена звукоизобразительности может быть осуществлено на материале таких типов текстов, где на первый план выдвигаются общие характеристики поэтической речи. К подобным характеристикам могут быть отнесены такие структурно-содержательные особенности, как более высокая, чем в бытовой речи, формально-смысловая организованность, «выстроенность», искусственность и другое.

Следует учитывать и различать два принципиально различных подхода при анализе явления звукоизобразительности. В первом случае это анализ фоносемантических явлений на материале конкретных, «единичных» слов, которые могут быть объединены в группы различной специ-

альной лексики (например, жаргоны, термины и так далее) или принадлежать семантическому полю, описывающему те или иные явления окружающего мира. При этом то или иное слово анализируется без его включения в текстуальный контекст, следовательно, его изучение проводится без учета структурно-смысловых особенностей того или иного текста, а также без учета взаимодействия данного слова с семантикой и звуковой репрезентацией других непосредственно окружающих его слов.

Таким образом, в результате данного типа анализа звукоизобразительное слово рассматривается само по себе, безотносительно к другим звукоизобразительным средствам. Если воспользоваться терминологией А. А. Пузырева, то подобный тип анализа можно отнести к тому, что он определяет как парадигматическую фоносемантику, когда «стилистически и семантически значимой может стать фонетическая единица сама по себе, безотносительно к окружению другими фонетическими единицами» [Пузырев 1990: 51]. Здесь на первый план выходит анализ взаимодействия формы слова и содержания самого слова: характеристики денотата должны совпадать (хотя бы частично и опосредованно) и подтверждать семантику анализируемого фонотипа. Например, при анализе мимеоинтактисемизмов, которые широко используются для обозначения улыбки [Воронин 2006: 93], слово, в звуковой состав которого входит лабиально-носовой, своей семантикой (либо этимологией) должно подтверждать свою отнесенность к лексико-семантическому полю слов, описывающих улыбку или, по крайней мере, положительные эмоции вообще. И действительно, семантика денотата слов в различных языках (*улыбаться, смеяться, smile, lichen*) полностью оправдывает использование фонотипа, образованного с помощью лабиально-носового. Можно привести множество примеров, в которых корреляция характеристик денотата и семантики фонотипа вполне очевидна. Ср., например, использование фонотипа «i» с основным значением ‘малое’ в таких английских словах, как *little, tiny* [Газов-Гинзберг 1965: 205]; фонотипа «fl», который используется при изображении движения тел в воздухе или в воде, в таких лексемах с очевидной семантикой полета, как *to fly, to flow, to fleet* [Marchand 1959].

При этом стоит отметить, что корреляция семантики денотата и фонотипа не всегда может быть столь явной. Иногда эта связь является опосредованной, либо для выявления подобного соответствия требуется проведение этимологического анализа того или иного слова, которое в результате развития могло и измениться в своем фонемном составе, и претерпеть определенные изменения семантики. Тем не менее, присутствие (пусть непрозрачное и косвенное) подобной связи позволяет анализировать данные слова в рамках «парадигматической фоносемантики».

С другой стороны, при анализе фонетической содержательности на уровне того или иного типа текста вышеуказанный способ исследования является возможным, хотя и не единственным. В данном случае денотативное значение слова не обязательно семантически должно коррелировать со значением того или иного фонотипа. Слово, в рамках которого употребляется та или иная фонетическая единица, может обладать нулевой фонетической мотивированностью. При этом звукоименическое значение может не только не совпадать, но и противоречить лексическому значению слова. Звукоподражательный эффект может актуализироваться не только с помощью звукоизобразительных слов, но и при участии слов с подходящим звучанием, не имеющих звукоизобразительного происхождения.

В данном типе анализа «исследователь имеет дело с фактами синтагматической фоносемантики» [Пузырев 1990: 52] и рассмотрение явления звуковой изобразительности выходит за рамки мотивированности конкретного слова. Здесь на первый план выходит не стремление посредством звукоформы подтвердить или объяснить значение, проследить развитие семантики того или иного конкретного слова, а рассмотрение фоносемантической единицы в ее контекстуальном окружении на текстовом уровне. «Значимым в подобном случае является лишь взаимоотношение слов, когда на первый план выходит не выбор фоносемантической единицы, а ее совместное употребление с другими единицами» [Пузырев 1990: 52].

При подобном подходе звукоизобразительность может рассматриваться как «способ семантизации фонем, основанный на метафорическом переносе» [Пономарева 1990: 122]. Таким образом, различные фонотипы на текстовом уровне помимо характерной функции сближения семантики могут также выполнять функции эстетического воздействия, эмотивную, эмфатическую функции, создание звукообраза, эксплицитный выход скрытого смысла и тому подобное.

Соответственно, на текстовом уровне в процессе анализа фоносемантических явлений на первый план выходит не семантическое коррелирование фонотипа с одним конкретным словом, а рассмотрение значения того или иного звукообраза относительно структурно-смысловых особенностей всего текста (или его отрывка), его прагматической целеустановки, взаимодействия с другими фонотипами. Таким образом, «при взаимодействии с другими текстовыми единицами фонемы могут передавать и понятийное содержание всего текста» [Пономарева 1990: 122].

В качестве иллюстрации механизма действия подобного типа анализа, можно привести следующие примеры, репрезентирующие исследование поэтического текста в рамках «синтагматической фоносемантики»:

Стихотворение Т. Худа «У смертного одра» содержит следующие четверостишие:

*So silently we seem to speak —
So slowly moved about!
As we had lent her half our powers
To eke her living out!*

В первых строках превалирует фонестема [s], которая во многих работах (например [Marchand 1960: 209]) позиционируется как звук, описывающий змеиное движение, изгибы, шипение, а также передающий значения медлительности и скольжения. Можно привести множество примеров, подтверждающих правомерность подобной интерпретации данной фонестемы (*sizzle, sneak, hiss, serpent*). При этом следует отметить, что выявление и анализ подобных слов относится как раз к анализу фоносемантических явлений на парадигматическом уровне. На текстовом же уровне, как можно увидеть из примера, семантика данной фонестемы никак не связана с семантикой включающих ее денотатов (за исключением разве что слова *slowly*). Таким образом, в этом стихотворении данная фонестема коррелирует с топикальностью текстового отрывка, а именно, она подчеркивает, как бесшумно все присутствующие старались вести себя у смертного одра, как медленно и мягко передвигались на цыпочках, чтобы никого не потревожить, как боялись дыхания смерти.

Интересно проследить использование вышеупомянутой фонестемы [s] в другом поэтическом произведении — известном сонете У. Шекспира, в рамках которого она по-своему соотносится с содержательной стороной текста, обогащая его и добавляя новые оттенки значения:

*When to the Sessions of sweet silent thought
I summon up remembrance of things past,
I sigh the lack of many a thing I sought,
And with old woes new wail my dear time's waste.*

В этом сонете заложено глубокое понимание сложной человеческой души и отражены чувства и эмоции, возникающие у человека, понесшего тяжелые утраты, но не теряющего надежды на то, что боль и слезы когда-нибудь сменятся умиротворением. Размеренный ритм произведения и его фонестемная составляющая призваны определенным образом соотноситься с содержательной стороной произведения. В первых строках сонета активно используется фонестема [s], которая, как уже отмечалось, рассматривается в исследованиях как звук змеи. Кроме того, свистяще-шипящая фонестема [s] относится к типу фоноинтракинем [Воронин 1982] и согласна «Словарю фонестем» и исследованиям Хинтон, Николс и Охала [Hinton et al. 1995: 398] относится к типу фоноинтракинем [Воронин 1982] и ассоциируется с «втягиванием воздуха, шуршанием и звуками капаю-

щей, просачивающейся жидкости», как, например, в словах *sigh, soak, sup, sop, sipe, seep, siss, sizz, sizzle, souse, sock, sussing* и так далее.

Семантизация данной фоностемы в значение звука капающей жидкости усиливает восприятие душевного состояния героя, вызывая яркий, эмфатизирующий общую тональность стихотворения образ плачущего человека.

Неслучайным в данном отрывке также представляется использование фоностемы [w], которая, согласно многим исследованиям, передает идею качания, колебания (часто усиливаемое редупликацией смычного согласного) [Вестерман 1963; Гумбольд 1980; Marchand 1960]: *waw, wag, wiggle, waggle, waddle, wade, wobble, wangle*.

В рассматриваемом поэтическом произведении данная фоностема создает визуальный образ раскачивания, и мы можем понять, что герой плачет не только «на словах», с ним происходит то же, что и со всеми людьми при рыданиях: он содрогается, качается, не в силах сохранить спокойствие.

Приведенные примеры, таким образом, помогают выявить и проиллюстрировать особенности анализа звуковой организации речи на текстовом уровне в отрывках конкретных поэтических произведений. При этом стоит еще раз подчеркнуть, что изучение явления звукоизобразительности возможно не только на материале поэтических текстов. Перспективным видится исследование фоносемантической структуры рекламных, публицистических, народных, фидеистических жанров.

Принимая во внимание вышесказанное, следует четко выделять два принципиально различных подхода в описании фоносемантических явлений на уровне конкретных слов и текста. При этом следует учитывать, что метод внеконтекстуального фоносемантического анализа конкретных слов, безусловно, может, а иногда и должен быть задействован при рассмотрении того или иного типа текста. Однако на первый план при рассмотрении звуковой организации на текстовом уровне выходит анализ фоносемантических явлений, детерминированный структурно-содержательными, функциональными особенностями всего текстового единства.

Литература

Воронин С. В. Основы фоносемантики. — Л. : Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1982.

Вестерман Д. Словообразование в языке эве // Африканское языкознание. — М. : Изд-во иностр. лит, 1963.

Газов-Гинзберг А. М. Был ли язык звукоизобразительным в своих истоках? — М. : Наука, 1965.

Пузырев А. В. Парадигматические аспекты фоносемантических средств языка // Фоносемантические исследования : сб. статей / Аккад. наук СССР, ин-т языкознания. — Пенза, 1990.

Пономарева С. Н. О звукоизобразительности художественного текста : сб. статей / Аккад. наук СССР, ин-т языкознания. — М., 1989.

Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». — М., 1975.

Hinton L., Nichols J., Ohala J. J. Sound Symbolism. — Cambridge : Cambridge University Press, 2006.

Marchand H. Phonetic Symbolism in English Word Formation. // Indo-germanische Forschungen. — 1959. — Bd. 64, H. 2.

А.В. Несмеянов
г. Санкт-Петербург

ОСОБЕННОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ АНТРОПОНИМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ НЕМЕЦКОЙ ЭПИГРАММЫ

Эпиграмматический текст, как вид поэтического текста, демонстрирует высокую степень насыщенности антропонимами. Причиной тому являются историко-культурные условия становления эпиграммы как жанра поэтических произведений. Возникнув в греческой культуре в качестве посвятительной надписи на предмете, эпиграмма, со временем, отрывается от своей предметной основы и становится кратким поэтическим произведением, в котором своё выражение может получить любой элемент действительности, привлекая внимание поэта. Очень часто таким элементом становился отдельный человек, а точнее — обобщённо-собираательные песонифицированные образы и характеры: атлеты, педанты, пьяницы, невежды, уроды, врачи, бездарные поэты, скряги, воры, философы, риторы, художники, астрологи, скверные и неверные жёны. Таким образом, можно говорить о том, что с самых ранних этапов становления эпиграммы как жанра одной из основных её категорий становится категория антропоцентричности.

Одним из средств выражения этой категории в художественном тексте является антропонимическая система — совокупность имён персонажей какого-либо художественного произведения. Антропонимический лексикон немецких эпиграмматистов довольно разнообразен, чему есть своё историческое объяснение. Немецкая эпиграмма, практически в течение всего периода своего существования, находится под сильным влиянием греческой, латинской и неолатинской эпиграмматики. Собственно, немецкая эпиграмматическая традиция и зарождается на волне подражаний

античным и неолатинским поэтам, а первые эпиграммы на немецком языке представляют собой переводы из сборников греческих и латинских поэтов-эпиграмматистов:

Ad Castorem

Omnia, Castor, emis: fic fient, ut omnia vendas.

An den Castor

*Du kauffest alles weg / O Castor/ ueber hauffen/
So wirst du alles auch bald widerum verkauffen.*

[М. Opitz, 312]

Для описания типологических характеристик имен собственных (далее — ИС) в ономастической системе текстов разных жанров О.И. Фонякова предлагает использовать следующие параметры:

1. Специфика денотативного значения. Параметр характеризует денотат, обозначаемый ИС. Денотат — «... это обозначаемая вещь, всё то, что может быть обозначено данным именем» [Никитин 1976: 38]. В зависимости от денотата в художественном произведении могут выделяться такие тематические разряды онимов как: антропонимы — имена людей, топонимы — географические названия, зоонимы — клички животных.

2. Способ художественной номинации. Этот параметр позволяет противопоставить собственно ономастические узувальные лексические средства и окказиональные, контекстуальные, индивидуально-авторские, куда относятся ситуативные нарицательные наименования и разного рода прозвища как речевая категория ИС.

3. Соотнесённость с национальным именем языка народа. Любой антропоним обладает этноязыковой спецификой, которая позволяет соотнести его с вполне определённой национальной культурой. Национально-культурная специфика формируется у антропонимов в силу того, что в языке ИС функционируют как лексические единицы вторичной номинации, которые при их этимологическом рассмотрении возводятся к этимонам имён нарицательных как элементов первичной номинации [Антышев 2001: 19]. Исходя из этого, все антропонимы можно подразделить на: идионимы — антропонимы, этимоном которых являются имена нарицательные национального языка, и ксенонимы — заимствованные антропонимы, имеющие этимологические иноязычные этимоны и восходящие к чужой энтокультуре. Кроме того, данный параметр позволяет учесть реальные антропонимы — т.е. те, которые официально зарегистрированы в словарном составе национального языка и вымышленные, созданные в рамках определённого литературного произведения, т.е. — в речевой ситуации [Фонякова 1990: 8].

4. Способ преобразования формы ИС в художественном тексте. Исследователь не даёт однозначной характеристики этого параметра, од-

нако указывает, что сообразно ему ИС могут быть модельными (образованным по определённой словообразовательной модели) и немодельными [Фонякова 1990: 40].

Анализ антропонимической системы авторов немецких эпиграмм сообразно приведенным критериям позволил выявить существование следующих групп антропонимов:

- Антропонимы, принадлежащие к греческой и римской этнокультуре: *Acerra, Acer, Alcest, Acron, Albinus, Asinius Aulus, Aratus, Alcestus, Arcas, Ater, Balbinus, Bardus, Bav, Battus, Bruno, Bullo, Cäcil, Cleander, Climene, Cecil, Cosmos, Caja, Cajus, Crispin, Choerilus, Corantes, Celer, Chrysis, Chlorinde, Curtius, Dorant, Eugenia, Flavius, Floras, Galathee, Glicus, Gallus, Gargil, Helene, Hornutus, Kleant, Lais, Laura, Lälia, Ley, Lisimon, Lucil, Lucinda, Lydus, Maevius, Melamp, Melindo, Megander, Milidot, Midas(168), Momar, Mumma, Marcus, Marull, Mopsus, Nicander, Nitulus, Nigrin, Nisus, Nisa, Paula, Paulus, Palemon, Pelion, Philint, Phillis, Piger, Pius, Pfriem, Plancus, Placetta, Procus, Phoebus, Purgantius, Scaurus, Selius, Severus, Siccus, Silesia, Sophron, Sylvanus, Submissa, Thraso, Thes-tilis, Theorbas, Trivius, Udus, Vitus;*

Bav

*Bav strebt ins Reich der Phantasie hinüber;
Das Opium soll ihm dazu Flügel leihn.
Jedoch der Mohnsaft ging in seine Schriften über,
Denn seine Leser schlafen ein.*

[D.E. 1985: 237]

- Антропонимы, обозначающие мифологические или божественные сущности (мифонимы и теонимы): *Diogenes, Orpheus, Europa, Zeus, Salomon, Lot, Sankt Peter, Achill, Homer, David, Prometheus, Jehova, Adam, Herkules, Siegfried, Achilles;*

Des Herkules dreizehntes Wunder

*Der Frauen stolzen Mut und Zunge wohl zu zwingen,
Sei das dreizehnte von Herkules Wunder-Dingen!*

[D.E. 1985: 36]

- Антропонимы, обозначающие реально существовавшие исторические личности: *Gottsched, Wernicke, Lessing, Leibniz, Voltair, Shakespeare, Schiller, Goethe, Fichte, Grillparzer, Schleiermacher, Columb, Mozart, Hegel, Kant, Liebknecht, Krupp, Behjamin Franklin, Napoleon, Archimedes, Schopenhauer, Wagner, Beethoven, Richard Dehmel, Gerhard Hauptmann, Goebbels, Hitler, Göring, A. C. Springer, Rembrant, Prinz Hamlet, Casanova, Alexander der Große, Virgil, Kepler, Cäsar, Homer, Sophokles;*

Grabschrift Alexanders des Großen

*Mir war die Welt zu klein. Ich spielte mit der See,
Ich sprühte reichlich aus Blut, Feuer, Mord und Weh.
Nun ich gestorben bin, was nützt mir mein Siegen?
Hier könnten noch bei mir viel Alexander liegen.*

[D.E. 1985: 37]

- Антропонимы, принадлежащие к немецкоязычной или же европейской культуре: *Arist, Auguste, Ade, Aemil, Akanth, Arnulph, Baldrian, Bax, Batyll, Bertha, Benjamin, Brigitte, Cornar, Claus, Crispin, Damis, Doris, Dorilas, Dorinde, Dindonette, Duns, Dudeldum, Elmire, Eduard, Fanny, Falk, Fritz, Fuff, Fell, Franz, Flavia, Glyzere, Gervet, Grill, Harpax, Hans, Hans Puff, Haps, Hein, Hinz, Isabelle, Kleant, Kilian, Kleon, Kleanth, Katt, Klimm, Klymene, Klaus, Kolumnus, Kilian, Kunz, Lips, Lisidor, Laidion, Lenore, Lisette, Lorchen, Lubin, Marie, Mathilde, Maz, Matz, Midas, Neran, Opim, Orbil, Poll, Pfeil, Polt, Pitt, Phax, Paul, Porphy, Rhabarbarin, Ralph, Radulf, Seip, Sybille, Stupor, Stips, Stax, Sylvia, Sievers, Schnurr, Schmidt, Thrax, Trix, Trill, Troll, Trim, Toms, Velt, Veit, Wihelmine, Wilhelm, Zill;*

Auf Falk

*Dass Falk als Advokat geschickt Prozesse führet,
Als Richter gar nicht tut, was ihm zu tun gebühret,
Das wundert mich nicht eben sehr:
Jurist zu sein ist leicht, gerecht zu sein ist schwer.*

[D.E. 1985: 207]

- Антропонимы, представляющие собой так называемые «говорящие имена» [Фонякова 1990: 45; Кухаренко 1988: 103]: *Herr Schwarz, Splitterrichter, Einaug, Einbein, Herr von Raubelieb, Herr von Eil, Herr Schlund, Frau Stinkerin, Herr Stolz(er), Docktor Schlecht, Pfarrer Schandfleck, dicker Wanst;*

An den Pfarrer Schandfleckenn

*Pfaff, die Vergleichung deiner Haaren
Mit deinen Sünden musst du sparen:
Dann jene nehmen ab, die zu mit deinen Jahren.*

[D.E. 1985:7]

В диахроническом плане указанные группы формируются последовательно. Первой в немецкой эпиграмматике появляется группа антропонимов, которые соотносятся с античной культурой. Первые немецкие эпиграммы, хотя написаны на немецком языке, но денотативно оперируют чужими этнокультурными реалиями, в первую очередь — греческими и римскими ИС, которые не были широко известными или распространёнными. Поэтому они воспринимаются как чужеродные для немецкой языковой системы элементы.

Frommer Aufblick

*Wißt ihr, warum Pius` Blicke stets gen Himmel sich ergehen?
Weil er es nicht wagt, auf Erden einem ins Gesicht zu sehn.*

[D.E. 1985: 235]

Так в данной эпиграмме непонятно, кто такой Пий, и почему, собственно, персонажа в немецкий эпиграмме зовут Пий.

Антропонимы первой группы можно было бы считать прецедентными маркерами, обозначающими содержательную принадлежность текста определённой (чужой) этнокультуре. Однако денотативное значение подавляющего большинства антропонимов этой группы не являлось культурно значимым. Помещённые в иноязычный этнокультурный контекст, эти антропонимы быстро теряют свою прецедентную связь с родной этнокультурой.

Потеря прецедентной связи с породившей культурой запускает в действие процесс апеллятивизации антропонима: внутренняя форма антропонима, мотивированная с точки зрения родной этнокультуры, становится немотивированной с точки зрения иноязычной культуры. Объём денотативного значения антропонима (его экстенционал) расширяется. Расширение экстенционала означает, что антропоним теряет свой единичный денотат и потенциально может употребляться уже в качестве апеллятива. Это и происходит с некоторыми антропонимами первой группы. Так, например, одним из распространённых имен в ранней немецкой эпиграмматики является латинское имя «*Vav (Бав)*», которым в немецких эпиграммах обозначался любой бездарный поэт.

Антропонимы второй группы обозначают мифологические и божественные сущности и формируют группу теонимов и мифонимов. Денотативное значение теонимов и мифонимов защищено от «размывания» своеобразным «культурным панцирем». Оно обладает стабильным интенсиналом, поскольку связь антропонимов этой группы с прецедентными текстами (и с породившей их культурой в целом) является настолько сильной, что даже их длительное функционирование в чужеродном этнокультурном контексте не способно их ассимилировать. Если такая ассимиляция и возникает, то лишь на фонетическом и грамматическом уровнях. Семантический план антропонима изменений не претерпевает.

В основном в немецкой эпиграмматики используются мифонимы, обозначающие богов и героев античного пантеона. Нередко они становятся объектом острой сатиры со стороны поэта:

Auf die Europa

*Als Zeus Europen lieb gewann,
Nahm er, die Schöne zu besiegen,
Verschiedene Gestalten an,*

*Verschieden ihr verschiedlich anzuliegen.
Als Gott zuerst erschien er ihr;
Dann als ein Mann und endlich als ein Tier.
Umsonst legt er, als Gott, den Himmel ihr zu Füßen:
Stolz fliehet sie vor seinen Küssen.
Umsonst fleht er, als Mann, im schmeichelhaftem Ton:
Verachtung war der Liebe Lohn.
Zuletzt — mein schön Geschlecht, gesagt zu deinen Ehren! —
Ließ sie — von wem? — vom Bullen sich betören.*

[D.E. 1985: 114]

Использование этнокультурных мифонимов является крайне редким, и наблюдается в поздней немецкой эпиграмме. Другой характерной чертой использования этнокультурных мифонимов является то, что они никогда не становятся на прямую объектом сатиры:

Auf einen Polemiker

*Vor solchem Helden hat es mir gegraut,
Da wagt ich höchstens diese wenigen Verse:
Er gleicht dem **Siegfried** durch die dicke Haut
Und dem Achilles durch die Ferse.*

[D.E. 1985: 349]

В ономастической системе немецких эпиграмматистов антропонимы первой и подавляющее большинство мифонимов второй группы можно рассматривать как один из видов ксенонимов — языковых единиц, обозначающих элементы внешней культуры [Кабакчи 1998: 7].

Денотатом антропонимов третьей группы являются некогда существовавшие исторические личности. Единичность денотата сближает эти антропонимы с антропонимами второй группы. В то же время она является залогом стабильности их денотативного значения, постоянства интенциональных признаков и однозначности контекста их употребления. Главной отличительной характеристикой антропонимов этой группы является именно их соотнесённость реальными личностями. Эпиграммы, объект которых обозначался антропонимом из этой группы, назывались именными [Гаспаров 1997: 20] — то есть обращёнными к конкретной личности, имя которой указывалось в тексте эпиграммы или в её заглавии:

Göring und Goebbels

*«Joseph, ich hör, du hast von mir gesagt:
Ich raube.» — «Hermann, warum sollst du rauben?
Dir was verweigern, wär verdammt gewagt.
Und hättest du schon gesagt, wer würd mir glauben?»*

[D.E. 1985: 373]

Именные эпиграммы максимально воплощают в себе черты эпиграмматического жанра, поскольку, как правило, содержат острую сатиру

на конкретное лицо. Среди немецких именных эпиграмм встречаются, однако, и тексты, в которых личность характеризуется положительно:

Schiller und Goethe

*Wer ist erhabner? Im ewigen Flug lichtvoller Gedanken
Schwebet der Schillersche Geist, gleich der unendlichen Zeiten;
Und in unendlicher Ruh, ausströmend der Glut der Empfindung,
Dehnt sich das Goethesche Herz, gleichend dem ewigen Raum.*

[D.E. 1985: 238]

Именная эпиграмма в немецкой эпиграмматике активно употребляется начиная с Г.Э. Лессинга и достигает своего расцвета во второй половине 19 — начале 20 веков [Dietze 1972: 560]. Следовательно, данный вид антропонимов появляется в немецкой эпиграмме на пике её расцвета, когда этот малый литературный поэтический жанр был уже освоен и сознательно культивировался. Однажды появившись, именная эпиграмма не исчезает, но постепенно начинает доминировать в антропонимическом пространстве. Популярной в жанре именных эпиграмм становится *авто-эпиграмма* — эпиграмма, написанная поэтом на самого себя:

Verabschiedung

*Ins Geweb ihrer Verse den eignen Namen einzuflechten
zählte ehemals zu der Dichter Gepflogenheiten und Rechten.
So auch beschließe dies Buch (für welches ich erheisch
deine Neigung, Leser!) mein Namenszug: Heinrich Keisch.*

[Keisch H. 1984: 78]

Антропонимы, четвёртой группы включают в себя ИС, соотносящиеся с немецкоязычной или европейской этнокультурами. Эта группа ИС появляется уже в зрелой немецкой эпиграмматике, когда в центре внимания немецких эпиграмматистов оказываются события, происходящие в первую очередь в Германии и Европе. По своему составу данная группа является разнородной. Лексикографический анализ позволил установить по меньшей мере, три вида антропонимов:

- 4.1. Онемеченные греческие и римские антропонимы. Так, женское имя *Flavia* произошло от римского ИС — *Flavius*. Так же дело обстоит и с мужским именем *Aemil*, которое является онемеченным римским родовым именем *Aemilius*:

Der junge Kahlkopf

*Schon kahl, Aemil?
Und kaum erst zwanzig Jahren!
Kein Wunder zwar,
Dass es dem schönen Haar
Auf diesem Schädel nicht gefiel.*

[D.E. 1985: 206]

- 4.2. Антропонимы, появившиеся в процессе становления немецкой этнокультуры. Так антропонимы *Hinz* и *Kunz* являются краткими формами от *Heinrich* и *Konrad* соответственно. Антропоним *Arnulph* восходит к двум древневерхненемецким основам: *arn* — «орёл» и *wolf* «волк»:

Der Gläubiger

*Den Grafen Arnulph bat, als er vom Schlosse ritt,
Ein Gläubiger um Geld; er hatte nichts zu leben.
Hat Euch, versetzt der Graf, mein Schaffner nichts gegeben?
Wohl, Ihro Gnade, einen Tritt.*

[D.E. 1985: 136]

- 4.3. Антропонимы, внутренняя форма которых в аспекте синхронии не фиксируется лексикографическими изданиями и, стало быть, не поддаётся однозначной реконструкции: *Katt*, *Grill*, *Velt*, *Stips*, *Stax*, *Thrax*, *Trill*, *Troll*, *Trim*, *Zill*.

Der Widerspruch

*Stax sendet schmeichelnd mir ein Buch,
Weil mein Geschmack ihm stets sehr achtungswert gewesen.
Als wär es nicht ein Widerspruch:
Geschmack besitzen und ihn lesen.*

[D.E. 1985: 187]

На принадлежность этих антропонимов к немецкой этнокультуре могут указывать некоторые формантные признаки в строении лексемы. Известно, что корневые немецкие лексемы являются неразложимыми, немотивированными и включают в себя один-два слога [Степанова 2000: 256]. Формально вышеуказанные антропонимы не противоречат обозначенному правилу.

С другой стороны, в антропонимической системе немецкого языка существует ряд имен, которые представляют собой односложные сокращения полных антропонимов: *Hans* — *om Johannes*, *Polt* — *om Leopold*, *Trix* — *om Beatrix*, *Rolf* — *om Radolf (Radulf)*. Вероятно, что антропонимы третьего вида в данной группе представляют собой сокращенные формы от некоторых некогда существовавших и не фиксируемых существующими лексикографическими словарями полных антропонимов. С другой стороны, можно предположить, что данные антропонимы представляют собой синтетические слова, образованные по аналогии с существующим краткими формами антропонимов: *Trix* — *om Beatrix*, но *Thrax* — ?

Денотативная соотнесённость антропонимов четвёртой группы так же является неоднозначной. Неопределенность и размытость денотата усиливается при движении от вида 4.1. к виду 4.3. Денотат антропонимов первого вида является более определённым. Фиксация этих антропонимов

словарями говорит о том, что некогда могли существовать соответствующие личности, в отношении которых были написаны эпиграммы.

Денотат антропонимов второго вида является более размытым. Этот вид образуют наиболее частотные в немецкой этнокультуре антропонимы. Частотность их употребления способствовала их апеллятивизации. Так вереница исторических деятелей Генрихов (*Heinrich — Hinz*) и Конрадов (*Konrad — Kunz*) способствовала значительному распространению этих имён и их превращению в нарицательные, о чём свидетельствует и немецкий фразеологизм: «*Hinz und Kunz*» — *каждый встречный и поперечный*. Не менее популярным было в своё время и имя *Hans* (от *Johannes*). Популярность этого имени позволила проникнуть ему во многие народные песни и сказки.

Денотат антропонимов третьего вида является неопределённым. Антропонимы не фиксируются современными лексикографическими изданиями [Mackensen L. 2000; Lexikon der deutschen Vornamen 1990]. В отношении этих антропонимов можно сделать предположение, что они обозначают гипотетические художественные персонажи, существующие только в воображении поэта и в контексте созданных им эпиграмматических произведений.

Пятая группа антропонимов представляет собой имена с ясным этимологическим значением основы, или так называемые «говорящие имена» [Фонякова 1990: 45]. В художественном тексте «говорящие имена» представляют собой стилистически экспрессивный и самый мотивированный вид антропонимов с прямо или косвенно характеризующей семантикой. Стилистическая экспрессия возникает благодаря их семантической двуплановости: этимологическое значение, в основе которой лежит имя нарицательное, накладывается на собственно ономастическое, в результате чего первое усиливает второе и делает антропоним «говорящим», оценочным, двуплановым. Лексическое значение основы таких антропонимов сразу же раскрывает суть персонажа: **Wanst** — «брюхо, пузо» — *dicker Wanst* — «толстяк, обжора»; **stinken** — «дурно пахнуть, вонять» — *Frau Stinkerin* — «неопрятная женщина, вонючка»; **Schlund** — «глотка» — *Herr Schlund* «пьяница». На принадлежности этих апеллятивов к классу антропонимов в тексте эпиграммы указывают так же соответствующие обращения — *Herr, Frau*, которые в нехудожественных текстах используются перед именами собственными:

Über des Herrn Schlunds Tod

*Der Schlund ging nüchtern nachts zu Bett,
Darauf er den Geist aufgegeben.
Wann er sich vollgesoffen hätt,
Wär er ohn Zweifel noch bei Leben.*

[D.E. 1985: 5]

Кроме того, лексическое значение апеллятива, лежащее в основе антропонима этого вида, ограничивает сферу его денотативной соотнесённости: данные антропонимы могут соотноситься только с людьми, обладающими признаком, на который указывает имя нарицательное. Следовательно, денотат таких антропонимов является не единичным, а «групповым», т.е. подразумевает некоторую группу лиц, а сам текст эпиграммы воспроизводит некоторый типовой персонифицированный образ.

В немецких эпиграммах онианизации подвергаются не любые апеллятивы, а только те, которые характеризуют социально негативные привычки человека: пьянство, бравада, мотовство, гордыня, показушное благодетельство, скупость, воровство, лживость, ворчливость, болтливость, лень, жадность, любопытство, обжорство. В количественном отношении таких апеллятивов не много. Это объясняется тем, что тенденция к воспроизведению персонифицированных образов, пришедшая из античной эпиграмматики, в немецкой эпиграмме не получает дальнейшего распространения и постепенно исчезает [Dietze 1972: 57].

Анализ текстов немецких эпиграмм показал неоднородность и динамичность антропонимического пространства в немецкой эпиграматике. Если на ранних этапах своего становления в немецкой эпиграмме употреблялись преимущественно ксенонимичные антропонимы, то по мере своего развития жанра в них стали преобладать идиоэтнические антропонимы. Такой динамизм и смещение акцентов в сторону идиоэтнических антропонимов можно объяснить общей сменой денотативной соотнесённости эпиграмматических текстов: по мере своего становления немецкая эпиграмма всё больше обращается к реалиям собственной культуры.

Литература

- Антышев А.Н. Имена. Немецкие антропонимы. — Уфа, БГАУ, 2001.
- Гаспаров М.Л. Избранные труды в 3 томах. Том 1: О поэтах. — М.: Языки русской культуры, 1997.
- Кабакчи В.В. Основы англоязычной межкультурной коммуникации. — СПб., 1998.
- Кухаренко В.А. Интерпретация текста. — М., Просвещение, 1988.
- Никитин М.В. Курс лингвистической семантики. — СПб., 1996.
- Степанова М.Д. Словарь словообразовательных элементов немецкого языка / Под. рук. М.Д. Степановой. — М.: Рус. яз. 2000.
- Фонякова О.И. Имя собственное в художественном тексте. — ЛГУ, 1990.
- Deutsche Epigramme aus vier Jahrhunderten. Hrsg. von Anita und Walter Dietze. — Leipzig: Reclam jun, 1985.
- Opitz M. Poetische Wälder Florilegium variorum epigrammatum. — Danzig, o.J.

Dietze W. Abriß einer Geschichte des deutschen Epigramms // Dietze W. Erbe und Gegenwart. — Berlin-Weimar: Aufbau-Verl. 1972. — S. 247-588.

Keisch H. Die Vierzeilenmuse. Epigramme zur Literatur und zu den Künsten. — Berlin: Hinstorff, 1984.

Mackensen L., Das grosse Buch der Vornamen. — München. 1990.

Lexikon der deutschen Vornamen. / Herkunft, Bedeutung, Gebrauch. Под ред. Т.С. Александровой. — М., «Рус.яз.», 2000.

Т.В. Соколова
г. Санкт-Петербург

КОНЦЕПТОСФЕРА АНГЛИЙСКИХ ЭПИГРАММ КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XIX ВЕКА

В данной статье рассматриваются особенности английской эпиграммы с когнитивно-лингвистической точки зрения. Прежде всего, следует отметить, что с точки зрения когнитивной лингвистики языковая картина мира в сознании каждого народа отражает богатство ассоциативных возможностей языка и отличается определенным своеобразием. Базовым принципом такого взгляда на сущность языка является постулат о неповторимом своеобразии концептуальных систем, лежащих в основе конкретных языков [Радченко 1997]. Для отражения и анализа подобных особенностей в восприятии исследователи нередко обращаются к концептуальному анализу. Термин *концепт* применяется в лингвистике чаще всего для обозначения обработанных языком когнитивных структур и отдельных элементов опыта, в том числе культуры, при этом в совокупности концепты составляют языковую картину мира [Баранов 1997: 33].

Литература в целом и жанр эпиграммы в частности включаются в сложную систему познания мира человеком, в информационно-когнитивную систему, в которой взаимодействуют мышление, сознание, память и язык [Демьянков 2004: 25]. При этом важно, что сознание оперирует не только знаниями, но и мнениями, оценками, убеждениями, которые всегда присутствуют в эпиграмме. В сознании формируется целостная картина мира, которая в значительной мере предопределяет понимание текстов художественной литературы, особенно если автор и читатель принадлежат к одному этносу [Баранов 1997]. Соответственно читатель, принадлежащий к другому этносу, тем более читатель перевода далеко не всегда способен понять то, о чем, в самом деле, говорилось в оригинальном тексте.

Автор эпиграммы, осмысляет определенную информацию и переводит ее в вербальную форму [Кубрякова 1992: 85]. Извлекая из памяти свой опыт, эпиграмматист, прежде всего, разбивает некий эпизод на множество

более мелких, доводя процесс расчленения до таких микроэпизодов, которым в соответствие могут быть поставлены мыслительные структуры — суждения (пропозиции). В каждой из таких пропозиций отображаются состав действующих лиц эпиграммы, их роли относительно друг друга и общий характер описанного сюжета [Аллен 1986: 60].

При этом текст эпиграммы не является точным отпечатком мысли. Передаваемое содержание подвергается определенной переработке, в процессе которой учитываются: определенное коммуникативное намерение автора, особенности аудитории, предварительное знание аудиторией объектов, о которых идет речь, возможность понимания аудиторией эпиграммы и ее адекватной реакции.

Автор эпиграммы должен считаться с этнокультурными и социальными нормами, не прибегая к прямому упоминанию предметов и действий, которые относятся к числу табуированных. Он отыскивает более приемлемые формы высказываний, то есть ему приходится считаться с принципом кооперации, сознательно нарушая в определенных случаях те или иные его постулаты.

Воздействие на форму эпиграммы оказывают и особенности грамматического строя используемого языка. Иными словами, актуальное высказывание не есть выражение исходной мысли. В нем таится множество скрытых смыслов, недомолвок, намеков. Именно поэтому так труден процесс понимания эпиграммы, особенно в переводе.

Обработка мышлением читателя текста эпиграммы, позволяющая получить в итоге определенное знание о замысле автора в очень существенной степени опираются на использование уже имеющихся в уме типовых схем, или моделей, под которые могут быть подведены смыслы текста. Для описания подобных схем в близком значении используются термины «фрейм», «сценарий», «скрипт» и др. [Баранов 1997: 34].

Исходя из этого, можно рассматривать любой текст, и текст эпиграммы в том числе, не только как систему лексических, грамматических и фонологических единиц, не только как рифмованные строчки короткого стихотворения, но и как некую систему знаний о мире.

Рассмотрим английскую эпиграмму периода конца XVII – начала XIX века, тематически ограниченную сферой наполеоновских войн. Этот период в истории большинства европейских стран – включая и Англию – был переломным. Наполеоновская эпоха вызвала к жизни соответствующую литературу, которая стремилась осмыслить происходящие события. Эпиграмма в этом процессе заняла свое место. Рассмотрим следующий текст.

On the Victory of the Nile (1798)

*Our ships at the Nile have created such terror,
«Ex Nilo fit nil» proves a logical error.*

Anon. [Davenport: 24]

Эта эпиграмма посвящена победе английского флота в морском сражении в устье Нила, и, соответственно, провалу египетской экспедиции Наполеона, поскольку французская экспедиционная египетская армия потеряла флот и тем самым связь с метрополией. В приведенном двустишии обыгрывается латинское выражение *ex nihilo nihil fit*, что означает «из ничего ничего не возникает». По созвучию латинское слово *nihilo* (ничего) заменено на латинское же слово *Nilo* (Нил).

Для осмысления этого выражения необходимо знание основных латинских афоризмов. Данная фраза, с одной стороны, повторяет структуру латинской фразы, с другой стороны, ее же опровергает. Логическая ошибка понимается только в контексте исторических событий.

В следующей эпиграмме описана несостоявшаяся высадка Наполеона в Англию.

Fire and Smoke:

*Written on the Column erected at Boulogne to commemorate
Napoleon's attempt to invade England (1804)*

*When ambition achieves its desire,
How Fortune must laugh at the joke;
He rose in a pillar of fire,
To set in a pillar of smoke.*

John Philpot Curran (1750-1817) [Davenport: 26].

В данном тексте используется и образ «огненного столба», заимствованного из Библии (там это был знак, ведущий иудеев в пустыне), и образ «столба дыма», которым на деле оказался замышлявшийся огненный столб, и образ Фортуны, которая насмехается над неудачей амбициозного Наполеона. Сам Наполеон по имени не называется, но местоимение *he*, безусловно, обозначает именно его.

То же самое событие отражено и в тексте следующей эпиграммы, но здесь суть выражена не с помощью высоких мифологических аллегорий, а на уровне простого разговорного языка и посредством игры слов.

*Says Boney to Johnny, «I'm coming to Dover»;
Says Johnny to Boney, «You're better at home»;
Says Boney to Johnny, «I mean to come over»;
Says Johnny to Boney, «You'll be over-com».*

Anon. [Davenport: 26]

Структура данной эпиграммы проста: это воображаемая беседа англичанина (обобщенный образ — Джонни) с Наполеоном (используется

презрительная кличка *Бони*, от *Бонапарт*). Собственно смысл эпиграммы выражается посредством игры слов *come over* — *over-come* (переправиться через Ла-Манш и, тем самым, напасть на Англию vs. быть побежденным). В сознании читателя возникает и несомненное осознание презрения автора эпиграммы к самому Наполеону, которого называют презрительной кличкой, а оппонентом Наполеона оказывается простой Джонни, представитель английского народа, определенно не относящийся к аристократии и разговаривающий с французским императором на равных.

Концепт может быть сегментным, представлять собой базовый чувственный слой, окруженный несколькими сегментами, равноправными по степени абстракции. Подобный случай мы видим в следующей эпиграмме.

On the Leaders of the Walcheren Expedition (1809)

*The Earl of Chatham, with sword drawn,
Stood waiting for Sir Richard Strahan;
Sir Richard, longing to be at 'em,
Stood waiting for the Earl of Chatham.*

Anon. [Davenport: 27]

Речь здесь идет о неудачном английском десанте на Антверпен в июле 1809 года, известном под название «Вальхеренская экспедиция». В результате этой операции английский отряд потерял половину состава и был разгромлен. Причиной поражения считается отсутствие согласия в действиях двух английских военачальников, графа Чатэма и Ричарда Стрэна. С концептуальной точки зрения в структуре эпиграммы можно вычленить базовый слой (поражение в военной операции) и два равноправных сегмента, описывающих двух английских генералов-неудачников.

В более сложных случаях базовый слой концепта описывается в объемных терминах, как ядро (а не слой), окруженное интерпретационными слоями. Эта интерпретационная часть представляет собой совокупность слабо структурированных предикаций, отражающих интерпретацию отдельных концептуальных признаков и их сочетаний в виде утверждений, установок сознания, вытекающих из содержания концепта. Интерпретационное поле концепта составляет его периферию. Проиллюстрировать сказанное можно на примере следующей эпиграммы.

On Napoleon's Retreat from Russia (1812)

*Of all hard-nam'd gen'ral's that caus'd much distraction,
And poor Boney's hopes so ill-naturedly cross'd,
The hardest of all, and the keenest in action,
That Russia produces is General Frost.*

Anon. [Davenport: 28]

В эпиграмме возникает известный образ генерала Мороза, на которого жаловались многие интервенты. Этот образ является базовым для

концептосферы данной эпиграммы. На его ближайшей периферии находится ряд генералов «с трудными именами» (Кутузов, Багратион и другие русские военачальники, фамилии которых являются сложными для запоминания и произношения средним англичанином). В следующем когнитивном слое обнаруживаем действия этих генералов, которые «злонамеренно перечеркнули надежды Наполеона». Безусловно, в таком определении их действий (*ill-naturedly*) присутствует и ярко выраженный сарказм как очередной когнитивный слой. Наконец, на периферии присутствует и образ самого Наполеона, издевательски названного «бедный Бони», но в данном тексте он оказывается пассивным участником ситуации, всего лишь игрушкой в руках генерала Мороза.

Для понимания концептуальной структуры эпиграммы важны как ядро, так и периферия, однако следует дифференцировать их в процессе описания, поскольку их статус и роль в структуре эпиграммы и в процессах ее понимания различны.

Текст следующей эпиграммы построен на сообщении, что личные шпоры Наполеона были обнаружены в его карете, захваченной на поле боя, и эпиграмматист развил эту краткую информацию в живое описание бегства Наполеона, который удирает с поля боя быстрее ветра, а шпоры ему были все равно не нужны, поскольку его пришпоривал сам Веллингтон.

*On hearing that Napoleon's Spurs had been Discovered in his Carriage
after the Battle of Waterloo (1815)*

*These Napoleon left behind,
Flying swifter than the wind,
Needless to him when buckled on,
Wanting no spur but Wellington.*

Thomas, Lord Erskine (1748-1823) [Davenport: 30].

В эпиграмме присутствует и базовый образ (удирующий Наполеон), и причина этого бегства (Веллингтон, олицетворяющий всю английскую армию), и живописные подробности бегства Наполеона (быстрее ветра).

Результатом анализа служит вывод о том, что в когнитивной основе английской эпиграммы времен Наполеоновских войн лежит противостояние Англии и Франции, часто олицетворяемых военными вождями — в качестве представителей Англии выступают Нельсон и Веллингтон, в качестве представителя Франции — Наполеон. Представителем Англии в тексте эпиграммы может выступать и простой англичанин — Джонни, за Францию же всегда выступает только сам император. Существенно, что Наполеона именуют преимущественно презрительной кличкой — Бони, и в этом можно видеть проявление основной концептуальной оценки Наполеона, выражаемой в презрении к нему со стороны эпиграмматистов. Это презрение, в свою очередь отражает безусловную уверенность эпиграмма-

тистов в справедливости войны, которую вела их страна, и столь же безусловную уверенность в окончательной победе. Поэтому можно сделать вывод, что базовым концептом английской эпиграммы эпохи Наполеоновских войн является патриотизм.

Именно с позиций патриотизма в текстах эпиграмм рассматриваются все события и все персонажи. Патриотизм побуждает авторов эпиграмм презрительно и насмешливо относиться к врагам своей страны, но этот же патриотизм не заставляет их закрывать глаза на собственные недостатки. Авторы эпиграмм жестко бичуют и собственных военачальников, членов правительства и даже королей, если их действия представляются неудачными или даже глупыми. С другой стороны, авторы эпиграмм не стесняются горячо похвалить собственных военачальников – Нелсона или Веллингтона – в случае побед.

Проведенный анализ показал, что корректная интерпретация текста эпиграммы должна опираться на когнитивный контекст. Под когнитивным контекстом понимается та область знания, которая лежит в основе формирования смысла данной эпиграммы.

Литература

Аллен Дж. Ф., Перро Р. Выявление коммуникативного намерения, содержащегося в высказывании // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. — М., 1986.

Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Постулаты когнитивной лингвистики // Известия РАН. Серия лит-ры и языка. — 1997. — №1.

Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. — 2004. — №4.

Кубрякова Е.С. Проблемы представления знаний в современной науке и роль лингвистики в решении этих проблем // Язык и структуры представления знаний. — М., 1992.

Радченко О.А. Язык как мирозидание. Лингвофилософская концепция неогумбольдтианства. — М., 1997.

Попова З.Д., Стернин И.А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. — Воронеж, 1999.

Davenport Adams W. English epigrams. — London: Woodfall and Kinder (publication date unknown) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.archive.org/stream/englishepigrams00adamrich>

ВЫБОР СЛОВ ПРИ ПОРОЖДЕНИИ ВЫСКАЗЫВАНИЯ В СОСТОЯНИИ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ

Эмоциональное состояние всегда присутствует в жизни человека и, соответственно, является неотъемлемым прагматическим аспектом любой коммуникативной ситуации. Как подчеркивают психологи, исследующие особенности эмоциональных состояний человека, наличие определенных потребностей, целей, к которым человек стремится, и признаваемые им ценности придают определенную значимость жизненным ситуациям, в которых он находится. Возникающие у человека эмоциональные переживания являются отражением этих ситуаций и оказывают значительное влияние на его текущие состояния и деятельность. Эмоциональное состояние может влиять на все уровни речевой коммуникации, начиная с выбора речевых тактик и заканчивая фонетической реализацией.

Настоящая статья посвящена проблеме влияния эмоционального фактора на процесс коммуникации, в результате чего происходит искажение информации при нарушении синтаксической, грамматической и стилистической норм. Рассмотрим ряд типичных явлений, сопровождающих выбора слов при порождении высказывания в состоянии эмоциональной напряженности.

1. Возрастание количества и длительности пауз нерешительности.

Следующие примеры доказывают утверждение о том, что в состоянии эмоциональной напряженности возникают затруднения в оперативном выборе слов для адекватного выражения мыслей: существенно возрастает количество и длительность пауз нерешительности, во время которых говорящий пытается подобрать подходящее слово; как правило, такие паузы сопровождаются нефонологическими вокальными образованиями.

(1) *Nevertheless he wanted have the engaged one, which led to the (pause) position we find ourselves in today* (www.youtube.com/watch?v=Ya1VqJkLC5M).

(2) *I pushed the legislation through over the objection of the Pentagon, over the threat of veto of President Bush. I want (pause) to make (pause) change!* (www.youtube.com/watch?v=Ya1VqJkLC5M).

(3) *So, you know, I think (pause) it is (pause) clear, that (pause) what we need is somebody who can deliver changes* (www.youtube.com/watch?v=KdqVrabAhxc).

(4) *And I am going to say that four leading democratic (pause) presidential (pause) candidates behind for the presidential nomination are all joining us tonight (www.youtube.com/watch?v=Yr9RoZguG6w).*

(5) *You know (pause), it is (pause) a (pause) hmm... word that originally meant aaa... that you were for the freedom (www.youtube.com/watch?v=Yr9RoZguG6w).*

(6) *And again for the first 45 minutes of these debates I will (pause) be posing questions in 3 eeh... rather broad categories (www.youtube.com/watch?v=Yr9RoZguG6w).*

(7) *Ahh... we did ahh... take action ahh... similar to what has been described (pause) about 10 years ago. Based on what we thought could be actionable intelligence (pause) ahh... to try to (pause) target ah... Bin Laden and his top leadership who were thought to be ahh... at a certain ahh... meeting place. Ahh... they were not (pause) ahh... taken out at the time (www.youtube.com/watch?v=JCyURc06bZg).*

(8) *Aaa... m-m-Mr Chomsky, we're talking there about aaa... American aaa... terror and I think you made (pause) every accurate observation (pause) that we are responsible for what we do, but hardly responsible for (pause) what (pause) other people do except in so far as we are in the position to (pause) influence them (www.youtube.com/watch?v=VYIMEVTa-PI).*

Во всех приведенных примерах присутствуют логически неоправданные паузы. Они гораздо длиннее пауз, необходимых для членения слов в речевом потоке. Большинство пауз заполнены нефонологическими вокальными образованиями типа *aaa*, *aah*, *eeh*, *hhm* и другими. Возникновение конкретного типа нефонологических вокальных образований связано с индивидуальными особенностями каждого говорящего. Обычно в речи конкретного говорящего доминирует определенный вид таких образований.

Анализируя данные примеры, можно сделать вывод о том, что небольшое количество поисковых пауз, либо заполненных поисковых пауз не может повлиять на возникновение коммуникативной неудачи, то есть эмоциональная напряженность в таком проявлении не вызывает явление коммуникативной неудачи. Смысл всех приведенных примеров остается ясен как читателю, так и, нужно предположить, слушателям.

Однако наличие большого количества таких пауз затрудняет восприятие речи слушающим, затрудняет понимание, приводит к потере слушающим логической цепочки. Также большое количество таких пауз может быть неправильно истолковано слушающим — оно создает впечатление незнания говорящим предмета разговора. Соответственно, в случае большого количества таких пауз в речи очень вероятно возникновение коммуникативной неудачи. Иными словами, эмоциональная напряженность может привести к коммуникативной неудаче.

2. Возрастание количества семантически нерелевантных повторов отдельных звуков, слогов, слов и сочетаний слов, предшествующих искомому слову.

Следующие примеры иллюстрируют утверждение о том, что в состоянии эмоциональной напряженности возрастает количество семантически нерелевантных повторов отдельных звуков, слогов, слов и сочетаний слов, предшествующих искомому слову, во время которых осуществляется поиск требуемого слова.

(1) *And this... this is not... this is not necessary. These are third world nations* (www.youtube.com/watch?v=R9Samvw6Z08).

(2) *The president is not arrogant. The president is not subject... is not subject to a barker mentality* (www.youtube.com/watch?v=R-eetQ9Nydg).

(3) *He did the right thing in responding and reacting to the fact that we've been attacked. And people now recognize attack Am... attack America and there's a response* (www.youtube.com/watch?v=R-eetQ9Nydg).

(4) *The new mission for N... for NATO and for other nations is to help provide the rule of law, education is not through mattresses. A-a-a-agricultural and economic policies that can be instilled in various Islamic countries* (www.youtube.com/watch?v=R-eetQ9Nydg).

(5) *No, well, no, no, I don't believe that. You see, I think that, I think... The point that I'm trying to make and I think ought to be made is that* (www.youtube.com/watch?v=VYIMEVTa-PI).

Некоторое количество семантически нерелевантных повторов, возникающих в речи в состоянии эмоциональной напряженности, можно назвать «заполнителями пауз» — во время произнесения их говорящий пытается найти подходящее выражение для облечения своих мыслей в слова. Такие типы повторов встречаются в примерах 1, 2, 5.

В остальных случаях причина возникновения повторов неизвестна, повторы напоминают заикание. На самом деле никто из говорящих не страдает данным дефектом речи, в связи с чем можно предположить, что повторы возникают за счет воздействия состояния эмоциональной напряженности на речевую моторную функцию говорящего. Такие повторы можно сравнить с тремором рук, который возникает у большинства людей в состоянии эмоциональной напряженности, — произвольное, неконтролируемое действие.

Проанализировав данные примеры, можно сделать вывод, что в случае, когда количество таких нерелевантных повторов невелико, смысл высказывания остается ясен, а значит, оно выполняет свою коммуникативную задачу, соответственно, коммуникативной неудачи не происходит.

Если же количество повторов возрастает, это затрудняет понимание, но все же вряд ли может привести к коммуникативной неудаче, так как слу-

шающий сам может проанализировать ряд называемых слов и по аналогии понять, какое именно слово ищется говорящим, так как нерелевантные повторы все же обладают близким смыслом с искомым словом.

3. Возрастание количества «слов-паразитов».

Что же касается употребления в речи «слов-паразитов», то они являются явным показателем неграмотной речи, что недопустимо для статуса публичных деятелей.

Следующие примеры иллюстрируют возрастание количества «слов-паразитов».

(1) *Many of the charges that have been leveled... amm... are not totally... amm... you know... unrelated to the very record that you have* (www.youtube.com/watch?v=bKujUdCRKoQ).

(2) *Well (pause) you've changed positions within three years. Aam... (pause) You know, a range of issues that you put forward when you ran for the Senate. Ahh... and now you have changed. You know you said you would vote for the patriot act* (www.youtube.com/watch?v=bKujUdCRKoQ).

(3) *No, I mean, I say I say, you know I mean it's, it's they they've...* (www.youtube.com/watch?v=FCrXpKEiEbY).

(4) *No, well, no, no, I don't believe that. You see, well I think that, I think* (www.youtube.com/watch?v=VYIMEVTa-PI).

(5) *Yeah, but how people?.. Well, you know, how we just unite with the Russians and then dance around I mean, you know...* (www.youtube.com/watch?v=FCrXpKEiEbY).

(6) *We have not done a kind of commitment that is necessary to protect us from this kind of ahh... importation* (www.youtube.com/watch?v=JCyURc06bZg).

В примере 6 *kind of* является сленговым выражением; в примерах 1, 2, 3, 5 выражения типа *I mean, you know* не несут смысловой нагрузки в данном контексте, они перегружают текст и очевидно излишни. Необходимо отметить, что «словами-паразитами» становятся любые слова, употребленные неоправданно часто, что и происходит в примере 4 с междометием *well*.

В примерах 3 и 5 приведена речь «представителя направления Хиппи», приглашенного для участия в телевизионных дебатах. Можно предположить, что над речью этого человека работа не ведется (в отличие от тех политиков, примеры речи которых приведены в остальных примерах), тем более, что, будучи представителем направления хиппи, молодой человек позиционирует себя как свободного от общепринятых условностей, в том числе и условий грамотно поставленной речи. Также необходимо отметить, что в отличие от остальных, он, вероятно, нечасто принимает участие в публичных выступлениях. В его речи можно найти гораздо больше «слов-паразитов», чем в речи остальных. Можно сделать вывод о том, что чем более грамотна речь говорящего в обычном состоянии, чем больше работы над

ней проведено, тем меньше «слов-паразитов» возникает у него и в состоянии эмоциональной напряженности.

Можно утверждать, что производимый эффект зависит от качества самих «слов-паразитов»: если они контрастируют со стилем речи, например, являются элементом просторечия, то это неблагоприятным образом влияет на производимое говорящим впечатление. Соответственно, в целом, коммуникативная задача не выполняется, а значит можно говорить о возникновении коммуникативной неудачи. Стоит заметить, что эффект усиливается тем больше, чем больше «слов-паразитов» присутствует в речи говорящего.

Необходимо также отметить, что наличие в речи конкретных «слов-паразитов» является индивидуальной характеристикой каждого индивидуума в отдельности. В речи одних или других говорящих доминируют те или иные «слова-паразиты».

В то же время в целом они ухудшают качество речи и не должны присутствовать в грамотной, хорошо поставленной речи. Как известно, над речью людей, выступающих публично, постоянно ведется работа, так как это является важной частью их деятельности, от нее зависит успех. Соответственно, наличие в публичном выступлении политика «слов-паразитов» является красноречивым доказательством того, что говорящий находится в состоянии эмоциональной напряженности, а также неблагоприятным образом отражается на мнении о нем, так как идет в разрез с общепринятыми представлениями о грамотной речи. Таким образом, сверхзадача политика по внушению благоприятного впечатления о себе не выполняется — можно говорить о коммуникативной неудаче.

И.Ю. Вострикова
г. Санкт-Петербург

ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА В ПАРТИЙНОМ ДИСКУРСЕ

Политический дискурс становится все более популярным объектом исследования отечественных и зарубежных лингвистов. Различными аспектами возникновения и функционирования политического дискурса занимались Вольфсон И.В., Гончарова Е.А., Демьянков В.З., Иссерс О.С., Кашкин В.Б., Паршин П.Б., Чернявская В.Е., Чудинов А.П., Шейгал Е.И. и другие. Среди зарубежных работ по политическому дискурсу следует отметить работы Водак Р., Дирберга Т.Б., Лакоффа Дж., Фэрклау Н., Чилтона П., Чулиараки Л.

Дискурс мы будем понимать как языковое выражение отдельной сферы деятельности и определенной идеологически обусловленной системы использования языка [Чернявская 2006]. Прагматический подход, трактующий коммуникативное событие как интегративную совокупность

отдельных коммуникативных актов, позволяет также рассматривать дискурс как совокупность тематически соотнесенных текстов. Таким образом, дискурс охватывает многие тексты с общими содержательными характеристиками, или типы текста данного дискурса (политического, экономического, медицинского и т.д.). Некоторые научные труды указывают на возникновение отдельных ветвей лингвистики, основанных на широком тематическом принципе, признавая рождение политической лингвистики (или политической филологии), юридической лингвистики и др. [Демьянков 2002].

Детальное изучение таких крупных дискурсивных формаций как, например, политической или юридической, приводит к выделению более специальных дискурсов. Так, в рамках фундаментальной коммуникативной политической области выделяют отдельные секторы специальных дискурсов: дискурс пропаганды и политической рекламы (Вайс Д., Вольвак Н.П., Бокмельдер Д.А.); президентский дискурс (Спиридовский О.В., Нахимова Е.А., Вепрева И.Т., Шейгал Е.И.); политический газетный дискурс (Алещанова И.В., Грушевская Т.М., Иванова С.В.); дискурс выборных кампаний (Бенуа В., Филинский А.А., Каслова А.А.); дискурс холодной войны (Чилтон П., Медхест М.Дж.); дискурс глобализации (Фэрклау Н.) и др.

Вопросы англоязычного партийного дискурса, рассматриваемого в статье, освещались в работах Дука А.В., Кашкина В.Б., Логиновой И.Ю., Малиновой О.Ю., Шейгал Е.И. и других. Популярной и плодотворной темой для отечественных исследователей в области лингвистики, социологии и политологии также становился российский партийный дискурс.

Типы текстов, представляющих партийный дискурс, возможно условно разделить на внутри- и внешнепартийные. Первые относятся к сфере так называемого «внутрипартийного строительства» и включают партийный устав, партийную программу, протокол и др. Вторая часть текстотипов партийного дискурса направлена на внешнепартийного адресата и охватывает манифест, декларацию, тексты выступлений в парламенте, тексты выборных кампаний и т.д.

В качестве материала анализа мы выбрали политические программы двух ведущих партий США: Республиканской и Демократической.

Теория метафоры в современной лингвистике выступает как сложная неоднозначная концепция. Риторические и когнитивные исследования последних лет обращаются к трактовке метафоры не только как сугубо языкового явления, но и как широкого проявления аналоговых возможностей сознания.

Для стилистики и риторики метафора наряду с метонимией является ведущим тропом, состоящим в замене слова или словосочетания, выра-

жающих некий класс объектов, для обозначения другого на основе подобия или сходства значений. Поворотной в теории метафоры стала работа Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем» (1980). Авторы заявили о принадлежности метафоры не только языковой системе, но и мышлению, действиям и нашему осмыслению явлений объективной реальности. «Согласно теории концептуальной метафоры в основе метафоризации лежит процесс взаимодействия между структурами знаний (фреймами и сценариями) двух концептуальных доменов — сферы-источника (source domain) и сферы-мишени (target domain). В результате однонаправленной метафорической проекции (metaphorical mapping) из сферы-источника в сферу-мишень сформировавшиеся в результате опыта взаимодействия человека с окружающим миром элементы сферы-источника структурируют менее понятную концептуальную сферу-мишень, что составляет сущность когнитивного потенциала метафоры» [Будаев, Чудинов:2006]. В рамках данной теории метафорический перенос может происходить не только между отдельными элементами двух структур знаний, но и между целыми структурами концептуальных доменов. Вопросами политической метафоры также занимались Арутюнова Н.Д., Баранов А.Н., Будаев Э.В., Дэвидсон Д., Караулов Ю.Н., Кобозева И.М., Лассан Э.Р., Чудинов А.П. и другие.

И.М. Кобозева выделяет следующие основные функции политической метафоры:

- эстетическая (исконная функция украшения речи),
- активационная (как средство активизации восприятия реципиента),
- эвристическая (как способ осмысления изменяющейся политической реальности и формулирования новых политических программ),
- аргументативная (как элемент логической аргументации и манипуляции),
- эвфемистическая.

Эвфемистическая функция характерна исключительно для политических метафор, не встречаясь у метафор поэтических или научных. «Благодаря своей фигуральности, небуквальности она выполняет прагматическую интерактивную функцию сглаживания наиболее опасных политических высказываний, затрагивающих спорные политические проблемы, минимизируя ответственность говорящего за возможную буквальную интерпретацию его слов адресатом» [Кобозева 2001].

В статье «Метафора и война: система метафор для оправдания войны в заливе» Дж. Лакофф систематизирует метафоры согласно основным политическим концептам: государство и индивид, торговля и риск, война

как особая политика и как очищающая мера. Представляется интересным представить метафоры, встречающиеся в программах различных политических партий, аналогичным образом.

Политическая программа — официальный партийный документ, заявляющий намерения и идейные взгляды партии, ее действия в случае победы на выборах в отношении управления государством в различных отраслях (экономического развития, образования, социальных реформ, международной политики и т.п.). В рамках партийного дискурса данный текстотип представляется основополагающим, имеющим «фундаментальное» для партии значение.

Партийные программы выполнены в формате официально-делового стиля, в общем и целом не расположенном к метафоричности изложения. Тем не менее, стремление популяризировать идеи партии и ознакомить как можно большее количество избирателей с программными положениями, текст документа частично «приукрашивается» изобразительными средствами, характерными больше для стиля художественных произведений или риторики. Таким образом, в программных текстах, особенно в главах, не включающих статистический иллюстративный материал, мы находим широкое поле для исследования политической метафоры.

Итак, мы выделяем несколько характерных для американской политической мысли концептуальных областей (сфер, доменов), находящих свое отражение в метафорах: «человек / действия и чувства человека», «религия и помощь Бога Америке», «природа», «техника / строительство», «движение / дорога», «деньги».

Концептуальная область «человек / действия и чувства человека» является одним из ведущих для американских политических текстов. За последние годы антропоцентрическая теория все больше актуализируется в исследованиях лингвистов, социологов и политологов, разрабатывая категории адресованности, контактности и диалогичности текста. Антропоцентрическая метафора наиболее эффективно реализует аргументативную и контактную функции, столь востребованные для политического дискурса.

A number of truly ludicrous personnel directives have grown out the Clinton administration's love affair with quotas (Rep.).

Метафора задает саркастический тон, поддерживаемый дискредитирующим эпитетом *ludicrous* и модальным наречием *truly*. В данном контексте в общем позитивное словосочетание *love affair* приобретает негативный, иронический оттенок. Ср. также и следующий аналогичный пример:

Thus concepts periodically urged by the vice president and others wedded to yesterday's regulatory world should be rejected (Rep.).

They are victims of this disgraceful federal welfare state that entraps them. And their children are the prisoners of the war on poverty (Rep.).

Фрагмент необычайно насыщен лексемами отрицательной коннотации, находящихся в близкой позиции друг к другу, приобретая, таким образом, большую силу воздействия. См. также:

At this point, when we are just dangling our feet in the waters of reform, we cannot shrink from our responsibility. We must dive in head first (Rep.).

America has always been the home of religious liberty, a beacon for all who desire to worship as they choose or not to worship at all (Rep.).

That's why Al Gore is committed to making Social Security safe and secure for more than half a century by using the savings from our current unprecedented prosperity to strengthen the Social Security Trust Fund in preparation for the retirement of the Baby Boom generation (Dem.).

Концептуальная область «религия и помощь Бога Америке»:

Yet, when the Iron Curtain parted, we found no Garden of Eden but rather a landscape of desolation and destruction resulting from an unchecked lust for economic development that swept aside all other values (Rep.).

Отрывок насыщен метафорами различного характера: от библейского Garden of Eden и «театральной» метафоры эпохи холодной войны *the Iron Curtain* до эмотивно-метафоричных *unchecked lust, swept aside*. Яркость образов, созданная метафорами, не только дает полную иллюстрацию ситуации, но и созидает и отсылает особый иконический знак в сознание реципиента, который будет и в дальнейшем его использовать, столкнувшись с данной тематикой.

Democrats know that for all of us there is no more solemn responsibility than that of stewards of God's creation (Rep.).

The Earth truly is in the balance — we are the guardians of that harmony.

State courts and governments face “beggar-thy-neighbour” incentives: the benefits of big awards are concentrated locally while the costs are spread among distant consumers and investors (Rep.).

Just as our country has been the chief apostle of democracy in the world, we must lead by example at home (Dem.).

We must launch a new crusade — calling on the resources of government; employers, the high-tech industry... - to move forward full Internet access in every home... (Dem.).

Концептуальная область «природа» включает семантические переносы, относящейся к полям «явления природы», «растения», «ландшафт» и др., а также зоометафоры.

Demonstration projects are little more than a fig leaf, a trusty gimmick for covering up naked pork-barrel spending (Rep.).

Метафора *fig leaf* имеет античную этимологию и несет уничижительное значение подлежащему «демонстрационные проекты». В сочетании с *trusty gimmick* / надежный трюк дается оценочная и обличительная характеристика обсуждаемой теме — расходам. Пожалуй, самая сильная метафора здесь — *naked pork-barrel*. В прямом смысле *pork barrel* переводится как «кадушка для хранения свинины», в переносном значении «средства к существованию». В политическом контексте выражение приобретает еще одно дополнительное значение — «казенный пирог», мероприятие, проводимое правительством для завоевания популярности. В полную силу метафора начинает работать в окружении лексем семантического поля «трюк / махинация»: *gimmick, covering up, naked*. См. также:

Globalization must be made a tide that lifts all boats, not a wave that overwhelms the most vulnerable among us (Dem.).

We need to harness technology's power and make sure America stays on the cutting-edge (Rep.).

As we have seen, the market is not the problem in health care, it is the root of the solution (Rep.).

Democrats believe that to further our prosperity and make sure all Americans are ready to reap the rewards of the new economy we need thinking as innovative as the moment in which we live (Dem.).

We cannot convince our children to value education when they are packed into crammed classrooms like sardines in a can (Dem.).

Cutting our punitive capital gains tax will unleash a flood of entrepreneurial capitalism and job opportunities (Rep.).

After 1988, the regulatory state blossomed with a flurry of new laws (Rep.).

However well-intended welfare might have been, we are burying our heads in the sand (Rep.).

Распространенные метафоры, встречающиеся, кстати, и в русском языке, как «прятать голову в песок», «вылететь в окно» и др., присутствуют в политическом тексте и выполняют интимизирующую функцию, т.к. создают эффект разговорной речи между равными партнерами. Ср. также:

Balance and common sense went out the window (Rep.).

Концептуальная область «техника / строительство»: метафоры основаны на концепте технических устройств *engine, siphon, forge*. Смысл действия, производимого техникой, метафорически переносится на экономический, политический или социальный процесс, усиливая выражаемую идею. Сема «строительство / здание» обычно используется, когда речь идет о какой-либо системе.

The current tax system is strangling America's small businesses, which are the engine of job creation in the U.S. economy (Rep.).

Their Social Security privatization plot would siphon \$1 trillion in payroll taxes away from the Social Security trust fund, take 14 years off the life of Social Security (Dem.).

We forge partnerships between labor and management that recognize the interests of both sides (Rep.).

Not surprisingly, the quarter of a century since the first Earth Day has seen the establishment of a huge edifice of environmental laws and regulations (Rep.).

Too often, our culture offers our children a virtual crash course in violence and degradation (Dem.).

Balance and common sense went out the window (Rep.).

Концептуальная область «движение / дорога»: данный концепт позволяет более выразительно обозначить идею непрерывности и скорости осуществления явлений. В рамках этого концепта наиболее известная и устоявшаяся метафора — arms race / гонка вооружений.

True open trade is not just about profits, but about people; not a race to the bottom, but a dash to the top (Dem.).

We reject Republican plans to endanger our security with massive unilateral cuts in our arsenal and to construct an unproven, expensive, and ill-conceived missile defense system that would plunge us in to a new arms race (Dem.).

The road to long term prosperity starts with embracing fiscal discipline (Dem.).

Концептуальная область «деньги» характерен, в основном, для тактик дискриминации оппонента. В данный концепт включают такие полярные семы как «легитимные расходы / растрата, грабеж», «государственные интересы / личная корысть» и др.:

At the same time, we don't want citizens or businesses robbing future generations of their heritage by harming the environment (Rep.).

When the federal budget is tight — as it is now — lawmakers are tempted to require businesses to pay for services that might otherwise have come out of the government's pockets (Rep.).

Несомненно, вариативность метафор не ограничивается списком предложенных концептов. Частотны метафоры, отражающие и другие концепты, например, СВЕТ/ТЬМА, ТЕАТР:

«Свет / тьма»:

During our nation's darkest hours, Americans have strived mightily and succeeded in meeting the challenges of their times (Dem.).

One reason is that most Americans remain in the dark about the actual cost of their own medical treatment (Rep.).

«Театр»: наиболее известной метафорой данного концепта является Iron Curtain. Ср. также:

A popular government, without popular information, or the means of acquiring it, is but a prologue to a farce or a tragedy (Rep.).

Таким образом, наш анализ показал разнообразие и полифункциональность метафорического материала в партийном дискурсе. Метафора не только украшает «сухую» официальность политических программ, но и полностью соответствует основной цели политического дискурса, полноценно участвует в воздействии на адресата, привлечении его на свою сторону, убеждении его с помощью аргументации, иллюстративности и манипулятивных приемов.

Литература

Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. — М., 1990.

Блакар Р. Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия. — М., 1987.

Будаев Э.В. Метафора в политическом интердискурсе. — Екатеринбург: Изд-во УГПУ, 2006.

Будаев Э.В., Чудинов А.П. Современная политическая лингвистика. — Екатеринбург: Изд-во УГПУ, 2006.

Кобозева И.М. [Семантические проблемы анализа политической метафоры. // Вестник МГУ. Серия 9: Филология. № 6. — М., 2001.](#)

Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса. Проблемы речевого воздействия. Учебное пособие. — М. : Флинта, Наука, 2006.

Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. — М., 2004.

Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live by*. — Chicago, 1980.

Lakoff G. *Metaphor and War. The Metaphor System Used to Justify War in the Gulf*. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://metaphor.uoregon.edu/lakoff-1.htm> — 1991.

Lakoff G. *The Contemporary Theory of Metaphor* // *Metaphor and Thought*. — Cambridge, 1993.

Е. А. Моргун
г. Санкт-Петербург

КОМПОЗИЦИОННАЯ СТРУКТУРА ИНАУГУРАЦИОННОГО ОБРАЩЕНИЯ В КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Инаугурационная речь нового президента считается одной из важнейших речей в США, поскольку представляет собой идеологическую интерпретацию истории развития и становления института президентства в

США, является средством выражения идеологических установок и политического кредо лидера, формулирует основные принципы, которыми глава государства будет руководствоваться во внутренней и внешней политике на протяжении четырех лет.

Язык политики оказывает непосредственное воздействие на каждого отдельного человека, формируя его мировоззрение, влияя на характер восприятия окружающего мира. Другими словами, цель политического дискурса, разновидностью которого является инаугурационный дискурс, заключается в «убеждении, пробуждении в адресате намерения к действию», воодушевлении [Bailey 1985: 104].

Инаугурационное обращение американских президентов регулируется строгими правилами ритуала, установленными сложившейся традицией, таким образом, инаугурационная речь — речь-клятва на преданность и верность идеалам своего государства. По мнению Р. Джослин, инаугурационная речь — «безрисковая риторика», не содержащая полемических утверждений, способных вызвать чье-либо недовольство, возражение или несогласие [Joslyn 1986: 316].

Интенциональное и тематическое наполнение инаугурационных речей американских президентов характеризуется вполне устойчивой композиционной структурой выступления, включающей следующие обязательные компоненты.

1) Обещание президента достойно выполнять свои обязанности:

Having determined not to become a candidate for reelection, I shall have no motive to influence my conduct in administering the Government except the desire ably and faithfully to serve my country and to live in grateful memory of my countrymen (James Buchanan, March 4, 1857);

I should be untrue to myself, to my promises, and to the declarations of the party platform upon which I was elected to office, if I did not make the maintenance and enforcement of those reforms a most important feature of my administration (William Howard Taft, March 4, 1909).

Как правило, при обещании президента достойно выполнять свои обязанности выражается и значительно сильнее представлено индивидуально-личностное начало говорящего, проявляющееся в частотном использовании предложений с субъектом *I*:

The responsibilities of the position I feel, but accept them without fear. The office has come to me unsought; I commence its duties untrammelled. I bring to it a conscious desire and determination to fill it to the best of my ability to the satisfaction of the people. On all leading questions agitating the public mind I will always express my views to Congress and urge them according to my judgment, and when I think it advisable will exercise the constitutional privilege of interposing a veto to defeat measures which I oppose; but all laws will be faithfully executed, whether they meet my approval or not. I shall on all subjects have a policy to recommend, but none to enforce against the will of the people... I know no method

to secure the repeal of bad or obnoxious laws so effective as their stringent execution (Ulysses S. Grant, March 4, 1869).

В процессе коммуникации личностное начало является очень важным элементом, от которого во многом зависит настрой участников коммуникации, а в инаугурационных речах проявление личностного начала оратора оказывает непосредственное влияние на создание положительного эмоционального настроя со стороны американского народа.

Но избрание президента — это волеизъявление народа; президент посвящает свою жизнь служению народа, на него возлагается огромная ответственность — действовать во благо нации.

То есть, помимо обещания президента достойно выполнять свои обязанности, внимание акцентируется на том, что церемония введения президента в должность представляет собой торжественное взаимное соглашение: «народ, нация является таким же полноправным участником инаугурации, как и президент. Без присутствия второй стороны — народа — акт введения президента в должность состояться не может» [Шейгал 2002: 207].

There is no constitutional or legal requirement that the President shall take the oath of office in the presence of the people, but there is so manifest an appropriateness in the public induction to office of the chief executive officer of the nation that from the beginning of the Government the people, to whose service the official oath consecrates the officer, have been called to witness the solemn ceremonial. The oath taken in the presence of the people becomes a mutual covenant (Benjamin Harrison, March 4, 1889).

Роль народа в реализации политического курса неизмеримо выше, чем роль президента:

In your hands, my fellow citizens, more than mine, will rest the final success or failure of the course (John F. Kennedy, January 20, 1961).

*In **your** hands, my dissatisfied fellow countrymen, and not in **mine**, is the momentous issue of civil war. The government will not assail **you**. You can have no conflict, without being yourselves the aggressors. **You** have no oath registered in Heaven to destroy the government, while I shall have the most solemn one to preserve, protect and defend it* (Abraham Lincoln, March 4, 1865).

Здесь также манифестируется концепт ЕДИНСТВО, репрезентирующий речевую тактику единения (интеграции), реализующий задачу объединить слушателей как единый народ, призвать их действовать вместе и сообща, стремиться к единению и общности.

Идея «единения» страны присутствует во всех инаугурационных обращениях американских президентов и актуализируется такими лексико-семантическими вариантами концепта ЕДИНСТВО и эксплицитными маркерами интеграции, как: *my fellow citizens, my fellow Americans, my fel-*

low countrymen, the people, our / your country, we, our, both, united и др., а также реализуется в призыве к единению:

And so, my fellow Americans: ask not what your country can do for you — ask what you can do for your country (John F. Kennedy, January 20, 1961);

So let us begin anew — remembering on both sides that civility is not a sign of weakness, and sincerity is always subject to proof. Let us never negotiate out of fear. But let us never fear to negotiate (John F. Kennedy, January 20, 1961).

2) Экскурс в историческое прошлое и новизна ситуации.

Экскурс в прошлое в инаугурационных речах предполагает упоминание о мудрости отцов-основателей, о первом президенте США, положительную оценку деятельности бывшего президента. История рассматривается как ценный ресурс для решения стоящих перед страной задач:

I've just repeated word for word the oath taken by George Washington 200 years ago, and the Bible on which I placed my hand is the Bible on which he placed his. It is right that the memory of Washington be with us today not only because this is our bicentennial inauguration but because Washington remains the Father of our Country (George H. W. Bush, January 20, 1989).

Кроме того, экскурсии в прошлое служат в качестве аргументативной аналогии, позволяющей надеяться на успешное преодоление трудностей, предполагая ссылку на уже имеющийся исторический опыт:

Yet our distress comes from no failure of substance. We are stricken by no plague of locusts. Compared with the perils which our forefathers conquered because they believed and were not afraid, we have still much to be thankful for (Franklin D. Roosevelt, March 4, 1933).

Экскурс в историю показывает, что институт президентства в США развивается вместе с обществом. Его цель в инаугурационном обращении — отразить преемственность идеалов и ценностей американской нации.

Инаугурационный дискурс неразрывно связан с мировоззренческими приоритетами и ценностными доминантами общества, которые образуют его концептуальную основу. На речевом уровне тактика учета ценностных ориентиров адресата в инаугурационных речах американских президентов представлена следующими базовыми (универсальными) концептами: HOMELAND, FREEDOM, WORK, FAITH, DISCIPLINE, COMFORT, SECURITY, SAFETY, PROSPERITY и другими. Данные концепты принадлежат к числу культурно-специфических, определяющих систему ценностей нации.

В то же время только опоры на прошлое недостаточно. Подчеркивается значимость момента и новизна ситуации, говорится о необходимости преобразований, обновления, президент уверен в улучшении политической ситуации в стране:

As times change, so Government must change. We need a new Government for a new century, humble enough not to try to solve all our problems for us but strong enough to give us the tools to solve our problems for ourselves, a government that is smaller, lives within its means, and does more with less. Yet where it can stand up for our values and interests around the world, and where it can give Americans the power to make a real difference in their everyday lives, Government should do more, not less. The preeminent mission of our new Government is to give all Americans an opportunity, not a guarantee but a real opportunity, to build better lives (William J. Clinton, January 20, 1997).

3) Изложение принципов, которыми президент будет руководствоваться во внутренней и внешней политике:

Together, we will reclaim America's schools, before ignorance and apathy claim more young lives; we will reform Social Security and Medicare, sparing our children from struggles we have the power to prevent; we will reduce taxes, to recover the momentum of our economy and reward the effort and enterprise of working Americans; we will build our defenses beyond challenge, lest weakness invite challenge; and we will confront weapons of mass destruction, so that a new century is spared new horrors (George W. Bush, January 20, 2001);

We face at this moment a most important question that of the future relations of the United States and Cuba. With our near neighbors we must remain close friends. The declaration of the purposes of this Government in the resolution of April 20, 1898, must be made good. Ever since the evacuation of the island by the army of Spain, the Executive, with all practicable speed, has been assisting its people in the successive steps necessary to the establishment of a free and independent government prepared to assume and perform the obligations of international law which now rest upon the United States under the treaty of Paris (William McKinley, March 4, 1901).

Декларация данных принципов не носит регулятивного характера, не является непосредственным призывом к действию, а лишь предлагается для размышления, реализуется через концепты ДОЛГ и РАБОТА.

Концепт ДОЛГ реализуется посредством следующих индикаторов: *must, sacred obligation, sacred duty, responsibility:*

We must act today in order to preserve tomorrow (Ronald Reagan, January 20, 1981);

It has been our uniform practice to retire, not increase our outstanding obligations, and this policy must again be resumed and vigorously enforced (William McKinley, March 4, 1897).

Концепт РАБОТА реализуется через: *task, effort, service, work, challenge.*

All laws to secure these ends will receive my best efforts for their enforcement (Ulysses S. Grant, March 4, 1869).

Anxiety for the redemption of the pledges which my party has made and solicitude for the complete justification of the trust the people have reposed in us constrain me to remind those with whom I am to cooperate that we can succeed in doing the work which has been

especially set before us only by the most sincere, harmonious, and disinterested effort (Grover Cleveland, March 4, 1893).

4) Идеологическое осмысление насущных проблем:

That we are in the midst of crisis is now well understood. Our nation is at war, against a far-reaching network of violence and hatred. Our economy is badly weakened, a consequence of greed and irresponsibility on the part of some, but also our collective failure to make hard choices and prepare the nation for a new age. Homes have been lost; jobs shed; businesses shuttered. Our health care is too costly; our schools fail too many; and each day brings further evidence that the ways we use energy strengthen our adversaries and threaten our planet... Today I say to you that the challenges we face are real. They are serious and they are many. They will not be met easily or in a short span of time. But know this, America they will be met (Barack Obama, January 20, 2009).

Изложение основных, даже самых общих положений программы действий невозможно без упоминания насущных проблем дня. Несмотря на торжественный, праздничный характер церемонии, президент считает необходимым показать народу свое понимание и обеспокоенность проблемами, которые волнуют все общество, тем самым еще раз демонстрируя единение с народом.

5) Убеждение в великом предназначении Америки:

Realizing that we can not live unto ourselves alone, we have contributed of our resources and our counsel to the relief of the suffering and the settlement of the disputes among the European nations. Because of what America is and what America has done, a firmer courage, a higher hope, inspires the heart of all humanity (Calvin Coolidge, March 4, 1925).

I see a great nation, upon a great continent, blessed with a great wealth of natural resources (Franklin D. Roosevelt, January 20, 1937);

Great nations like great men must keep their word. When America says something, America means it, whether a treaty or an agreement or a vow made on marble steps (George H. W. Bush, January 20, 1989).

Then, in turmoil and triumph, that promise exploded onto the world stage to make this the American century. And what a century it has been. America became the world's mightiest industrial power, saved the world from tyranny in two World Wars and a long cold war, and time and again reached out across the globe to millions who, like us, longed for the blessings of liberty (William J. Clinton, January 20, 1997).

6) Убеждение посредством апелляции к Богу:

The Almighty God has blessed our land in many ways. He has given our people stout hearts and strong arms with which to strike mighty blows for freedom and truth. He has given to our country a faith which has become the hope of all peoples in an anguished world.

So we pray to Him now for the vision to see our way clearly to see the way that leads to a better life for ourselves and for all our fellow men-and to the achievement of His will to peace on earth (Franklin D. Roosevelt, January 20, 1945).

7) Оптимистический финал выступления — президенты стремятся завершить выступление, оптимистично глядя в будущее:

America. In the face of our common dangers, in this winter of our hardship, let us remember these timeless words. With hope and virtue, let us brave once more the icy currents and endure what storms may come. Let it be said by our children's children that when we were tested we refused to let this journey end, that we did not turn back nor did we falter; and with eyes fixed on the horizon and God's grace upon us, we carried forth that great gift of freedom and delivered it safely to future generations (Barack Obama, January 20, 2009).

Рассмотренные элементы композиционной структуры инаугурационной речи могут быть представлены в различной последовательности. Часто инаугурационная речь характеризуется кольцевой структурой построения: и в начальной, и в заключительной части выступления упоминается надежда на поддержку со стороны соотечественников и Бога. Например, Д. Эйзенхауэр начинает свою инаугурационную речь следующим образом:

My friends, before I begin the expression of those thoughts that I deem appropriate to this moment, would you permit me the privilege of uttering a little private prayer of my own. And I ask that you bow your heads: Almighty God, as we stand here at this moment my future associates in the Executive branch of Government join me in beseeching that Thou will make full and complete our dedication to the service of the people in this throng, and their fellow citizens everywhere.

И заканчивает ее следующими словами:

This is the hope that beckons us onward in this century of trial. This is the work that awaits us all, to be done with bravery, with charity, and with prayer to Almighty God (Dwight D. Eisenhower, January 20, 1953).

Подводя итоговую черту, следует отметить, что инаугурационное обращение президента предоставляет президенту США уникальную возможность апеллировать к национальным ценностям, взывая к национальной гордости, патриотизму и нравственным чувствам людей, тем самым вызывая наружу скрытый в повседневности патриотический настрой нации, что обеспечивает президенту дополнительную эмоциональную поддержку населения. Таким образом, в инаугурационных речах американских президентов прослеживается преемственность национальных идеалов, традиций, ценностей, что, в свою очередь, отражается и в текстах инаугурационных обращений, характеризующихся вполне устойчивой композиционной структурой, включающей:

- 1) обещание президента достойно выполнять свои обязанности;
- 2) экскурс в историческое прошлое и новизну ситуации;
- 3) изложение принципов, которыми президент будет руководствоваться во внутренней и внешней политике;

- 4) идеологическое осмысление насущных проблем;
- 5) убеждение в великом предназначении Америки;
- 6) убеждение посредством апелляции к Богу;
- 7) оптимистический финал выступления.

Литература

Шейгал Е. И. Инаугурационное обращение как жанр политического дискурса // Жанры речи. — Саратов : Колледж, 2002. — С. 205-214.

Bayley P. Live Oratory in the Television Age : The Language of Formal Speeches // Campaign Language : Language, Image, Myth in the U.S. Presidential Elections 1984 / Ed. G. Ragazzini, D. R. B. P. Miller. — Bologna : Cooperativa Libreria Universitaria Editrice Bologna, 1985. — P. 77-174.

Joslyn R. Keeping Politics in the Study of Political Discourse // Form, Genre, and the Study of Political Discourse / Ed. H. Simons, A. Aghazarian. — Columbia : University of South Carolina Press, 1986.

Источник иллюстративного материала

Presidential Speech Archive [Electronic resource] // Miller Center of Public Affairs. — Access mode: <http://millercenter.org/>

*Т. В. Людерс
г. Санкт-Петербург*

К ВОПРОСУ ОБ УНИФИКАЦИИ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО АППАРАТА В ОБЛАСТИ РЕГУЛЯТИВНЫХ РЕЧЕВЫХ АКТОВ

Парадигмы современного языкознания и смежных с ним дисциплин сосредоточены на прагматическом подходе, однако и коммуникативный подход, вскрывающий свойства языковых единиц, при этом не уходит полностью на задний план [Филиппова 2007: 4]. Подобные тенденции, по нашему мнению, закономерны: выделенные два подхода к описанию языка теснейшим образом связаны и дополняют друг друга каждый со своей специфической стороны. Подобные подходы позволяют рассматривать речевую деятельность (как речевую коммуникацию, так и речевой акт и его разновидности) в аспекте общей стратегии, так как владение стратегиями и тактиками входит в прагматическую компетенцию говорящего: чем более он компетентен в речи, в выборе языковых средств, тем многообразнее и гибче его стратегия и тактика и тем успешнее он добивается своих целей [Румянцева 2004: 5].

В контексте изучения проблемы функционирования регулятивных речевых актов как в исторической ретроспективе, так и в современном аспекте следует особо отметить работы отечественных и зарубежных исследователей Н.Д. Арутюновой, Я.В. Боргер, Е.А. Гагарской, В.С. Гри-

горьевой, И.М. Кобозевой, Т.В. Матвеевой, Х.И. Муххамада, Г.Г. Почепцова, А.Н. Синицыной, М.Ю. Федосюка, Ю. Хабермаса, Е.Н. Румянцевой, Т.В. Шмелевой и др.

Вопросам изучения проблемы речевых актов в аспекте прагматической компетенции говорящего и определения регулятивных речевых стратегий и тактик посвящены исследования многих российских и зарубежных лингвистов, среди которых необходимо выделить Н.А. Белоус, И.Н. Борисову, С.И. Виноградова, В.С. Григорьеву, С.А. Зелинского, О.С. Иссерс, Е.В. Ключева, Д.М. Леви, М.Л. Макарова, Т.В. Матвееву, А.В. Плотникову, А.А. Романова, А.П. Сковородникова, М.Н. Смирнову, И.С. Строеву, Л.А. Фирстову, И.С. Черкасову, Т.Е. Янко и др., труды которые имеют определяющее значение для разработки исследуемой нами проблемы.

Анализ исследований вышеназванных авторов показывает, что в современной лингвистической науке осуществился поворот к активизации изучения такой основной синтаксической единицы в речевой сфере [Боргер 2004: 6], составляющей существо речевого общения, как речевой акт (или, как его еще называют языковой или лингвистический акт [Серль 1986: 151]). В фокусе внимания исследователей вновь оказались такие феномены, как типологизация речевых актов, отличительные особенности речевых и коммуникативных актов, причины речевых неудач, речевые и коммуникативные стратегии и тактики. В вышеназванном контексте все большее внимание лингвистов привлекает изучение функционирования явления регулятивных речевых актов, единое понимание сущности которых, как показывают проведенные нами исследования, сегодня, к сожалению, в современной науке отсутствует, будучи обусловленным рядом объективных причин. Подобная ситуация, в свою очередь, накладывает свой негативный отпечаток на качественный процесс изучения существующих стратегий и тактик в области регулятивных речевых актов, как отдельного научного направления. В связи с этим обратимся к рассмотрению понятия «регулятивный речевой акт» в контексте определения стратегий и тактик его проявления и проанализируем в сравнительном аспекте существующие в данной области наиболее актуальные компетентные мнения представителей современной науки (в контексте последних научных исследований 2005-2009 гг.).

В данной области, в первую очередь, необходимо отметить, что теоретической основой исследований регулятивных речевых актов в сегодняшней лингвистической науке является теория коммуникативных актов Ю. Хабермаса [Habermas 1995], интерпретировавшего и развившего теорию речевых актов, в том числе в области их типологизации, созданную Дж. Серлем [Searle 1998], Дж. Остином [Остин 1999]. Ю. Хабермас, рас-

смаывая речевую деятельность в коммуникативном контексте, определил регулятивные речевые акты (*Regulativa*) как выражающие смысл отношений между говорящим и слушающим, основанные на определенных правилах; которые могут учитываться или не учитываться коммуникантами (приказы, требования, угрозы, предупреждения, запреты, разрешения, подтверждения, советы, признания, согласие, прощение и т.д.). Разные виды актов, по Ю. Хабермасу, накладывают характерный отпечаток на окончательную стратегическую цель акта в силу своих свойств. В частности, регулятивные акты предоставляют возможности для достижения консенсуса в контексте осуществления регулятивной деятельности субъекта коммуникативного процесса. [Habermas 1989: 59].

В условиях вышеназванной типологизации следует сразу отметить одну из причин, затрудняющих разработку единого определения регулятивного речевого акта и регулятивных стратегий и тактик в сегодняшней науке, заключающуюся в исторически сложившемся замещении в исследованиях многих специалистов понятий коммуникативный и речевой акт, коммуникативные и речевые стратегии и тактики, что приводит к превалорированию рассмотрения регулятивных речевых актов преимущественно через коммуникативные функции [Абрамова 2002: 148].

Так, в концепции коммуникативного акта Е.В. Ключева, исследованиях Х.И. Муххамада [Муххамад 2006: 9] утверждается, что акт речевого взаимодействия между носителями языка есть коммуникативный акт, в ходе которого носители языка решают прежде всего коммуникативные задачи, т.е. общаются, обмениваются сведениями — информацией [Ключев 1998: 43, 6; Муххамад 2006: 9]. Термины «речевой акт» и «коммуникативный акт», при этом, не являются взаимозаменяемыми: речевой акт предполагает акцент на действие, а термин коммуникативный акт — на взаимодействие субъектов. Соответственно определять регулятивный речевой акт исключительно в коммуникативном аспекте представляется нецелесообразным в силу природы данного явления. В подтверждение этого, приведем мнение А.Н. Сеницыной, согласно которому регулятивная деятельность представляет собой скоординированный процесс действия партнеров друг на друга, систему, включающую в себя целый ряд регулятивных речевых действий и актов, получающих различное языковое оформление. Актуализация стратегического компонента регулятивной деятельности при этом, по мнению ученого, обусловлена глобальной установкой участников общения на эффективное решение поставленных задач, успешное достижение цели общения [Сеницына 2005: 11].

Однако следует подчеркнуть уже высказанное нами утверждение о том, что унифицированного мнения исследователей по поводу единого определения регулятивных речевых актов не существует. В работах совре-

менных авторов помимо коммуникативного аспекта определяются и другие акценты для определения сущности регулятивного речевого акта (с точки зрения целей регулятивного речевого акта, субъектов участия, управленческих аспектов и т.д.). Такое расхождение в понятиях значительно затрудняет ориентацию в исследовании проблемы регулятивных речевых актов, что потребовало выработки авторского терминологического аппарата для продолжения исследований в данном направлении. В связи с этим под регулятивными речевыми актами, основываясь на исследованиях А.Н. Сеницыной [Сеницына 2005] и Ю. Хабермаса [Habermas 1989] и интерпретируя их в авторском ключе, мы понимаем — акты речевого, скоординированного воздействия партнеров друг на друга, выражающие смысл отношений между говорящим и слушающим, основанные на определенных правилах (которые могут учитываться и не учитываться коммуникантами) и составляющие в совокупности ряд регулятивных речевых действий, получающих различное языковое оформление и характеризующиеся наличием стратегического регулятивного компонента как условия успешного достижения цели общения в их контексте. Таким образом, рассматривать регулятивные стратегии и тактики речевых актов исключительно в коммуникативном ключе, на наш взгляд, также является не совсем оправданным. Вышесказанное привело нас к необходимости уточнения существующего терминологического аппарата в данной области, для обоснования содержания которого приведем сравнительный анализ актуальных подходов к этому вопросу современных исследователей.

В работах В.С. Григорьевой [Григорьева 2006], И.М. Кобозевой [Кобозева 1986], мнения которых мы полностью разделяем, отмечается, что изучение регулятивных речевых актов сегодня затрудняется в силу ряда причин: отсутствия адекватной методологической базы в области исследования регулятивных речевых актов, в частности, и речевых актов в целом, крайнего сужения объекта исследования, абсолютизации роли коммуникативной цели речевого акта при недооценке других целей (в том числе стратегических, тактических), достигаемых в общении, вне социального, культурного понимания регулятивного речевого акта, статической точки зрения на объект [Григорьева 2006: 19; Кобозева 1986: 8].

Как показывает проведенный нами анализ, наиболее часто употребляемым терминологическим определением в исследуемом нами ключе являются «регулятивные стратегии». Подчеркивая важность их существования, большинство современных авторов (мнение ряда которых рассмотрены нами в настоящей статье), уточняющих в своих работах сущность термина «регулятивный речевой акт», при этом квалифицируют его как неудачный, если при его реализации не достигается определенная стратегическая цель.

Как подчеркивает в своих работах О.С. Иссерс, термин «речевые регулятивные стратегии» вошел в активное употребление с середины 80-х годов XX века, что отражает усиление уже упомянутого нами прагматического подхода в языкознании [Иссерс 2003: 52]. По мнению О.С. Иссерс, стимулом для возросшего интереса к стратегическому аспекту явились экстралингвистические факторы, а именно формирование социального заказа на знание закономерностей человеческого общения, а также потребность в информации, учитывающей феномен жизни человека со всеми его психическими, социальными и этнокультурными характеристиками. Это привело к интенсивному взаимодействию гуманитарных дисциплин и появлению исследований, посвященных общим и частным проблемам философии коммуникации и различных теорий, интерпретирующих процессы речевого общения, в частности исследований регулятивных речевых стратегий [Иссерс 2003: 14]. На взгляд О.С. Иссерс, в основе лексического значения слова «стратегия» лежит идея планирования действий, связанных с социальной конфронтацией, противоборством [Иссерс 2003: 55].

По мнению Д.М. Леви, регулятивная речевая стратегия предстает как когнитивный процесс, в котором говорящий соотносит свою коммуникативную цель с конкретным языковым выражением [цит. по: Макаров 2006: 193]. В зависимости от поставленной цели регулятивной речевой деятельности каждый участник коммуникации совершает выбор определенных языковых (вербальных и невербальных) средств, соответствующих его личностным (ценностным, когнитивным и поведенческим) характеристикам.

В рамках концепции динамической модели регулятивной коммуникации, разработанной А.А. Романовым [Романов 2006 и др.], нашли отражение регулятивные речевые стратегии, представленные в коммуникативной ключе с учетом аспекта вариативности. Согласно А.А. Романову, регулятивная речевая (или коммуникативная) стратегия представляет собой некий тип поведения одного из партнеров в конкретной ситуации общения, который обусловлен и соотносим с планом достижения коммуникативных (или глобальной) целей в рамках сценария регулятивной речевой деятельности [Романов 2006: 203-216].

В работах П.В. Зернецкого особо выделяется творческий и коммуникативный характер регулятивной речевой стратегии, под которой ученый определяет творческую реализацию коммуникантом плана построения своего речевого поведения в контексте использования регулятивных речевых актов с целью достижения общей (глобальной) языковой/неязыковой задачи общения [Зернецкий 2000: 40].

Коммуникативную направленность регулятивной речевой стратегии, а также ее комплексность отмечает также Н.С. Болотнова, уделившая в

своих работах особое внимание ее типологизации. На взгляд ученого, регулятивная стратегия является одним из видов речевой стратегии (комплекса речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели, она ориентирована на поэтапный процесс регулирования познавательной деятельности читателя средствами текста [Болотнова 2006: 108-113]. По мнению Н.С. Болотновой, можно выделить регулятивные стратегии разных типов с учетом определенных параметров: степени экспликации целевой программы текста; регулятивной силы текста; характера регулятивных средств и способов регулятивности. В данном контексте исследователем определены регулятивные стратегии эксплицитного и имплицитного типа; сильные и слабые регулятивные стратегии; регулятивные стратегии однородного/ неоднородного типа; регулятивные стратегии последовательно-дополнительного, усилительно-конвергентного, парадоксально-контрастного типов [Болотнова 2006: 19-26]. Н.А. Белоус отмечает коррекционный характер регулятивной стратегии, которая, по мнению ученого, является разновидностью речевой стратегии, направленной на коррекцию процесса скоординированного воздействия оппонентов друг на друга в условиях рассогласования взаимодействия [Белоус 2008: 9].

Отметим, что при этом понятия «регулятивные речевые тактики» в работе вышеназванных исследователей не используется. Однако вопрос их существования при этом подвергается не менее активному рассмотрению ученых, которые определяют его подчинительный характер и функционирование в рамках стратегической составляющей регулятивных речевых актов. Так в исследованиях С.И. Виноградова [Виноградов 2007: 67] нашли свое определение как регулятивные стратегии, так и тактики. Регулятивные речевые стратегии, по мнению С.И. Виноградова, выявляются на основе анализа хода коммуникативного взаимодействия на протяжении всего разговора. Их определяет регулятивная макроинтенция одного (или всех) участника диалога, обусловленная социальными и психологическими ситуациями. Регулятивные речевые тактики, на взгляд С.И. Виноградова, выполняют функцию способов осуществления регулятивной стратегии речи. [Виноградов 2007: 69].

Регулятивные речевые стратегии и тактики также нашли отражение в исследованиях И.С. Черкасовой. При этом необходимо отметить, что в работах И.С. Черкасовой, в соответствии с уже обозначенными нами выше тенденциями, можно заметить смешение понятий речевых и коммуникативных стратегий. Цель коммуникации и различные способы ее решения, считает И.С. Черкасова, соотносятся с понятиями регулятивной речевой стратегии и тактики. Таким образом, под регулятивной речевой стратегией И.С. Черкасова понимает совокупность регулятивных речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели. Регуля-

тивную речевую тактику при этом исследователь трактует как конкретные регулятивные речевые действия, способствующие реализации регулятивной речевой стратегии [Черкасова 2006: 16].

В работах М.Н. Смирновой также находит свое отражение коммуникативный характер стратегической и тактической определяющей регулятивных речевых процессов [Смирнова 2003: 11]. Поскольку, вступая в коммуникацию, участники общения ориентированы на ее успех, отмечает исследователь, они стремятся максимально реализовать свои установки и, как следствие этого, вынуждены отбирать и структурировать языковые знаки. В связи с этим выбор оптимальных языковых единиц делает регулятивную речевую коммуникацию стратегическим процессом. Ведение единой регулятивной стратегической линии с целью осуществления коммуникативной установки находит отражение в серии применяемых регулятивных тактик [Смирнова 2003: 11].

Взаимоопределяемость стратегии и тактики в контексте регулятивных речевых актов, их соотношение определяется в работах Е.В. Ключева. Ученый предлагает следующую схему, позволяющую понять соотношение элементов стратегии и тактики в коммуникативном регулятивном процессе: «следуя определенной коммуникативной интенции в контексте регулятивной речевой деятельности, говорящий вырабатывает регулятивную стратегию, которая преобразуется в регулятивную тактику (или не преобразуется, или преобразуется неуспешно) как совокупность регулятивных намерений (задач), пополняя коммуникативный опыт говорящего» [Ключев 1998: 49].

Как отмечается в исследованиях А.В. Плотниковой, в настоящее время в современной науке широко описаны регулятивные тактики и стратегии говорящего как средства воздействия на слушающего в собственных целях. При этом регулятивные тактики и стратегии слушающего же неоправданно обделены вниманием, хотя ни у кого не вызывает сомнения их важность [Плотникова 2008: 74]. Регулятивную речевую стратегию А.В. Плотникова вслед за И.Н. Борисовой [Борисова 2001: 4] определяет как общее намерение, сверхзадачу речи, соответственно понимая речевую тактику как психологический ход, «речевой поступок», осуществляемый языковыми средствами, с помощью которых реализуются те или иные стратегии коммуниканта в рамках регулятивной речевой деятельности [Плотникова 2008: 74].

А.П. Сковородников в своих работах подчеркивает системную связь понятий «регулятивная речевая тактика» и «регулятивная речевая стратегия», которые, по мнению исследователя, связаны как часть и целое [Сковородников 2007: 5] (а в интерпретации Т.В. Матвеевой — как вид и род [Матвеева 2003: 284-285]), следовательно, определять их нужно в соотно-

сении друг с другом. Исходя из выдвинутых положений и обобщая суждения, высказанные о содержании этих понятий другими авторами, А.П. Сковородников определяет интересующие нас понятия следующим образом: «Регулятивная речевая (коммуникативная) стратегия — это общий план, или «вектор», регулятивного речевого поведения, выражающийся в выборе системы продуманных говорящим/пишущим поэтапных регулятивных речевых действий; линия регулятивного речевого поведения, принятая на основе осознания коммуникативной ситуации в целом и направленная на достижение конечной коммуникативной цели (целей). Каждая регулятивная речевая (коммуникативная) стратегия характеризуется определенным набором регулятивных речевых тактик, представляющих собой конкретный регулятивный речевой ход в процессе осуществления стратегии; регулятивное речевое действие, соответствующее тому или иному этапу в реализации регулятивной речевой стратегии и направленное на решение частной коммуникативной задачи этого этапа» [Сковородников 2007: 7].

Изучая проблемы соотношения регулятивной стратегии и тактики, Л.А. Фирстова высказывает мнение об их манипулятивном характере. Регулятивная стратегия, пишет исследователь, подразумевает цель манипулирования сознанием адресата, в силу этого она почти всегда выражена косвенно, так как зритель, пассивно получая информацию, все равно делает для себя определенные выводы. При этом регулятивная речевая тактика понимается исследователем как способ реализации коммуникативного регулятивного плана или стратегии [Фирстова 2008: 7].

В завершении рассмотрения содержания регулятивных стратегий и тактик в современной науке следует также подчеркнуть, что данные явления определяются в сегодняшних условиях появлением в их отношении новых терминологических составляющих. Так, термины «стратегия» сегодня зачастую заменяются авторами на термины «технология», «правила». Так, например, в исследованиях И.С. Строевой отмечается, что регулятивные речевые стратегии в современной лингвистической науке целесообразно определять как регулятивные речевые правила, и в таком случае стратегия становится синонимом максимы [Строева 2008: 8]. Подобные интенции исследователей хотя и вносят определенную путаницу в формировании единого понимания сущности регулятивных актов и формирования стратегий и тактик в их аспекте, однако способствуют дальнейшему качественному развитию данного научного направления, стимулируя исследователей к разработке авторского терминологического аппарата.

Таким образом, следует констатировать тот факт, что содержание понятий «регулятивные стратегии» и «регулятивные тактики» у разных специалистов в лингвистической науке сегодня находит неоднозначную

интерпретацию, при этом осуществляясь преимущественно в коммуникативном ключе, что требует, как уже отмечалось в нашей статье, унификации соответствующего терминологического аппарата. В этой связи наиболее четкими и содержательными в силу отмеченной нами природы регулятивной стратегии и тактики нам представляются определения, данные этим феноменам исследователями Н.С. Болотновой, Д.М. Леви, А.В. Плотниковой, А.П. Сковородниковым, Л.А. Фирстовой. Данные исследователи обосновали, на наш взгляд, наиболее важные характеристики регулятивной речевой стратегии, отличающие ее от другого рода речевых стратегий, а именно комплексность ее характера, когнитивную основу данного явления, коммуникативную направленность и манипулятивность, а также системообразующую логическую взаимосвязь феноменов регулятивной стратегии и тактики.

Основываясь на исследованиях вышеуказанных представителей современной лингвистической науки и аккумулируя их содержательный потенциал, мы считаем необходимым уточнить содержание явления регулятивной стратегии и тактики в авторском ключе, сформулировав их следующим образом. Регулятивная речевая стратегия являясь одним из видов речевой стратегии представляет собой комплексный, когнитивный процесс коммуникативного характера, выражающийся в выборе говорящим/пишущим системы продуманных поэтапных регулятивных речевых действий, формирующих линию регулятивного речевого поведения, принятую на основе осознания коммуникативной ситуации в целом и направленную на достижение конечной коммуникативной цели (целей) за счет эффективного использования набора определенных регулятивных речевых тактик, представляющих собой конкретный регулятивный речевой ход (шаг, поворот, этап) в процессе осуществления стратегии. Таким образом, регулятивная речевая стратегия и тактика являются единой неразрывной системой, в контексте функционирования которой тактики выступают в качестве способа реализации коммуникативного регулятивного плана или стратегии.

В завершение подчеркнем тот факт, что рассмотренные в данной статье ряд актуальных подходов к проблеме функционирования регулятивных речевых стратегий и тактик не противоречат друг другу, а наоборот, дополняя друг друга, в совокупности раскрывают многоуровневую и полифункциональную природу регулятивного речевого акта и регулятивных речевых стратегий и тактик.

Литература

Абрамова Т.В. Диалогизм в прагмалингвистике и изучение речевого этикета. Аспекты метакоммуникативной деятельности // Теоретическая и

прикладная лингвистика : межвуз. сб. науч. тр. — Вып. 3. — Воронеж, 2002. — С. 148-159.

Белоус Н.А. Конфликтный дискурс в коммуникативном пространстве: семантические и прагматические аспекты : автореф. дисс... канд. филол. наук. — Краснодар, 2008.

Болотнова Н.С. Коммуникативная стилистика текста // Вестник ТГПУ. — 2006. — Вып. 5 (56). Серия: Гуманитарные науки (Филология). — С. 108-113.

Болотнова Н.С. Регулятивная стратегия художественного текста и ее виды // Текст: семантика, форма, функция: Мат-лы межвузовской науч.-практ. конф. (6-7 октября 2004 г.) / Отв. ред. С.В. Пискунова. Тамбов, 2004. — С. 19-26.

Боргер Я.В. Комплексный анализ речевых актов негативной реакции (на материале современных драматических произведений) : автореф. дисс... канд. филол. наук. — Тюмень, 2004.

Борисова И.Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика. — Екатеринбург, 2001.

Виноградов С.И. Культура речи. — М., 2007.

Григорьева В.С. Речевое взаимодействие в прагмалингвистическом аспекте на материале немецкого и русского языков: Учеб. пособие. — Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2006.

Зернецкий П.В. Коммуникационные стратегии: классификационный аспект // Методология исследования политического дискурса: актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов: Сб. науч. тр. — Минск : БГУ, 2000.

Иссерс О.С. Речевое воздействие в аспекте когнитивных категорий. — Омск, 2005.

Клюев Е.В. Речевая коммуникация: Учеб. пособие для университетов и вузов. — М., 1998.

Кобозева И.М. «Теория речевых актов» как один из вариантов теории речевой деятельности // Новое в зарубежной лингвистике. — Вып. 17: Теория речевых актов. — М. : Прогресс, 1986. — С. 7-21.

Макаров М.Л. Коммуникативные практики в современном обществе. — Тверь: Изд-во ТГУ, 2006.

Мартынова И.А. Функционально-прагматическое поле менасивных речевых актов (на материале современной англоязычной художественной литературы) : автореф. дисс... канд. филол. наук. — Самара, 2006.

Матвеева Т.В. Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика. — М. : Флинта: Наука, 2003.

Муххамад Х.И. Прагматический компонент «взаимодействие» в аудиторном дискурсе (на материале речи преподавателя) : автореф. дисс... канд. филол. наук. — М., 2006.

Остин Д. Избранное: Пер. с англ. Л.Б. Макеевой, В.П. Руднева. — М. : Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999.

Плотникова А.В. Дискурсивный диалогический повтор как средство реализации коммуникативных тактик слушающего. — Саратов : Изд-во Пед. ин-та СГУ, 2008.

Речевая коммуникация: Учеб. пособие / Гойхман О.Я., Надеина Т.М. — М. : Изд-во Инфра-М, 2009.

Романов А.А. Стратегический принцип распределения регулятивных действий в типовом диалоге. — Тверь: Изд-во ТГУ, 2006.

Румянцева Е.Н. Регулятивные речевые действия как фактор успешности диалога и компонент коммуникативной стратегии партнеров по общению : дисс. ... канд. филол. наук. — Орел, 2004.

Серль Дж.Р. Что такое речевой акт // Новое в зарубежной лингвистике. — Вып. 17. — М., 1986. — С. 151-158.

Синицына А.Н. Метакоммуникативные единицы и их роль в организации и регуляции англоязычного диалогического общения : дис. ... канд. филол. наук. — СПб., 2005.

Сковородников А.П. О необходимости разграничения понятий «риторический прием», «стилистическая фигура», «речевая тактика», «речевой жанр» и сопутствующих им явлений в практике терминологической лексикографии. — Смоленск : СГПУ, 2007.

Смирнова М.Н. Коммуникативные неудачи в неофициальном диалоге: на материале английского языка : автореф. дисс. ... канд. филол. наук. — М., 2003.

Строева И.С. Прагматические и когнитивные особенности текстов английской и русской классифицированной рекламы (сравнительно-сопоставительный анализ) : автореф. дисс... канд. филол. наук. — Пятигорск, 2008.

Филиппова Ю.В. Функционально-семантическая транспозиция интеррогативных реплик в динамической модели диалога (на материале русского и английского языков) : автореф. дисс... канд. филол. наук. — Ульяновск, 2007.

Фирстова Л.А. Дискурсивные стратегии и тактики в рамках телепублицистического дискурса (на материале русскоязычных и англоязычных информационных программ) : автореф. дисс... канд. филол. наук. — Саратов, 2008.

Черкасова И.С. Реализация коммуникативной стратегии самопрезентации личности в русских и немецких объявлениях о знакомстве : дисс... канд. филол. наук. — Волгоград, 2006.

Habermas J. The structural transformation of the public sphere: An inquiry into a category of bourgeois society. — Cambridge : Polity Press, 1989.

Habermas J. The theory of communicative action. — Vol. 1. Reason and the rationalisation of society. — Cambridge : Polity Press, Blackwell Publishers, 1995.

Searle J.R. The Construction of Social Reality. — L., 1998.

ПРИЧИНЫ ВАРЬИРОВАНИЯ ЧАСТОТНОСТИ И СОСТАВА МОДАЛЬНЫХ СЛОВ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ

Модальные слова (здесь и далее мы будем использовать данный термин для обозначения как собственно модальных слов (*конечно*), так и модальных словосочетаний (*без сомнения*)) выражают эпистемическую модальность. Согласно определению Е.И. Беляевой, приведенному в ее монографии «Функционально-семантические поля модальности в английском и русском языках» эпистемическая модальность — это «устанавливаемое говорящим отношение содержания высказывания к действительности в плане его достоверности/ недостоверности» [Беляева 1985: 126]. Модальные слова обладают рядом функций, которые проявляются часто именно в художественных текстах как текстах с наличием повествователя.

Мы хотим обратить внимание на одну особенность эпистемической модальности, а именно: то, что эта категория обладает неинтенциональным (языковым) скрытым смыслом. Данное понятие разрабатывалось А.А. Масленниковой, которая определяет скрытый смысл как смысл, вербально не выраженный в тексте сообщения, но воспринимающийся адресатом как подразумеваемый и интерпретируемый им на основании языковой компетенции, знаний о мире и имеющихся в тексте сообщений показателей. Скрытые смыслы А.А. Масленникова делит на интенциональные и неинтенциональные, принадлежащие языковой структуре [Масленникова 1999].

Неинтенциональный (языковой) скрытый смысл эпистемической модальности — обязательное наличие субъекта оценки, так называемого «говорящего», которым всегда является первое лицо, т.е. «я». В некоторых эпистемических модальных модификаторах, т.е. элементах выражающих эпистемическую модальность, таких, как, например, *I think, I'm sure, it seems to me*, данный смысл представлен эксплицитно. Однако в модальных словах субъект логической оценки не эксплицируется. Субъектом логической оценки в художественном тексте может быть один из героев романа (в диалоге или свободном косвенном дискурсе) или повествователь.

Частотность употребления тех или иных конструкций, выражающих эпистемическую модальность, очень различается от автора к автору, от произведения к произведению, а также в различных частях одного и того же произведения. Основная доля употребления модальных слов приходится на диалоги, в которых герои произведения делают какие-то утверждения, сопровождая их своим отношением в плане вероятности-

невероятности, сомнения, уверенности и т.п. Однако гораздо более интересно проанализировать недиалогичные, нарративные части произведений.

Как мы уже заметили, для появления модальных слов необходим «говорящий», который и будет выражать с их помощью свое отношение к высказыванию в плане его эпистемической характеристики. Кто может быть этим «говорящим» в нарративе? Прежде всего, это сам автор текста. Как справедливо отмечает Е.В. Падучева, в разных литературных текстах присутствие автора ощущается в разной степени. Однако художественный текст, в котором вообще не было бы следов его создателя, в принципе невозможен [Падучева 1996: 258]. Его выдают эгоцентрические элементы языка, ориентированные на его, на говорящего. К таким элементам традиционно относили дейктические слова. Вслед за Якобсоном, Е.В. Падучева относит к эгоцентрическим элементам и показатели субъективной модальности — вводные слова, предложения с эксплицированной иллюкутивной функцией, модальные слова и частицы, которые подразумевают говорящего, и т.п. [Якобсон 1972]

Автор в художественном тексте должен как бы скрывать свое существование, иначе это приведет к разрушению иллюзии реальности. В коммуникативной ситуации нарратива аналогом говорящего является не сам автор, а, как иногда говорят, образ автора, или повествователь. Скрытость субъекта логической оценки модальных слов обуславливает возможность использования их как показателя присутствия повествователя в тексте.

Лингвистами выделяются две формы традиционного нарратива, которые различаются типом повествователя:

а) перволичная форма с (диегическим) персонифицированным повествователем, т.е. рассказчиком (он же персонаж); он может быть в 1-м лице (как, например, в пушкинском «Выстреле»), но может иметь также и 3-е, как, например, Максим Максимович в «Герое нашего времени»;

б) aukториальная форма, иначе — нарратив 3-го лица с экзегетическим повествователем, не принадлежащим миру текста (как, например, в «Пиковой даме»).

Помимо традиционного нарратива, выделяется также и такая повествовательная форма, как свободный косвенный дискурс (СКД) [Падучева 1996 и др.]. В СКД повествователь — во всем тексте или в существенных его фрагментах — отсутствует или играет пониженную роль в композиции (как, например, в «Белой гвардии») [Падучева 1996: 214].

В последней повествовательной форме модальные слова принадлежат уже не повествователю, а персонажу. Таким образом, в нарративе «говорящим», выражающим свое отношение к высказыванию, может быть повествователь или — в свободном косвенном дискурсе — герой произ-

ведения. Е.В. Падучева обращает также внимание на противопоставление между всезнающим и прагматически мотивированным экзегетическим повествователями. Всезнающий повествователь не дает нам отчета об источниках своих знаний; он описывает внутреннее состояние персонажей, пренебрегая тем, что они недоступны внешнему наблюдателю. Прагматически мотивированный повествователь вынужден устанавливать разного рода «загородки» (hedges), используя ЭММ *должно быть, видимо*, между собой и якобы ему недоступным внутренним миром персонажа [Падучева 1996: 205]. Таким образом, модальные слова в нарративе могут выполнять следующие функции:

- 1) Функция модального слова как показателя присутствия повествователя в тексте (голос повествователя), как, например, в следующем примере из романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита»:

Выходило что-то, воля ваша, несусветное...

Как заметила Е. В. Падучева, местоимение 1-го лица встречается один или два раза на протяжении всего романа. Однако повествователь обеспечивает себе постоянное присутствие в московских главах романа в качестве подразумеваемого субъекта вводных оборотов [Падучева 1996: 258-9]. Более того, необходимо отметить не только само наличие в данном фрагменте модального выражения в функции маркера присутствия автора, но и стилистическую окраску данного модального слова. Разговорный стиль сближает рассказчика с читателем. Неподдельное удивление рассказчика также ставит его в один ряд с персонажами романа, которым неизвестны истинные причины происходящего. С другой стороны, читатель и рассказчик уже знают истину, и это удивление приобретает комический оттенок.

- 2) Функция ЭММ как показателя свободного косвенного дискурса (голос персонажа в СКД)

Так, в следующем примере из романа «Мастер и Маргарита» М.А. Булгакова можно предположить, что фрагмент высказывания «*все столики на веранде, натурально, оказались уже занятыми*» — это реплика негодования членов МАССОЛИТа, которым пришлось долго и безрезультатно ждать Берлиоза в душном кабинете:

...все столики на веранде, натурально, оказались уже занятыми, и пришлось оставаться ужинать в этих красивых, но душных залах.

- 3) Функция создание «загородок» для прагматически мотивированного повествователя:

Из первого подъезда выбежал швейцар, поглядел вверх, немного поколебался, очевидно, не сообразив сразу, что ему предпринять, всунул в рот свисток и бешено засвистел.

Можно предположить, что в произведениях с диегическим (персонафицированным) повествователем модальных слов должно быть больше, чем в аукториальной форме, так как рассказчик постоянно присутствует в тексте и может выражать свою точку зрения.

Кроме того, большое количество модальных слов мы можем ожидать в свободном косвенном дискурсе, который представляет собой выражение мыслей одного из персонажей. С целью проверки этой гипотезы мы проанализировали три рассказа Г.Дж. Уэллса, характеризующиеся различными формами нарратива, а именно: «The Treasure in the Forest», «The Purple Pileus», «The New Accelerator».

Первый рассказ ведется от лица экзегетического всезнающего повествователя, присутствующего в тексте в наименьшей степени. Модальные слова в тексте чрезвычайно редки. Повествователь почти никак не проявляет себя в тексте.

Второй рассказ также написан от лица экзегетического повествователя. В данном рассказе повествователь гораздо в большей степени присутствует в рассказе. Его скорее можно отнести к типу прагматически мотивированного повествователя. Описывая действия и эмоциональное состояние своих героев, он часто употребляет модальные слова *perhaps*, *evidently*, ставя «загородки», о которых мы говорили выше.

Третий рассказ ведется от лица диегического (персонафицированного) повествователя. В этом рассказе действительно наблюдается очень много модальных слов.

Однако необходимо заметить, что количество модальных слов в нарративе не определяется лишь типом повествования. Оно зависит также от стиля автора произведения и от конкретных целей, стоящих в произведении перед этим автором. Мы рассмотрели повесть «Белые ночи» Ф.М. Достоевского и роман «Farewell to the Arms» Э. Хэмингуэя. Повествование в обоих произведениях ведется от первого лица. У Э. Хэмингуэя в нарративе встречаются в основном модальные слова *of course* и *evidently*. Повествователь не строит догадок, он делает предположения, основанные на фактах. У Ф.М. Достоевского наблюдается большее разнообразие в выборе модальных слов. Часто употребляется модальное слово *кажется*.

В повести К.Г. Паустовского «Мещерская сторона» с диегическим повествователем модальные слова встречаются крайне редко. Возможно, это объясняется тем, что это произведение посвящено описанию края, и присутствие модальной оценки повествователя здесь не требуется.

Мы предполагаем также, что у писателей со своим узнаваемым стилем имеются «любимые» модальные слова. Так, в романе «Theatre» С. Моэма модальное слово *of course* составляет более 50% от всех модальных слов. Надо заметить, что *of course* — модальное слово, направленное

на аргументацию своей точки зрения. Автор с помощью этого модального слова стремится убедить читателя в каких-либо умозаключениях. Он приглашает разделить его точку зрения, вовлекает читателя в повествование. От этого повествование делается живее.

У М.А. Булгакова в «Мастере и Маргарите» «любимые» модальные слова — это *разумеется, натурально, очевидно, конечно*, слова которые помогают создать комический эффект, как, например, в следующем фрагменте:

На тихий и жалобный крик профессора прибежала Ксения Никитишна и совершенно его успокоила, сразу сказав, что это, конечно, кто-нибудь из пациентов подбросил котенка, что это нередко бывает у профессоров.

Ксения Никитишна в данном высказывании не предполагает, а утверждает абсолютно неочевидный факт. В выборе модального слова проявляется абсурд, которым полон роман Булгакова.

Таким образом, можно утверждать, что частотность и состав ЭММ в художественном тексте будут зависеть от следующих факторов: *типа повествователя; стиля автора произведения; от конкретных целей, стоящих в произведении перед этим автором.*

Литература

Беляева Е.И. Функционально-семантические поля модальности в английском и русском языках. — Воронеж, 1985.

Масленникова А.А. Лингвистическая интерпретация скрытых смыслов — СПб., 1999.

Падучева Е.В. Семантические исследования. Семантика нарратива. — М., 1996.

Якобсон Р.О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол// Принципы типологического анализа языков различного строя. — М., 1972 — С. 95-113.

СПИСОК ТРУДОВ ПРОФЕССОРА А.А. ХУДЯКОВА

1. *К вопросу о понятийной основе категории числа имени существительного* // Понятийные категории и их языковая реализация : Межвуз. сб. науч. тр. / ЛГПИ им. А.И. Герцена. — Л., 1989.
2. *Отношение категории числа существительного к понятийной категории количественности и количеству.* — Л. Деп. в ИНИОН АН СССР от 02.10.89 № 39612 1989.
3. *Ментальная деятельность человека и ментальные основы категорий языка* : Методические рекомендации. — Архангельск, 1989.
4. *Понятийная категория количественности и ее реализация в имени существительном и номинативном словосочетании* : автореф. дис. ... канд. филол. н. — Л., 1990.
5. *Индущирующая роль предиката при субъекте-имени собирательном* // Системный анализ простого предложения : Межвуз. сб. науч. тр. / ЛГПИ им. А.И. Герцена. — Л., 1990.
6. *Взаимодействие лексической и грамматической семантики в собирательных существительных* // Лексическая, категориальная и функциональная семантика : Межвуз. сб. науч. тр. / ЛГПИ им. А.И. Герцена. — Л., 1990.
7. *О статусе интратекстовой модальности* // Прагматический аспект предложения и текста : Межвуз. Сб. науч. тр. / ЛГПИ им. А.И. Герцена. — Л., 1990.
8. *Взаимоотношение понятийных и грамматических категорий* // Ломоносовские чтения : Программа и тезисы научной конференции 12—17 ноября 1990 года. — Архангельск, 1990.
9. *Задачи теоретического курса второго иностранного языка* // Ломоносовские чтения : Тезисы докладов научной конференции 14—16 ноября 1991 года. — Архангельск, 1991.
10. *Экспликация категории квантитативности в номинативных словосочетаниях* // Актуальные проблемы англистики : межвуз. сб. науч. тр. / ПГПУ им. М.В. Ломоносова. — Архангельск, 1992.
11. *Понятийная сущность концептов и мыслительных референтов* // Язык и время : тезисы докладов международного симпозиума

«Теория и методы преподавания романских языков» / ПГПУ им. М.В. Ломоносова. — Архангельск, 1993.

12. *Взаимодействие понятийного, системно-формального и функционально-прагматического факторов в речепорождении* // Категориально-формальный и функционально-прагматический аспекты языка : межвуз. сб. науч. тр. / РГПУ им. А.И. Герценаю — СПб., 1993.
13. *Роль понятийного субстрата в процессе порождения речи* // V Ломоносовские чтения : программа и тезисы научной конференции / ПГПУ им. М.В. Ломоносова. — Архангельск, 1993.
14. *Модели лингвистической категоризации* // VI Ломоносовские чтения : программа и тезисы научной конференции 16—19 ноября 1994 года / ПМПУ им. М.В. Ломоносова. — Архангельск, 1994.
15. *Концепт и значение* // Языковая личность: культурные концепты : Сб. науч. тр. / ВГПУ, ПМПУ. — Архангельск-Волгоград, 1996.
16. *Полистатутность и полифункциональность как явления языка и речи* // VIII Ломоносовские чтения : Тезисы докладов / ПМПУ им. М.В. Ломоносова. — Архангельск, 1996.
17. *Понятийный аспект типологического анализа* // Язык и культура : Материалы междунар. науч. конференции 4—6 ноября 1996 года / Барнаульский гос. пед. университет. — Барнаул, 1997.
18. *Понятийные категории и лингвистическая типология* // Герценовские чтения : Иностранные языки : материалы конференции (20-22 мая 1997 года) / РГПУ им. А.И. Герцена. — Барнаул, 1997.
19. *Ментальный лексикон и грамматика* // IX Ломоносовские чтения : тезисы докладов / ПГУ им. М.В. Ломоносова. — Архангельск, 1997.
20. *Понятийность в методологическом аспекте* // Проблемы теории и методики преподавания иностранных языков : Межвуз. сб. науч. тр. / ПГУ им. М.В. Ломоносова. - Архангельск, 1997.
21. *Пропозиции и пропозициональные модели: когнитивный аспект* // Семантика. Грамматика. Дискурс : Материалы Ломоносовских чтений 1997 г. / ПГУ им. М.В. Ломоносова. — Архангельск, 1998.
22. *Семиозис речи и регистровые операторы* // Языковая личность: жанровая речевая деятельность : тезисы докладов научной конфе-

рениции 6-8 октября 1998 года / Волгоградский госпедуниверситет. — Волгоград, 1998.

23. ***Категориальное устройство языка в свете природы языковых категорий*** // Общие проблемы строения и организации языковых категорий (Грамматические, словообразовательные, лексические и текстовые категории) : материалы науч. конф. 23-25 апреля 1998 года / Москва, Институт Языкознания РАН. — М., 1998.
24. ***Лингвистическая семантика в когнитивном аспекте*** // Герценовские чтения: Иностранные языки : материалы конференции (12-14 мая 1998 г.) / РГПУ им. А.И. Герцена. — СПб., 1998.
25. ***Понятийные категории как объект лингвистического исследования*** // Аспекты лингвистических и методических исследований : сб. науч. тр. / ПГУ им. М.В. Ломоносова. — Архангельск, 1999.
26. ***Роль фактора времени в семиозисе предложения*** // Res philological : Уч. записки. Вып. 2 / ПГУ им. М.В. Ломоносова. — Архангельск, 2000.
27. ***В поисках семантики*** // Studia Linguistica-9. Когнитивно-прагматические и художественные функции языка. — СПб., 2000.
28. ***Об онтологии предзнака*** // Язык как функциональная система : сб. науч. тр. к юбилею профессора Н.А. Кобриной. — Тамбов, 2000.
29. ***Семиозис простого предложения*** : монография. — Архангельск, 2000.
30. ***Семиозис простого предложения*** : автореф. дис. ... д-ра филол. н. — СПб., 2000.
31. ***Проблема смысла в свете знаковой теории языка*** // Язык и речевая деятельность. — №3, т. 1. — 2000.
32. ***Понятие и концепт: опыт терминологического анализа*** // Филология и культура : Материалы III междунар. науч. конф. 16-18 мая 2001 г. — Тамбов, 2001.
33. ***Сентенциональный уровень языка в свете теории семиозиса*** // Образование и культура Северо-Запада России. — Вып. 6. — СПб., 2001.

34. ***Язык и семиозис*** // Язык и культура : междунар. науч. конф. 14-17 сент. 2001 г. — М., 2001.
35. ***Множественность и вариативность трактовок предложения в лингвистической теории*** // Вариативность в языке и речи : межвуз. сб. науч. тр. / ПГУ им. М.В. Ломоносова. — Архангельск, 2001.
36. ***Прагматика: переосмысление термина в свете новых лингвистических идей*** // Studia Linguistica-10. Проблемы теории европейских языков. — СПб., 2001.
37. ***К проблеме языковых средств экспликации смысла высказывания*** // Теория языка и практика преподавания : сб. ст. — Архангельск, 2001.
38. ***Концепт «золотой рыбки» и теория прототипов*** (в соавторстве с Т.А. Клепиковой) // Композиционная семантика : Материалы третьей международной школы-семинара по когнитивной лингвистике 18-20 сентября 2002 года. — Тамбов, 2002.
39. ***Семиотика перевода*** // Реальность, язык и сознание : междунар. межвуз. сб. науч. тр. — Тамбов, 2002.
40. ***Логическое и сублогическое в языке*** // Филология и культура : материалы IV международной научной конференции 16-18 апреля 2003 г. — Тамбов, 2003.
41. ***Субкогниция и проблема моделирования искусственного интеллекта*** // Актуальные проблемы лингвистики и перевода : межвуз. сб. статей и материалов научных исследований. — Архангельск, 2003.
42. ***Лингвистическая ноэматология: к постановке проблемы*** // Язык и интеллектуальный мир человека : сб. материалов междунар. науч. конференции. — Архангельск, 2004.
43. ***Психосистематика и когнитивная лингвистика: точки соприкосновения и отличительные черты*** // Современная наука и образование в решении проблем экономики Европейского Севера : материалы научно-технической конференции, посвященной 75-летию АЛТИ/ АГТУ. Том 2. — Архангельск, 2004.
44. ***Когнитивная лингвистика и искусственный интеллект: результаты и тенденции взаимодействия*** (в соавторстве с

Е.М. Чухаревым) // Вопросы когнитивной лингвистики. — № 2-3. — 2004.

45. ***Композиционная семантика: когнитивный аспект*** // Вопросы теории и истории романских языков : сб. статей. — Архангельск, 2005.
46. ***Категория персональности /имперсональности: опыт когнитивного анализа*** // Когнитивная лингвистика: ментальные основы и языковая реализация. Ч. 1. Лексикология и грамматика с когнитивной точки зрения : сб. статей к юбилею профессора Н.А. Кобриной. — СПб., 2005.
47. ***Теоретическая грамматика английского языка***. Учеб. пособие. — М. : Изд. центр «Академия», 2005, 2007.
48. ***О некоторых импликациях воспроизводящего моделирования языковых преобразований (трансформационно-генеративный vs. когнитивный подход)*** (в соавторстве с Е.М. Чухаревым) // Иностранные языки : Материалы конференции, 20-21 апреля 2006 г. [Герценовские чтения]. — СПб., 2006.
49. ***Теоретическая грамматика современного английского языка*** (в соавторстве с Н.А. Кобриной, Н.Н. Болдыревым). — М. : Высшая школа, 2007.
50. ***Фактивность и процессы смыслопорождения в сложноподчиненном предложении*** (в соавторстве с Т.А. Клепиковой). — в настоящем сборнике.
51. ***О потенциале взаимодействия когнитивной и доказательно-экспериментальной парадигм в практике лингвистического исследования*** (в соавторстве с Е.М. Чухаревым). — в настоящем сборнике.
52. ***Towards neurolinguistic aspect of speech production***. — в настоящем сборнике.

Адрес сайта, где можно найти некоторые из перечисленных выше публикаций: <http://professor-hudyakov.ru>